

СМЕНА

A close-up portrait of a young woman with long dark hair, wearing a crown of white daisies. She is looking slightly to the side with a gentle smile. She is wearing an orange and white striped garment. The background is a soft green. The title 'СМЕНА' is at the top in large, stylized letters, with 'июль' written vertically between the 'е' and 'н'.

июль

Ведьма на помеле

С. Бестужева-Лада

■ М. Барак Авантюрист ■

СОВРЕМЕННОМУ МОТОРУ



МАСЛО
ЛУКОЙЛ

Литературно-
Художественный
Иллюстрированный
Журнал

Основан
в январе
1924 года.

Главный редактор

Михаил Кизилев

Редколлегия:

зам. главного редактора

Борис Данюшевский

Николай Леви́ев

зам. главного редактора

Сергей Попов

главный художник

Виталий Федоров

редактор отдела

литературы и искусства

Шамара Чинина

7'99

июль (1617)

Сдано в набор 20.5.99

Подписано к печати 11.6.99

Бумага офсетная.

Печать офсетная.

Заказ № 1433

Тираж 50 000 экз.

Цена свободная

101457, ГСП, Москва,

Бумажный проезд, 14.

212-15-07 — для справок.

250-29-39 — отдел реализации.

Факс (095) 250-59-28.

E-mail: smena@sonnet.ru

Журнал зарегистрирован

в Комитете Российской

Федерации по печати.

Per. № 014832

Учредитель —

**ООО "Издательский дом
журнала "Смена".**

Рукописи, фото и рисунки

не возвращаются.

Набор, верстка и цветоделение

ЗАО "НИИ НИТ"

Отпечатано в типографии

ОАО ПО "Пресса-1"

В случае полиграфического брака

обращаться в типографию

ОАО ПО "Пресса-1"

257-42-29

257-41-03

Журнал выходит

12 раз в год.

© "Смена", 1999.

42 Евгений Носов
УХА НА ТРОИХ
Рассказ

158 Михаил Барак
АВАНТЮРИСТ
Остросюжетный роман

Максим Борисов,
Михаил Визель
**ЧТО ТАКОЕ
ИНТЕРНЕТ**

32 Нелли Горелова
ДЕТСКИЙ ВЗВОД

Евгений
Добровольский
**ГЛАВНЫЙ
КОНСТРУКТОР**

90 Сергей Золовкин
**"СИНЯЯ БОРОДА"
У ЧЕРНОГО МОРЯ**

Светлана
Бестужева-Лада
ВЕДЬМА НА ПОМЕЛЕ

258 Вадим Богданов
ЧТО ЕСТЬ БУДЕМ?

266 Марина Полевая
**МЫ ДОЛГОЕ ЭХО
ДРУГ ДРУГА...**



стр. 104

стр. 100



На 1-ой обложке:
фото Владимира Аленсеева

июль '99

В НОМЕРЕ:

18 *Ирина Семашко*
"ИНАЯ" ЛЮБОВЬ
МАРИНЫ

60 *Любовь Русева*
СВИНЦОВАЯ ГОЛОВА

100 *Майя Орлова*
ЗВЕЗДА НА ВСЕ
ВРЕМЕНА

114 *Лилия Байрамова*
ДЕЛАКРУА

Вячеслав
134 *Обвинников:*
"ТВОРЧЕСТВО —
ВЕЩЬ
НЕОБЪЯСНИМАЯ..."

142 *Иван Зюзюкин*
ВЕЛИЧАЙШИЙ
ПОСЛЕ БУДДЫ

274 *Катя Лель:*
"Я ПОЙМАЛА
ЖАР-ПТИЦУ
ЗА ХВОСТ"

26 *Марина Цветаева*

Андрей Молчанов
СВОРА

Гангстеры и полицейские... Какая старая и, казалось бы, избитая тема. Однако в повести, написанной по документальным материалам Центрального регионального управления по борьбе с организованной преступностью МВД России, это извечное противостояние обретает форму сатирического гротеска из-за невероятной курьезности тесно переплетенных ситуаций, из которых приходится постоянно выкарабкиваться ее героям — представителям криминального мира, изображенным автором с большой долей иронии.

Ольга Чайковская
БЕЗ ПРАВА
НА БЕСПРАВИЕ

Автор знаменитых судебных очерков на примере нескольких громких уголовных дел анализирует законность вынесения приговоров и приходит к печальному выводу о том, что пословица "Закон — что дышло..." пока еще остается актуальной.



август '99

АНОНС:

www-sonnet.ru/~sme



Интернет
похожен
привидению:
его
не все
видели,
но все
о нём
говорят

a



www-sonnet-rul-smenka

Максим БОРИСОВ
Михаил ВИЗЕЛЬ

Что такое ИНТЕРНЕТ

 ерефразируя Ларошфуно, можно сказать, что Интернет подобен привидению: его не все видели, но все о нём говорят.

При этом кто-то пояснит, что Интернет — это всемирная компьютерная сеть, и, подумав, добавит, что эта сеть использует для обмена



данными набор протоколов TCP/IP, а кто-то просто скажет, что Интернет — "это проводочки, по которым бежит не ток — человеческая душа". Интернет — не единственное и исторически не самое первое решение в этой области, но оно настолько превзошло по популярности все возможные альтернативы (например, в нашей стране существует еще любительская некоммерческая сеть — FIDO), что в устах человека непосвященного становится синонимом любой компьютерной сети вообще.

Если об истории развития Интернета написать роман и отправить его лет на двадцать назад, то такой роман не только признали бы сугубо фантастическим, но и, возможно, объявили бы абсурдным, — столь большим количеством парадоксов изобилует эта история.

В начале этой истории, как водится, было слово, и слово это было "Поехали!". Ошеломившие весь мир успехи советской ракетно-космической программы поставили RAND Corporation, знаменитый американский "мозговой центр" времен холодной войны, перед сложной задачей — решить, как можно управлять страной, пережившей ядерную войну. Такой стране нужна надежная сеть передачи данных, продолжающая исправно функционировать даже при потере значительной части оборудования самой этой сети.

В 1964 году RAND опубликовала свои предложения, которые заключались в том, что сеть 1) не должна быть централизована и 2) с самого начала должна состоять из отдельных сегментов (tatters — бунвально "лохмотья"). Каждый узел сети будет независим и сможет самостоятельно отве-

чать за приём/передачу сообщений. Решение — особая технология "коммутации пакетов". Вся информация передается в виде последовательности пакетов, генерируемых передающей стороной (TCP — Transmission Control Protocol) и вновь собираемых в исходное сообщение стороной принимающей (IP — Internet Protocol). TCP/IP протокол заведует адресацией пакетов, направляя их по нужным маршрутам к тем или иным узлам сети. Рождение собственно Internet состоялось 1 января 1983 года с переводом созданной к тому времени ARPANet, объединившей несколько разрозненных компьютерных сетей, на официально утвержденный протокол TCP/IP.

Таким образом, Интернет — принципиально децентрализованная система, "сеть сетей", не имеющая никакого "главного" компьютера, Интернетом никто не управляет, а решения по его развитию принимаются путем взаимного согласования. Вместе с тем, не существует и никакого всеобъемлющего списка всех ресурсов Интернета. Создание точной и подробной карты, которая, без сомнения, весьма пригодилась бы всем странствующим по сети, — практически невыполнимая задача в силу обилия и динамизма таких источников.

Читателей того нашего гипотетического фантастического романа двадцатилетней давности удивил бы, в первую очередь, не безудержный взлёт технологии, а то, что вторжение компьютеров в повседневную жизнь людей и объединение этих компьютеров в некий единый суперкомпьютер не только не превратилось, как предсказывали, в средство установления тотального контроля за личностью со сторо-

ны государства, но, напротив, заставило говорить о "разрушительной атмосфере анархии", царящей в Сети, об Интернете как начале деструктивного и антигосударственного, как о средстве распространения порнографии, навязчивой рекламы, компьютерных вирусов, нелегального программного обеспечения и среде обитания страшных ханеров... Нормы поведения в Сети, хорошо это или плохо, весьма отличны от принятых в повседневной жизни, тем более, в рамках того или иного государства. В некоторых странах, например, в Китае, доступ к Интернету существенно ограничен по политическим мотивам. Да и в условиях, так сказать, демократии силовые ведомства зачастую стараются установить контроль над данными, пересылаемыми по компьютерной сети. Например, в России многие бьют тревогу по поводу желания ФСБ иметь неограниченный доступ к любой частной переписке и получаемым по Интернету материалам путём реализации проекта СОРМ-2 (система оперативно-розыскных мероприятий). А если в вашей переписке с американцами встретятся слова "бомба", "героин" или "порно", вы имеете очень хороший шанс попасть на крючок "тамошних" спецслужб...

Подключение к Интернету в СССР произошло в августе 1990 г. силами нескольких московских институтов, создавших сеть Relcom (Russian ELectronic COMmunications). А уже через год — в августе 1991 г. — Интернет сыграл свою роль в известных событиях, позволив свободно получать и передавать информацию, неподконтрольную путчистам.

Потеря контроля над Интернетом со стороны правительств и ком-

мерциализация всемирной сети — это события 90-х. Интернет ныне не только связал компании, организации и отдельных пользователей всего мира в единое целое, уничтожая границы и помогая преодолевать национальные барьеры, но и сделал весьма проблематичным возвращение к временам "железного занавеса", тем самым искупая своё "милитаристское" прошлое.

1. Ищите провайдера

После таких дифирамбов читателю, даже если он ничего еще не слышал об Интернете, наверняка станет хотя бы любопытно — что же практически нужно сделать, чтобы приобщиться ко всем этим богатствам?

Как вы уже поняли, Интернет не есть некий хитрый "внутренний орган" или ансессуар компьютера, вроде звуковой карты или принтера. В отличие от последнего, он (Интернет) прекрасно без вашего конкретного компьютера может обойтись. Скорее его можно сравнить с телевизионным каналом, который существует независимо от того, включен или выключен телевизор.

Следовательно, первое, что нужно сделать для получения информации из Интернета — к нему подключиться. Для этого, во-первых, необходим модем¹ (что означает "МОдуляция-ДЕМОдуляция, т.е. преобразование цифровых, дискретных сигналов, с которыми имеет дело компьютер, в непрерывные аналоговые, пригодные для передачи по телефонным линиям).

¹ стоящий от 50 до 500 долларов, в зависимости от его скорости, дополнительных возможностей и авторитета фирмы-производителя.

Во-вторых, необходимо выбрать и заключить договор с узлом Интернета, называемым на английский лад *провайдером*, который, согласно своему названию (to provide — "снабжать, обеспечивать"), *снабдит* вас "именем" и паролем и *обеспечит* доступ по телефонной линии в Интернет. Для этого ваш модем должен будет соединиться по телефону с одним из модемов вашего провайдера, затем ввести имя и пароль.

Но все-таки основным способом вхождения в Сеть остается именно телефон. И если раньше частенько невозможно было дозвониться до кого-либо из-за "висящей" на линии жены или тещи, то теперь, часами натыкаясь на короткие гудки, понимаешь — ага, лучше послать электронное письмо или вызвать по "асьне". (ICQ — "ай-си-кью", "I seek you" — "я тебя ищу", популярнейшая, особенно среди молодежи, давшей ей это ласковое название, программа, позволяющая заводить знакомства и общаться через Сеть в режиме реального времени). Между тем удовольствие это не такое уж дешевое. В Москве и Петербурге провайдеров уже великое множество (в Москве — примерно сотня, в Петербурге — около двадцати), конкуренция весьма жесткая, и тарифы составляют 1,5-2 \$/час днем и 0,3-0,9 \$/час ночью. А в небольшом городе провайдер может оказаться монополистом, и что из этого последует — догадаться нетрудно.

2. Где собака зарыта. Электронный адрес

Оба автора, независимо друг от друга, поймали себя недавно на

том, что знакомясь с новым человеком и обмениваясь с ним телефонами, они обязательно спрашивают еще и адрес электронной почты. И, как правило, слышат в ответ или сам адрес, или что-то вроде "Пока нет, но давно собираюсь завестись" (или "...скоро заведу"). Именно с электронного адреса до сих пор начинается для большинства людей освоение Интернета. Раскажем поэтому о нем подробнее.

Электронный почтовый адрес — это не дом и не улица, а просто три-четыре слова латиницей, написанных слитно. Слова эти кажутся совершенно непонятными, но на самом деле содержат довольно много информации. Главное, по чему можно узнать электронный почтовый адрес (например, на данной вам визитке или в рекламном объявлении) — это значок "@", английское коммерческое "at", т.е. "при" (имеется в виду то же, что в классическом фильме про Шурика: "билет номер 5 и при нем задача"), называемый почему-то по-русски "собакой". То, что стоит слева от "собаки" — это собственное имя. Обычно оно вполне нейтрально — записанная латиницей фамилия или имя адресата или их сокращение, что порой позволяет сделать некоторые выводы. Например, если директор фирмы или начальник отдела, какой-нибудь Владислав Петрович Иванов, вписывает себе в адрес имя "vladik", можно предположить, что человек этот легкий и не склонный "становиться в позу", а если в присланном вам письме в обратном адресе значится какой-нибудь "blacklord" или "MaxSuper" — похоже, что ваш корреспондент или совсем молод, или же так и не повзрослел...

Справа от "собани" — адресная часть. Как правило, она состоит из трех частей-уровней, называемых доменами: страна — город — организация.

Код страны (домен верхнего уровня) определяется международными соглашениями и обычно вполне понятен: например, "ru" — Россия, "de" — Германия, "it" — Италия, "il" — Израиль, "uk" — Великобритания, "ua" — Украина. Это правило распространяется на все страны, даже на Антарктику (да-да, это не шутка, её код — "aq"), кроме США. Поскольку Сеть изначально появилась именно там, и именно там гуще всего разрослась, американцы находятся на особом положении, и их адреса распределены между шестью доменами верхнего уровня: com — все коммерческие организации; edu — учебные и научные организации; gov — правительственные (библиотека Конгресса, например); mil — военные; net — системы локальных сетей; org — всё, что не попало в предыдущие рубрики. Впрочем, адрес, оканчивающийся на "com" регистрируют себе не только американские фирмы, но и фирмы всего мира, AGFA или KONICA, например. Зачем это делается — станет понятно ниже.

Домен второго уровня — город — тоже, как правило, более или менее читаем: msk (Москва), spb (Санкт-Петербург), chel (Челябинск), magie (Находка, Владивосток), irk (Иркутск), но присутствует далеко не во всех адресах.

Домен третьего уровня — это название организации, непосредственно предоставляющей доступ в сеть, т.е. провайдера, к которому подключен абонент, или же фир-

мы, в которой он работает, если она зарегистрировала свой собственный домен.

3. Отмена расстояния. Электронная почта

Итак, электронная почта — самая простая, дешевая и поэтому всё-таки пока что самая распространенная служба Интернета. По принципам своей организации она похожа (во всяком случае, с точки зрения пользователя) на почту обычную: вы посылаете людям письма по их конкретным адресам, они читают их и, в свою очередь, отвечают на ваш адрес. Здесь надо заметить, что современные почтовые программы, в первую очередь встроенный в Windows'95 OSR пакет Internet Mail или Outlook Express, позволяют без малейших усилий "упаковывать" и пересылать не только простенькие текстовые записочки, но и файлы любого формата и размера — сложнейшие документы и целые книги, использующие всё богатство возможностей текстовых редакторов, звуковые файлы, анимированные картиннки-мультфильмы, фотографии сколь угодно высокого качества, и, наконец, программы и целые программные пакеты.

Если у вас ещё нет сетевых друзей — ничего страшного: существует специальный "протокол передачи файлов" (FTP), позволяющий "скачивать" файлы самой разной тематики — от игр и текстов песен до новейших дополнений-"заплат" к операционным системам — из разбросанных по всему виртуальному миру огромных FTP-библиотек, работающих в автоматическом режиме.

От обычной почты почта электронная выгодно отличается скоростью и дешевизной: письмо идет от нескольких часов до нескольких минут, и, отправляете ли вы его в Бостон, Южно-Сахалинск или в Новую Зеландию, вы соединяетесь только со своим провайдером и платите по его обычным тарифам.

Здесь мы впервые сталкиваемся с важнейшим свойством Сети, благодаря которому она, собственно, и называется "виртуальной реальностью": в сети отменяется понятие расстояния. Того, кто это понял, дальше уже мало что удивляет.

4. Без секретов всему свету. Электронные конференции

Естественным продолжением почты являются электронные конференции, или группы новостей, объединенные в мировую систему USENET News. Это те же письма, но получаемые не одним-двумя адресатами, известными лично отправителю, а всеми, кто подписался на ту тематическую группу новостей, в которую послано письмо.

Таких групп, выстроенных в иерархии на манер линнеевской классификации животных, по всему миру на разных языках около 5000; обычно пишут, что они охватывают "все темы". Это, в общем-то верно, но необходимо понять для себя одну простую вещь: изначально они создавались компьютерщиками, и львиная доля конференций до сих пор посвящена их работе (программы, оборудование, проблемы и их устранение) и досугу (трёп о политике, пиво, анекдоты, музыка, сенс, туризм). Позже телеконференции попали в поле зрения коммерсантов, создавших многочисленные

иерархии конференций *.comp merce.*, посвященные исключительно купле-продаже. "Выловить" в Сети какие-либо конференции, помимо вышеперечисленных, не так-то просто, и поиск может привести к самым неожиданным результатам. Так, например, при поиске по ключевому слову "gas" не нашлось ни одной конференции, посвященной природному газу, но зато обнаружилось... alt.binaries.pictures.erotica.teen.female.orGASm, т.е. — если расшифровать название — оцифрованные картинки девчонок-малолеток... (нужно, кстати, сразу предупредить, что многочисленные "эротические" конференции с самыми соблазнительными названиями — не что иное, как реклама платных порнографических сайтов).

Служба телеконференций постепенно не то чтобы сходит на нет, но, пережив пик популярности, возвращается туда, откуда вышла — к узкоспециальным научным дискуссиям и коммерческим пресс-релизам. Всё большее количество любителей потрепаться "за жизнь" и поиграться в "виртуальные личности" переключаются на он-лайновые (т.е. происходящие в реальном режиме времени) службы Интернета — чаты, IRC и ту же "аську". Происходит это по мере распространения "в народные массы" технологии WWW.

5. World Wide Web — Повсеместно Протянутая Паутина

Наконец-то мы добрались до этого загадочного словосочетания. Если Интернет стал синонимом всемирной сети, то для подавляющего большинства пользователей синонимом Интернета, в свою очередь,

является WWW. И это вполне закономерно, потому что именно после появления WWW-технологии Интернет решительно вышел за пределы университетов и научных лабораторий, где "обитал" до того, и стал нормальной частью современной городской жизни.

Между тем начиналось всё вполне академично. В марте 1989 года сотрудник швейцарского "Европейского центра ядерных исследований" (CERN) Тим Бернерс-Ли (этот человек заслуживает того, чтобы запомнить его имя!) взялся за разработку информационной системы, которая свела бы в единое целое невообразимые россыпи технической документации, инструкций, отчетов об экспериментах, материалов научных конференций, статей и так далее вплоть до почтовых адресов, накопленных за сорок с лишним лет существования ЦЕР-На, этого самого грандиозного памятника веры 50-70-х годов во всемогущество физики, настоящей "долины царей" XX века, с его экспериментальными установками величиной с 4-этажный дом и с собственной "пирамидой Хеопса" — 27-километровым ускорителем элементарных частиц, проложенным в штольнях глубоко под Альпами.

По мысли Бернерс-Ли, чтобы собрать воедино эти монбланы сухой научной информации, нужно было организовать её в виде *гипертекста*.

Идея гипертекста как метода хранения разнородной информации не была новой к тому времени: впервые она была сформулирована аж в 1945 году. Само же слово "гипертекст" появилось в 1965 году и обозначало (как, собственно, и обозначает до сих пор) документ, составленный из относительно не-

больших фрагментов и таким образом, что эти фрагменты можно читать не в одном, раз и навсегда определенном (например, номерами страниц, как в обычной книге) порядке, а разными путями — в зависимости от интересов читателя, причем пути эти вполне равноценны. Читатель сам волен "прокладывать маршрут" по документу или системе документов с помощью *гиперссылок*, т.е. указаний на другие фрагменты или документы, "привязанных" к определенному месту фрагмента текущего.

В принципе, ничего нового здесь нет. Так устроена любая энциклопедия и любая инструкция по эксплуатации, от утюга до автомобиля. К 89 году подобные системы были уже неоднократно реализованы и в электронном виде. Но они были, во-первых, очень громоздки, а во-вторых, наглухо замкнуты: "пришить" к ним новый внешний элемент было практически невозможно.

Гениальность предложенного Бернерсом-Ли решения, как всегда в таких случаях, выразилась в его простоте: надо хранить гипертекстовую разметку в самом размечаемом документе — в виде не загадочных машинных кодов, а понятных человеческому глазу команд, не более сложных, чем команды, скажем, языка БЕЙСИК, и поддающихся поэтому "ручному" написанию и правке.

Но чтобы WWW заработала, одного языка гипертекстовой разметки мало. Надо было сделать так, чтобы этот гипертекст мог адекватно передаваться и воспроизводиться на любом включенном в Сеть компьютере.

Присмотритесь: кроме телефона и адреса электронной почты на

рекламном объявлении или на обложке журнала вы часто можете найти ещё одну строчку. Например, возьмём на обложке журнала "Новый мир" — http://www.infoart.ru/magazine/novyi_mir/index.htm. Это URL (Uniform Resource Locator), универсальный способ обозначения ресурса, т.е. сайта, файлового архива или конференции, в Сети. О чём можно судить, увидев этот адрес? Ну, во-первых, <http://> означает тип используемого протокола. В данном случае это HTTP — HyperText Transfer Protocol, основа WWW, тип связи, необходимый при обращении к любому WWW-серверу. В принципе, это сочетание можно опустить — любой современный браузер и так поймёт вас и сам поставит соответствующее значение. Вместо [http](http://) может стоять ещё, например, [ftp](ftp://) (означает FTP-сервер), [mail](mailto://) (электронная почта), [news](news://) (телеконференции), [gopher](gopher://), [telnet](telnet://) — это просто другие типы протоколов.

Дальше в URL мы видим сочетание www.infoart.ru — это имя узла Сети. Оно устроено так же, как электронный адрес. Здесь www означает принадлежность к World Wide Web (впрочем, эти "магические" буквы могут и отсутствовать). А "ru", как мы уже знаем, означает "Российская Федерация", географический домен первого уровня. Надо сразу оговориться, что никто в таком адресе не гарантирует, что физически тот компьютер, с которым вы собираетесь связаться, расположен именно в данном регионе. Более того, один адрес могут поддерживать несколько компьютеров и, наоборот, множество такого рода адресов могут оказаться "виртуальными" — ютиться на одной и той же машине провайдера...

Программы, позволяющие просматривать веб-страницы, называются браузерами, броузерами (от to browse — пролистывать, разглядывать) или просто "бродилками". Ныне самые популярные из них — это Netscape Navigator и Microsoft Internet Explorer, ведущие между собой самую настоящую войну. Поклонники того и другого разделились примерно поровну и могут по долгу расписывать вам преимущества "своего" браузера.

6. Всё как в жизни!

Появление простого и доступного механизма просмотра страниц и навигации по Сети привело к стремительному её развитию. Ныне все сервисы стремятся основывать на WWW. Через WWW можно получить доступ к своему почтовому ящику, к конференциям. Можно прямо из браузера зайти побеседовать в чат (chat) или оставить запись в гостевой книге сайта (guestbook). В Интернете люди делают то же, что и в жизни: зарабатывают и тратят деньги, учатся, общаются с друзьями и с подругами, слушают музыку, читают детективы и философские трактаты, следят за новостями, поругивают правительство, наконец, занимаются творчеством, — для удовольствия или же видя в нём смысл жизни.

Здесь можно совершать покупки в виртуальном магазине, заказывать авиабилеты и бронировать номера в гостиницах, посылать фансы и сообщения на пейджер во многие страны мира, публиковать коммерческие объявления или искать работу (www.job.ru) или новых друзей через специальные доски объявлений. Можно узнавать погоду или телепрограмму всех каналов на следующую неделю ([12 Наука без кудес](http://www.city-</p></div><div data-bbox=)

cat.ru), текущий курс любой валюты и анций, играть на бирже и в электронных казино (проигрывая вполне реальные деньги), проследить продвижение своих почтовых отправок, уточнить расписание пригородных электричек и узнать цены на билеты, ознакомиться с прайс-листами практически на любые виды товаров, скачать подробную карту (например, какого-либо штата Америки, Москвы или Милана) или попасть в базу телефонных номеров и адресов — как организаций, так и частных лиц.

Но основное наполнение Интернета — это всё же сайты просто для чтения и разглядывания, посвященные какой-либо определенной теме. Здесь каждый сможет отыскать что-нибудь себе по вкусу — от обучения web-дизайну (www.design.ru) и советов по компьютерному "железу" (<http://ixbt.stack.net>) до сайтов религиозных организаций, анекдотов (www.anekdot.ru), описаний новых игр (www.newgames.ru), вплоть до кулинарных рецептов (www.cooking.ru) и целого Дамского клуба (www.glasnet.ru/dk). Впрочем, перечислять подробно всё, что можно найти в Сети, и описывать все предоставляемые ею возможности потеряло сейчас всякий смысл: если ещё совсем недавно всякий увиденный в Интернете ресурс, тематически не связанный с компьютерными науками, вызывал чуть ли не благоговейный трепет — "надо же, даже это здесь есть!", то теперь, наоборот, не найдя информации по какой-нибудь экзотической, но важной для тебя в данный момент теме или какого-нибудь необычного сервиса, невольно начинаешь возмущаться — "как так, почему этого до сих пор нет?!".

Впрочем, зачастую оказывается, что "это" — есть, вы просто плохо искали.

Для того, чтобы отыскать в Интернете какой-либо ресурс, обычно пользуются поисковыми машинами — так называемыми "искалками". Практически для того, чтобы начать своё путешествие по бескрайней Сети, нужно знать один-два адреса этих самых "искалок". В России самые популярные — Яндекс (<http://yandex.ru>), позволяющий формулировать запрос на "естественном языке" (т.е. заданные для поиска слова будут разыскиваться на разных проиндексированных серверах во всех падежах и лицах), Рэбблер (www.rambler.ru) и Апорт (www.aport.ru), в мировой Сети — Alta Vista (www.altavista.com) и рубрикатор ресурсов Yahoo! (www.yahoo.com).

Возможности искалок нажуются на первый взгляд просто невероятными. Так, одного из авторов попросили недавно найти, откуда именно взята английская цитата Шекспира (которой не нашлось в известном всем переводчикам "словаре цитат"). Он, не долго думая, ввел в окошко "Альтависты" *четыре слова*, и мгновенно получил ответ: эти слова встречаются вместе и в такой последовательности только в одном документе: комедии Шекспира "Мера за Мера", акт III сцена 1. Причем пришел этот ответ откуда-то из Австралии.

Многие успешно используют Интернет для того, чтобы получить образование за рубежом, а кто — для того, чтобы скачать и опробовать новейшие программы (практически все известные фирмы, занимающиеся программным обеспечением, ныне предоставляют такую возможность). Есть спе-

циальные серверы, осуществляющие поиск по файловым архивам. Лучший из русских — новосибирский FTPsearch (<http://ftpsearch.city.ru/ftpsearch.ru.html>).

В сети есть целые энциклопедии (такие, как "Кирилл и Мефодий", www.km.ru), справочники, толковые словари ("Бронгауз online", <http://russia.agama.com/bol/>) и словари двуязычные. Можно найти музыку любых направлений и любых исполнителей (особенно популярны форматы MP3 и RealAudio). Можно побродить по виртуальным картинным галереям или поиграть в интерактивные игры с такими же "геймерами" со всего мира. Некоторые газеты и журналы можно обнаружить в сети еще до выхода в свет (например, "Новый мир"), другие — прочесть спустя какое-то разумное время (это делается для того, чтобы успел распространиться бумажный тираж), третьи (например, "Независимую газету") — читать как бы по подписке, за особую плату. А некоторые издания уже окончательно ушли в сеть ("Русский журнал", www.russ.ru) или вовсе не собираются выходить в "бумажном" виде (www.gazeta.ru). Появилась специфическая категория обозревателей Интернета, пишущих только о Сети и для Сети. В Интернете можно скачать к себе на диск или читать прямо в браузере целые книги (правда, удовольствие это сомнительное). Создана уже сеть виртуальных библиотек. А старейшая из них, самая известная и крупная в русском Интернете — библиотека Мошнова, имеет множество "зеркал", то есть дубликатов на разных серверах, вот один из них: www.lib.ru. Конечно, не все жанры одинаково хорошо представлены в таких библиотеках. Боль-

ше всего фантастики, приключений, детективов, исторических романов и текстов песен известных исполнителей, хотя есть — и постоянно пополняются — разделы классики, поэзии, детской литературы... Таной перенос не случаен.

7. Культура и Сетература

Изначально, как уже говорилось, сетями пользовались "яйцеголовые" научные сотрудники. Цели стояли сугубо утилитарные, нинто и не помышлял выращивать на этой основе какую-то особую субкультуру. Но время шло, человеческая природа брала своё — новейшие программы связи всё чаще использовались для общения неформального. Ничуть не хуже, чем научные данные, "по проводочкам" передаются новости, свежие анекдоты и литературные произведения. У постоянных обитателей сети постепенно вырабатывался свой особый сленг, появились особые значки (смайлики) для придачки интонации сообщению, свой особый этикет — нетикет (netiquette)...

Первыми обитателями и, соответственно, "культуртрегерами" Интернета были именно "технари". Интернет до сих пор несет в себе отпечаток их предпочтений, что ощущается, например, по обилию и качеству ресурсов, посвящённых компьютерам и научной фантастике (лучший сервер, посвящённый русской фантастике, находится по адресу www.sf.amc.ru). С Интернетом тесно переплетена деятельность критиков, пишущих о фантастике. Более того, в России, по существу, все материалы такого рода рано или поздно оказываются в Сети, а многие так с самого своего появления и не выходят за её пределы.

Благодаря огромному числу почти безымянных энтузиастов Сеть постепенно наполнялась книгами, переведёнными в электронный вид. Так, поиск по Шекспиру, о котором говорилось выше, оказался успешным только потому, что некий неизвестный австралиец, то ли от любви к Шекспиру, то ли от любви к человечеству, (но можно сказать точно, что вовсе не за деньги) "набил" в компьютер все пьесы Шекспира.

Но Интернет используется не только в качестве огромной библиотеки классики. Легкость и доступность "публикации" в Сети побудила многих "технарей" потряхнуть старинной — особенно тех, кто и не был особенно стар — и выставить на всеобщее обозрение свои собственные литературные опыты. Поначалу — в основном в качестве "приложения" к собраниям Стругацких и Желязны, позже — в виде самостоятельных сайтов, порою весьма обширных.

Сейчас в русском Интернете (или просто "Рунете") существуют целые литературные конкурсы (самый известный — "Арт-Тенета" www.teneta.ru) и литературно-философские "журналы" и "салоны", появившиеся уже не как приложения к журналам бумажным. Большинство из них в чисто литературном смысле, конечно, остаются совершенно беспомощными и интересными только самому автору и его друзьям. (Снажем мягче — любительскими.) Ситуация начала меняться буквально за последний год. Сеть "открыли" для себя и, осознав её преимущества, начали активно осваивать деятели некоммерческого искусства — от представителей "андеграунда" 70-х годов, таких, как Генрих Сапгир, до

молодых поэтов и философов, оказавшихся в "андеграунде" уже по причинам экономическим... Показательны в этом смысле сайт Русской маргинальной культуры (www.rema.ru), на котором вывешены, в частности, собрания палиндромов и материалы из "широко известного в узких кругах" журнала "Литературное обозрение" и сайт Союза молодых литераторов "Вавилон" (www.vavilon.ru). Деятельность этого сайта вызывает массу споров в Сети и за её пределами, но невозможно отрицать, что он проделывает большую работу по сближению и объединению традиционной "бумажной" и электронной независимой литературы.

Подобные споры достигают порой такой виртуозности и выразительности, что становятся более захватывающими, чем сами обсуждаемые произведения. Реплики реальных людей переплетаются здесь с голосами ими же созданных виртуальных фантомов, умные рассуждения с чёрным юмором, благожелательный тон со злой насмешкой... Некоторыми энтузиастами такие тексты объявляются новым видом литературы — "сетературой", в которой процесс чтения неотделим от процесса сочинения, а творчество — от игры. Предпринимаются и попытки создания самостоятельных "сетературных" произведений. Полнее всего в русской Сети они отображены на специальном сайте "Сетература" www.net.cl.spb.ru/cetera/.

8. ...слишком человеческое

Как всякая бурно развивающаяся система, Интернет полон противоречий. Проблемы, связанные с всемирной сетью, носят как техни-

ческий, так и чисто человеческий характер. Когда Интернет только строился, никто особенно не заботился об его устойчивости к взлому и о конфиденциальности передаваемых сообщений. Оно и понятно — научные работники, наполнявшие в то время сеть, вряд ли бросились бы вредить друг другу. Но в современном общедоступном Интернете, точно так же, как и в жизни, встречаются не только добряки и альтруисты, всей душой желающие прийти вам на помощь, но и всякие темные личности, мечтающие опорожнить ваш кошелек, вывести из строя компьютер или залезть в охраняемую базу данных. Атакам через Интернет подвергаются даже тщательно охраняемые военные лаборатории и крупнейшие банки. Один из самых известных случаев — это дело американского хакера Митнина. Конечно, компьютер рядового пользователя вряд ли может чем-то заинтересовать настоящего взломщика, но своими руками занести какой-нибудь компьютерный вирус вместе со скаченной программой — перспектива вполне реальная. Особенно, если этот самый вирус не обнаруживает ни одна антивирусная программа месячной давности. Многим успел насолить, например, Win95.CIH, обладающий способностью на некоторых компьютерах стирать записи в BIOS и "чистить" жесткий диск.

В принципе, незаметное чтение вашей электронной почты — занятие не слишком сложное и совершенно безопасное. Поэтому какие-то важные сведения — например, пароли для доступа или номера кредитных карточек ни в коем случае нельзя пересылать обычным письмом. Существуют очень эффективные и удобные си-

стемы кодирования, например, с открытым ключом — PGP, впрочем, пока ещё официально запрещенные к использованию в нашей стране...

Практически каждый, кто работает с почтовой программой, сталкивался и с другой широко распространенной напастью — непрошеной рекламой, (так называемым спамом ((spam)). Порой количество этого самого спама начинает превышать число действительно полезных сообщений от коллег и знакомых. Тогда в ход идут особые антиспамовые программы, позволяющие, например, сортировать корреспонденцию.

Проблема, которая встала особенно остро в век Интернета, — это контроль за соблюдением авторских прав. Простота копирования текстов, изображений, музыкальных произведений и программ заставляет забывать о нуждах самих авторов. Не всякий профессионал согласится работать без законного вознаграждения. Простота копирования, как это ни парадоксально, препятствует распространению в Сети на законных основаниях действительно свежих произведений, к тому же она превращает в чистой воды альтруизм работу по пополнению бесплатных сетевых библиотек и баз данных, ведь плодами долгой работы может воспользоваться любая другая держатель аналогичных ресурсов. Подходящего решения так до сих пор и не найдено.

С развитием Сети всё заметнее становится ещё и другая проблема: англизация (она же — американизация) всего мира приняла невиданный и на сей раз действительно необратимый размах. Как мы видели, даже для того, чтобы зайти на

сайт кулинарных рецептов, необходимо помнить английское слово *cooking*... Все "нацнеты" — Рунет, Италнет (говорим о тех, что знаем) — воспринимаются как милые необязательные дополнения к "нормальному" Инету, что-то вроде якутской или ненецкой поэзии в советской литературе, и все основные ресурсы обязательно дублируются по-английски.

Современный графический интерфейс, выросшая мощь компьютеров и относительная простота доступа в Интернет привели к тому, что даже далёкий от технических проблем человек может вполне комфортно работать и получать информацию из Сети. Но современный компьютер способен на большее, чем просто получать документы и отображать текст с картинками. Особенность Интернета в том, что почти любое новшество, расширяющее стандартные возможности языка HTML, очень быстро входит в повседневное употребление.

К сожалению, малая скорость передачи информации по телефонным линиям (особенно в нашей стране) препятствует реальному развитию в Интернет других новинок, например, построение трёхмерных виртуальных миров (VRML) и Интернет-телефонии.

С помощью VRML можно рассмотреть со всех сторон трёхмерные объекты, "побродить" внутри некоего мира (например, внутри... Мавзолея Ленина — www.Lenin.ru), играть в интерактивные трёхмерные игры. Можно, например, соорудить виртуальный дом, где пользователь, абсолютно не знакомый с Интернет-технологиями, будет брать виртуальную телефонную трубку — и вызывать программу связи, проверять почтовый ящик —

и получать доступ к электронной почте, включать радио или телевизор — и слушать соответствующую трансляцию RealAudio...

Причем, телефон будет, разумеется, совершенно особым. Интернет-телефония использует пакеты с информацией для передачи голоса. Уже сейчас скачав, например, Internet Phone фирмы VocalTec или MS NetMeeting любой обладатель звуковой карты, колонок, микрофона и выхода в Интернет может поговорить с другом, живущим в Америке (а также обмениваться с ним файлами и рисовать на общей графической доске). Только качество связи пока заметно хуже обычного телефонного разговора — дело в том, что при невысокой скорости пакеты с информацией начинают запаздывать — в таких случаях слышны лишь обрывки фраз и слов... А проведение телеконференций в реальном времени — вообще пока большая экзотика.

Но, как известно, не бывает проблем технических — есть только проблемы организационные. Интернет — не модная забава. Потребность в нём объективно возрастает с каждым часом.

Может, это сейчас вам и покажется невероятным, но вовсе не исключено, что в будущем весь наш XX будет ассоциироваться вовсе не с мировыми войнами и даже не с первыми полетами в космос. XX век будет вспоминаться прежде всего как эпоха зарождения сети Интернет. ■

Ирина СЕМАШКО
"Иная"
любовь
Марины

По ночам или ранним утром молодая женщина с золотистой копной стриженных волос тяжелым, мужским шагом спускалась к подножию холма, на котором прилепилась простая рубленая изба, и, закинув долговязого журавля в колодец, доставала ведро с водой. За скрипящей калиткой лаял цепной пес, которому, вероятно, гребень возвышающейся неподалеку скалы напоминал незваного гостя. Женщина возвращалась, и во-



Портрет работы Н. Б. Родзевича.

да лилась на ее босые ноги, облегчая ведро. Однако женщина ничего не замечала, ее глаза "цвета спелого винограда" отзывались не на зримые образы, а на общий тон звучащего вокруг мира.

Древа вещая весть!

Лес, вещающий: Есть

Здесь, над сбродом кривизн —

Совершенная жизнь...



С. Я. Эфрон, Н. Б. Родзевич и Мур.
Савоя, 1930.

Крохотная деревенька под Прагой со смешным названием Мокропсы в начале 20-х годов приютила не один десяток русских эмигрантов: студентов, в большинстве своем бывших белых офицеров, “молодых ветеранов”. Несмотря на приличную стипендию, жили впроголодь, потому что цены тоже “зашкаливали” прилично, а русских никакие испытания не научат беречь деньги. В день получки закатывали пикники, неделю пребывали в весельях и пирушках, а потом наступала... задумчивость. “Это вроде поселения, так я это чувствую, — поселения, утысячающего вес каждого отдельного человека. Какой-то уговор жить (Дожить!) — Круговая порука”.

Так получилось, что этот чешский провинциальный период в жизни великой поэтессы Марины Цветаевой оказался самым спокойным и умиротворенным. К ней пришла зрелость, освободив от

беспокойных юношеских комплексов. Забылись помаленьку тяготы гражданской войны на родине, когда меняла она последние свои вещи на мешок пшена и продала бесцельно чужую мебель, чтобы купить продуктов. Забылся и страшный день в начале февраля 1920 года, когда, придя в Лигу Спасения детей, куда отдала свою младшую дочь Ирину, услышала, что та умерла. “Умерла без болезни, от слабости. И я даже на похороны не поехала — у Али в этот день было 40,7, и — сказать правду?! — я просто не могла”. Забылась и тоска по мужу, о котором она несколько лет ничего не знала. Сережа Эфрон, суженный ее “не на бумаге, а в вечности”, был жив и здоров, да еще решил ликвидировать пробел в образовании — поступил в Пражский университет. Они наконец воссоединились — почти вся семья, чудесно уцелевшая после стольких передрыг: Сережа, Марина и их дочь Аля. Снова, как когда-то в дореволюционной Москве, пришло время тихих семейных радостей. Вечерами Сережа читал при керосиновой лампе, Марина рукодельничала — чинила одежду, занималась своим любимым вязанием. В ожидании Рождества они мастерили елочные игрушки, придумывали невинные розыгрыши и подарки друг другу. Казалось, идиллия, о которой Марина мечтала в самые тяжелые минуты одиночества, настигла их в бедном до-

мике на окраине Мокропсов. За весь совместный год — всего лишь один неприятный случай: хозяин дома подал на своих квартирантов в суд за плохое содержание комнаты. Марина негодовала, возмущалась, всем рассказывала, что проклятый жадюга желает от них избавиться и сдать комнату подороже. Но, по правде говоря, Цветаева хозяйкой слыла непутевой. Одна из ее приятельниц вспоминала, как поэтесса пригласила друзей на блины. Вечер удался на славу: много говорили “за жизнь”, смеялись, откровенничали, но блины сначала были сырыми, а потом все сгорело.

Невероятный бедлам царил во всех временных пристанищах Цветаевой. Она умела сочинять гениальные стихи, но для быта у нее не доставало ни времени, ни души. Однако невероятная энергия, с какой Марина заботилась о здоровье Сережи, о его отдыхе, питании, вероятно, создавала иллюзию, что жена его отличная хозяйка. Мужчины обычно редко замечают что-либо, кроме хлопот возле собственной персоны. Помимо бытовой стороны семьи, Цветаева выстраивала и общую политику из совместного будущего. Она сама много писала здесь, в деревушке, где на каждом шагу били родники, и, наверное, поэтому считала, что мужу тоже стоит заняться литературной деятельностью — например, засесть за книгу воспоминаний о Добровольческом движении или потеоретизировать на тему искусства. По-видимому, в ее голове рисовался этаким образом счастливой творческой семьи, где каждый существует в недостижимых духовных высотах и щедро питает другого. Сергей Яковлевич, человек внушаемый и к тому же чрезвычайно деятельный, легко поддавался искушению. Он бросился в редакторскую деятельность, напечатал ряд статей в собственном журнале, попытался работать над книгой. Казалось бы, Эфронам светит безбедное, стабильное существование с признанием в солидных литературных кругах.

Скандал разразился не потому, что их семью подстерегал коварный его Величество случай. Катастрофа надвинулась неотвратимо и планомерно. Для женских радостей Марине необходимы были домашний мир и покой, но для ее стихов требовались разрушительные страсти и терзания. Константин Родзевич стал частым гостем в Мокропсах летом 1923 года. Он приезжал сюда, как старый приятель Сережи: в тяжкие первые дни эмиграции в Константинополе именно Родзевич нашел выход и увлек Эфрона в Прагу. В отличие от своего друга, Константин, вероятно, обладал большей приспособленностью и смекалкой, но вдвоем они, не соперничая, становились душой любой компании и отлично ладили. Поначалу Марина отнеслась к Родзевичу снисходительно. Ее не привлекал этот невысокий, чернявый человек с розовыми щеками, совсем далекий от ее божества — литературы. Правда, он рисовал и даже, худо-бедно, занимался скульптурой, но к стихотворным изыскам душа его оставалась глуха, чего он, впро-

чем, и не скрывал и что почиталось почти вызовом в тех кругах, где вращалась публика, причисляющая себя к любителям словесности. Возможно, именно это отталкивание и произвело на Марину неожиданное впечатление.

Их роман запыхал к осени 1923 года. Цветаева теперь рвалась в город, прогулки заканчивались в дешевых номерах. Их ничто не связывало — ни дети, ни общее страшное прошлое, ни одинаковые интересы. Впервые Мариным любовником стал человек, с которым не поговоришь о стихах. Еще при первом свидании они выяснили, что Константину по нраву разве что поэзия Гумилева, а она в то время восхищалась Пастернаком. Дело дошло до того, что Цветаева однажды подарила Родзевичу томик стихов... Гумилева, что для нее было, по-видимому, величайшим актом самоотречения. Их отношения строились как пошлая интрижка замужней дамы и “маленького Казановы” (так называли Константина некоторые его знакомые за пристрастие к слабому полу) — тайная постель, украдкие поцелуи, горячечные взгляды. Но в жизни Марины этот роман оказался самым сильным и тягостным, самым плодотворным по поэтическому выплеску.

Все в их любви распределялось по-иному, чем раньше: за всеми прежними своими увлечениями она гналась, ей на “грудь падали” мужчины, взывая о помощи, а она их выхаживала, поддерживала, “вкачивала” в них свою силу, а потом отпускала, всячески презирая. Это были “бумажные” романы известной поэтессы с жаждущими утверждения мужчинами. Однажды, уже вернувшись после эмиграции в Россию, Цветаева пожаловалась одной знакомой, что всем нужны лишь ее стихи, и никому — она сама.

— Но ведь ваши стихи это и есть вы, — возразила та.

— Да, вы в этом уверены?! Но я не автограф, меня в карман не положишь...

Для Родзевича она была прежде всего женщиной, наверное, самой уникальной из его дамской “коллекции”. Она называла его Арлекин, в отличие от убогоньких Пьеро, которых “не счесть” было в прежней жизни. “Я в первый раз люблю счастливого и, может быть, в первый раз ищу счастья, а не потери, хочу взять, а не дать, быть, а не пропасть”. Марина впервые почувствовала себя “на земле”, а не “в небе”, для нее впервые открылись не только тайники души, но и плоти. “... Все любила, все любить умела, кроме другого, живого. Другой мне всегда мешал, это была стена, об которую я билась, я не умела с живым! Отсюда сознание: не женщина — дух! Не жить — умереть. Вокзал...” Родзевич пересадил Марину на поезд страсти, банальной страсти, которая, так или иначе, постигает миллионы женщин и мужчин не одну тысячу лет.

В разгар романа Цветаева начинает самую возвышенную, самую пронзительную из своих поэм “Поэму горы”. Гора у Цветаевой — образ чувства, взлетевшего над суетой, высота духа, доминанта бытия над бытом. Поэт в Марине начинает побеждать, и

уже лучшие кусочки души скормливаются не возлюбленному, а этому ненасытному молоху — своему Гению. Позже постаревший Родзевич скажет: “Она часто требовала от людей невозможного”. Но он, вероятно, так и не понял, что еще более невозможное она старалась совместить в себе — “Божий дар с яичницей”.

В ней не нашлось даже элементарной женской хитрости для самосохранения. Вскоре о ее романе с Родзевичем знал буквально всякий в узком эмигрантском обществе. Начались пересуды, перешептывания. Не обошла эта новость и мужа. Сережа обычно устранился, узнав о новом увлечении супруги. Даже связь с женщиной, Софьей Парнок, он перенес, не устраивая “разборок”. Скорее всего, Эфрон тяжело переживал измены Марины, однако предпочитал не вмешиваться, чувствуя свое бессилие. Он пытался приспособиться к ней, по-видимому, отчасти даже страдал, понимая, что жена его “не такая, как все”. Но на этот раз скандал перерос его душевные возможности. Он впервые объявил Марине о своем решении — расстаться. Цветаева переехала к знакомым и... впала в настоящее безумие. Она не спала ночами, перестала есть, никто никогда еще не видел ее в таком отчаянном состоянии. Через две недели она вернулась к Сереже, объяснив ему, что уйти не может. Трагедия заключалась в том, что они были предназначены друг другу.

В эти мрачные дни Эфрон пишет письмо своему знакомому в России, поэту М. Волошину. “... Она вернулась. Все ее мысли с другим. Отсутствие другого подогревает ее чувства. Я знаю — она уверена, что лишилась своего счастья... По отношению ко мне слепость абсолютная. Невозможность подойти, очень часто раздражение, почти злоба. Я одновременно и спасательный круг, и жернов на шее. Освободить от жернова нельзя, не вырвав последней соломинки, за которую она держится. Жизнь моя — сплошная пытка. Я в тумане. Не знаю, на что решиться. Каждый последующий день хуже предыдущего. Тягостно одиночество вдвоем”. Теперь в его голову лезут самые дурные мысли: вспоминаются невыплаканные обиды, например, как в день отъезда мужа на фронт, когда он на все смотрел “последними глазами”, Марина “делила время между мною и другим...” Эфрон начинает понимать и самое страшное — в смерти Ирины виновна она, его жена. Ее преступление состояло не только в том, что она не смогла даже похоронить дочь. Марина попросту бросила малютку на произвол судьбы, не кормила ее, привязывала годовалого ребенка за ногу к люльке и отбывала к друзьям, на литературные посиделки, в театральную студию, где в то время обреталось ее очередное увлечение. Эфрон все это знал от своих сестер Лилии и Веры, которые в свое время пытались забрать девочку у Цветаевой, но она не позволила. Он все это знал, но не хотел верить. Теперь же все плохое в характере жены нависло над ним одной огромной тучей, проявилось, словно на зловещей фотографии, на которой случайный фотограф видит не замеченный никем раньше след убийцы.

“В личной жизни это сплошное разрушительное начало”, — с ужасом констатирует Сережа.

Выскочить из “горящего дома” первым решился Родзевич. Но ему, конечно, сделать это было легче всех. Окружающие подчеркивали особую склонность Константина к авантюризму, сам он, спустя годы, кичился этой чертой своей натуры. Охотно рассказывал собеседникам о полной приключений и неожиданных поворотов жизни — как служил он у красных и попал в плен к белым, как генерал Слащев, знавший его отца, спас ему жизнь, после чего наш герой уже воевал против своих бывших соратников, как был он евразийцем, но отправился в Париж на съезд реакционеров-эмигрантов, чтобы покончить с провинциальной жизнью, как воевал в Испании, как участвовал во французском Сопротивлении, считая себя коммунистом, но предусмотрительно сбежал в американскую зону, когда концлагерь, куда он попал, освободила Красная армия. Родзевич был авантюристом, но это не мешало ему дожить до глубокой старости. Мало того, вероятно, оглянувшись на свою жизнь, он понял, что из его бурной биографии ничего не останется, кроме “звездочки” в примечаниях к двум поэмам Марины Цветаевой. В восьмидесятые он пишет ее портреты, делает скульптуру, охотно беседует с многочисленными исследователями биографии поэтессы. Он и тут верен своей жизненной мудрости — “унюхать” конъюнктуру. Никаких личных историй их отношений, никаких собственных выводов, никаких эпатирующих заявлений. Поводом к разрыву, по мнению Родзевича, послужила его молодость, неустроенность и невозможность обеспечить возлюбленной достойные бытовые условия. Но на самом деле Родзевич просто был ошарашен и напуган лавиной чувств, обрушившихся на него. И он бежал. Бежал к другой женщине, решившись даже на брак с нею. Его избранницей стала дочь знаменитого философа Сергея Булгакова — Мария.

Для Цветаевой, ее обостренного самолюбия, это был крах. Если она не смогла простить Борису Пастернаку, который во время их романа в письмах позволил себе жениться, что же говорить о Родзевиче. Марина пишет еще одну гениальную работу “Поэму конца”, ставя точку на своем роковом увлечении. “Гора” обрушилась на героиню, обращаясь в сплошное горе.

К концу 1924 года в семье устанавливается видимый мир. Цветаева снова вечерами вяжет бесконечные шарфы, Сережа читает при керосиновой лампе, испорченный примус, выпуская клубы черного дыма, выпекает “смесь всех плодов земных и не-земных — секрет Марининой кухни”. Марина ждет ребенка... Но идиллия оказалась слишком обманчивой.

Вьюга наметает полы.

Все разрывы да расколы! —

И на шарф цветной веселый —

Слезы острого рассола,

Жемчуг крупного размола.

В феврале 1925 года в семье Эфронов появился головастый младенец с пронзительными синими глазами, названный Георгием. По-домашнему — Мур. И снова зимней поземкой потянулись слухи: чей ребенок. Дело осложнялось еще и тем, что среди первых помощниц Цветаевой в уходе за ребенком — невеста Родзевича Муля Булгакова. Треугольник, и так непростой, перерос в четырехугольник, да еще с непонятным отцовством мальчика.

“Марина Цветаева меня не видела, — вспоминает Муля. — Отношения были неприятные. Видались мы постольку, поскольку я была ей нужна: пойти в магазин, в чем-нибудь бытовом помочь. Она мужу моему говорила интересные или важные вещи — не мне. Он же был ее любовником! Однажды мне было очень неприятно найти, уже после нашей свадьбы, в его кармане пламенную призывную записку от нее. Она всегда так поступала. Противно даже!..” Женщину в ослеплении ревности, да еще в таком щекотливом положении, в каком оказалась Мария Сергеевна Булгакова, можно понять. Но соперница была неправа. Сохранились письма Цветаевой, в которых она называет добрых “фей и нянек”, встретивших рождение сына, в их числе есть и имя Булгаковой. Но согласитесь, как же должна была себя чувствовать Марина? Как себя вести с “простою Женщиною? Без божеств? “Как смотреть в глаза той Муне, которая победила поэтессу привычными женскими уловками, незатейливыми женскими удобствами? К тому же, бывший рыцарь превратился в испуганного напакостившего кота. Родзевич сразу заявил интересующимся: “Думайте, что хотите. Мур — мой сын или не мой. Мне все равно”. Униженная Марина поспешила откреститься от отцовства Родзевича. Эфрон, как всегда предпочел не выяснять отношений и безоговорочно принял Мура своим ребенком. Вряд ли найдется женщина, которая не оценит столь благородный поступок. И Марина прекрасно понимала, что доброта и порядочность Сережи вновь спасли ее, не дали затянуться депрессии, вытащили из омуты болезни-любви.

Но история эта сломала Эфрона. “Изо всех сил стремлюсь выкарабкаться. Но куда?” Семьи больше не существовало, любовь к самому близкому человеку оказалась испытанием его терпения и достоинства.

*Ты, меня любивший дольше
Времени. — Десницы взмах!
Ты меня не любишь больше:
Истина в пяти словах.*

Не тогда ли родилась у Эфрона идея возвращения на Родину? “В последнее время мне почему-то чудится скорое возвращение в Россию. Может быть, потому, что “раненый зверь” заползает в свою берлогу”, — писал он Волошину. Через несколько лет Эфрон станет агентом НКВД, и этот путь разоренного, выпотрошенного человека приведет его к гибели. Маринина “ненасытная” поэзия уничтожила личность самого близкого ей

человека. А “загнанный зверь” увлек за собой и весь “род”: дочь Алю на десять лет в сталинские лагеря, Мура под пули Отечественной войны, Марину — в петлю. Роман в Мокропсах обернулся великими строками в русской поэзии и трагедией всей семьи.

Спустя годы Родзевич переслал письма Цветаевой дочери Але в Советский Союз. По словам Али, она вытащила из этой огромной кипы только несколько фотографий, а сами письма посчитала для себя читать не вправе. Трудно сказать, чего боялась Аля, чего она не хотела знать о матери, но никто и никогда при жизни Ариадны Эфрон не был допущен к цветаевским бумагам, касавшимся имени Родзевича.

И все же Аля не была бы дочерью своей матери, если бы попросту уничтожила эти письма. Она знала, что потомки никогда не простят ей такого вандализма. Меньше чем через год архив Цветаевой будет открыт полностью. Так завещала Аля. Письма Родзевича станут известны в 2000-м. Возможно, они многое приоткроют в этой запутанной истории. ■

Марина ЦВЕТАЕВА

* * *

*Мы с тобою лишь два отголоска:
Ты затихнул, и я замолчу.
Мы когда-то с покорностью воска
Отдались роковому лучу.*

*Это чувство сладчайшим недугом
Наши души терзало и жгло.
Оттого тебя чувствовать другом
Мне порою до слез тяжело.*

*Станет горечь улыбкою скоро,
И усталостью станет печаль.
Жаль не слова, поверь, и не взора, —
Только тайны утраченной жаль!*

*От тебя, утомленный анатом,
Я познала сладчайшее зло.
Оттого тебя чувствовать братом
Мне порою до слез тяжело.*

* * *

*Мальчиком, бегущим резво,
Я предстала Вам.
Вы посмеивались трезво
Злым моим словам:*

*“Шалость — жизнь мне, имя — шалость!
Смейся, кто не глуп!”
И не видели усталость
Побледневших губ.*

*Вас притягивали луны
Двух огромных глаз.
— Слишком розовый и юной
Я была для Вас!*

*Тающая легче снега,
Я была — как сталь.
Мячик, прыгнувший с разбега
Прямо на рояль,*

*Скрип песка под зубом или
Стали по стеклу..
— Только Вы не уловили
Грозную стрелу
Легких слов моих и нежность
Гнева напоказ..
Каменную безнадежность
Всех моих проказ!*

*С. Э.
Я с вызовом ношу его кольцо!
— Да, в Вечности — жена, не на бумаге! —
Чрезмерно узкое его лицо
Подобно шпаге.*

*Безмолвен рот его, углами вниз,
Мучительно-великолепны брови.
В его лице трагически слились
Две древних крови.*

*Он тонок первой тонкостью ветвей.
Его глаза — прекрасно-бесполезны! —
Под крыльями раскинутых бровей —
Две бездны.*

*В его лице я рыцарству верна,
— Всем вам. Кто жил и умирал без страху! —
Такие — в роковые времена —
Слагают стансы — и идут на плаху.*

** * **

*Сегодня таяло, сегодня
Я постояла у окна.*

Ум — отравленной, грудь свободней,
Опять умиротворена.

Не знаю почему. Должно быть,
Устала попросту душа
И как-то не хотелось трогать
Мятежного карандаша.

Так простояла я — в тумане —
Далекая добру и злу,
Тихонько пальцем барабана
По чуть звенящему стеклу.

Душой не лучше и не хуже,
Чем первый встречный: этот вот,
Чем перламутровые лужи,
Где расплескался небосвод.

Чем пролетающая птица
и попросту бегущий пес.
И даже нищая певица
Меня не довела до слез.

Забвенья милое искусство
Душой усвоено уже.
Какое-то большое чувство
Сегодня таяло в душе.

* * *

Нет, легче жизнь отдать, чем час
Сего блаженного тумана! —
Ты мне велишь — единственный приказ! —
и засыпать, и просыпаться — рано.

Пожалуй, что и снов нельзя
Мне видеть, как глаза закрою,
— Не проще ли тогда — глаза
Закреть мне собственной рукою?

Но я боюсь, что все ж не будут спать
Глаза в гробу — мертвецким сном законным.
Оставь меня. И отпусти опять:
Совенка — в ночь, бессонную — к бессонным.

* * *

Безумье — и благоразумье,
Позор — и честь,
Все, что наводит на раздумье,
Все слишком есть —

Во мне! — Все каторжные страсти
Слились в одну!
Так в волосах моих — все масти
Ведут войну!

Я знаю весь любовный шепот
— Ах, наизусть! —
Мой двадцатидвухлетний опыт —
Ведут войну!

Но облик мой — невинно-розов,
— Что ни скажи! —
Я виртуоз из виртуозов
В искусстве лжи.

В ней, запускаемой как мячик,
— Ловимый вновь! —
Моих прабабушек-полячек
Сказалась кровь.

Лгу оттого, что по кладбищам
Трава растет,
Лгу оттого, что по кладбищам
Метель метет...

От скрипки — от автомобиля —
Шелков, огня...
От пытки, что не все любили
Одну меня!

От боли, что не я — невеста
У жениха!
От жеста и стиха — для жеста
И для стиха!

От нежного боа на шее...
И как могу
Не лгать, — раз голос мой нежнее,
Когда я лгу...

* * *

Идите же! — мой голос нем,
И тщетны все слова.
Я знаю, что ни перед кем
Не буду я права.

Я знаю: в этой битве пасть
Не мне, прелестный трус!

*Но, милый юноша, за власть
Я в мире не борюсь.*

*И не оспаривает вас
высокородный стих.
Вы можете — из-за других —
Моих не видеть глаз,*

*Не слепнуть на моем огне,
Моих не чуют сил. . .
Какого демона во мне
ты в вечность упустил!*

*Но помните, что будет суд,
Разящий, как стрела,
Когда над головой блеснут
Два пламенных крыла!*

** * **

*Не думаю, не жалуюсь, не спорю,
Не сплю.
Не рвусь ни к солнцу, ни к луне, ни к морю,
Ни к кораблю.*

*Не чувствую, как в этих стенах жарко,
Как зелено в саду.
Давно желанного и жадного подарка
Не жду.*

*Не радуют ни утро, ни трамвая
Звонящий бег.
Живу, не видя дня, позабывая
Число и век.*

*На, кажется, надрезанном канате
Я — маленький плясун.
Я — тень от чьей-то тени. Я — лунатик
Двух темных лун.*

** * **

*Легкомыслие! — Милый грех,
Милый спутник и враг мой милый!
Ты в глаза мои вбрызнул смех,
Ты мазурку мне вбрызнул в жилы.
Научил не хранить кольца —
С кем бы Жизнь меня ни венчала!
Начинать наугад с конца*

*И кончат еще до начала.
Быть как стебель и быть как сталь
В жизни, где мы так мало можем. . .
— Шоколадом лечить печаль,
И смеяться в лицо проходим!*

* * *

*Ты запрокидываешь голову —
Затем, что ты гордец и враль.
Какого спутника веселого
Привел мне нынешний февраль!*

*Позвякивая карбованцами
И медленно пуская дым,
Торжественными чужестранцами
Проходим городом родным.*

*Чьи руки бережные трогали
Твои ресницы, красота,
Когда, и как, и кем, и много ли
Целованы твои уста —*

*Не спрашиваю. Дух мой алчущий
Переборол сию мечту.
В тебе божественного мальчика —
Десятилетнего я чту.*

*Помедлим у реки, полошущей
Цветные бусы фонарей.
Я доведу тебя до площади,
Выдавшей отроков-царей. . .*

* * *

*Горечь! Горечь! Вечный привкус
На губах твоих, о страсть!
Горечь! Горечь! Вечный искуc —
Окончательное пасть.*

*Я от горечи — целую
Всех, кто молод и хорош.
Ты от горечи — другую
Ночью за руку ведешь.*

*С хлебом ем. С водой глотаю
Горечь-горе, горечь-грусть.
Есть одна трава такая
На лугах твоих, о Русь.*



ДЕТСКИЙ ВЗВОД

Нелли ГОРЕЛОВА

фото **Сергея Птичкина**



Спасать будем вместе

О Российской армии сегодня говорят и пишут либо гневно, либо с жалостью, либо с отчаянием. Дедовщина, дезертирство, развал, нищета, злоупотребления — вот, пожалуй, ключевые слова этой темы. Все так, и... не все так! После своей командировки в армию я бы выстроила другой лексический ряд: гуманизм, ответственность, верность традиции за-

щищать слабого, вставать на сторону обиженного.

Бригада радиационной, химической и биологической защиты, (РХБЗ), расквартированная в Нинешме, в Московском военном округе считается одной из лучших. Что, конечно, не предполагает, что щи и каша у здешних солдат много гуще, чем в других частях, а деньги офицерам выплачиваются в срок. Когда вся армия бедует и находится на голодном бюджетном пайке, у командования даже лучших ее подразделений головной боли от проблем, поверьте, хватает.

Однако когда в кабинете командира бригады полковника Назарова появилась делегация работников городских органов социальной защиты и образования с преледиконой просьбой взять на



воспитание местных сирот, Андрей Владимирович, готовя вежливый отказ, не стал перечислять в ответ свои проблемы. То, о чем рассказывала руководитель органов опеки и попечительства Кинешмы Тамара Тимонина — положение детей, оставшихся без семьи, жизнь бездомных подростков, детдома и интернаты, в которых давно нет свободных мест, — выглядело тяжелее невзгод армии.

— Помогите, — почти взмолилась в конце Тимонина, — нам одним не справиться с беспризорностью. А к вам пришли, потому что услышали: в армии уже есть такой опыт...

Назаров понял, о чем речь.

...Все началось с обращения министра обороны к офицерскому корпусу Вооруженных сил России, где говорилось, что офицеры, "следуя традициям гуманизма русской армии, не могут стоять в стороне от участия в борьбе с детской беспризорностью и должны активно включиться в решение благородной задачи". Однако, как водится, вслед за красивым призывом из недр Минобороны не последовали в войска соответствующие предписания. Без которых, ясное дело, в армии и шагу не ступишь, не схлопотав взыскания. Правда, полковник на каком-то совещании слышал: нашелся в войсках ПВО один — не побоявшийся "схлопотать" и на свой страх и риск взявший с год назад на воспитание дюжину беспризорных подростков. Вспомнил Назаров и имя "экспериментатора" — тоже полковник и тоже комбриг Валов. И все, вроде бы, неплохо у братьев-ракетчиков с мальчишками получается... А местных паца-

нов, о жизни которых Тимонина рассказала, жаль: каная уж это жизнь — сплошной беспросвет.

Стоп! Главное, не идти на поводу у эмоций.

— Значит так, уважаемые, — сказал комбриг ожидавшим его решения посетителям, — дело вы нам предлагаете серьезное. Но армия ведь не благотворительное заведение. Так что подключайтесь и вы, город. Спасать детей будем вместе.

Так началась операция "Детский взвод". Основное финансирование взяла на себя администрация Кинешмы; обучение ребят — городской отдел образования; лечение — местные педиатры; а отдых в каникулы — управление соцзащиты. Принимая решение, комбриг понимал: формирование детского взвода изменит не только судьбы маленьких беспризорников (дай-то Бог!), но и жизнь всего соединения. Что и подтвердилось, едва новость о готовящемся событии распространилась в бригаде.

Солдаты и сержанты мыли, красили, конопатили окна, — "чтоб пацанам зимой не дуло". Стены обшили деревянными рейками и наклеили недорогие фотообои с красочными пейзажами. На одной половине огромной комнаты встали в ряд кровати с теплыми одеялами и неуставными пуховыми подушками. В другой — оборудовали "классную" с письменным столом и шкафчиком для каждого будущего воспитанника. Выгородили и место для "гостиной" — с мягкой мебелью, книжными стеллажами, цветным телевизором и проигрывателем. Офицеры принесли из дома (жены передали) цветы и декоративные растения.

Кто-то притащил даже большое лимонное дерево. Нашлись в химбригаде аквариумисты, — в проем стены был встроен огромный аквариум с подсветками, с экзотическими растениями и золотыми рыбками. Теперь назарма менее всего стала походить на назарму. Приказ командования военнослужащие выполнили: дом для "сынов полка" был готов.

Может ли армейский командир испытывать благодарность или, уж тем более, удивление по поводу исполнения отданного им приказа? Нет, конечно, — по определению. Но вот комбриг Назаров, наблюдая за действиями подчиненных, за их неуловимо поменявшимися, смягчившимися лицами, поймал себя именно на таких чувствах. Они выходили за рамки воинского Устава и субординации. Так же, впрочем, как не умещалось в рамки приказа и то, что делали солдаты и офицеры для мальчишек, — еще не знакомых им, но уже пробудивших в военных людях сочувствие и желание дать маленьким беспризорникам то, что и положено любому ребенку: дом, заботу и внимание взрослых.

Отцы-командиры

Основные заботы легли на плечи подполковника Евгения Маргаринта и майора Евгения Афонина, назначенного командиром взвода воспитанников. Эта неоплачиваемая должность стала для майора внештатной, дополнительной к основным обязанностям заместителя командира батальона по воспитательной работе.

Афонин и сейчас помнит, как в самую первую встречу, взглянув

на выстроенных в ряд четырнадцать пацанов, на мгновение испытал неуверенность. Такой безнадеей веяло от этого строя, что кольнуло сомнение: "Господи, да это каким же Манаренко надо быть, чтобы привести таких детей в норму..." И тут же пришла спасительная злость — на уродов, превративших двенадцатилетних мальчишек в затравленных волчат. На их родителей-алкашей. "Все, пацаны, вчерашний день — отставить! Будем с вами с чистого листа судьбу писать". — Афонин не произнес этого вслух, только подумал. И мысль эта его успокоила и все поставила на свои места. Вот — четырнадцать несчастных детей, которые уверились в том, что никому на свете не нужны; а вот — он, майор Афонин и целое воинское соединение, в котором много умных и сильных людей, желающих этим детям добра. Так неужели у них не получится?

Команду воспитателей для детского взвода его командир подбирал придирчиво и тщательно.

Младший сержант Дмитрий Нудрявцев в свое время окончил ПТУ, нынче учится заочно в педагогическом вузе. Старшина Валерий Соловьев — специалист военного дела. Его заботой стало преподавать маленьким солдатам азы строевой подготовки, учить стрелять из настоящего боевого оружия. Оба наставника в бригаде служат по контракту. Зато младший сержант Михаил Рыбаков — на срочной службе. Это значит, что круглые сутки он со своими подопечными под одной крышей. Рыбакова майор "выудил" из соседней школы, где Ми-

хаил после музыкального училища преподавал пение и уже готовился идти служить в армию. Через военкомат удалось заполнить его в детский взвод.

Как и других своих командиров, мальчишки зовут Рыбакова по имени-отчеству. Скороговоркой у них получается "Мих-Юрич". Он всегда рядом — водит взвод в школу и обратно, в столовую и в спортзал, помогает учить уроки. А вечерами — это у них уже вошло в традицию — поют под баян Рыбакова. Спит Мих-Юрич тоже вместе с ребятами. Чутко спит. Ночами случается — вдруг замечется в постели кто-то из мальчишек, всхлипывая: сон привидится из прошлого. Успокоит сержант бедолагу, а потом частенько коротает остаток ночи без сна. Собственное детство за-

снуть уже не дает: Мих-Юрич, которому самому-то лет всего-ничего, тоже воспитывался в интернате...

— Конечно, с этими детьми не просто. С одной стороны, понимаешь: и строгость нужна, и требовательность — ради них же самих. А с другой... Иногда и нужно бы кого-то из мальчишек наказать, но как вспомнишь, через что он в этой жизни уже успел пройти, язык не поворачивается разнос ему устраивать, — признался мне Михаил.

...Детство Сережи Л. кончилось, когда отец, напившись, убил маму. Мальчику тогда только одиннадцать исполнилось. До сих пор не может в себя прийти, часто плачет.

Та же судьба у Ильи Г. Через год его отец должен вернуться из





тюрьмы. За много лет прислал оттуда сыну всего одно письмо.

Дима П. в свои тринадцать лет мечтает в будущем создать большую дружную семью, "главное, чтобы детям в ней было хорошо". Сам Димка настрадался с матерью-алкоголичкой. Голодал, ночами его гнали из дома пьяные оргии. Когда мать вдруг вспомнила о сыне и заявила в расположение бригады, мальчин зашелся в истерике: "Уйди! Не хочу...", а потом попал в больницу с нервным срывом.

Педагогика в погонах

Первый месяц Евгений Афонин, забыв про собственный дом и семью, дневал и ночевал в назарме с мальчишками. Не отходи-

ли от них, в буквальном смысле, ни на шаг и сержанты-воспитатели. А вечерами у комбрига Назарова соби-рался "педсовет". На одном из таких комбриг очень кстати при-помнил мудрый прин-цип семейной педаго-гии своих земля-ков — донских каза-ков: "Чем больше хло-пец делом занят, тем меньше в его башке дури".

От подъема до от-боя весь день в дет-ском взводе расписан поминутно. Зарядка, уборка казармы, уроки в школе, домашние задания, строе-вые занятия и огневая подготов-ка, вечерами — занятия спортом в прекрасных спортзалах.

Предвижу, кто-то поморщит-ся: "Назарменный режим — что уж тут для ребенка хорошего! Мальчишек детства лишили, а ав-тор еще тем и восторгается..." Возражу. Детства воспитанников бригады и впрямь лишили, толь-ко, — согласитесь, уважаемый читатель, — гораздо раньше и со-всем не те взрослые, что сегодня рядом с ними. (Кстати, русские аристократы, отдавая своих сыно-вей в привилегированные надет-ские корпуса, где режим жизни был ничуть не мягче, вовсе не на-ходили его жестоким и не счита-ли, что лишают своих детей детст-ва.) И уж поверьте: подолгу разго-



варивая с маленькими солдата-ми, я видела перед собой нор-мальных (сейчас уже можно так сказать!) детей. Мальчишек, ко-торых их нынешняя жизнь не про-сто не тяготит — она им в ра-дость.

Чего стоит та же "Школа вы-живания" с ее тренировками по рукопашному бою. Тем более, что проводит их сам президент Ива-новского отделения Всероссий-ской федерации рукопашного боя и традиционного каратэ, много-кратный чемпион и призер между-народных первенств, а ныне рядо-вой срочной службы Валерий Смирнов. Словом, есть мальчиш-кам у кого учиться.

Учиться... Это едва ли не са-мое трудное и для ребят, и для их наставников. Пробелы в занятиях у вчерашних беспризорников бы-ли чудовищные. Но сработал ар-



мейский закон: "Не можешь — научим, не хочешь — заставим!"

— Вот и учим уроки всей бригадой, — улыбается Евгений Маргаринт, — кто-то из офицеров в математике силен, с задачками ребятам помогает. Другой — английский хорошо знает. Подключаются и офицерские жены. Зато учителя в школе сегодня руками от удивления разводят: воспитанники химбригады один за другим выходят в хорошисты и становятся перспективными для поступления в вузы.

В любой благополучной семье о будущем детей всерьез задумываются задолго до окончания школы. Думают о завтрашнем дне своих маленьких солдат уже сегодня и в химбригаде. Отправлять ребят после окончания школы на все четыре стороны, считая, что долг выполнен, — такого

здесь и в мыслях нет. А есть, по крайней мере, три варианта того, как может складываться жизнь мальчишек, когда они станут совершеннолетними. Разрабатывая эти три жизненные стратегии, отцы-командиры исходили из принципа: у каждого выпускника должен быть выбор. Сделав его, юноши смогут либо поступить без проблем в Ивановский государственный химико-технологический университет (договор с ректором командование бригады заключило уже сегодня), либо быть зачисленными вне конкурса в Ностромское высшее военное училище химзащиты, либо — в качестве запасного пути — остаться на срочную службу в бригаде, чтобы, еще повзрослев, строить дальнейшую судьбу уже самостоятельно.

Эх, ботиночки...

В какой-то момент беседы с майором Афониним я чисто по-женски стала нахваливать портных, что сшили для юных солдат такую ладную форму. И ботиночки-то на каждом мальчине — загляденье. Такой дорогой обуви, пожалуй, и на офицерах в гражданском костюме не увидишь. Афонин неожиданно рассмеялся в ответ:

— Да уж, ботиночки!.. Эти ботиночки мне чуть инфаркта не стоили...

... Началось с того, что авиакомпания "Трансаэро", прослышав про сирот, взятых армией на воспитание, выделила в прошлом году детям в подарок на житейские нужды 600 долларов. Решено было купить мальчишкам ботинки. Самые-самые! За покупками в Москву снарядили Афонина и двоих пацанов.

Ребят, нигде, кроме Кинешмы, не бывавших и видевших мир только по телевизору, столица ошеломила. Но и сами они не остались столицей незамеченными. Прохождение то и дело оглядывались на странную даже для Москвы тройцу — офицер и мальчики в камуфляжной военной форме со всеми положенными прибамбасами — эмблемами, нашивками и знаками. Кто такие? Люди подходили, интересовались. Услышав ответ, прантически все реагировали одинаково. Какая-то бабулька в автобусе все норовила сунуть в карманы ребятам яблоки и мандарины. Таксист, который вез их с кучей покупок, в конце так и не взял плату за проезд. Наоборот, на прощание протянул Афонину собственные деньги: "Купи от меня мальчишкам конфет, майор!"

Дальше следовал эпизод, как из голливудского сценария. Решил Афонин на оставшиеся рубли покормить подуставших помощников. В ресторане. Прикинул — вроде, на самый скромный обед хватит. Пока ждали официанта, к их столику подошел импозантный мужчина, представился хозяином заведения. Оказалось, и его заинтересовала необычная "группа в камуфляже". Поговорили. После чего мужчина сам принес им меню:

— Не стесняйся, майор, заказывай ребятам все, чего пожелают. За мой счет, разумеется...

Словом, весьма познавательной командировка вышла. Правда, под занавес не обошлось без ЧП. Непоседа Сашка Лузин потерялся в метро, прошмыгнув на станции "Площадь Революции" к бронзовым фигурам партизан —

посмотреть, какой марки автоматы сжимают они в руках.

— Честное слово, меня в тот момент чуть инфаркт не хватил! — рассказывал потом Афонин сослуживцам. — Час пик, толпа течет со всех сторон... Обегал все платформы и переходы — нет Сашки! Кинулся на милицкий пост: "Помогите, братцы!"

Пришлось ждать, пока "братцы" прочесывали все прилегающие линии метро. Переволновался майор страшно. Какие только ни рисовал себе страшные картины. Вплоть до похищения. И когда увидел, наконец, перепуганную и зареванную Сашкину физиономию, вместо того, чтобы устроить выволочку, притянул к себе стриженную повинную голову: "Чудовище ты мое! Ну, разве так можно..."

Взрослая проза

Полковник Валов, полковник Назаров — других имен командиров воинских частей, которые включились бы в начатый в Российской армии "детский" эксперимент, я пока не слышала. Жаль. Государственная система социальной защиты не справляется с сиротским бумом — в стране сегодня 2 миллиона беспризорных детей и полмиллиона сирот в интернатных учреждениях. Помощь армии с ее возможностями была бы для всего общества просто бесценна, — сколько тысяч подростков могли бы спасти от беды и одиночества люди в погонах.

У комбрига Назарова есть и другие доводы в пользу расширения эксперимента.

Во-первых, уже одно присутствие подростков в воинской части смягчает, гуманизирует взаимоотно-

ношения военных, для которых забота о детях становится общим делом, пробуждает лучшие качества.

Во-вторых, престиж армии, военной профессии сегодня низок, как никогда. Мальчишки, выросшие в военной среде, успевшие хорошо узнать и полюбить ее, могут стать для армии достойным пополнением высококлассных профессионалов, офицерами по призванию. Назаров уверен, что в будущем его небольшой полк взвод "сынов полка" вырастет до размеров роты, которая станет гордостью войск РХБЗ.

— А что мешает уже теперь сформировать танковую роту?

— Мешают проблемы, которые невозможно решить в рамках отдельной армейской бригады. "Детский" эксперимент в общей сложности длится второй год, но до сих пор статус воспитанника армии так и не узаконен. А это означает: сирот не положено кормить из солдатского котла, не положено им обмундирование, не положена по штату должность командира-воспитателя. И есть и многие другие "не положено" обречены для воинской части

материальными издержками и вынужденными финансовыми нарушениями — со всеми возможными последствиями для командования. Я знаю, многие командиры готовы взять на воспитание сирот, но нет для этого у них юридического основания. Создать его может только министерство обороны. Но еще раньше, прежде чем внедрять в широкую армейскую практику институт воспитанников, необходимо тщательно изучить само это явление — сыновья полка конца девяностых. Без социологов, педагогов, психологов тут не обойтись. И не дай Бог, если, как водится, захотят сформировать детские подразделения в приназном порядке во всех частях подряд! Взводы воспитанников могут появиться только в тех соединениях, где есть хорошая материальная база, крепкие офицерские кадры, где здоровая нравственная атмосфера. Речь-то ведь идет о детях, их будущем... ■



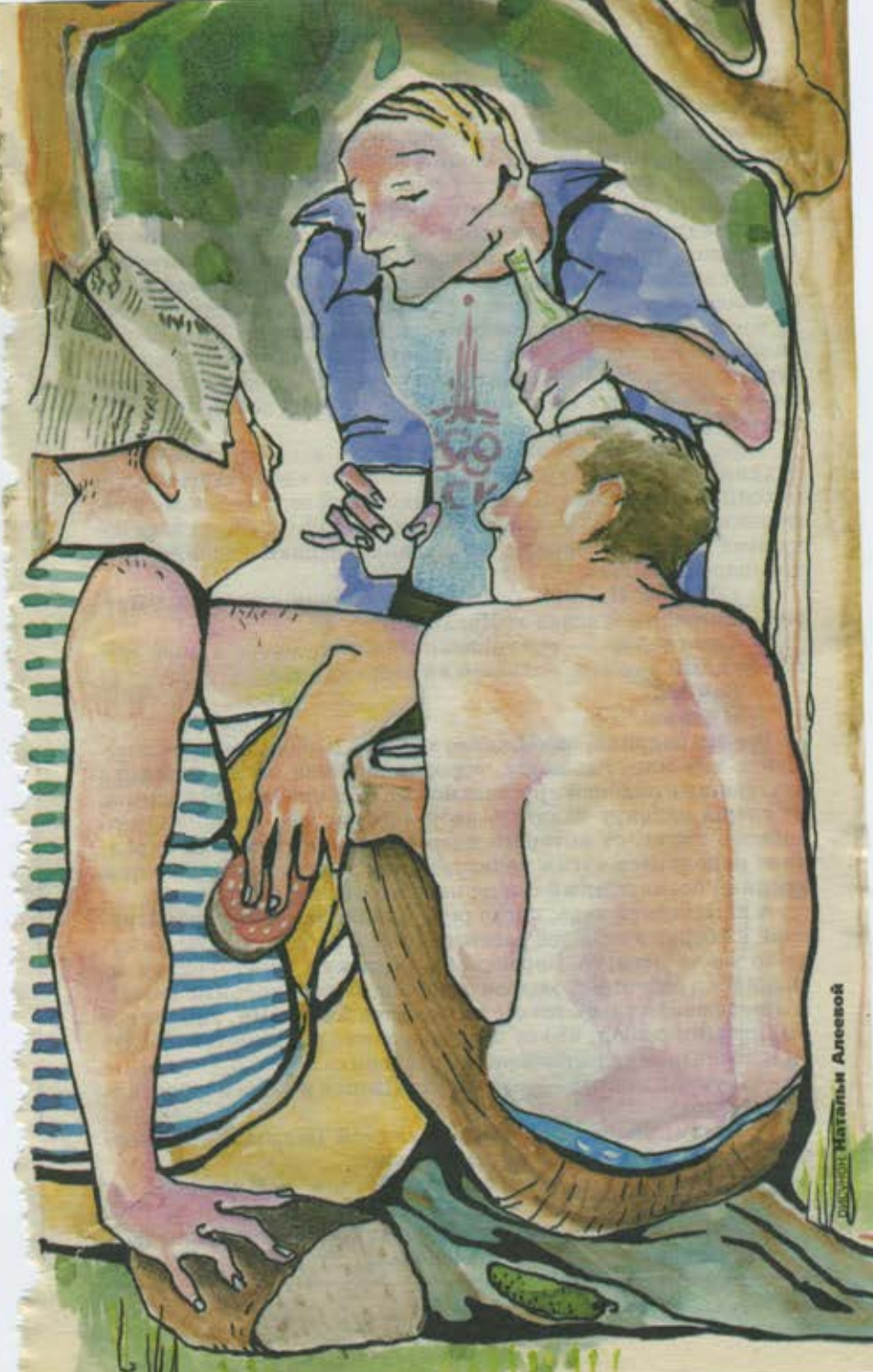
Уха

на троих

1 У непроезжей дренажной канавы, пересохшей до вязкого дна, машину остановили, выгрузили из нее все, что предназначалось для ночевки, пожали руку шоферу и отпустили его в деревню окучивать картошку, радуясь, что остаются совсем одни: водитель, конечно, надежный, преданный человек, но без него все же лучше — полная свобода!

Большой грузный Иванов бодро взвалил на себя брезентовый кряж четырехместной палатки. Петров так же готовно впрягся в объемистый рюкзак, округлый от набитого скарба. Несмелому Сидорову остался общий пучок удочек да собственная цветастая авоська, в которой он носил кусок полиэтиленовой пленки от непогоды, пару закидушек, запас курева, манерку с поварской приправой и четвертинку на случай, если опять разболится зуб мудрости, который давал о себе знать почти каждую такую поездку...

Из-за этого зуба Сидорова пожаливали, старались не перегружать поклажей и общественными работами. Брали же его с собой скорее ради поддержания всеобщей бодрости, поскольку без Сидорова не над кем было бы подтрунить и добродушно посмеяться. Не будет же Иванов подшучивать над Петровым или Петров — над Ивановым, когда оба они равновелики и по столоначалию, и по своим внеслужебным привычкам, и по степени обидчивости на неудачное слово, из-за чего Иванов (или Петров) может мрачно надуться, замолчать у костра, а



потом подолгу не звонить. Другое дело Сидоров, никак не реагирующий на словесную резвость приятелей и всегда строго, как бы внахлест, прикрывавший верхней губой нижнюю, подобно тому, как запираются у хорошего хозяина дубовые ворота. Такой створ придавал его профилю вид углубленной озабоченности, который сам собой сложился, пока он долгие годы служил привратником на одном солидном предприятии.

За канавой, которую так и не смогли одолеть вездесущие автомобилисты, начинались глуховатые непроезжие места. Некогда сведенный под морское лоно пойменный лес возродился заново, берега реки опять зачашобились ивняком и черемушником, сама же река похорошела, стала казаться таинственной и глубже из-за того только, что над ней нависли тенистые ракушечные шатры.

Едва заметная тропа промелькивала в густом прямостоем дудника, который превышал человека на вытянутую руку и походил на парковые фонари с округлыми зеленоватыми плафонами соцветий. Тучные растения таили в себе прохладу сокрытой земли и терпкие приправные запахи разомлевших шершавых листьев.

— Сидоров! Идешь? — на всякий случай спрашивал Петров, ломившийся вслед за Ивановым.

— Само собой, — откликнулся Сидоров, держа в поле зрения пухлый рюкзак, похожий на слоновий зад.

— Как зуб?

— В норме!

Все это бодрило, возбуждало ходоков и обостряло предвкушение той минуты, когда, сбросив наконец ношу, переведя дух, попив с ладоней хрустальной на песочке речной водицы, не спеша натянут палатку, настелют под нее пружинистого аирного листа, от которого полотняное пространство вкрадчиво наполнится тугим таинственным запахом, навевающим крепкий безмятежный сон до первого птичьего вскрика.

А на вечерней заре, когда река как бы замедлит свое струение и вберет в себя все растворенные в небе позолоты, откуда-то из-за лесного Коренского убережья вдруг грянут и, сплываясь в благовест, медово разольются колокольные звоны. В ответ речная гладь тотчас подернется блинцами, тихо всколыхнутыми рыбой, что от мала до велика поднимется из глубы к последнему предвечернему озарению.

— А укроп взяли? — озабочился Иванов и даже повернулся к Петрову.

— Взяли, взяли... — утерся панамой Петров. — С укропом — уха, а без укропа — рыбий суп...

— Ценная травка! — согласился Иванов. — Я тоже это заметил.

— Уха бывает только с рыбой, — не согласился Сидоров.

— Это тебе зуб мудрости подсказал?

— Я и сам знаю: нет рыбы — нет ухи.

В общем, все у них шло, как хотелось. Еще засветло на хорошем месте с песчаным спуском к воде устроили лагерь, собирали дров, нарезали аира, после чего выбрали себе укромные сжики недалеко друг от друга, так что Петрову было слышно, как тучный Иванов, пыхтя, замешивал приманку из каши и береговой глины и даже потянуло оттуда анисовыми каплями... Петров тоже поделал себе колобков и покидал их веером вокруг своего места, чтобы рыба брала широким фронтом, сразу на все три удочки. Два удилица попрочнее он наживил пареным горохом на крупную рыбу, третьим, полегче, поизящней, японского производства, мыслил действовать, не выпуская из рук, и полавливать мелочевку, без которой тоже не получится наваристой ухи.

Сидоров тем временем тоже определился, расположившись на открытой песчаной отмели — самом подходящем месте для закидушечника. Он распустил свою двухкрючковую закидуху с чеховской гайкой на конце, нанизал на крючки сизых, каких-то равнодушных червей, которых он собирал тут же на лужку за палаткой под коровьими полуиссохшими лепешками.

Вообще, ничего мужик, этот Сидоров, с ним не заскучаешь, но одно в нем не нравилось: не было у него любовного отношения к снастям. Даже и поговорить с ним на эту тему как-то не получалось. Иной раз Иванов позвонит Петрову (или наоборот — Петров — Иванову) и спросит: “Слушай, читал в последнем выпуске “На реке, на озере”? Опять дает этот Зиборов...” И пошло-поехало... И час, и другой... Начали с очередной газетной байки, а ушли невесть куда, в этакие тактические и технологические рыбацкие дебри...

Да вот же наглядное свидетельство этому необратимому пристрастию: недавно Иванов купил под рыболовную оснастку пятнадцатичный комод. “Никаких, никаких, — сказал он жене, — это все только мое!”. В верхнем ящике он сложил рыбацкие “деликатесы” — всевозможные баночки, коробочки и прочие емкости с крючками — начиная со шведских двоечек (кто представляет себе нумерацию крючков, тот сразу проникнется, о чем речь), которые, эти самые шведские номер два, столь малы и миниатюрны, что сами подпрыгивают от возбуждения и липнут к поднесенному пальцу, и кончая филиппинскими тунцовыми крючками, таинственно мерцающими своей вороненостью и которые вполне выдержат “жигуля”, если его поддеть под бампер...

Во втором ящике... Но не буду, не буду... В самом деле... Это же сколь понадобилось бы времени и бумаги, чтобы только бегло перечислить все предметы второго ящика, а вовсе даже не обрисовывать и не обсказывать все особенности и свойства этих шедевров, как того хотелось бы.

А думаете, у Петрова этого добра меньше? Нисколько! А может даже и побольше. По крайней мере, по чистому весу. Он отвел под рыбацкие бебехи весь дачный чердак!

После всего этого о чем же можно поговорить с Сидоровым, если все свои крючки он содержит в подкладке своего полотняного кепарика, а все мормышки — в издерганном днище заячьего малахая?..

Обустроившись, Иванов пошел посмотреть, как застолбил-ся Петров, какое у него местечко, какие глубины, на сколько удочек собирается ловить...

Потом оба пошли навестить Сидорова: как у него...

А как у него? Да никак... Подкормку не бросал, глубин не отмерял, поплавок не настораживал... Всего и дела: воткнул вербину в песок, через нее пропустил закидную лесу, а в полуметре от вербинки на жилку нацепил округлый, еще цветущий красным казачьим сукном репей. Это у него сторожок вместо колокольчика. Сам же сидит возле на корточках, как старый китаец-мелкотогговец, глядит на заречный обрыв, на шныряющих в гнезде береговых ласточек, а, может, вовсе не на них, а внутрь себя. Он неспешно попыхивает "Примой" в самодельном жасминовом мундштуке. "Прима" у него особенная: она в два-три раза дольше обычной, пачечной. Это курево ему приносит на дом одна работница с табачки. Она несколько раз обматывает себя неразрезанной сигаретной кишочкой, которую потом Сидоров режет на четвертные палочки и складывает в круглый ученический пенал для ручек и карандашей. Простые, короткие сигареты он не курит, в них, как он говорит, не хватает "цимусу".

Аккуратно смотав с работницы все ее приношения, Сидоров разжигает старый всамделишный самовар, выставляет чашки, и они садятся пить чай... Но это уже не по рыбной теме.

— Ну, какие дела? — подсаживаются на песок его сотоварищи.

— А какие надо? — не меняя взгляда, попыхивает "Примой" Сидоров.

— Не клюет?

— Рано... Еще коренная не звонила.

— Тогда так... — сказал Иванов. — Пока суд да дело, пока подкормка заработает, пока рыба на нее пойдет, пошли малость перекусим... По бутерброду... а то я за целый день сегодня ни разу не присел...

Дискуссия на этот счет не состоялась. Все трое молча встали с песка, молча отряхнули штанины и гуськом, протапывая в песке стежку, побрели к палатке — Иванов, Петров, Сидоров...

Из рюкзака были извлечены: хлеб, кусок толстой вареной колбасы, мягкие белые стаканчики, которые тоже были

встречены молча, с пониманием, как само собой разумеющееся. Они и на самом деле собирались просто так вот, стоя, чтобы сразу же вернуться к своим снастям. Сидоров даже отказался от бутерброда, а двумя жесткими непослушными пальцами, будто крабьей клешней, деликатно обжал легкую, воздушную посудинку, пробормотав в объяснение, что примет тридцать граммов из одной лишь профилактики, чтобы упредить свой глоточный зуб.

— Да, — усмехнулся Петров, обнося всех коньяком, — в твоём деле, брат, лучше переупредить, чем недоупредить...

— Совершенно с этим согласен, — подтвердил Сидоров.

Бутылочка каким-то образом в один момент разошлась, как будто ее и не было. В каждом осталось ощущение какой-то недосказанности, что ли, так что пришлось достать еще одну... Тут же вспомнили, что где-то должны быть свежие огурцы и даже молодая белая редька... Потом отыскался большой оранжевый пласт копченого сала, еще лоснящийся свежими, налитыми оплывами, которое Иванов сам же и коптил на днях в дачной приспособке, но как-то про то в суматохе забывал. Тут и не могло быть двух мнений: не есть же все это стоя, а потому Петров выволок из палатки брезент и распластал его на чабрецовой прогалинке, куда сразу же плюхнулся Иванов и даже преклонил колено, чтобы сподручнее было принимать предупреждение...

Разговор сам собой перешел на оценку выпитого. Было определено, что нынешние коньяки — это и не коньяки даже, а скорее столярная морилка, которой пропитаны бледные ноги липовых стульев, чтобы придать им ореховый шик. Прежде коньяк выдерживали в дубовых емкостях, которые и придавали винограду спирту специфический запах и вкус. А теперь в спирт просто валил дубовую стружку, три месяца — и готово! Такое, конечно, никуда не годится. Теперь — смотри да смотри, а то этакое всучат... На что был армянский коньяк, а и тот потерял всякую совесть...

— А у меня в отделе, — сказал Иванов, — один армянин работает. Так он рассказал, как его дед Аршак, виноторговец, делал армянский марочный коньяк. Ну, конечно, прежде всего — виноград. И даже не сам виноград, а земля, на которой зреет лоза... Сравнить — молдавская "Изабелла" и армянская. Большая, говорит, разница... Далее — бочка... Молдавская бочка — из молдавского дуба, армянская — из армянского. Тоже разница, потому что нет одинаковых деревьев. Но и сто армянских дубов, говорит, тоже все разные. Берет дед Аршак маленький топорик, идет в горы выбирать материал. Оглядывает, какой дуб как обогрет солнцем. Иной с утра на свету, а иной — на заходе. Тоже — разница. На какой высоте первые сучья, то есть, как идут древесные волокна, ровно или взавив... Так вот и ходит, метит топориком: это

дерево срубить, это — не надо. Меченые деревья потом повалят, свезут вниз, распилят, выдержат под навесом, наделают клепки, соберут бочки... А дед Аршак все шастает по мастерской, все принюхивается: по клепке туда-сюда носом поводит, в готовые бочки с головой залезает.

— Так оно, конечно, — соглашается Петров.

— Погоди, это еще не все... Бочку заливают коньячным спиртом и свозят в порт. Там дед Аршак договаривается с каким-нибудь шкипером-каботажником, тот забирает груз на шхуну и отчаливает по своим делам. Шхуна плавает туда-сюда: то в Потти, то в Бердянск, а бочки тоже катаются туда-сюда, качают свое содержимое, доводят его до ума. Перед зимними штормами спиртовые бочки спускают в подвал на полный покой. А весной опять на палубу, на солнечный обогрев, на мерную волну. Так и нагуливаются коньячные звезды: один сезон — одна звездочка, пять сезонов — пять звездочек...

— Ну, это совсем другое дело, — одобрил Петров. — Тут уж без дураков.

Все было бы славно, если бы не этот Сидоров, который возьми да сплюнь:

— А, ерунда!

— Что ерунда? — не понял Иванов.

— Да ерунда все это...

— Да что — ерунда-то?

— Всякие там коньяки...

— Как это — ерунда?

— Ерунда — и все, — стоял на своем Сидоров.

— Не понимаю... Тогда зачем пил?

— Ну дак я... это... Я ведь не для себя... У меня — зуб...

— А что же, по-твоему, не ерунда? — допытывался Иванов.

— А не ерунда вот!

Сидоров достал из авоськи и выставил свою перцовую. Два огненных струча на этикетке выглядели, как скрещенные мечи. Это произвело магическое впечатление. Иванов тут же обلابил посудину, зубами сдернул с нее головной убор и разлил по стаканчикам.

— А ну, посмотрим...

Пока дегустировали, опять полыхнул спор, Иванов обозвал перцовку тоже ерундой и даже хуже — жидкостью для удаления ржавчины, на что Сидоров однотонно твердил:

— Нет, я с этим не согласен. Перцовка — это вещь.

Петров постепенно стал принимать сторону Сидорова, соглашаясь, что некоторые настойки действительно хороши. Он не может ничего сказать о перцовой, но вот калгановая!..

— Будь лопата, — сказал Петров, — пошел бы сейчас и накопал этих чудодейственных корней.

— А на чем настаивать? — усомнился Сидоров.

— Да есть у меня! — сказал Петров, доставая со дна рюкзака бутылку белой.

Тут же засомневались, растет ли где-либо в окрестностях этот самый калган, которого, как оказалось, никто никогда не видел — ни Иванов, ни Петров, ни Сидоров. В конце концов решили водку выпить без калгана, тем паче, что это была особая — коренская, на святой основе — кто же бежит от добра искать другое добро, которого, может, и нет в здешних местах!

В небе зависла огромная луна, слегка притуманенная земной теплыню. Оказалось, что была уже глубокая ночь, что никто так и не услышал вечерних звонов, на фоне которых мечталось поудить...

Перед палаткой над ворошком незажженных дров холодно мерцал котелок с водой, приготовленной для ухи...

Петров еще успел добраться до палатки и там отключился сразу же, облепленный комарами. Иванов же сник прямо на чабрецовом бугорке и басово, с примесью тонких подголосков захрапел, будто растягивал и опять сводил прохудившуюся гармонь...

А в общем-то, ничего особенного и не случилось. Наоборот, событие это весьма типичное и распространенное среди нашего брата-удильщика. Отъезжая на природу на два-три дня, Иванов с Петровым да Сидоровым взяли на два-три дня и этого самого дела... Чтобы по граммушке за обедом и ужином хватило бы на все время поездки, а выпили за один прием. Вот и вышло: хотели как лучше, а получилось, как всегда.

Оно и не удивительно: ведь какая свобода, какая воля, какой воздух! А — поговорить?..

И только Сидоров, уйдя к своей закидушке, к закрывшемуся на ночь репью на светлой озаренной леске, остался сидеть на пустынном голубом песке, под сощуренным взглядом плосколицей половецкой луны.

Закурив свою долгую "Приму", он изготавился ожидать роковой час зуба...

2 Утром, уже при солнце, Иванова растолкали.

Он с трудом разлепил не желающие ничего видеть глаза.

Над ним стоял Сидоров.

Его раздувшаяся правая щека была перевязана не очень свежим носовым платком с желтыми табачными полосами на сгибах. Но событием оказалось не это, а то, что в высоко поднятой руке он удерживал сетчатый садок, в котором, тяжело обвисая, хапал утренний воздух огромный, ну ей-бо, килограмма на два с половиной не язык даже, а язык-ще! Он был так

туго сбит, так тучен, так стеснен своей бронзовой кольчугой, каждая чешуя которой гораздо превышала пять копеек, что и не подпрыгивал даже, не старался как-либо высвободиться из садка, а только пускал розовые пузыри и вяло шлепал огромным темно-бордовым хвостом.

— Ух ты! — наконец дошло до Иванова и он враз подскочил на ноги.

Таким же способом был извлечен из палатки заспанный и погрызенный комарами Петров.

— Вот это да-а! — воскликнул он обалдело. — Вот это начальни-и-ик! На что попался-то? На закидуху?

— На что же еще?..

— Ты скажи... На эту узявную леску с железной забабахой? Никогда не угадаешь... А я все японские телескопы покупаю... Давно поймался?

— Да вот только что...

— Сильно дернул?

— Да нет, — сказал Сидоров. — Слегка репьем пошевелил... Подумал — ерш, а это вон какая чуха... Потом как попер! Как давай сальты выделявать! Думал, сойдет...

— Ну, брат Сидоров, — потер ладони Петров. — С тебя бутыленция...

— Фигушки, — сказал Сидоров. — Это с вас бутылка. Вы всю ночь дрыхли, а я вот видишь... Все бутылки оглядел — нигде ничего. Хоть бы граммушку оставили. Все подчистую... А зуб, как назло. Щеку разнесло... Только солнце встало, а он как давай... Так что с вас причитается. Если по полной справедливости. Вы в селпо мотайте, а я ушей займусь... Ладь?

Идти на поселок, по правде говоря, никому не хотелось. Неизвестно, как у Сидорова, а у Петрова и особенно у грузного Иванова со вчерашнего дня было чертовски нагажено в голове.

Тем временем, по всему было видно, разгорался яркий удушливый день без единого облачка, а до поселка — около трех километров пересеченной местности. Но и Сидорова тоже не пошлешь: с раздутой щекой, перевязанной чумазым платком, местные осадилы вполне примут за типа без определенного места жительства. Но идти все равно кому-то надо: в лагере не осталось ни куска хлеба, ни даже соли, баночку с которой кто-то вчера опрокинул и раздавил. А шофер заедет за ними только вечером, так что весь день предстояло просидеть “на бобах”.

С другой же стороны в предстоящем походе были и плюсовые моменты: возле поселкового моста можно выкупаться и освежиться, а на самом поселке поискать пива...

Попив из котелка холодной водицы, Иванов с Петровым отчалили.

Часа через полтора они благополучно дошли до поселка, одолели крутой взъем и, расспросив, где тут и что, наконец набрали на прохладную изнутри сельповскую лавчонку, не имевшую окон и освещавшуюся лишь открытой дверью. Они купили бутылку какой-то невзрачной водки (другой не было), ковригу хлеба местной выпечки, три минералки, две из которых тут же выпили и вернули пустые бутылки, а третью оставили Сидорову. Пришлось купить кирпич слежалой соли. Для ухи требовалась какая-то щепоть, но соль щепотью не продавалась, из-за чего, выйдя из магазина, Иванов постукал пачкой об угол, отсыпал сколько-то в целлофановый кулечек, а остальное оставил на сельповских ступенях.

Выпитая минералка нисколько не помогла. Побродив по поселку, они возле автобусного пустыря все же выглядели пивную будку, еще издали разившую кролячьей подстилкой. Они взяли две стеклянные банки бочкового пива и отошли в тень под лохматую ракиту, по низу объединенную козами. Козы и сейчас ошивались тут. Петров, хватая их за раскосые рога, вытолкал всех на солнцепек. Под деревом оказалось несколько тарных ящиков, видимо, местные пивники устроили тут свой вертепчик. Не присаживаясь, выпили по первой банке жадно, с булькающим заглотом, чувствуя, как в голове, будто в разгромленной забегаловке, кто-то начал передвигать и ставить на место опрокинутую мебель, распахивать в Божий мир ссохшиеся створки окон. После второй банки в похладневшей голове-забегаловке приятно замурлыкала Лайза Минелли...

Покидая поселок, они поплескались в реке, возле моста и, окончательно обновленные, азартно гнали перед собой пустой пластиковый бачок из-под машинного масла, перепасовывая его друг другу.

За дренажной канавой легко минули заросли дудника и как-то незаметно выбрели на луговину с куртинками молодой лозы, за которыми обозначилась река и проступил острый скос палатки.

— Что-то дыма не видно, — насторожился Иванов. — Обещался же сварить уху к нашему приходу.

— Поди, сварил уже...

— Ну да! — поморщился Иванов. — Завалился и спит.

— Сейчас увидим.

— Слушай, Петров, — оживился Иванов. — У меня идея!

— Что за идея?

— Давай Сидорова разыграем.

— То есть?

— Скажем, что магазин закрыт на учет. Во взвьется!..

— Давай... — одобрил Петров.

Они поставили бутылку под ивовый куст, так, чтобы не очень застилась травой, со стороны противоположной реке,

заломили веточку, потом еще оглянулись, чтобы самим не потерять ориентиры. Похожих лозняковых куртин на лужку было множество, но если смотреть по азимуту палатки, то на этой прямой тайный кустик оказался четвертым. Через несколько шагов они решили спрятать и ковригу хлеба.

Сидоров увидел их еще на подходе и вышел из-за палатки навстречу.

Иванов вдохновенно помахал ему минералкой, и тот поднял сжатый кулак над перевязанной щекой в духе "Но паса-ран!".

— Слушай, Сидоров, — все так же бодро при встрече воскликнул Иванов, дружески кладя ему руку на плечо. — Куда ты нас посылал?

— А что?

— Там же сплошной сандень.

Сидоров покосился на бутылку в руке Иванова.

— Вот, — перехватив взгляд Сидорова, сказал Иванов. — В аптеке едва выпросили. И то одну штуку.

Сидоров еще некоторое время шел рядом с Ивановым, но потом снял с плеча его руку и зашагал один. Верхняя его губа как-то непроизвольно увеличилась и, будто большая садовая улитка, наползла на нижнюю и как бы поглотила ее. Это означало, что Сидоров отрешился и замкнул вход в собственное "я"...

— Ты что — обиделся? — недоумевал Иванов. — Обиделся, да?

Сидоров не ответил и только прибавил ходу.

— Ну, это ты напрасно! А что, зуб по-прежнему донимает? Слушай, может, минералочка поможет, а? Попробуй с солью... Вот, у одной бабки на уху разжились... Ты, поди, уху без соли варил? Или еще не брался?

Сидоров резко повернул влево и зашагал прочь, сделав первые два-три шажка резвой пробежкой.

— Ну, Сидоров! — укоризненно покачал панамой Иванов. — Это ты зря!

Сделав по прибрежной отмели зигзаг, обозначившийся его следами на белом раскаленном песке, Сидоров сбежал вниз, к реке, и решительно сел возле своей закидушки, будто воткнулся острым задом в песок.

— Что будем делать? — осведомился Иванов у Петрова.

— Не надо было ему про минералку. — Петров задумчиво поскреб отросшую щетину (замечено, что после выпивки борода отрастает вдвое быстрее).

— А что тут такого? — усомнился Иванов, созерцая недвижную фигуру закидушника.

— Он из-за минералки обиделся. Человек три часа ждал облегчительный глоток, а ты ему боржом суешь... Он и оскорбился.

Иванов озабоченно обошел Петрова по песчаному кругу, и от его следов сами собой получились древнеегипетские часы, стоя в центре которых, Петров отбрасывал тень на полдень или около того.

В лагере наступила тягостная бессловесная тишина, усугубляемая зноем.

Выдержать это было невозможно, и через полчаса Иванов сошел к реке и тихо подсел к Сидорову. По другую сторону присоединился Петров.

Некоторое время пришельцы сосредоточенно следили за висевшим на леске репьем, который, воспринимая сообщенное леской движение водной массы, слегка вздрагивал, а иногда плавно опускался и поднимался на едва заметные доли.

Колебания репья интриговали и завораживали, и в этом, надо полагать, и заключалась прелесть закидного ужения, которое Иванов и Петров, пожелавшие идти в ногу с современными склонностями, весьма и весьма недооценили.

— Слушай, Сидоров, — смиренно проговорил Иванов. — Ты способен на милосердие?

В ответ — знойно звенящее молчание.

— Ну, прости нас, а? Меня и Петрова.

Сидоров продолжал молчать.

— Простишь, да? Пошутили мы... Ну нетонко, неудачно пошутили... И над кем? Над нездоровым человеком. Его вон как разнесло без профилактики, а мы к нему — с минералкой. Нехорошо, конечно, получилось...

Сидоров резко шевельнул задом, еще глубже якорясь в песок.

Иванов вкрадчиво положил руку на сидорово плечо.

— А бутылку мы все-таки принесли, — сказал он ему на ухо. — Честное пионерское. Петров, подтверди!

Петров ковырнул ногтем большого пальца по передним зубам.

Сидоров не прореагировал и на это, но руки с плеча не сбросил.

— Правда, бутылка не очень высокой родословной. Но зато наша, земляческая. Из родимых грунтовых вод.

— Покажи! — резко пальнул из своей крепости Сидоров.

— Да видишь ли... Мы показать ее не можем... — сказал Иванов.

— Не понял... — опять непримиримо пальнул из башни Сидоров.

— Видишь, какое дело... Мы ее под кустом спрятали. Хотели маленько пошутить... Ты же знаешь... Мы всегда шутим...

— Ничего себе шуточки! — глухо проворчал Сидоров, как бы отпирая свои внутренние засовы. — Нашли чем шутить. Их по-людски ждут, а они шутят. А у человека — зуб...

— Ну все, все, Сидоров, — смягчился Иванов. — Давай, кончай свои закидоны. Пойдем, покажем, где она стоит. Или лучше один сходи, сам убедишься, своими руками потрогаешь. Можешь там же отхлебнуть маленько...

Сидоров, недобро сощурясь, измерил сверху донизу сперва Иванова, потом Петрова и, сделав какой-то вывод, поднялся с песка.

— Пошли, — сказал он решенно.

За палаткой Сидорову рассказали и показали, под каким кустом следует искать бутылку.

— Вон, гляди, на том кусте только что сорока сидела. Усек?

— Ладно, схожу.

Сидоров побрел сутулой походкой минера, как бы готовый к непредвиденному.

Он прошел первые кустики, не обращая на них внимания, минул вторые и только на третьей опояске оглянулся на Иванова и Петрова.

— Давай, Сидоров, — подбадривали те. — Старайся! Вспомни, где сорока сидела...

Сидоров принялся ходить от куста к кусту. Возле некоторых куртинок он останавливался, поднимал нависавшие ветви, шуровал под ними хлобыстинкой.

Наконец он зашвырнул прут и повернул обратно.

На полпути к палатке он вдруг опустился в траву и сел в своей типичной позе, когда ненужные руки свисают с воздетых колен.

— Слушай, Сидоров, — крикнул ему Иванов. — Ты чего вернулся?

— Да нету там ни хрена!

— Я ж тебе кричал: где сорока сидела...

— Какая такая сорока? Врете вы все...

— Ну, не врем, не врем... Просто ты не там смотрел.

— Где сказали, там и смотрел...

— Вот слушай внимательно, — возвысил голос Иванов.

— Никуда я больше не пойду, — уперся Сидоров.

— Ну, как хочешь... А она, сердешная, все-таки существует. Ты тут сидишь, а она там стоит. В тридцати шагах от тебя. Вот ведь какая диалектика, Сидоров. Такая природа вещей!

— Пошел ты...

3 Все, однако, разрешилось как нельзя лучше.

Поостыв, сидя в траве, Сидоров согласился еще на одну попытку и отыскал-таки искомое! Бутылка оказалась вовсе не там, куда прежде посылали его, но, несмотря на это явное коварство, Сидоров впервые просиял улыбкой младенца, в руки которого попала потерянная пустышка.

— Вот она! — потряс он окрестности торжествующим кличем аборигенов с Атабаски и приподнял над белым кепарем посудину, испустившую на солнце слепящие зайчиковые блики.

Однако искать запрятанную ковригу он решительно отказался, предпочтя заняться костром.

К слову сказать, хлеб был замаскирован так искусно, что даже сам Иванов, прятавший ковригу, не смог вспомнить, куда он ее девал, он вынужден был позвать на помощь Петрова.

А пока те двое шарились в кустах, вдохновленный Сидоров успел раздуть теплинку, подвесить на рогатинках котелок со свежей водой, почистить картошечки, ошкурить луковичу, ополоснуть пучок укропа. Все это было положено в котелок еще до кипения, как и дюжина душистого перца, столбик гвоздики и самую чуть сушеной киндзы и только пару лавровых листков Сидоров подоткнул над ухом под кепарик, дожидаясь нужного момента.

— Ух ты! — потянули носами вернувшиеся поисковики. — Все сороки на дух слетелись. Вон, смотри: одна, две... вон еще одна подлетает... Сороку дух пленил...

— Какой дух... — возразил Сидоров, прикуривая "Приму" от горящей веточки. — Я еще рыбу не клал.

— А что, разве еще не пора? — голодно осведомился Петров.

— Давно пора: вон как булькает! — директивно высказался Иванов.

— Пора-то пора... Да мне нельзя в воду. Я теперь с "плюсом". А за рыбой надо в воду лезть. Я садок аж вон куда — на глубокое поставил, чтобы солнце рыбу не томило. Из снулого язя и уха сонная, без живинки...

— А в чем дело? Петров, давай...

— Что — давай?

— Лезь за рыбой. А то картошка переварится...

— Что значит — лезь... Я с поселка всю дорогу кошель нес, а ты луговые цветочки нюхал... И потом: мне вода по грудь, а тебе — по коленки, тебе и лезть. Надо все по-разумному.

— Так вода теплая! Лето же! — настаивал Иванов. — Заодно и ополоснешься.

— Вот ты и ополоснись, от тебя жаром несет, как от калорифера. А у меня еще на кеде шнурок затянулся. Это тоже надо учитывать.

— Я таких жлобов еще не видел, — возмутился Иванов и решительно сбросил джинсы. — В таком случае — рыба голова моя!

— Фигушки!

— А что — твоя? Ну, ты — наха-а-ал!

— Будем тянуть спички, — не согласился Петров. — Чтобы все по пути.

Песок уже полдневно обжигал. Спускаясь к воде, Иванов непроизвольно поддергивал ступни, будто шагал по раскаленной сковородке. Следом бежал Петров — просто так: поболеть, поглядеть, чтобы все по-разумному...

Отмель полого и светло уходила под зеленую воду. Было видно, как за ночь беззубки нарыли замысловатых лабиринтов, напоминавших древние орнаменты. В нескольких шагах от береговой кромки торчала ивовая рогатина, на которую был надет плетеный садок с пойманным язем. Речная стрекозка, эта крошечная балеринка в синей прозрачной юбочке, как ни в чем не бывало взлетала и вновь садилась на ивовый торчак, нисколько не боясь огромной рыбины, таившейся в объятиях садка. Будь язь на свободе и в такой близости, он не преминул бы поцеловать беспечную балеринку в разлетную юбочку...

— А вода!.. — возликовал Иванов, войдя по колени. — Дурак ты, Петров, со своим таким же кедом! На, гляди и завидуй!

Не дойдя малость до садка, Иванов вдруг по-тюленьи, всем своим розовым пузцом вломился в изумрудное зеркало реки. Над ним вскинулся сверкающий взрыв обрушенной воды, рассыпавшейся на мириады брызг и слонцесверканий. Глядя на этот блаженный хаос, Петров наверняка подумал, что именно так где-нибудь на берегах Танганьики плюхаются в озерную прохладу перегревшиеся гиппопо и другие подобные кубатуры.

— Ого-го-го! — взревел Иванов, высовывая из воды одну только кругло обсосанную голову и от его утробного клича тут и там выпрыгнуло из воды сразу несколько перепуганных плотвиц и даже нечто покрупнее...

Воспрянув в полный рост, Иванов отер лицо сразу обеими лапами и показал Петрову самодовольно загнутый большой палец и лишь после этого приступил к главному делу.

А дело состояло в том, чтобы снять с рогульки садок и доставить его на берег. Иванов так и сделал: ухватил садок за дужку и осторожно приподнял.

Садок оказался...

Ну что там говорить при виде такого... Даже у меня, стороннего и непричастного человека, перо вздрогнуло и пошло писать не в ту сторону...

Что же говорить о непосредственных участниках этого события.

Больше всего оно схоже с тем, когда оказывается вскрытым сейф, а его обладатель враз становится нищим...

Садок тоже был как бы вскрыт, потому что в самом его днище зияла огромная рваная дыра, в которую можно было просунуть голову...

— Ты что натворил?.. — заорал потрясенный Петров и, набрав сырого песка, запустил ком в обескураженного Иванова. — Ты что наделал, ханыга?!

— А что я?

— Как это — что? Тебя за это линчевать мало!

— Я же ничего не делал... — оправдывался Иванов. — Ты же все видел...

— Да, я все видел и поклянусь на любой Библии, что это ты, несчастный, натворил.

— Да что? Что?

— Как — что? Смотрите на него: он еще не понял!.. До него не дошло! Да ты же у рыбы под самым носом шарахнулся со всего маху! А у тебя сырого мяса — сто восемнадцать килограммчиков! Этакого стихийного бедствия ни один садок не выдержит, тем более твой — давно прогнивший, который ты, накопитель японских телескопов, почему-то упорно не хотел заменить. Может, оттого, что никогда ничего не ловил, несчастный?

— Как это — не ловил? — взмахнул пустым садком Иванов, все еще стоявший по трусики в воде.

— А-а! — вспомнил Петров. — Извиняюсь: ловил, ловил. Камбалу!

Лучше бы Петров такого не говорил, потому что это было равносильно удару ниже ватерлинии...

Да, действительно, случай такой был. Вот так же, втроем ловили на песчаном карьере. У Иванова стояли тогда три превосходных чешских спиннинга. Один — с колокольцем. Было безветренно, душно, особенно под обрывистым берегом. Иванова разморило, и он, насунув панаму, задремал на своем стульчике. Пользуясь этим, Петров пробрался в лагерь Иванова, снял со спиннинга бдительный колоколец, смотал снасть, вместо живца-малявки нацепил сырокопченую камбалу, которая тогда входила в праздничный спецпакет. Камбалу удалось бесшумно спровадить на дно, колокольчик был водворен на прежнее место, а чтобы он пробил "полундру", то есть "все наверх!", — Петров из укрытия принялся пулять в него мелкими камешками. В какой-то раз он все-таки попал, колокольчик обиженно пожаловался спящему Иванову, тот вскочил. Сделал энергичную подсечку, принялся нетерпеливо накручивать катушку, и вот тебе — камбала!.. Остальное представить нетрудно. Иванов долго гонялся за Петровым, разумеется, так и не заловив его по причине разности веса.

На этот раз дело дошло до того, что Иванов, взъярившись напоминанием о камбале, кинулся преследовать Петрова, но тот так резво стреканул в дикое половецкое подстепье, что Иванову осталось только издали погрозить ему кулаком.

— А в чем дело? — озабочился Сидоров, подходя к возмущенному Иванову с деревянной ложкой, которую успел выстругать из раковой коряжки. От ложки остро, возбуждающе пахло варевом. — В чем, спрашиваю, дело?

— Рыба ушла! — возопил Иванов.

— Как — ушла? Куда ушла?

— Куда, куда... В одно место.

— погоди, Иванов. А кто говорил, что уха бывает только с укропом? Если с укропом — то пожалуйста к столу!

— Ты что, не понял? — побагровел Иванов. — Ры-ба ушла. Язь! Накрылась уха. Дошло?

— А-а... — как-то равнодушно кивнул Сидоров. — Дак это я ее и накрыл... Вот пойдем...

Он отвел Иванова в сторону, под навес старой береговой ракушки и там приподнял с травы огромный лист лопуха с торчащим вверх стеблем.

Под лопухом, на таком же зеленом листе важно возлежал начальственно взиравший язь, не подозревая, что его уже потрошили и слегка посолили.

Иванов для убедительности потрогал рыбий глаз пальцем, почувствовал его прохладу и очевидность и, выпрямившись и поднеся ко рту ладони, прокричал убежавшему в пойму Петрову:

— Ладно, выходи... Не трону! Все — по нулям!

4 Я не стану далее описывать само пиршество: как в теще и прохладе молодых ивиц разостлали видавшую виды самобранку, против каждого положили по лопушку — для сплевывания рыбных косточек, а также выставили белые легкие стаканчики; как был торжественно доставлен черный, с пепловой сединой старый рыбацкий котелок, уже давно ставший всеобщим дружком и сегодня источавший потрясающий запах, от которого нетерпеливо вздрагивали ноздри и который приводил к мысли, что истинная свобода должна пахнуть рыбацкой ухой; как кто-то сходил к вырытому в песке колодчику, где до поры охлаждались две подружки — водочка и минералочка, которые и были водружены среди честной компании и обозначили собой кульминацию момента...

Я только под конец замечу, что когда водка была при полном молчании налита в приподнятые бокальчики и было произнесено неувядаемое гагаринское "Поехали!", Петров, прежде, чем поднести к губам свою чарку, едва заметной скошенностью глаз задержался на Иванове. А тот в самый раз вскинул руку и с каким-то неудержимым замахом и вдохновением опрокинул в розовый рот содержимое своего стаканчика. Но Петрова интересовал не этот момент, а как после выпитого Иванов вдруг выпучил глаза и на какое-то время замер в страдальной гримасе.

— Это же вода-а! — вымолвил он наконец потрясенно.

После такого известия Петров благоразумно опустил свой стаканчик. Сидоров, понюхав посудину, тоже повременил.

— Какой же это мерзавец...

Петров и Сидоров переглянулись: мерзавцев не было.

Просто все произошло само собой. С охлаждавшихся бутылок слетели этикетки. Кто-то попытался вернуть их на прежнее место, но, видимо, не совсем удачно: на боржомовую бутылку попала этикетка водочная, а на водочную — боржомовая. Бывает!..

Зато потом, когда разобрались, вновь искренно и дружески зазвучало:

— Ну, будь здоров, Иванов!

— Будь здоров, Петров!

— Будь здоров, Сидоров!

Тогда же всем участникам торжественно было вручено по самой крупной язывой чешуе, каждая из которых, право, превышала пять копеек... ■

19 июля 1999 года

исполняется 5 лет со дня создания
Негосударственного пенсионного фонда

“ЛУКОЙЛ-ГАРАНТ”.

Редакция журнала “Смена”
поздравляет тысячи пенсионеров —
участников “ЛУКОЙЛ-ГАРАНТа”

и его коллектив с первым заслуженным юбилеем.

Искренне желаем
лучшему пенсионному фонду России
дальнейшего процветания
и благополучия,
мужания
и долголетия.

СВИНЦОВАЯ ГОЛОВА

ЛЮБОВЬ РУСЕВА

рисунок Геннадия Новожилова

Екатерина II резко поднялась с кресла и стала широким быстрым шагом ходить по своей уборной. Государыня была в гневе.

— Полицию, называемую инако благочиние, — говорила она, на ходу засучивая рукава платья, — я утвердила для споспешества доброму порядку и удобнейшему исполнению законов...

Неожиданно императрица остановилась перед небольшим столиком, налила в стакан воду и залпом ее выпила.





— Александр Васильевич, — обратилась она к своему статс-секретарю Храповицкому, — пошли за обер-полицеймейстером Рылеевым. Пусть он немедленно явится ко мне.

— Слушаюсь, ваше императорское величество.

Статс-секретарь поклонился и вышел из уборной.

Раздражение императрицы внешне выражалось довольно однообразно: глаза ее темнели, щеки покрывались красными пятнами, она часто пила воду, засучивала по локоть рукава и беспрестанно быстро ходила.

Сегодня во время утреннего туалета обер-гофмейстер граф Александр Андреевич Безбородко и генерал-фельдцейхмейстер князь Платон Александрович Зубов рассказали о возмутительном поведении одного пристава — подполковника Верещагина. Накануне вечером последний неизвестно за что поколотил бомбардира сержанта Ларионова, которого князь Зубов послал с пакетом к графу Безбородко.

Этот произвол и стал причиной гнева императрицы.

— Так выполняется мой указ о запрете рукоприкладства! — бушевала монархиня, продолжая ходить. Сановники сидели молча.

— Господин обер-полицеймейстер Рылеев, — раздался голос камердинера.

Екатерина Алексеевна резко остановилась и обернулась к дверям. В уборную вошел высокий сухопарый генерал. Фигура его была довольно нескладной. Особенно бросались в глаза непропорционально длинные руки с огромными кулаками.

Лицо обер-полицеймейстера было длинным и плоским. Маленькие навывкате глаза располагались очень близко к переносице и постоянно моргали, от чего лицо, которое и так-то не носило печати интеллекта, становилось еще более глупым. Белесые брови, расположенные в виде двух запятых, обращенных друг к другу, придавали выражению лица удивление и недоумение. Благодаря парик от постороннего взгляда скрывалась еще одна достопримечательность обер-полицеймейстера — уши. Они, как и руки, были непропорционально велики, к тому же сильно топорчились.

— Никита Иванович! — обдав холодным стальным взглядом вошедшего, воскликнула государыня.

Императрица не стала выслушивать приветствие перепуганного насмерть обер-полицеймейстера и не допустила его к своей руке. Она вновь нервно зашагала по уборной.

— Проступок пристава сугубо нагл и дерзок! — продолжила Екатерина. — Не дана власть полицейским офицерам самолично ударить кого-либо!

При этих словах Рылеев побледнел и втянул шею в плечи.

— Кроме личной обиды, нанесено оскорбление мундиру всего артиллерийского корпуса!

Государыня вновь подошла к небольшому столику, на котором стоял графин с водой, налила в стакан воду и так же залпом ее выпила.

— Не сделано уважение и тем особам, от кого и к кому сержант послан! — продолжила она.

Обер-полицеймейстер покосился на могущественных вельмож. Казалось, он вовсе перестал дышать и ростом сделался гораздо ниже.

— Прикажите тотчас частного пристава Верещагина арестовать, отпустить от должности! — продолжала императрица. — На его место определить другого и оповестить о сем по всем частям Управления Благочиния! — и, остановившись напротив Рылеева, бросила ему в лицо: — Ступайте!

Дождавшись, когда за обер-полицеймейстером закроется дверь, Екатерина Алексеевна более спокойно обратилась к Безбородко и Зубову:

— Вы, господа, пока свободны.

Вельможи раскланялись и удалились. Императрица же отправилась в свой кабинет. Войдя в него, Екатерина Алексеевна увидела своего любимца — обер-штальмейстера Нарышкина, который удобно расположился на диване и внимательно читал какую-то бумагу. Настроение у нее несколько улучшилось.

Лев Александрович являлся душой блестящего двора. Большой оригинал, живой и остроумный человек, он органически не выносил интриги — редкая черта того времени. Шутка, шалость, дурачество, легкая ирония — вот та атмосфера, которая окружала Нарышкина. Часто ему доставалось за дурачества, но он возвращался к ним, меняя только форму. Многие называли его шутком государыни, и это было по-своему верно: за его шуткой чаще всего крылась правда, которая открывала Екатерине злоупотребления.

— Доброе утро, Левушка, — поздоровалась императрица.

Нарышкин не ответил и продолжал сосредоточенно читать.

— Лев Александрович! — воскликнула Екатерина Алексеевна, возмущенная его неучтивостью.

— Государыня, ты известила полицию о пожаре? — вместо приветствия серьезно спросил обер-штальмейстер.

— О каком пожаре, Левушка? — опешила Екатерина.

— Как о каком? Который должен произойти во дворце.

— Ты что несешь, голубчик? — улыбнулась императрица, решив, что это очередная шутка ее любимца.

— Я не несу, голубушка, не несу, а сие есть приказ обер-полицеймейстера Рылеева. Читай, коли не веришь, — и Нарышкин протянул ей листок.

— Объявить всем хозяевам домов, — читала вслух Екатерина, — с подпискою, чтобы они заблаговременно, и именно за три дня, извещали полицию, у кого в доме имеет быть пожар.

Императрица взглянула в лукавые глаза обер-штальмейстера.

— Это даже для Никиты Ивановича слишком, — сказала она без улыбки.

Никита Иванович Рылеев, или шалун, как его называл Нарышкин, начал службу в 1760 году, следовательно, родился он в конце 1740-х годов. Более точная дата его рождения неизвестна. В марте 1776 года Рылеев стал полковым секретарем в канцелярии лейб-гвардии Преображенского полка, а в 1777 году был уже полковником.

В 1783 году императрица назначает его петербургским полицеймейстером, а 1 января 1784 — обер-полицеймейстером северной столицы. В этом же году Рылеев произведен в бригадиры. Через два года он стал генерал-майором.

Знаменит же Никита Иванович был не только своей тупостью, но и тем, что разрешил напечатать книгу Радищева «Путешествие из Петербурга в Москву», глубокомысленно заключив из заглавия произведения его безобидность и развлекательность.

В начале 90-х в Петербурге было получено известие, что революционное правительство Франции послало одного из своих фанатов «с злым умыслом — на здоровье императрицы».

Генерал-майору Кашкину (главный командир в Конторе Вотчинного Правления Царского Села) и Алексею Токареву (городничему города Софии, к которому было приписано Царское Село) было приказано строго следить за приезжающими в Царское Село иностранцами.

— Ваше сиятельство, вызывали? — спросил вошедший в кабинет генерал-губернатора графа Якова Александровича Брюса обер-полицеймейстер Рылеев.

Граф Брюс расхаживал по кабинету и был явно чем-то озабочен — это понял даже Рылеев.

— Никита Иванович, от имени государыни поручаю вам зело сурьезное и весьма тайное дело, — остановившись, важно, скорее даже торжественно, заявил генерал-губернатор.

Рылеев выпрямился, и лицо его стало таким же торжественным, как и у Брюса.

— Государыня приказала разведать, чем занимается только что прибывший из Парижа француз.

— Понимаю, — глубокомысленно молвил обер-полицеймейстер.

— Поручение сие зело важно, — еще больше выпрямившись, сказал генерал-губернатор и добавил, понизив голос: — думаю, сей француз и есть тот самый, коего якобинцы и франкмасоны — сии разрушители власти — прислали отравить нашу матушку-императрицу ядом. — Голос графа при этом предательски дрогнул.

— Истинно так, — подтвердил обер-полицеймейстер. — Француза прислала сия шайка крамольников.

Оба почему-то были уверены, что их любимую повелительницу должны были известить непременно при помощи яда, и не допускали даже малейшей мысли, что ее возможно убить каким-либо оружием.

— Теперь вы понимаете, что судьба империи в наших руках, — трепетно произнес Брюс, голос которого от понимания важности порученной им миссии прерывался.

Точно так же замирало дыхание и у Рылеева. С сознанием ответственности и важности момента они обсудили всевозможные меры пресечения этого невиданного злодеяния. Постепенно чиновники перешли к результатам их грандиозного предприятия и договорились до того, что стали обсуждать награды, которые они получают от блестяще проведенной операции, как бы мы теперь сказали, по обезвреживанию преступника. Оба уже видели себя в лентах и мысленно пересчитывали количество деревень и душ крестьян, которыми их наградит благодарная императрица.

— В общем, так, — подвел итог граф Брюс, хлопнув по плечу Рылеева, — разыщи-ка ты, Никита Иванович, мне сего француза сегодня же. Из-под земли достань и доставь сюда. Понял?

— Понял, Яков Александрович, — переходя на дружеский тон, ответил обер-полицеймейстер.

— Иди, дружок, ищи!

Рылеев повернулся и уверенно зашагал к двери, но вдруг остановился и, обернувшись, спросил:

— А кого искать-то, ваше сиятельство? — Важности как не бывало, лицо его приняло обычный глуповатый вид.

— Француза, болван, — взорвался генерал-губернатор.

Подобный тон не был присущ графу, но уж слишком большим диссонансом предыдущему разговору прозвучал вопрос.

— А как фамилия сего француза? — не унимался «тупой» обер-полицеймейстер, но спросил уже не столь уверенно, сомневаясь в правомерности своего вопроса.

Граф Брюс от неожиданности разинул рот — именно это-то он и запямятовал. Как ни силился генерал вспомнить названную императрицей фамилию парижанина — не смог. Вернуться к императрице и признаться, что он забыл фамилию того, за кем нужно было следить, граф боялся. Он и так почти ежедневно выслушивал от государыни выговоры.

“Спасители” Отечества стояли пни пнями, не зная, что предпринять. Наконец обер-полицеймейстера осенила гениальная догадка — отыскать надо последнего, кто прибыл в Петербург из Парижа.

— Да, Никита Иванович, именно так! Сыщи-ка мне последнего — он и есть тот, о котором государыня приказала, — сказал генерал-губернатор, довольный тем, что счастливо выпутался из сложной ситуации.

— Сыщу, Яков Александрович, всенепременно сыщу... Из-под земли достану и сегодня же сюда его доставлю, — твердо обещал обер-полицеймейстер.

Рылеев пошел в свой кабинет. По всему было видно, что этот рьяный чиновник погружен в размышления. Прикидывал же он, конечно, как бы быстрее найти террориста, приехавшего отравить государыню. Пройдя через зал, обер-полицеймейстер встретил в приемной комнате одетого по последней моде щеголеватого человека, надушенного духами. Незнакомец, увидев Рылеева, подошел к нему, приветливо улыбаясь и, манерно раскланиваясь, заговорил по-французски:

— Monseigneur je viens seulement d'arriver ...*

Как только Рылеев услышал слово «arrive», он моментально развернулся на сто восемьдесят градусов и быстрыми шагами пошел обратно в кабинет графа Брюса. На беду парижанина Рылеев знал французский язык, правда, через пень колоду — из трех-четырех слов понимал только одно.

Не успев еще до конца растворить дверь кабинета генерал-губернатора, Рылеев крикнул:

— Граф, француза я поддел, он здесь!

Известное усердие обер-полицеймейстера и быстрота исполнения его приказа не столько удивили, сколько обрадовали генерал-губернатора.

— Никита Иванович! — в порыве радости закричал он Рылееву. — Что время терять? Допросим скорее бездельника. Лучше будет для нас,

* Господин, я только что прибыл...

когда мы сами всю тайну выведаем у злодея. Какая нам в том выгода передать его Шешковскому? Мы нашли — а лавры и награды ему?!

Не теряя времени, генералы приказали приготовить розги, вошли в кабинет Рылеева, призвали шестерых людей, пригласили француза и велели его раздеть. Экзекуция началась. Четверо громил держали тщедушного француза, двое что было сил хлестали его розгами, а граф Брюс допрашивал:

— Qui sont ceux qui l'ont envoye a Petersbourg pour empoisonner Sa Majeste l'imperatrice?

Несчастный француз вместо ответа только вопил под розгами.

— Ишь, каналья, как кричит! — морщась, заметил Рылеев. — Нет, чтоб признаться. Да, крепкий орешек. Но ничего, у нас заговорись!

Наконец французиска изнемог и перестал визжать. Ничего не добившись, Брюс и Рылеев прекратили пытку. Не зная, что еще предпринять, чтобы открыть тайну, они решили позвать на совещание правителя канцелярии. Объяснив последнему причину вызова, незадачливые палачи попросили совета.

— Что же нам предпринять, чтобы выведать у француза всю истину, для чего он прибыл? — спросил граф. — Розги не помогли — молчит каналья.

— Ваше сиятельство, вы изволили видеть его паспорт, изволили спрашивать, кто он таков?

— Нет, я ничего не видел и не спрашивал. Никита Иванович все знает.

— Никита Иванович, — обратился правитель канцелярии к обер-полицеймейстеру, — да вы как о том узнали, что сей прибывший француз намерен произвести адское злодеяние — отравить государыню?

— Да он, братец, сам мне об этом сказал.

У правителя канцелярии от удивления глаза расширились, но зная отменную глупость обоих, он продолжал расспрашивать:

— Да как он вам это сказал?

— По-французскому, братец, по-французскому, — возмутился Рылеев, — ты что думаешь, не знаю я, что ли? Он сказал: je viens d'arriver, а ведь государыня и повелела отыскать новоприехавшего, так кто же он еще, как не посланный франкмасонами? Он из приезжих из-за границы самый последний. Никто после него не приезжал! — привел неоспоримый аргумент обер-полицеймейстер.

Чиновник ужаснулся.

— Ваше сиятельство, — обратился он к генерал-губернатору, — неосмотрительность большая. Дело должно кончиться весьма для вашего сиятельства неблагоприятным образом.

Граф Брюс по природе своей не был злобным и жестоким человеком. Он не только испугался последствий совершенной им глупости, но и раскаивался в том, что так варварски оскорбил человека, не зная даже, кто он был таков.

— Голубчик, — обратился граф к правителю канцелярии, — Богом заклиная, поправь ты это происшествие, успокой высеченного францу-

* Кто тебя послал в Петербург чтобы отравить императрицу?

за. Удружи, любезный, постарайся сделать как-нибудь — авось выгорит...

Вздыхнув, правитель канцелярии подошел к французу — *авось* удастся по крайней мере хоть *как-нибудь* узнать, кто он таков и по какой надобности прибыл в Россию.

Парижанин, рыдая от боли и унижения, не мог ни слова сказать в ответ, только сунул чиновнику в руки свой паспорт и четыре рекомендательных письма к графу Брюсу.

— Ваше сиятельство, — укоризненно сказал правитель канцелярии, — сей «злодей» был главным поваром бывшего французского министра Верженя, и из сих рекомендаций следует, что он прибыл в Петербург по вашей же просьбе.

— Боже! — хлопнув себя по лбу, воскликнул граф.

Некоторое время назад граф действительно попросил одного из русских вельмож, отправившегося в Париж, подыскать ему искусного повара и предложить тому содержание шесть тысяч рублей в год.

Яков Александрович чуть ли не со слезами на глазах просил жертву своего усердия простить его, но гордый француз не желал ничего слышать.

— Je vais malresser ma plainte a l'ambassadeur de la Frانس! — продолжая всхлипывать, гордо заявил повар-виртуоз. — Dans ce cas il s'agit de mon honneur, qui est blesse. Set honte qui m'a couvert on ne le rachete que par le sang! — патетически закончил он свою речь.

Удвоенная сумма годового содержания безусловно удовлетворила честь парижанина, и дело наполовину было улажено.

Генерал-губернатор и обер-полицеймейстер не знали как и отблагодарить правителя канцелярии за примирение. Но как сообщить о случившемся императрице? А доложить было необходимо. Если об этом происшествии, не дай Бог, кто-нибудь донесет государыне раньше — беды не миновать обоим!

Граф Брюс с повинной головой отправился к государыне. Долго негодовала Екатерина, Яков Александрович, стоя на коленях, умолял помиловать их с Никитой Ивановичем. Оба на этот раз отделались взбучкой и легким испугом.

Несмотря на ограниченные умственные способности Рылеева, Екатерина II, по всей видимости, благоволила к нему, так как даже находясь на должности полицеймейстера, он был включен в ограниченное число лиц, которые по приказу императрицы допускались во дворец за пост кавалергардов, занимавших внутренний караул.

Любопытно, что, славившаяся умением подбирать достойных и талантливых на высшие государственные посты, императрица терпела иногда рядом с собой совершенно ограниченных, или как тогда говорили, — людей со свинцовыми головами.

Очень часто причиной того, что императрица держала около себя не совсем достойных людей, была жалость.

* Я буду жаловаться французскому послу. Пострадала моя честь. Подобный позор смывается только кровью!

Екатерина Алексеевна, любя шутку и веселье, в то же время не жаловала шутов. Исключение составляла Матрена, которая попала к ней совершенно случайно и осталась жить во дворце на всем готовом. Матрена имела свободный доступ к государыне, называла императрицу сестрицей и рассказывала ей о слышанном в городе, переносила придворные сплетни. Слова шутихи императрица иногда принимала к сведению и перепроверяла факты, но чаще всего пропускала их мимо ушей.

Однажды самозванка-родственница по неизвестным причинам стала клеветать на обер-полицеймейстера Рылеева.

— Знаешь ли, сестрица, — напевала она, — все им недовольны.

— За что же это? — поинтересовалась Екатерина Алексеевна.

— Молвят, что пристрастен да нечист на руку, — произнесла Матрена и поджала губы.

— Небось, навет да и только, — ответила императрица. — Никита Иванович умом не блещет, но он честен и исполнительен. Небось, кто-то набедокурил, а он спуску не дал. Вот и болтают почему зря.

— А вот и не зря! — затараторила шутиха. — Вот и не зря. Знаю я...

— Бог мой, да что же ты знаешь такое страшное про него?

— Знаю... Я много чего знаю про сего прохвоста, да вот расстраивать тебя, сестрица, не хочется.

— Ну ладно, пойдем прогуляемся, — примирительно сказала императрица и больше не заговаривала об этом.

На следующий день, выслушав доклад Рылеева, Екатерина Алексеевна сказала ему:

— Никита Иванович, ты бы послал для святок Матрене чего-нибудь из зимних запасов. Право, сделай это. Только не открывай, что я присоветовала.

Обер-полицеймейстер не понял, что бы это значило, но отправил несколько свиных туш, индеек, гусей, уток. Все было принято благосклонно. Через несколько дней Екатерина Алексеевна сама начала порочить Рылеева в присутствии самозванки.

— А ты, Матрена, была права, — сказала она.

— Я всегда права, сестрица, — отреагировала та мгновенно. — А в чем это я права?

— Да насчет обер-полицеймейстера. Он действительно оказался мерзавцем.

— Ну уж и мерзавцем, — буркнула шутиха и заерзала на кресле.

— Да, он, как ты и говорила, не чист на руку, поэтому я решила его сместить. Уже и указ заготовила...

— О нет, сестрица! — испуганно воскликнула взяточница.

— Ну как же! Ведь ты сама мне недавно об нем говорила, — удивилась императрица.

— Я виновата пред Никитой Ивановичем, ошиблась на его счет.

— Ты же всегда права и никогда не ошибаешься, — уколола императрица. — Сама говорила, что его все не любят.

— И на старуху бывает проруха, — заворчала Матрена. — Ошиблась, тебе говорят. Все в один голос твердят, что он человек доброй да честной.

— Так, так, — усмехнулась Екатерина Алексеевна, — тебе это напечатали его жирные гуси али свиные туши? Впредь учти, я не потерплю,

чтоб предо мною порочили на удачу людей, и прошу тебя — наперед будь осторожнее.

Поднявшись по малой лестнице дворца, статс-секретарь Храповицкий вошел в одну из комнат императрицы, где стоял его рабочий стол. Занявшись бумагами, он не заметил, как вошла камер-юнг-фрау Перекусихина.

— Здравствуйте, Александр Васильевич.

— Доброе утро, Марья Саввишна.

— Не очень-то оно доброе сегодня, голубчик.

— Что случилось? Чем вы так расстроены? — сочувственно спросил статс-секретарь.

— Вчера околела одна из любимых собачек государыни. Всю ночь проплакала моя голубушка.

— Печально, — отозвался Храповицкий. — Екатерина Алексеевна трогательно привязана к своим питомцам.

В этот момент в кабинет вошла императрица. Она была бледней обычного, глаза покраснели от слез и слегка припухли.

— Сожалею, государыня.

— Благодарю за сочувствие, Александр Васильевич. Сутерланд был ласковой псинкой.

— Да. А помните, как вы сердились на меня два дня кряду за то, что моя собачка укусила его во время прогулки?

Екатерина Алексеевна тяжело вздохнула.

— Помню... Александр Васильевич, сегодня к девяти часам должен прийти обер-полицеймейстер Рылеев для доклада.

— Он уже здесь, государыня.

— Пригласите его, пожалуйста.

— Сию минуту, государыня.

В кабинет вошел Рылеев. Он поклонился императрице, подошел к ее руке, после чего, полный достоинства и важности, открыл папку, собираясь достать документы.

— Никита Иванович, насколько я помню, дело у вас не очень срочное.

— Да, ваше императорское величество, особой срочности нет, но и тянуть с ним не стоит.

— Отложите-ка его на несколько часов. Тут неожиданно открылось весьма грустное обстоятельство. Это дело, кое не терпит отлагательств.

— Приказывайте, государыня.

— Вы моего Сутерланда знаете?

— Точно так, государыня.

— Нужно сделать из него чучело.

— Что-о-о?! — выпучив глаза на императрицу, воскликнул обер-полицеймейстер.

— Вы должны сделать чучело из Сутерланда, — с расстановкой повторила Екатерина Алексеевна.

— Государыня, ну почему именно я? — Потрясенный этим необычным приказом, Рылеев стал заикаться.

— А кому прикажете мне сие дело поручить, как не вам? — удивилась Екатерина Алексеевна. — Не сенаторам же...

— Да... но...

— Господин обер-полицеймейстер, — раздраженно оборвала Рылеева императрица, — ваше дело бесспорно и точно исполнять все мои приказания.

— Государыня, помилуйте... увольте...

— Идите и немедленно приступайте к делу.

— Слушаюсь, ваше императорское величество, — удрученно произнес Рылеев, поклонился и вышел.

На лестнице растерянный обер-полицеймейстер столкнулся со статс-секретарем.

— Александр Васильевич, не кажется ли вам, что государыня сегодня... м-м-м... несколько не в себе?

— Что же тут удивительного, Никита Иванович? Вы же знаете ее чувствительное сердце и как она реагирует на подобные вещи.

— Так то оно так, да только я никогда не исполнял подобного поручения. Я пытался возразить, да императрица так рассерчала...

— Ах, Никита Иванович, приказы надо выполнять, а не обсуждать. Матушка и так расстроена, всю ночь проплакала, а тут еще вы перечить вздумали!

— Да... но... чучело?! Из Сутерланда чучело?! — спускаясь по лестнице, бормотал Рылеев. — Господи, за какие грехи ты меня так наказал?

Храповицкий с удивлением смотрел вслед обер-полицеймейстеру, который справедливо слыл недалеким человеком, но такой дубиной выглядел впервые.

— Карл! Карл! — В богатую и со вкусом прибранную гостиную вбежала седая сухопарая женщина. Лицо ее выражало испуг, смешанный с недоумением.

— Что случилось, Марта? — тревожно спросил Карл Иванович. Он впервые видел свою флегматичную жену в таком состоянии.

— Карл, наш дом окружен солдатами, и с тобой желает переговорить господин Рылеев.

— Но что обер-полицеймейстеру нужно от меня в такое время?

— Не знаю.

— Проси его сюда и отправляйся к себе.

— Господин Сутерланд, — смущенно произнес вошедший Рылеев, — с прискорбием должен сообщить вам приказ императрицы, строгость которого меня пугает. За какой проступок вы подверглись гневу Ея величества?

— Я? Я ничего не знаю, — растерянно пролепетал придворный банкир, — и, признаюсь, не менее вас удивлен. Но скажите же, наконец, какое наказание мне определено?

— У меня, право, не достаёт духу, чтоб вам объявить его...

— Неужели я потерял доверие государыни императрицы?

— Если б только это! Я бы так не опечалился.

— Так что же? Не хотят ли меня выслать отсюда?

Карл Сутерланд был богатым иностранцем, который вот уже пятнадцать лет как принял русское подданство. Он сумел приобрести расположение императрицы и благодаря своей безупречной честности и значительному богатству стал придворным банкиром.

- Это было бы неприятно, но с вашим состоянием везде хорошо.
- Господи! — воскликнул испуганный Сутерланд, может быть, меня хотят сослать в Сибирь?!
- Увы, оттуда возвращаются!
- В крепость меня сажают, что ли?
- Это бы еще ничего... И из крепости выходят.
- Боже мой, — пролепетал, побледнев, старик, — уж не иду ли я под кнут?
- Истязание страшное, но от него не всегда умирают.
- Как! — воскликнул пораженный хозяин, — моя жизнь в опасности?! Императрица на днях еще говорила со мной так милостиво. Неужели она ... Но я не могу этому поверить! О, говорите же скорее! Лучше смерть, чем эта неизвестность!
- Государыня приказала мне сделать из вас... — обер-полицеймейстер запнулся, — приказала мне сделать из вас чучело.
- Чу... чучело?! — вскричал пораженный Сутерланд. — Да вы с ума сошли!
- Банкир подозрительно посмотрел на Рылеева, но убедившись, что тот все-таки в своем уме, окончательно пал духом.
- И как же вы, Никита Иванович, могли согласиться исполнить такое приказание, не представив государыне всю его жестокость и нелепость?
- Ах, братец, я сделал то, что мы редко позволяем себе делать. Я удивился и огорчился, я хотел даже возражать, но императрица так рассердилась! Выговорила мне за непослушание и велела тотчас же исполнить ее приказание.
- Банкира захлестнули различные чувства — удивление, гнев и отчаяние сменяли друг друга.
- Карл Иванович, даю вам срок четверть часа, дабы вы привели свои дела в порядок.
- Никита Иванович, голубчик, позвольте мне написать письмо государыне, я хочу прибегнуть к милосердию Ея величества, — взмолился несчастный.
- Не могу, ей Богу, не могу, — дрожащими губами ответил Рылеев. — Доселе я никогда не видел императрицу в таком гневе.
- Никита Иванович, родненький, помилосердствуйте. Дайте мне возможность попытаться живот свой сохранить.
- Бог с вами, голубчик, семь бед — один ответ, пишете, — сдался, наконец, обер-полицеймейстер.
- Взяв письмо банкира, Рылеев отправился к сенатору графу Брюсу.
- Но сие послание адресовано государыне, — удивился генерал-губернатор, взглянув на конверт.
- Точно так, ваше сиятельство.
- Так почему же ты привез его мне?
- Не посмел... Боюсь...
- Чего не посмел? Чего боишься? Да говори же толком!
- Я пытался перечить... Государыня разгневалась... Я отправился, а он разрыдался, уговорил...

— Ты что, братец, белены объелся?! Куда отправился? Кто разрыдался?

В ответ обер-полицеймейстер промычал что-то нечленораздельное и мотнул головой на письмо. Граф вынужден был прочесть его, после чего в недоумении посмотрел на Рылеева.

— Ты что, с ума сошел? — воскликнул он гневно.

— Никак нет, ваше сиятельство.

— Так ты утверждаешь, что императрица приказала тебе сделать из придворного банкира Сутерланда чучело?

— Точно так, ваше сиятельство.

— Следуй за мной.

Генерал-губернатор вместе с обер-полицеймейстером немедленно отправились во дворец. По дороге графу Брюсу удалось вытянуть из Рылеева подробности...

— Государыня, прости, что в неурочное время тебя беспокою, но дело чрезвычайно срочное и весьма странное.

— Что произошло, Яков Александрович? — тревожно спросила Екатерина.

— Кажется, один из твоих верноподданных лишился рассудка и может набедакурить.

— О, Боже, этого только не хватало! Да кто же это?

— Обер-полицеймейстер Рылеев утверждает, что ты, матушка, приказала ему сделать чучело из придворного банкира.

— Что?! Я?! Из Карла Ивановича — чучело?! — Екатерина не верила своим ушам. — Боже мой! Какие страсти! Рылеев точно помешался! Яков Александрович, беги скорее сказать этому сумасшедшему, чтобы он сей час поспешил утешить и освободить моего бедного банкира!

Граф Брюс вышел, передал приказ обер-полицеймейстеру и вернулся в кабинет. Перемена, произошедшая в Екатерине за эти минуты, была настолько разительна, что сенатор испугался за ее рассудок, — государыня хохотала, как сумасшедшая.

— Матушка?!

— Яков Александрович! — только и смогла произнести императрица и махнула рукой, продолжая заливаться неудержимым смехом.

Граф Брюс подал ей стакан воды. В это время в кабинет вошел Храповицкий. Статс-секретарь переводил удивленный взгляд с хохочущей императрицы на растерянного генерал-губернатора. Только через несколько минут Екатерина Алексеевна, утирая слезы, смогла выговорить первые слова:

— Александр Васильевич, Рылеев арестовал моего придворного банкира, дабы сделать из него чучело.

— Что?! — воскликнул Храповицкий, и брови его высоко взлетели, но в следующее мгновение он разразился хохотом. К нему присоединилась Екатерина.

— Да в чем же дело? — с досадой спросил граф.

— Яков Александрович, — слегка успокоившись и отдышавшись, проговорила императрица, — мы поняли причину этого страшного и в то же время забавного происшествия. У меня была маленькая собачка, ко-

тую я очень любила. Ее звали Сутерландом, потому что я получила ее в подарок от Карла Ивановича. Вчера она околела, и я приказала обер-полицеймейстеру Рылееву сделать из нее чучело, но, видя, что он не решается, я рассердилась, приписав его отказ тому, что он из глупого тщеславия считает это поручение недостойным себя. Вот вам и разрешение этой странной загадки.

Кабинет вновь потряс хохот. Смеялись уже трое.

При невысоком уровне умственного развития почти всех чинов полиции того времени, особого выбора на главу Управления Благодичиния (т.е. Полицейского Управления) не было. Поэтому основным критерием в данном случае служили исполнительность и трудоспособность. Екатерина II была довольна расторопностью и старательностью обер-полицеймейстера Рылеева.

25 июня 1791 года Григорий Александрович Потемкин-Таврический давал последний праздник в Петербурге, который остался памятен своей невиданной роскошью.

На площади перед Таврическим дворцом, около казарм Конной гвардии, фаворит устроил для черни различные угощения и увеселения. Народное гулянье должно было начаться при появлении кареты императрицы.

Распорядитель перепутал экипаж и дал знак к началу праздника гораздо раньше прибытия государыни. Когда императрица подъехала к дворцу, на площади стоял уже невообразимый беспорядок. Проехать не было никакой возможности. Недовольная этим, Екатерина Алексеевна подозвала находившегося тут же обер-полицеймейстера Рылеева.

— В прекрасном порядке я совершенно узнаю вас, Никита Иванович.

— Радуюсь, что имею счастье заслужить удовольствие Вашего Величества! — воскликнул Рылеев.

Екатерина вздохнула и, ничего не ответив блюстителю порядка, повернулась к статс-секретарю Храповицкому:

— Ежели полковые офицеры малый рассудок имеют, то от практики делаются способными обер-полицеймейстерами, но здешний сам дурак, он этим не воспользуется.

Тем не менее она держала этого «дурака» при себе и возвышала.

— Ему пора в губернаторы, — сказала Екатерина II Храповицкому. — Занимая долго одно место, они делаются ворчунами.

2 сентября 1793 года Никита Иванович Рылеев стал губернатором, а спустя три года Екатерина Великая в последний раз его отличила — произвела в генерал-поручики.

Вступивший после нее на престол Павел Петрович наградил Рылеева орденом Святой Анны 1-й степени, что свидетельствовало о милостивом расположении к нему императора.

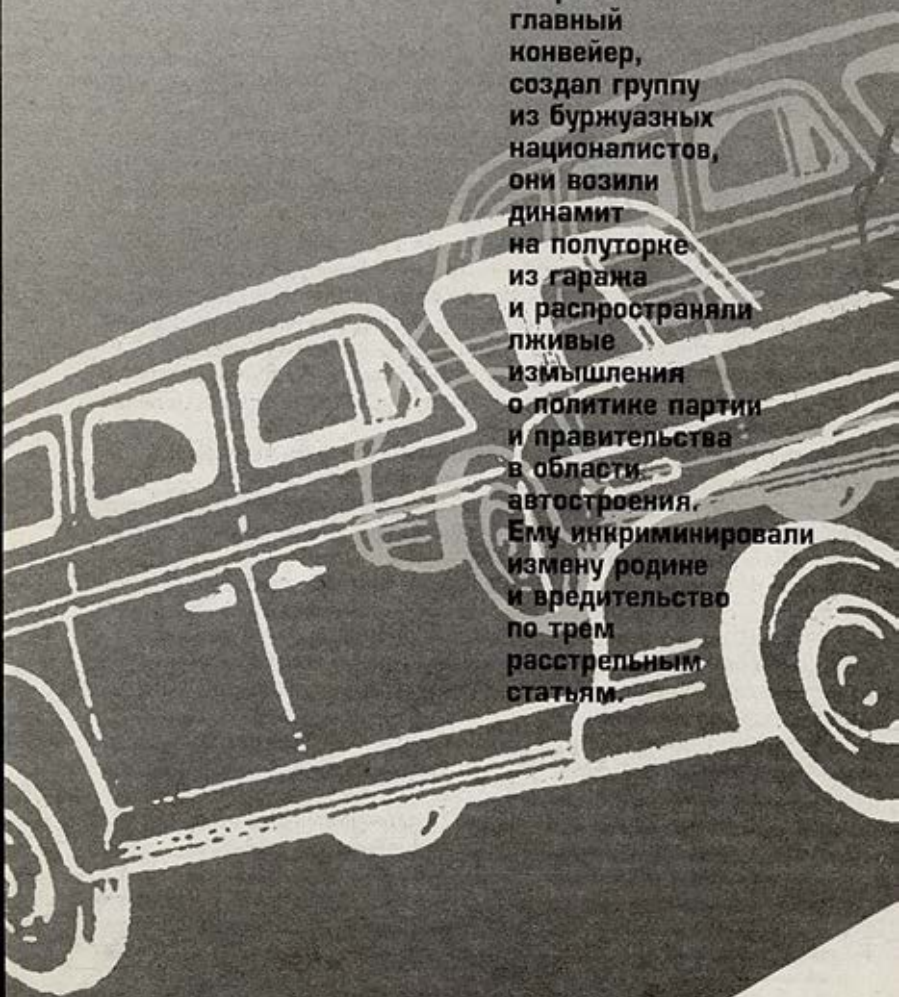
7 января 1797 года Рылеев вместе с четырьмя другими губернаторами был переименован из генерал-поручиков в тайные советники, а через пять месяцев — уволен в отставку.

Прожил последние годы «шалун» Рылеев в селе Шарик Галицкого уезда, где и окончил свои дни 22 февраля 1808 года. Погребен Никита Иванович там же, при Ильинской церкви. ■

Срок ему
определили в 25 лет.

И там еще —
поражение
в правах
(пять по рогам)
и ссылка
(пять по ногам).

Он хотел
взорвать
главный
конвейер,
создал группу
из буржуазных
националистов,
они возили
динамит
на полуторке
из гаража
и распространяли
лживые
измышления
о политике партии
и правительства
в области
автостроения.
Ему инкриминировали
измену родине
и вредительство
по трем
расстрельным
статьям.



Евгений ДОБРОВОЛЬСКИЙ

A black and white graphic illustration. In the foreground, a man's head and shoulders are shown in profile, facing left. He is looking towards a car chassis that is depicted in a stylized, almost wireframe-like manner. The chassis is shown from a low angle, emphasizing its mechanical components like the engine, wheels, and suspension. In the background, another car chassis is visible, slightly higher and further back. The overall style is reminiscent of mid-20th-century Soviet graphic design, with bold lines and a focus on industrial themes.

Главный конструктор

Н а Лубянку, а там дальше — в Суханово и на Воркуту он попал с должности главного конструктора Московского завода имени Сталина. Это была солидная номенклатура, предполагавшая большой кабинет, вышколенную секретаршу Зинаиду Кирилловну, высокие, двустворчатые двери и тамбур, отрубаящий все звуки посторонней жизни. Ему полагалась персональная машина, казенная дача, авоська, вертушка и много, много всего, украшающего быт ответственного большевика.

Он не сразу стал главным конструктором крупнейшего завода. Следствие установило, что Борис Михайлович Фиттерман сменил много разных профессий. "Был летуном". (В характеристику для тройки.) Состоял в должности слесаря в сборочном цехе, техником — в технологическом бюро, вручную ладил рессоры для грузовиков АМО, служил помощником мастера, водителем в грузовом парке, где числилось 180 грузовиков 17 марок и моделей разных годов выпуска — "лейленды", "рено", "фиаты", "мерседесы", наши "Яшки", ярославские Я-4... В парке существовал строгий порядок, согласно которому на новых автомобилях ездили бывалые шоферы, молодежь сажала на развалюхи. Сам ездил, сам чинил. Но зато это была прекрасная школа: каждый день все другое, все иначе и не так, как вчера. Из парка он ушел, чтоб вернуться в механический институт имени Ломоносова, откуда его вышибли за непролетарское происхождение. Работал автогонщиком, испытателем мотоциклов, инженером, ведущим инжене-

ром, выполнял ответственные правительственные задания, лично встречался с товарищем Сталиным, но начальник следчасти по особо важным делам генерал-лейтенант Л.Е. Влодзимирский приказал имя вождя из материалов следствия вымарать, чтоб ни упоминания, ни намена, и особо обратить внимание на записи подследственного — то ли его дневник, то ли воспоминания о проделанной работе, и слову, совершенно безответственные.

Царь Николай II ездил на французских "делоно-белльвилях", в царском гараже было их что-то около десятка, лакированных гиппопотамов, Ленину нравился "Роллс-Ройс", а Троцкому — "воксхол". Это Лев Давидович придумал садиться на переднее сиденье рядом с шофером, показывая этим, что не брезгует соседством с рабочим человеком. Сталин любил большие "панкарды" и тихую музыку в пути. Из этого подследственный делал вывод, что никто из первых лиц у нас не ездил на отечественных автомобилях, потому что они всегда были плохие. А плохие они были потому, что Россия отставала в своем промышленном развитии. Оказывается, еще в начале века всерьез заговорили о том, что русский работник производит в 1,8 раза меньше немца, в 1,5 меньше француза и с этим ничего не поделаешь, ну такие мы, ну деревенские, не индустриальные. А постоянно покупать иностранные модели и чужую технологию, это значит кабалить себя, ибо ежели страна не может производить конкурентоспособную продукцию по качеству, по цене, по объему трудовых затрат, она вы-

падает из мирового процесса, рано или поздно ей придется огрadyть себя железным занавесом, ввести высокие таможенные пошлины и платежи, а там дальше создавать ГУЛАГ, систему лагерей, иначе не сдюжим в открытом соревновании то ли потому что ленивы, то ли потому что так уж получилось исторически и остается единственный способ удешевить продукцию за счет бесплатной рабочей силы.

Дальше Влодзимирский читать не стал, но все, что касается "железного занавеса", подчеркнул синим карандашом "Кремль" и передал следователям, заметив сквозь зубы: "Философ, тля..."

Главный конструктор родился в Москве, в семье гнилых интеллигентов. В коммунальной квартире, посреди их единственной комнаты стояло зубо-врачебное кресло, которым мама очень дорожила и считала, что оно еще ох как пригодится, когда разрешат частную прантину. Жили на Арбате. Он рос спортивным парнем. Особенно любил лыжи. Он считался лучшим лыжником в своей школе, но когда зима кончалась, оказывался не у дел. И тогда папа продал в торгсине свои ордена и редкие книги, и на Сухаревке купил ему старый немецкий велосипед "Науман", чтоб он мог занять себя летом.

Велосипед приобщил к технике, он потряс элегантною законченностью инженерного замысла, где все было собрано в единое целое. Жизнь наполнилась упругой прыгучестью велосипедных колес, масляным шуршанием цепной передачи, ощущением рифленой рукоятки в потной ру-



Б.М. Фиттерман сразу после возвращения из ГУЛАГа. 1953.

ке, запахом пыльной резины и ветра, перехватывающего дыхание.

Как-то в одно прекрасное утро "Науман" вынес его по трамвайному кольцу на Театральную площадь, где в гостинице "Метрополь" на втором этаже размещался Московский автоклуб с тремя секциями — автомобильной, мотоциклетной и велосипедной. А еще там ютилась редакция журнала "Мотор" во главе с главным редактором инженером Афанасьевым и библиотека, где хозяйничал другой инженер, Мафусаил русского автомобилизма с 1894 года, Энгельмер. В автоклубе собирались бывалые люди, шоферы и мотогонщики, и взрослые велосипеди-

сты в гетрах и клетчатых кепках с прямыми козырьками от солнца. Они приняли юного Фиттермана в свою компанию. И когда 7 ноября 1924 года рабочие АМО по пути на Красную площадь остановились у Московского автоклуба, к ним спустились все завсегдатаи, инженер Афанасьев и Мафусаил-Энгельмеер, среди встречающих оказался и будущий главный конструктор завода.

Все десять грузовиков, составившие праздничную колонну АМО, были окрашены в красный цвет, цвет крови и революции. Раздалась команда — "По машинам!" и колонна тронулась. Его посадили, и Фиттерман оказался в кузове новенького грузовика на рогоже, постеленной от борта до борта еще на заводе, чтоб не наследили сапожищами. Новая машина.

Только что прошла кавалерия, оркестр в длинных шинелях взял трубы к ноге; когда они появились, десять красных грузовиков, пространство площади наполнилось рокотом их движения, вяканьем сигнальных резиновых груш, радостными криками амовцев. Кричали "Ура!" и "Даешь!" и встречный ветер рвал транспарант по борту первого грузовика: "Рабочий-хозяин строит автопромышленность, которой не было у капиталиста-хозяина!"

Это не совсем так. У капиталиста-хозяина была автопромышленность. Хилая, однобокая, но была. Речь идет о шести автомобильных заводах в царской отсталой России. Шести! У ликующей толпы короткая память. Когда из глотки рвется ликующее "Ура!" и "Даешь!", не хочется ничего вспо-

минать, лучше забыть, что кроме Московского АМО были Ярославский автомобильный, Рыбинский "Русский Рено", Московский Руссо-Балт в Филях, "Акса́й" под Ростовом, в Нахичевани, а еще — казенный завод военных автомобилей на станции Подлипки. Уже цеха построили, оборудование завезли, а Московский АМО, по мнению самых авторитетных специалистов, вполне мог считаться заводом мирового уровня, тем более, что его хозяева — "Торговый дом Рябушинский и сыновья", фирма надежная, получив многомиллионный заем, оснастила производство самым современным станочным парком и приступила к производству грузовых и легковых автомобилей типа "фиат".

Разумеется, главный конструктор знал все эти подробности, но делать слишком откровенные записи в своих дневниках ему не следовало бы, тем более что незадолго до его ареста страна торжественно отметила 25-летие советской автопромышленности, и датой рождения отечественного автомобиля назвали день 7 ноября 1924 года.

Проще всего считать, что этому поспособствовал директор Лихачев, который понимал, что под громкий юбилей можно выбить и деньги, и фонды, порадовать коллектив орденами и премиями, так что ложь пойдет во благо завода. За точку отсчета был выбран 1924 год. Но Фиттерман, к слову сказать, к юбилею награжденный и уже лауреат Сталинской премии за автомобиль ЗИС-110, так понравившийся товарищу Сталину, и вот-вот дважды лауреат, на этот раз за

бронетранспортер БТР-152, который, как стало известно в органах, получил самую высокую оценку военных, писал, что дата рождения выбрана произвольно, а переделывать историю нельзя. Потом придется расхлебывать. Рано или поздно обман откроется, стыда не оберешься, да и зачем конфузить отечество, убирая достойные страницы из его прошлого.

28 марта 1950 года поздно вечером в Главном бронетанковом управлении Министерства обороны на Знаменке подписали акт о постановке БТР-152 на производство и на вооружение сразу. Уже ночью Борис Михайлович вернулся домой, только лег в постель, стук в дверь. Решительный такой стук. Босиком прошлепал в переднюю.

— Кто там?

— Откройте!

И уже по голосу понял, что пришли.

Ему предъявили ордер на арест, подписанный самим Абакумовым. Такое внимание к собственной персоне он мог объяснить только тем, что был номенклатурой ЦК, к таким, кроме прочих благ, во время ареста полагалось соблюсти особый политес. На его глазах провели беглый обыск, вытряхнули ящики, сложили в портфель все казенные бумаги, дневники испытаний и первые главы книги, которую он писал всю жизнь в общем-то для себя, а потому озаглавил как "Воспоминания Бориса Михайловича Фиттермана".

Как потом оказалось, в этих воспоминаниях он допустил ряд неосторожных высказываний, которые возмутили генерал-лейте-

нанта Влодзимирского своей "безаппеляционной наглостью и красноречивостью".

В другое время он бы позволил Абакумову и сказал: "Виктор, прими меня по личному вопросу". Но это в другое время, а тогда в бок ему уперли пистолет, он чувствовал его стальную твердость сквозь зимнее пальто. С какой стати, никуда бежать он не собирался.

Среди ночи привезли на Лубянку. Вошли в комнату, залитую ослепительным светом прожектора, помещенного в окне за фрамугой, там он промаялся до утра. Утром его обыскали достаточно униженно и препроводили в каменный шкаф метр на полтора, где можно было сидеть на шатком ящике из-под американской тушенки. Это он с войны здесь стоял — свидетель человеческих крушений и зыбких надежд.

На этом ящике он просидит двенадцать суток, отличая утро от ночи по шарканью щетки, звяканью ведра, затем приносили еду — кашу в алюминиевой миске и ложку сахарного песка на бумажке.

На двенадцатые сутки его поволокли под руки — сам он идти не мог — вверх, вниз по чистым лестницам, и втащили в приемную министра. Здесь толпилось много народу, генералы, полковники, люди своего круга. Ему показалось, что кто-то его узнает, он улыбнулся. Улыбка получилась жалкой, тем более на самом деле на него никто не обратил внимания.

В кабинете министра Абакумова он увидел длинный стол для заседаний, два ряда стульев вдоль него, портреты Ленина и

Сталина в одинаковых рамках, чуть поодаль — Дзержинского. Запомнились бархатные шторы на окнах, приемник "Телефункен" на тумбочке возле письменного стола, за которым, широко расставив локти, сидел в генерал-полковничьем мундире старый знакомец Виктор Семенович Абакумов.

Он его не сразу узнал, а потому заглянул в бумагу, которую почтительно положили ему на стол, убедился, что к нему действительно привели главного конструктора Фиттермана, вздохнул. Печальная улыбка исказила его мужественное лицо, но он ничего не сказал. Расписался на формуляре, и, не глядя на арестанта, шатно стоящего у дверей, плеснул ладонью: "Уберите его!"

А ведь они были знакомы. Встречались на полигоне. Занушывали шашлыком по-карски, за которым посылали офицера охраны. На время испытаний налаживался маршрут Кубинка—"Арагви". Обстреливали бронированный ЗИС-110-С, сделанный специально для вождя, и так, чтоб на mine не мог подорваться, и дверцы не дырявились крупнокалиберным пулеметом.

Виктор Семенович Абакумов всегда назался мужиком простецким, бесхитростным и добродушным. И этих слов — "Уберите его!", и презрительного жеста над столом Борис Михайлович никак не ожидал. Он думал, они поговорят, Абакумов предложит сесть, угостит чаем. Что ж он такого натворил, если друг Витен отказался его признавать? Неужели решение о его аресте санкционировано лично Сталиным, которого ввели в заблужде-

ние интриганы и завистники, которых на ЗИСе было всегда предостаточно? Обмануть Сталина было не сложно.

Сталин велосипеда не любил. Он любил большие, тяжелые "панкарды". Ему не ведомо было шумное счастье шоссейной велогонки. Он ни разу не захлебнулся от бешеного ветра в лицо. Не испытал, как приходит второе дыхание и вместе с ним победа. Товарищ Сталин хотел, чтоб ЗИС-110 целиком слизали с "панкарда". Ну и что? В этом вопросе Иосиф Виссарионович и не сошелся с Борисом Михайловичем, который считал, что в любом случае надо искать собственное решение, и начал возражать. Не так, чтоб слишком, но его услышали.

Все происходило в Кремле. На Ивановской площади. Показывали новую автотехнику. Сырой ветер с Москвы-реки задирает полы габардиновых плащей, срывал шляпы. Сталин стоял в галошах, начальник его охраны, курировавший все автомобильные проекты, генерал Власик — рядом в ярко начищенных сапогах.

Какой дурак спорит с начальством? Тем более с вождем. С вождем спорить нельзя, ему можно только потанать и улыбаться. Нарком Анопов, тишайший человек, опустил голову, закрыл лицо руками, он ничего не хотел слышать. Директор Лихачев, мудрец-самородок, крякнул и погрозил своему главному конструктору кулаком. Затнись, Борис! Не на заводе, небось...

— Вы считаете, что получите хороший автомобиль? — спросил Сталин.

— А почему нет? — беззаботно отвечал Борис Михайлович. —

У нас найдутся хорошие конструкторы и оборудования достаточно.

— А ума? — спросил Сталин, и все рассмеялись. Это разрядило обстановку.

— И ума, — улыбаясь, ответил Фиттерман. Наивный человек, он не понимал, что играет с огнем.

Дальше события развивались на больших скоростях. Из Америки на завод доставили шесть машин — "кадиллак", "бьюик", "крайслер-империал" и три "панкарда", которые сразу же разочаровали главного куратора Власика, лучше всех изучившего автомобильные вкусы товарища Сталина.

Генерал Власик считался доверенным лицом вождя. Он руководил его личной охраной и ГО-Ном — Гаражом Особого Назначения. В общем-то, в машинах он разбирался, но не слишком.

Новые "панкарды" выглядели в его глазах сплошной дешевой. Начальнику ГОНа доказывали, что это новое слово в технике. Фиттерман перечислял достоинства: они легкие, цельнометаллические и двигатель у них, хоть и восемь цилиндров, не слабей тех, у которых двенадцать. "Вы просто привыкли..."

— Я не привык, я вижу! — признавал генерал. В общем, они поругались. Власик жаловался Лихачеву. Допытывался, кто выбирал модели, кто несет персональную ответственность?

— Кто, кто, — огрызнулся Лихачев. — Мы их делать не станем, мы только с прогрессивными решениями ознакомимся.

Он вызвал к себе Фиттермана, обозвал мудаком, кричал:

— Ты что, не знаешь, что им нравится? Зачем "крайслер-империал" заказывал? Я у тебя из зарплаты его стоимость вычту!

— Знаю, — отвечал главный конструктор. — Лукавый попытал. Хорошие машины, хотел потрогать.

Он все понимал, но ему просто нравилось лезть на рожон, ну, характер такой склочный, иначе чем объяснить, что он снова полез, когда выбирали новую модель "Москвича" — это уже после войны. В Москву по репарациям вывезли завод "Опеля", выпускавший две модели малолитражек — "опель-кадетт" и "опель-олимпию". Встал вопрос, кому из них отдать предпочтение. "Олимпия" безусловно была современной, в нее уже вложили новые, перспективные решения, над ней хорошо поработали немецкие конструкторы, но в правительстве все склонялось к тому, чтобы дать зеленый свет "кадетту". Фиттерман выступил против. Зачем? Тем более, что значит мнение Фиттермана, когда за "кадетта" голосовал большой автомобильный специалист Вячеслав Михайлович Молотов.

— "Олимпия" двухдверная, это неудобно. Начальник сидит впереди, его дергают, чтоб пропустить тех, кто сзади, — объяснял Вячеслав Михайлович. — Я обеими руками за "кадетта"!

— Есть и четырехдверная "олимпия", — вставил Фиттерман, будто его кто-то спрашивал. — Вам просто не представили.

— "Кадетт" короче. Он легче, — отмахнулся Сталин, он был в курсе всех молотовских аргументов.

— Легче-то всего на 15 килограммов! — уточнил Борис Михайлович.

— Там на 15, здесь на 15... — Молотов отвернулся. Его начинал раздражать этот высокий, худощавый человек в хорошо пошитом костюме с лауреатским значком на лацкане: что ему, больше всех надо?

Обсуждение затягивалось. Фиттермана неожиданно поддержали Лихачев и Липгарт. Это уже было серьезно. Это пахло оппозицией, но Молотов, когда-то давно прозванный троцкистами "каменной ж...", основательно прорабатывал все свои решения, и на обсуждение был приглашен представитель Минавтопрома товарищ Дыбов, с которым уже поработали.

— Что думают у нас в министерстве по этому вопросу? — спросил Сталин.

— Товарищ Молотов прав! — отчеканил Дыбов, поднимаясь и беря руки по швам. Он не был похож на самоубийцу.

— Ну что ж, — произнес Сталин, кладя трубку на зеленое сукно стола, — раз так, значит быть по сему!

В результате страна получила вместо перспективного автомобиля старый, давно исчерпавший все свои возможности, а Фиттерман — стойкую репутацию скандалиста. "А, это тот Фиттерман, — говорили люди знающие, — который спорил с Хозяином... Этот может..."

На Лубянке им занялись три следователя сразу. Полковник, который вскоре уехал в Ленинград: начиналось "ленинградское дело", майор, человек болезненного вида, с трясущимися паль-

цами, и старший лейтенант, из всех троих самый привередливый.

Следователей мало интересовали подробности его биографии. Им надо было знать, где его группа хранила динамит и куда конкретно его закладывала.

— А вы подумайте, — предлагал болезненный майор, отключался и, кажется, засыпал. Борис Михайлович сидел напротив и думал, куда бы можно было заложить динамит, и понимал, что затея эта безнадежная. Старший лейтенант интересовался спецтехникой, его характеристики артиллерийских тягачей заботили, проходимость гусеничных машин, ему вменялось в обязанность доказать, что вредительская деятельность конструктора Фиттермана велась в этом направлении. Кончая очередной допрос, старший лейтенант загадочно усмехался: у него был припрятан убийственный козырь, но он его придерживал до поры, чтоб однажды в пятом часу утра ошарашить подследственного, предложив:

— Ну, а теперь давай про своего еврейского короля!

За время сидения в тюрьме Борис Михайлович начал привыкать ко всякого рода вопросам, но этот вверг его в полное изумление. Какой король? Разве у евреев есть короли?

Старший лейтенант, торжествуя, протянул ему страничку из записной книжки, на которой был записан адрес зубного врача. Это в Германии в командировке у него разболелся зуб. — "Др. Левин XXIII... Гассе... Мюнхен". Строчки прыгали перед глазами. Он вспомнил лысого доктора Левина, его пальцы, поросшие мяг-

ними волосиками, его крахмальный халат, запах кофе в прихожей.

— Рассказывай о своем короле! — требовал следователь, и напрасно Борис Михайлович пытался растолковать ему, что это просто адрес немецкого доктора: Левин — фамилия, XXIII Гассе — переулочек в Мюнхене, — они с Лихачевым ездили тогда в Мюнхен — там на конвертах адреса пишут иначе, чем у нас, другая традиция, сначала указывают фамилию, потом — улицу, потом — город. Следователь слушал и не верил. Он вспоминал родную деревню, Вологодчину, откуда взяли его на службу в органы, понимал, что его пытаются обмануть, и не поддавался. Был на высоте. Страна боролась с безродным космополитизмом, шло, набирало силы дело врачей-убийц, народные массы требовали сурового наказания, в газетах печатали негодующие письма школьников и моряков-балтийцев, "расстрелять, как бешеных псов!" — настаивали советские писатели и другие деятели искусств, и желание рядового следователя приобщить короля Левина XXIII к материалам по заводу имени Сталина выглядело вполне обоснованно. Лейтенант хотел быть полковником. Но старшие товарищи из следчасти растолковали ему, что короля все-таки надо похерить, оно бы и хорошо, но как-то неубедительно — Левин, король...

Короля оставили в покое.

Находясь в тюрьме, Борис Михайлович не знал, что на заводе идут аресты, и директор Лихачев снят с должности за потерю бдительности в подборе кадров, за то, что окружил себя людьми

без роду, без племени, сквозь пальцы смотрел на неритмичную работу завода, занимал план и так далее. В общем, судя по всему, со дня на день Иван Алексеевич должен был оказаться в соседней камере. Тучи сгущались. Но Лихачев начал бороться и первым делом написал письмо товарищу Сталину. Он сам опустил его в почтовый ящик у Спасских ворот Кремля, теперь надо было сделать так, чтоб письмо попало в руки вождя. По вертушке из кабинета Хруничева, верно-го дружка, тоже директора завода, он позвонил Поскребышеву, который вполне мог не узнать его, но узнал и даже спросил: "Ты откуда, Иван?", и рассказал про письмо, попросил Поскребышева проследить, чтоб письмо попало лично к Хозяину. "Бу сделано!" — сказал Поскребышев и сделал все, как обещал.

Хозяин принял опального Лихачева, и они беседовали, и Лихачев пытался доказать, что все обвинения высосаны из пальца, во-первых, так вот просто взорвать завод невозможно, ЗИС — это ряд корпусов, и если под каждый тащить взрывчатку, то это работа не для группы заговорщиков, а для большого отряда минеров. В сорок первом году, когда немцы подходили к Москве, был приказ взорвать главный конвейер, и только подготовка к взрыву потребовала огромных усилий. Во-вторых, как-то предвзято кадры никто не подбирал. Да, среди заводских специалистов процент евреев достаточно высок, но ведь никакой процентной нормы не существует, и в партдокументах нет указаний чинить препоны именно людям ев-

рейской национальности, тем более есть среди них просто гениальные специалисты. Ну вот, например, Фиттерман, главный наш конструктор, да вы его знаете, товарищ Сталин, головастый парень, даром, что еврей! Посадили. Выпустить надо, работа стоит...

— Стоит, это хорошо, — пошутил товарищ Сталин. Ему всегда нравился Ваня Лихачев, и он сказал: — Должность мы тебе подберем. Но на завод не верну: народ не поймет. А этот твой конструктор пусть посидит, пуп земли.

На этом разговор закончился, Лихачев вернулся на дачу, а Фиттерман продолжал сидеть и, кажется, ничего не изменилось, снова его таскали на допросы, и болезненный майор, посадив его посреди кабинета, часами читал газету, а юный лейтенант трясся от негодования, когда арестованный умничал, вместо того, чтобы давать короткие и ясные ответы на поставленные вопросы.

Его судила "тройка" — три генерала и секретарь. Ни прокурора, ни защитника. Секретарь стоя зачитал краткую историю его вредительской деятельности, он все признал, ни спорить, ни доказывать свою невиновность ему не хотелось. Накануне апатия его охватила, он был согласен, пусть его расстреляют, только чтоб все скорее закончилось. Генералы удалились на совещание, а вернувшись, постановили — "лагерь особого назначения... использовать только на подземных работах без права оказания медицинской помощи". Дали 25 лет и вернули в намеру, и он заснул, как убитый. Надзиратели в кори-

доре удивлялись: мужику четвертак дали, а он спит себе, как младенец!

Потом был этап, образцово-показательная тюрьма в Горьком, за которую создатели получили Сталинскую премию по особому списку, затем Вологда, другая тюрьма времен Екатерины Великой, где по камерам и коридорам туда-сюда шмыгали огромные седые крысы, прямые потомки тех крыс, которые видели сподвижников Пугачева и грелись под закопченными сводами у пыточных огней, где калили щипцы, которыми вырывали ноздри и языки.

Затем его доставили в Воркуту, в знаменитый Речлаг, в поселок Северный, — куда северней? — где содержались самые отпетые враги советской власти — полицаи, пособники гитлеровских захватчиков, бандеровцы и буржуазные националисты всех мастей. Теперь 25 лет у него не должно было быть ни имени, ни фамилии, только статья и номер черной краской на шапке и на бушлате.

Его направили в шахту забойщиком, и это его спасло. На лесоповале он, пожалуй, не выдержал бы, а шахта оказалась самым подходящим местом для него. Темно, тихо, ни начальства, ни бдительной вохры рядом. Власть в шахту не спускалась. В шахте могли обидеть, побить в темноте или напугать до смерти. Это запросто. Под землей шахтер вооружен, у него топор, у него лом и взрывчатка. Прикончат и закопают, чтоб сразу не нашли.

Зато в забое хорошо думается, здесь ничего не отвлекает и

климат подходящий, зимой — тепло, летом — прохладно, ни комаров, ни мошки, ровная температура сырого подземелья, непроглядная темень и едва доносящиеся издалека звуки подневольного труда, шипение сжатого воздуха, сопение насосов, откачивающих подземные воды. В общем, самая подходящая обстановка для творчества.

Каждый день Борис Михайлович Фиттерман, много раз орденосец и лауреат, прославленный создатель советских автомобилей для народного хозяйства и доблестной Красной Армии, в резинотканевой робе и резиновых сапогах спустился в забой с отбойным молотком на плече, являя собой фигуру бронзового шахтера со станции "Площадь Революции" Московского метрополитена. Спуск — 40 минут, подъем — 1 час 20 минут, смена — 8 часов. И так изо дня в день. Хватило бы на 25 лет...

Норму он выполнял, потому что был физически развит, а еще время от времени осеняли его светлые инженерные мысли, облегчавшие шахтерский труд. Вскоре шахтные механики приняли его в свою компанию, приглашали покурить и посоветоваться. Он начал с того, что принес в забой железный лист, расстелил его так, чтоб отбитый уголь можно было брать полной лопатой, не цепляясь за подошву выработки. Вся "бандера", злобные "националисты" и "полицаи" полюбили его всей душой. Все-таки он умел работать. И еще его грела возможность досрочного освобождения. Надо было изобрести что-нибудь государственно-важное. Пример Туполева не давал

покоя. Ведь освободили же Андрея Николаевича, генеральское звание вернули, восстановили его КБ. Значит, надо было изобретать, определять тему и начинать действовать.

В его смутных планах на будущее где-то, непонятно где, лежала до поры, дожидаясь своей очереди, мечта, не мечта, скорее не до конца обоснованная фантазия, спроентировать автопоезд с активным прицепом. Сама эта идея автопоезда витала в воздухе автомобильных замыслов еще с 20-х годов. В Швеции фирма "Вольво" начала тогда колдовать над такими поездками, американцы по ленд-лизу присылали нам седельные тягачи "студебеккер" с активными полуприцепами, так что ничего принципиально-нового открывать он не собирался. Он задался целью сделать наш тягач и наш прицеп к нему, тем более, опыт решения подобных задач на заводе имелся. С 1933 года до конца войны в Москве строили ЗИС-10, седельный тягач с полуприцепом грузоподъемностью до шести тонн. Работая над тяжелыми артиллерийскими тягачами, он приобрел кой-какой опыт по этой части, ему хотелось и грузоподъемность, и проходимость своего поезда увеличить, сделать конструкцию безотказной, ходкой, приемистой и еще — такой, чтоб приятно было взглянуть. Извечная мечта конструктора — сочетать полезное с красивым, хотя, конечно, красота в металле понятие функциональное. Некрасивых самолетов не бывает, не полетит, и некрасивая машина не поедет. Тут какие-то закономерности работают, не до конца выясненные.

Как-то ему рассказывали про одного инженера, который, попав в лагерь, написал Климу Ворошилову, тогда нарком обороны, что готов предложить Красной Армии танковый двигатель мощностью в тысячу лошадиных сил и величиной с мотор полторки. В секретариате наркома заинтересовались, доложили наверх, инженера привезли в Москву, а там завертелось, закрутилось, работа не на год, не на два, такое дело — переворот в технике и все совершенно секретно. В общем, цель была достигнута. Двигатель не получился, но шарашку открыли, специалистов нагнали отовсюду. Отрицательный результат — тоже результат.

Чертить разрешили в красном уголке. Под рукой не было ни ГОСТов, ни справочников, но раз в месяц, как забойщик, выполняющий норму, Борис Михайлович имел право на одну открытку домой и одну посылку из дома, которую бессовестно потрошили лагерные чины. Он стал просить, чтоб ему присылали книги и карандаши, все, кроме чертежных инструментов, на которые, он знал, существует строжайший запрет, ибо это предметы режущие и колющие, а потому циркуль пришлось делать из иглки и нитки с петельной для карандаша.

Два заполярных года ушли на эскизный проект. Работал как одержимый, так хотелось на волю. Слава Богу, лагерное начальство никаких препон не чинило, уважало прежние заслуги — лауреат, главный конструктор, есть желание загладить свою вину перед родиной и народом — добро,

а потому готовый проект направили на экспертизу в МГБ, откуда все материалы ушли в Минавтопром, откуда поступил резко отрицательный отзыв. Вот уж чего Борис Михайлович абсолютно не ожидал! Не ожидал настолько, что, вернувшись в Москву полностью реабилитированный, — ему вернули все ордена, партбилет, почетные звания и даже кой-какие деньги выплатили в счет компенсации, — первым делом отправился в родное министерство, чтоб выяснить мотивы, по которым его так выпороли. И рецензент, подпись которого стояла под разгромным отзывом, старый знакомый, и учились, и работали вместе, сказал:

— Борис, ты на меня не сердись, я, знаешь, каким напуганным ходил. На заводе аресты, семнадцать инженеров у вас на ЗИСе расстреляли, ты в тюрьме, и вдруг проект от тебя. Я понять не мог, хвалить тебя или громить, и за что меня так подставили? Сам посуди, фамилия у меня тоже французская, папа — фабрикант, если начнут копать... А, может, меня к вашему делу хотят пристегнуть, и такая мысль возникла. Я решил от тебя дистанцироваться. Прости.

На завод он не вернулся, так же, как Лихачев. Иван Алексеевич тоже не смог, когда ему предложили после смерти Сталина. У него судьба не так горько сложилась, ему не пришлось отведать лагерной пайки, но зато он узнал, что такое любовь коллектива. Ведь он же, по общему признанию, ну такой любимец был, что дальше некуда! — и банкетные лобызания через стол взасос ничего не стоили — тоже

надо осознать, как же так? — и банные признания в любви, когда собирались тесной компанией, все свои, в заводском доме отдыха "Васькино", и пили за него, за его хватку и понимание задач, и один там особенно шершаво-языкастый, бывало, так лизал, что неудобно делалось, говорил: "Ну ты, Иван Алексеевич, не на заводе, а в Кремле должен сидеть! Есть это в тебе!"

Его продали свои. Он тихо сидел на даче в Александровке, ему должность подыскивали после встречи со Сталиным, но на заводе про это не знали, думали, вот-вот загремит Иван Алексеевич на севера, и надо было как-то обезопаситься, заявить куда следует, отстраниться от прошлого, я не я. А на завод пришел новый директор, секретарем парткома выбрали Нольку Жеребина, своего парня, еще амовца, он учился, воевал и снова оказался на заводе, жил в заводской квартире с женой, судебным работником, и вечерами возвращался домой пешком, потому что рядом, машину вызывать смысла нет, да и надо все-таки давать работу мышцам. И вот, бывало, возвращается Жеребин домой, а по пути из подъездов, из подворотен выходят товарищи и суют ему письма, адресованные в партком, и в тех письмах сообщались тайные подробности из жизни директора Лихачева, которые он скрывал. Писали о его любовнице, третьем секретаре Пролетарского райкома партии, как он ей квартиру на улице Горького выбивал через Моссовет, как обивал черной, "правительственной" кожей сделанную для нее на заводе ме-

бель, а еще партия должна была знать про директорский фонд, из которого Лихачев брал столько, сколько хотел, безотчетно, окружил себя подхалимами и любимчиками, и вот товарищи, понимая, что дальше терпеть такое уже невозможно, сообщали партии все без утайки.

Когда писем собралось много, — Жеребин складывал их в специальную папку, — в ЦК советовали, прежде чем дать им законный ход, ознакомить Лихачева, Жеребин в воскресенье поехал за город в деревню Александровку, где на берегу Москвы-реки за высоким зеленым забором стояла директорская дача.

Жеребин вспоминал, что Лихачев держался бодро. "Здорово, — говорит, — Николай, чего привез?" А он ему — письма. Иван Алексеевич ошалел. Он ведь искренне думал, что все его любят, особенно те, из близкого его окружения, которым он доверял.

Побледнев, он перебирал письма, у него тряслись губы. Жеребин в лицо ему не глядел, увидел, листки в его руке дрожат. "Вот ведь, — сказал Лихачев, — Петя-то чего на меня натит? А Степа... Эх, Степа... Я ж тебя, сукиного сына, из грязи поднял... Что ж ты забыл?" Все бумаги швырнул, ногой топнул. "Иди, — говорит, — Жеребин, этого я тебе не прощу!"

По возвращении из лагеря встречался Борис Михайлович и с Лихачевым, и с Жеребиным. Лихачев работал директором авиационного завода, а когда Сталин помер и пришел Хрущев, который хорошо знал Лихачева

по работе в Москве, его назначили министром. Он Фиттермана принял в своем министерском кабинете, завел в комнату отдыха, чаю попросил у секретарши и велел Борису Михайловичу рассказывать всю свою лагерную жизнь с первого дня.

— На завод ты не вернешься, — заключил Лихачев, — место твое занято, а потом видеть рожи, которые тебя продали, как-то не очень приятно. У тебя мой характер. Иди в науку.

И он послушался Лихачева, пошел в НАМИ — Центральный автомобильный и автотракторный институт. А еще читал лекции шалопаям-студентам в МАДИ по основам проектирования автомобилей, и некоторые считали, что он зверствует на экзаменах.

В зрелом возрасте, после всего, что ему пришлось пережить, он не оставил своих спортивных увлечений. Мог приехать на работу на велосипеде. Он оставил его у вахтера Давыдова, который во время войны служил механиком-водителем броневедомки БА-64. Давыдов любил поговорить с ним и оказывал ему всяческое уважение.

На автополигоне под Дмитровым он сам испытывал опытные образцы новых машин. И это надо было видеть, как, нахлобучив наспех пристегнувшись ремнями безопасности, на динамометрической трассе он разогнался до максимально возможной скорости, резко тормозил, бросал руль, шел змейкой, переключал передачи, его на обочину закидывало, на крышу и в кювет. Ему пророчили, что он в конце концов сломает шею, он оправдывался, лепетал, что должен оце-

нить автомобиль, а другого метода оценки у него нет. Люди пожимали плечами, называли Бориса Михайловича сумасшедшим стариком, хотя, конечно, стариком он не был. Он был человеком без возраста — загорался, когда начинала перспектива большого дела и где-то впереди явно брезжил успех. Жизнь начиналась снова — ветер сбивал дыхание, рогожа уходила из-под ног, десять красных грузовиков выезжали на площадь, они шли колонной, и в кузове головной машины, ухватившись озябшими пальцами за борт, стоял член велосипедной секции Московского автоклуба, будущий главный конструктор знаменитого завода имени Сталина, и его сердце билось в такт того победного движения, которое, как ему казалось до конца дней, нельзя ни остановить, ни даже сколько-нибудь замедлить.

Он давал заключение на правительственный запрос по "Фиату-124". Дело в том, что начиналось проектирование автогиганта в Тольятти, стояла задача испытать модель.

Итальянцы предлагали именно "Фиат-124", объясняя это тем, что им установлены слишком сжатые сроки. Надо успеть, а времени в обрез, чтоб наладить производство, обеспечить итальянское качество, но он подозревал, что тут имеет место еще и другой мотив, до поры скрываемый. Итальянцы хотели спихнуть нам в общем-то устаревшую модель, которую собирались снять с производства. Он уважал итальянскую автомобильную школу, но стоял за сотрудничество не с "Фиатом", а с "Рено". По

его мнению, будущее принадлежало переднеприводным машинам, у французов же по этой части накопился большой опыт, чем у итальянцев. Генеральный директор "Фиата" синьор Валетте и его главный конструктор синьор Джиноза утверждали, что они никогда — о чем вы, синьор Фиттерман! — не пойдут на передний привод. Это авантюра! Это получится автомобиль для "рафинированных любителей". О чем вы, синьоры, в России нет малолитражного массового автомобиля для частного пользователя. И рафинированных любителей нет, но будут огромные тиражи, потому что огромная страна и огромное желание иметь свой автомобиль. "Рено" обеспечит более высокий уровень, с которого надо начинать.

Увы, российский чиновник доверчив и робок перед иностранцами. Так было всегда и так будет в ближайшее время, его сбивает с панталыку раскованность иностранца, его начищенность и разутюженность. Но Борис Михайлович отлично знал, что в Турине под брезентами стоит новый "фиат-128", восьмая модель, и надо бы начинать с нее, сразу перепрыгнув через несколько лет, которые мы потеряем, осваивая весь фиатовский ряд от модели к модели.

Он отстаивал свою точку зрения, писал в правительство, выступал в министерстве и, когда в Кремле — опять в Кремле! — на Политбюро рассматривали "фиат-

124", нестареющий Борис Михайлович напрямую обратился к Брежневу, — лагерь его ничему не научил! Ему хотелось убедить самого главного начальника в стране, что контракт надо бы заключать с французами, а не с итальянцами, и ставить на конвейер более перспективную французскую модель.

— Во французской машине, Леонид Ильич, заложена прогрессивная идея. Если мы с нее начнем, мы сразу вперед вырвемся... — говорил Фиттерман. — Продуманная конструкция, технология отработана.

Брежнев слушал внимательно. Его насупленные брови подрагивали от напряжения. Наконец он сказал:

— Товарищ инженер, хватит заниматься техникой, будем заниматься политикой. Италия к нам ближе, чем Франция.

Все присутствующие заулыбались, задвигались, ясное дело, Италия ближе. Высокое автомобильное начальство зашикало, дескать, вечно вы, Борис Михайлович, лезете, решение принято на правительственном уровне, вам сказано, это большая политика. И он замолчал, потому что в политике не разбирался. В общем, он опять проиграл, но через десять лет вспомнили, что старый Фиттерман был прав, только время уже ушло, а большая политика почему-то не сделала нас богатыми и не научила каждого заниматься своим делом. ■



"Синяя борода" у Черного Моря

Сергей ЗОЛОВКИН

Завершилось это жутковатое дело полтора года назад. Но до сих пор оно тревожит и волнует обитателей высотного дома на сочинской улице Нагорной. Это ведь для нынешних детективов с их текучкой и замотанностью все или почти все в загадочных нурортных

романах со смертельным исходом кажется совершенно ясным и лишенным эмоций. Гнев, возмущение и прочие болезненные страсти процессуалистам противопоказаны. Они мешают им работать. Криминалист исследует лишь то, что успел в определенные зако-



ном сроки установить. Он лишет обвинительное заключение строго в рамках доказанного. И упоает затем на одобрение своей собирательской работы в суде. Чего по делу № 56906 не дожидется уже никогда следователь Центральной райпрокуратуры Сочи Антон

Горобцов. Приговор не сможет прозвучать по причинам не менее фатальным и поучительным, нежели все предшествовавшие тому события. И уж коли главный "герой" старой сказки на новый лад не заклеен обвинительным приговором, и меч Фемиды не об-

рушился на седую его голову, изменив анкетные данные новоявленной Синей Бороды. Пусть это будет Юхнин Валентин Андреевич. Что, впрочем, весьма созвучно с теми ФИО, что были занесены 6 февраля 1919 года в свидетельство о рождении.

Полковник с "приветом"

Странности в поведении пожилого соседа жильцы многоэтажки замечали давно. Валентин Юхнин был просто помешан на женщинах. Отмечалась бы при этом куртуазная галантность стареющего Назановы, либо возвышенная романтичность Дон Жуана пенсионного возраста и купался бы наш антигерой в струях ответных дамских симпатий. Так нет. Грубая проза жизни все чаще и все более отталкивающая представляла Валентина Андреевича в роли похотливого пошляка и циника.

Юхнин ценил главный летний курорт страны за обилие полуобнаженных женских тел и размягченность дамских душ. Он частенько заставлял отдыхающих врасплох. Порхает зданий ангелочек в мини-юбке или в бикини вдоль Приморской набережной. И совершенно не ожидает гадостей от благообразного седовласого прохожего, чинно шествующего навстречу. И вдруг вскидывается коршуном Юхнин, цепкой и жилистой ладонью своей накрывает ту либо иную округлость прелестницы, ловко уворачивается от пощечины, хохочет звонко и счастливо в ответ на возмущенные визги и обильные слезы.

Несколько раз разнужданного старца стыдила милиция и даже грозила протоколом за хулиган-

ство. Но самым заметным поводом к перемене его поведения послужил ощутимый толчок острого девичьего локотка в грудь обидчика. С последующим точнейшим попаданием крепкой коленной в самое сокровенное, но уже отслужившее свое местечко. Придя в себя, Валентин Андреевич наконец-то осознал болезненность тех неприятных последствий, что хоть изредка, но все же настигают иных хулиганов. Ничего не оставалось как утихомириться.

Тогда Юхнин принялся сдавать свою однокомнатную юным гостям курорта. Плату за постой просил очень божескую. Но уже вскоре отдыхающие девы осознали, что это только аванс. Все дальнейшее завершалось очередным скандалом с битьем посуды и старческой физиономии. Почему-то никому из девушек не нравилось, что квартиросдатчик постоянно подглядывает за ними во время переодевания и пускает слюну у дверей ванной, прилипнув к специально проделанной смотровой щелочке.

— Что за бес такой неугомонный вам в ребро тычет, а? — тщетно пытались пристыдить Юхнина соседи. В большинстве своем это все люди законопослушные, интеллигентных профессий, с завидным долготерпением к бушующим за их стенами безобразиям. Но даже у таких раньше либо позже может зашналить, так что скоро половой разбойник получил ультиматум: или угомонись, или посадим!

Пора было уходить в подполье. Юхнин ненадолго затих. Но продолжал при этом бурную конспиративную деятельность, укрытую от посторонних глаз. Валентин Ан-

дреевич снял на почтамте абонентский ящик и дал в нескольких газетах объявления. Они снайперски поражали в самое истрадавшееся сердце одиноких дам постбальзаковского возраста: "Вот и глубокая осень жизни наступила. Скоро зима. Интеллигентному, всем материально обеспеченному отставному полковнику очень хочется встретить ее не в одиночку. Он готов идти дальше рука об руку с милой, чуткой, отзывчивой и заботливой спутницей".

Ах, какие образчики исповедальной литературы и любовной лирики стали буквально засыпать "настоящего полковника"! Целая армия одиноких женщин, страшащихся одинокой старости, не поскупилась на изящные метафоры, тонкие намекы и волнительные рассуждения. Для бывшего авиационного техника со старшинскими лычками было непередаваемым наслаждением выведывать все новые и новые сокровенные детали той либо иной обделенной женской судьбы.

"И вот когда даже надеяться я устала, когда перестала даже спрашивать себя: зачем дальше жить? появились вдруг в моей судьбе Вы, такой благородный, таинственный рыцарь печального и притягательного образа", — изливала чистые чувства свои бывшая работница библиотеки. А Юхнин, наведя справки, все проверив и перепроверив, аккурратно помечал на полях письма: "О. п. од. кв. 25, ж.п.12, хрущ, 5 э, вар. для пр. реш. — только отр".

Только особо искушенный смог бы догадаться, что именно кроется за шифровками, завершавшими все без исключения

женские исповеди. "Общая площадь однокомнатной квартиры — 25 квадратных метров, жилая площадь — 12, "хрущевка", 5 этаж, вариант для принятия решения — только отрицательный".

Иные соискательницы на руку и сердце завидного холостяка получали лаконичную отписку: извините, мол, конкурс закончен, место в мужском сердце уже занято. Но чаще Юхнин не отвечал. Чем еще больше расстраивал неудачниц. Знали бы они, каким великим подарком обернется для них подобная холодность "одинокого стареющего интеллигента". Ведь тем самым Валентин Юхнин оставлял милым дамам самое главное — их жизни.

Труп под лестницей

Одна из самых мрачных и нераспознанных страниц в биографии сочинской "Синей Бороды" начиналась до обыденности просто. В квартире Юхнина появилась смешливая и румяная женщина. Приехала она с Украины по вызову Юхнина и привезла с собой целый грузовик новых дорогих вещей. Валентин Андреевич застал смешливую одесситку врасплох. Он напал с самой уязвимой ее стороны. До "полковника" в судьбе Лидии Воргушиной (назовем ее так) все было размеренно и довольно скучно. Она много и прилежно работала в "почтовом ящике", военно-морском и жутко засекреченном проектном институте. По пренежним временам неплохо зарабатывала. Была активной общественницей и профсоюзным лидером. Одних почетных грамот накопился целый чемодан. Но разве могло все это заменить обыкновенное бабье счастье? Од-

нано с мужчинами у Лидии Степановны все как-то не складывалось. Замуж вышла рано да неудачно. Вадим, муж, преподавал в училище начертательную геометрию и считал себя центром Вселенной. А Лидочке хотелось, чтобы замечали и ее. Попыталась было дважды вставить слово в ученой мужской компании. Вадик вздернул аккуратную бородку. Промолчал, но дома болтливую супругу запер в туалете на сутки. В воспитательных целях для осмысления негативных последствий бестактного поведения". Дальше — больше. Однажды совершенно трезвый, но взбешенный Лидочкиным желанием высказаться по поводу модного тогда писателя Хемингуэя, Вадик начал щипаться и шипеть про свержка, обязанного знать свой шесток. Оскорбленная навеки Лидочка собрала санвояжик и последующие 30 лет независимой женской жизни без содрогания о противоположном поле думать не могла.

Но Валентин Андреевич показался совсем-совсем другим человеком.

— Он из господ бывших офицеров, Лидочка! — жарко нашептывала замужняя подруга. С ней Воргушина и приехала в Сочи отдыхать: — Благородный, умный, чуткий... Познакомлю, сама убедись!

Юхнин и впрямь выгодно отличался от примитивных мужланов с одной извилиной пониже спины. Он так подкупающе не поверил, что очаровательной даме уже "немного за 50". В это воспитательное мгновение Лидия Степановна и сама усомнилась в правильности числа 1932, записанного в паспорте. И уж совсем сразил он

сердце говорливой одесситки своим умением слушать... О, как он тонко и вовремя поражался разносторонней эрудиции бывшей старшей научной сотрудницы! С каким восторгом воспринимал милые дамские напризы моложавой пенсионерки! Курортный роман неумолимо и стремительно приближался к нетипичному завершению. Не без помощи столь же болтливой подружки Юхнин исподволь выведал главную для себя информацию. Воргушина за годы праведного социалистического труда и аскетического быта умудрилась накопить немаленькое состояние. Живет в приватизированной трехкомнатной. В центре Одессы. В престижном районе. Что особенно важно — без наследников. Впрочем, это надо еще уточнить лично. Чтобы не просчитаться.

Расставание получилось трогательным и недолгим. Уже через две недели в дверь Лидии Степановны позвонили. На пороге с огромным букетом стоял Юхнин. Он был бледен и взволнован: "Если в отзывчивом сердце вашем и в вашей чуткой душе возможен уголок для влюбленного в вас рыцаря, примите же его в свои объятия", — просто и без затей предложил Валентин Андреевич.

Еще через пару недель счастливая, потерявшая остатки рассудительности невеста спешно продавала квартиру в Одессе, доверяла увесистую пачку долларов надежде своей и опоре, своему защитнику и будущему мужу, грузила в контейнер гарнитуры, ковры и хрусталь.

Что было потом в деталях известно одному лишь Всевышнему.

Потому что приватная жизнь отставного авиационного старшины Юхнина была всегда укрыта прочными запорами и массивной дверью. И только звукопроницаемость отечественных стен да личная бдительность позволяла соседям строить некоторые тревожные догадки. Что-то явно не так складывалось у пожилых молодоженов. Все чаще из-за стены доносились приглушенные рыдания. Мимо обитателей высотного дома на улице Нагорной Лидия Степановна старалась проскользнуть как можно незаметнее и стремительнее. Но никогда еще и никто не способен был провести наших все замечающих старушек. Они с тревогой фиксировали: "молодая" разительно меняется с каждым днем! Румянец и улыбчивость сменили какая-то мертвенная бледность и синева под постоянно заплаканными глазами. Живость полненькой классически сбитой фигурки исчезла уже через несколько месяцев. К осени Лидию Воргушину было не узнать. Испуганно озирающаяся тень все реже и реже появлялась на свежем воздухе.

— Не здоровится мне что-то на вашем курорте, — откликнулась однажды на сочувственный вопрос Лидия Степановна. — Странное что-то со мной творится. Чувствую, что угаваю. А по какой причине врачи определить не могут.

С описания подобных симптомов в наши дни начинается лекция о ядах пролонгированного действия известная сочинская врач-гематолог. По твердому убеждению этой знающей женщины, проводившей многолетние тщательные исследования множества

историй болезней с загадочным летальным исходом, именно в жилищных южных районах страны, как нигде еще по России, пускается в ход дьявольское зелье с дрящимся губительным эффектом. Сложные синтетические яды медленно разрушают организм, практически не оставляя после себя следов. И только однажды в современной криминалистической практике поднялась большая шумиха.

Несколько лет назад известный на всю страну столичный банкир и его секретарша откушали по чашечке утреннего кофею. И вскоре скончались самым загадочным образом: при вскрытии только самые современные приборы помогли выявить в организмах жертв яды пролонгированного действия. Для утешения на глазах одесситки с улицы Нагорной никто, понятное дело, такой дорогостоящей экспертизы заказывать бы не стал. Юхнин стал вдовцом тихо, просто и безнаказанно. Куда легче, чем в первый раз, когда жена перед кончиной таяла почти год. Теперь не пришлось отмечать даже полугодие супружества. Лидия Воргушина умерла на 64 году жизни и на третьем месяце брака, заключенного с галантным отставным военным, увлекающимся по вечерам непонятными химическими опытами.

Уже гораздо позднее, когда возникнут подозрения в насильственной смерти самой первой жены Юхнина, и будет возбуждено дело по фанту убийства той женщины, что сочеталась законным браком с курортной "Синей Бородой" после гибели Воргушиной, участковый Зазенало отправляет

следователю Горобцову: "Поквартирным опросом установлено, что женщину из Одессы соседи обнаружили мертвой под лестницей в подъезде. Труп оказался в полосатом чехле из-под матраца. Соседки попросили женщин из церкви и те обмыли тело. А затем приехали какие-то военные и увезли тело для похорон".

...И все ее 13 кошек

В последний путь свою очередную благоверную Валентин Андреевич тогда не провожал. Он потерял к Воргушиной всяческий интерес сразу после записи акта о смерти: и ...ишемическая болезнь сердца, стенокардия..." Как и следовало ожидать, про внезапную и такую странную смерть приезжей из Одессы забыли скоро. Наследники не объявились за неимением таковых. И только давняя подруга Лидии Степановны изумилась однажды по телефону: "Какое большое сердце, Валентин? Ведь за всю свою жизнь Лидочка ни разу на него не пожаловалась!"

Но совсем другие сердечные заботы волновали к тому времени по-прежнему моложавого и подтянутого Юхнина. На автобусной остановке у магазина "Кубань" на улице Воровского приметил он акkuratную пожилую женщину с горделивой посадкой седовласой головы. С наработанным до автоматизма навыком Валентин Андреевич сразу определил: одинока, простодушна, наверняка набожна, в приливе благодарности способна на самые опрометчивые поступки.

— Простите ради Бога, — тактично подступился Юхнин. — Не в

моих привычках приставать к благородным дамам на улице. Но что-то столь неотразимое читается на вашем одухотворенном лице. Такая притягательная и светлая сила настоящей интеллигентки...

За 76 лет Тамаре Бойченко никто и никогда еще не говорил таких чарующих слов. Уже вскоре "отставной полковник" оказался на улице Роз, 46. В гостях у Тамары Николаевны. Ее однокомнатная показалась Валентину Андреевичу соблазнительной. В престижном тихом районе, удачная планировка. Вот только кошки... С ними еще в детстве Юхнин предпочитал расправляться самым безжалостным способом. Зрелищнее всего получалось спутывание лапок и подбрасывание этих визжащих от ужаса тварей в бродячую псовую свору. А тут аж 13 разномастных котов и кошек, подобранных сердобольной Тамарой на сочинских улицах! И все трутся о штанины, оставляют свою гадкую шерсть на пиджакане, мурлыкают под ухом...

— Какая прелесть! — очень естественно улыбался Валентин Андреевич. — И здесь мы с вами сходимся, очаровательнейшая Тамара Николаевна. Мне кажется, что Господь именно над изящным кошачьим племенем трудился воодушевленное всего...

Старушка таяла и сдавалась на глазах. Не прошло и месяца, как пожилая пара принялась обсуждать планы совместного странствия по тропе закатной жизни.

— Он такой чуткий, такой заботливый. — Бойченко не уставала нахваливать Юхнина своим давним подругам: — Будет кому

станан воды в последние часы жизни подать...

— Ой, Тома, не чисто здесь что-то! — предостерегали многоопытные Галина Васильевна и Лидия Андреевна: — Чего это он тебя так с обменом подгоняет? У него тоже квартирна неплохая. Пожила бы пока там, присмотрелась...

Но в любом возрасте глубокие сердечные чувства оказываются сильнее дальновидных расчетов. Хотя что-то в образцово-показательном женихе наверняка настояжировало и Тамару Николаевну. Что-то ужасное, роковое и теперь уже неотвратимое она все же предчувствовала.

— Ой, девчонки, на погибель свою переезжаю! — вроде бы как и в шутку обмолвится Бойченко в то ясное весеннее утро, когда в воинский грузовик солдатики "погранцы" загрузят мебельный гарнитур, ковры и посуду. Новоиспеченный муж подключил свои старые дружеские связи и позаботился не только о дешевом транспорте, но и о бесплатной рабочей силе.

Все было быстро расставлено в просторной двухкомнатной. С немалой приплатой за две однокомнатные Юхин обменял ее все в том же высотном доме на улице Нагорной.

— Вот здесь, когда умру, глаза ты мне и закроешь, — приобняла мужа Тамара Бойченко. Тогда она не знала и не могла знать, что слова эти окажутся пророческими. Но ровно наполовину. Умрет Тамара Николаевна куда скорее, чем она предполагала. Умрет мученически и страшно. Но муж глаза ей закрывать не станет. Потому что убийцы, как правило, со

своими жертвами так не поступают.

Признание на смертном одре

Финальной части драмы предшествовало несколько душераздирающих сцен. Мрачные предчувствия, в которые Тамаре Бойченко так не хотелось верить, все же стали сбываться. И причем стремительно. После объединения квартир галантный отставник благородной наружности постепенно преобразился в безжалостного домашнего деспота. В новой жене Юхина раздражало все. И особенно ее кошки. Набожная сердобольная женщина не могла не взять их с собой. Но уже вскоре Тамара Николаевна стала замечать: что-то неладное творится с пушистыми любимцами. Они чахли на глазах, часто болели и постепенно умирали. Ветеринары разводили руками и ничего понять не могли.

Через несколько месяцев из 13 подобранных на улице кошек в живых остался лишь одноглазый хромой Барсик. Это был старый уличный кот, уже много раз ученый этой неласковой жизнью. Барсик привык доверять только своей спасительнице и категорически отказывался принимать даже самые лакомые кусочки из рук нового человека. Смертельная опасность исходила от него, и чужая животинка при виде Юхина всегда выгибала спину, шипела и даже намеревалась укусить своего нового хозяина. Но южным зимним утром Тамара Николаевна проснулась в опустевшей квартире. Барсина нигде не было. Бойченко бродила по всей улице Нагорной, громко звала котика и

плакала. Только к вечеру мальчишки указали на развесистую алычу с подвешенным у самой земли котом.

— Ты и меня точно так же удушишь! — не удержалась тогда супруга. Суровый муж насутился еще больше и ударил без замаха, но очень точно. Это было началом конца. Оставшиеся несколько недель протекали по уже привычному пугающему сценарию. Соседи все чаще слышали за стеной грохот падающей мебели, шум борьбы, вскрики, женский плач.

— Он не выпускает меня из дому, не дает пищи, медленно убивает меня, помогите! — донеслось однажды из форточки. В проеме мелькнуло бледное, искаженное ужасом лицо. Юхин тут же сдернул Бойченко с подоконника и на стук в дверь никому уже не отвечал. Хитроумная осторожность на этот раз изменила старику. Казалось, ярость лишает Юхина рассудка. Он действовал теперь не маскируясь. Когда утром 30 января 1997 года милиция отреагировала-таки на письменные коллективные жалобы соседей и взломала двойную дверь, опергруппе представилась жуткая картина. Повсюду были разбросаны клочья седых женских волос. На диване изображал безмятежный сон Валентин Юхин. Уже остывшее тело его благоверной в изорванной ночной рубашке скрылось на полу в туалете. Грудина, ребра и подязычная кость были изломаны в нескольких местах. Экспертам показалось тогда, что несчастная старушка угодила в какую-то страшную молотилку.

— Это она сама об унитаз ударилась, — упрямо твердил на

следствии Юхин. Вину свою он не хотел признавать даже после того, как было найдено последнее не отправленное письмо Бойченко, адресованное в Майкоп. Тамара Николаевна молила о спасении единственную свою родственницу, племянницу Наташу: *"Он чем-то травит меня, но я умираю не так быстро, как ему хочется. Боюсь, что он просто пришибет или задушит меня"...*

Судебно-цитологическая экспертиза выявила под ногтями задушенной частицы кожи. Они принадлежали новоявленной "Синей Бороде".

В последние дни 1997 года 79-летний арестант Юхин ощутил вдруг резкую боль в левой части груди. Так он впервые узнал про то, что имеет сердце. Подследственный был госпитализирован. Диагноз "инфаркт" напугал Юхина до такой степени, что он даже стал задумываться о своей кончине и вероятном Страшном суде.

— Может, и зря я их убивал-то... — раздумчиво молвил он однажды на больничной койке. Охранник насторожился: "Кого убивал-то, дед?"

— Да бабон своих... Кого из-за денег. Кого из-за квартиры. А последнюю вообще... из-за кошек.

Милиционер Аленсей Васинко тут же написал рапорт о примечательном разговоре. Но Валентин Андреевич никогда больше подобными признаниями грешную свою душу облегчать не пытался. Он так и умрет в "глухой неосознанке". Еще до суда, в армавирской тюремной больнице. 15 января 1998 года.

После чего воистину чудные дела завертятся в Центральном районном суде. Обнаружится

вдруг у покойного родная дочка. 59-летняя беженка из Молдавии, живущая ныне в одном из поселков Ленинградской области. Инна Валентиновна юридически грамотно определит для себя: не пойманный — не вор, не осужденный — не убийца. И станет требовать в личное пользование всю квартиру на Нагорной. Хотя по завещанию последней жертвы "Синей Бороды" хотя бы половина ее должна принадлежать юной племяннице из Майкопа. Отвергательная тяжба в кабинете у судьи Владимира Нурило продолжается

уже больше года. Однажды Владимир Васильевич не удержался от неизбежного в таком диалогическом случае вопроса: "Ну вот, допустим, отсудите вы эти квадратные метры. Как на них потом жить-то будете? Не страшно?"

— Ничего, лишь бы было! А я уж как-нибудь! — не колеблясь, отрубил решительная женщина. В глазах ее в этот миг не прочитывалось ничего. Показалось, что даже тени бывших жен ее отца не смогут никогда побеспокоить здоровый сон столь бестрепетного существа. ■



Майя ОРЛОВА

Звезда на все времена



официальных "звезд" в СССР никогда не было: местная Вселенная была устроена совершенно по иному принципу. На небе могло быть только одно солнце, все остальное выжигалось каленым железом — иногда в прямом смысле этого слова. Многие знаменитые актрисы тех времен прошли через концлагеря, так что судьбе их в целом довольно трудно позавидовать. И тем не менее, одной женщине удалось стать настоящей "звездой", причем в сугубо западном понимании, избежать всех опасностей, подстерегавших мало-мальски известных людей и даже вполне официально считаться "лицом страны". Это была Любовь Петровна Орлова.

Всю жизнь она отрицала какие бы то ни было родственные отношения со знаменитым графским родом Орловых и во всех биографиях писала, что выросла в простой московской интеллигентной семье. Ходили слухи, что от репрессий родителей Орловой — кстати, самых что ни на есть настоящих дворян — спасло лишь то, что отец до революции проиграл на скачках все три имения и остался практически без средств к существованию. Красиво, но маловероятно: советская власть расправлялась с "классово чуждыми элементами" исключительно по социальному признаку, не вникая в их материальное положение.

Впрочем, в 20-е годы совершенно никого не интересовала миловидная барышня, которая днем занималась в хореографической студии, а по вечерам подрабатывала тапером в кинотеатрах. Скудная жизнь, монотонная работа, убогий быт. Но вот, наконец,

мали трино... в травмпункте. Вместе с обоженной кожей. И это называется — не умела играть?

В любом случае Любовь Орлова воплотила в себе идеал красоты и женственности того времени. И при этом старалась выглядеть досягаемой и простой. Любила, например, говорить, что единственное драгоценное кольцо, которое у нее есть — это... поршневое кольцо, полученное в подарок от рабочих тракторного завода. Вряд ли так было на самом деле, но легенда выглядела красивой. А вот о том, что актриса сдала минимум танчики, чтобы максимально правдоподобно выглядеть в фильме "Светлый путь", мало кто знает. Это она скрывала так же тщательно, как, например, знакомство с Шаляпиным, на вечерах которого бывала еще до революции. Женщина-загадка, о которой, как считалось, все знают всё.

Вся страна знала, что актриса Орлова каждое утро начинает с сорокаминутной разминки у балетного станка, что объем ее талии всю жизнь оставался одним и тем же — 53 сантиметра, что она никогда не пользуется услугами дублерш, все делает сама. Но никто не знал, что ближайшим другом Любови Петровны был... Чарли Чаплин, потому что "железного занавеса" для четы Александров-Орлова не существовало никогда. Никто не знал, что Орлова первой в стране прибегла к услугам пластической хирургии: "лицо" страны должно было быть безупречным. Но как порой трудно было сохранить это самое лицо!

Существует рассказ о том, что на одном из приемов в Кремле к Орловой подошел Сталин — она

была его любимой актрисой, хотя никогда этим не злоупотребляла, — и спросил?

— Почему такая худенькая?

— Режиссер своими требованиями замучил, — рискнула пошутить "звезда".

Чувство юмора у "отца народов", как известно, было своеобразным:

— Актриска Орлова у нас одна, — неторопливо сказал он, обращаясь к Александрову. — И если вы будете ее мучить, мы вас повесим, четвертуем, а потом расстреляем из пушки.

Как супруги дотянули до конца приема — загадка. А на следующее утро в их квартире раздался телефонный звонок: Сталин интересовался, не нужно ли чем-то помочь режиссеру в его работе. Кстати, название "Светлый путь" придумал Сталин. Александрову оставалось только выразить свое восхищение.

И еще: после смерти Сталина Любовь Орлова практически больше не снималась в кино. Ее время кончилось. Последняя попытка — фильм "Скворец и Лира" — лег на полку не по цензурным соображениям, а потому, что сама актриса ужаснулась, увидев себя на экране в роли молодой разведчицы. И категорически воспротивилась даже проведению закрытого показа.

Впрочем, это уже было неважно. "Веселые ребята", "Волга-Волга", "Светлый путь" и "Цирк" обеспечили Орловой бессмертие. А пасторальный роман с Александровым создал неуязвимый образ талантливой пары, которая жила долго и счастливо. Вот только умереть в один день им не удалось.



Берлин. 1947.

Любовь Орлова умерла в семьдесят с лишним лет в больнице. Александров навещал ее каждый день. Когда ее состояние резко ухудшилось, она впервые попросила мужа срочно приехать. И успела сказать только одну фразу: "Как вы долго..." Больше она в сознание не приходила. Григорий Алек-

сандров утверждал, что это был единственный упрек, который он услышал от жены за почти пятьдесят лет их совместной жизни.

Они так и не смогли перейти на "ты". Да и пытались ли?

Образцовая советская звездная пара жила по своим законам...



**Светлана
БЕСТУЖЕВА-ЛАДА**

Полный расклад "круг"

Сейчас едва ли не в каждой газете среди прочих объявлений можно найти и такие: "Сниму, наведу порчу...", "Отворот, приворот, заговор..." "Потомственная ведьма — все виды ворожбы". Или уж совсем просто: "Магия". Если верить тому, что сулят авторы этих объявлений, то нужно только иметь эникую сумму денег — и все ваши проблемы будут решены.

Впрочем, это только для нас — новинка и экзотика. Весь цивилизованный Запад уже третье десятилетие переживает "магический бум". В одном только Париже официаль-

но насчитывается свыше 50 тысяч знахарей, колдунов, магов, астрологов, прорицателей и так далее и тому подобное. Что не мешает французам оставаться добропорядочными христианами — католиками или протестантами.

На Руси колдовством, знахарством и ворожбой тоже трудно было кого-либо удивить еще сто лет тому назад. Да и при развитом социализме — что греха таить! — женщины охотно гадали и на картах, и на кофейной гуще, и по руке. Официально это, правда, никоим образом не поощрялось, скорее — наоборот.

Но, как пелось в популярном тогда шлягере: "Устроены так люди... желают знать, что будет".

А вот наведение порчи, приворот — это уже совсем другое дело. За это и при достаточно либеральном царском режиме можно было в лучшем случае угодить на каторгу. В худшем же случае соседи рано или поздно устраивали самосуд и "ведьму" сжигали вместе с ее домиком. Не потрудившись даже узнать, действительно ли она может что-то эдакое сотворить с человеком или просто-напросто морочит головы доверчивым людям.

Теперь открыто печатают объявления в газетах. Совершенно официально устанавливают прейскурант: первичная консультация от 3 тысяч рублей до 300 долларов. Наведение порчи — от 10 тысяч "деревянных" до 1000 "зеленых". Приворот тоже имеет свою цену. Но задавался ли кто-нибудь вопросом — насколько все это эффективно?

У меня, между прочим, есть знакомая ведьма. Точнее — бывшая. Когда-то Алиса действительно занималась самой что ни на есть черной магией: например, могла сделать недееспособным неверного мужа. Или пришить желанного так, что он, кроме своей зазнобы, никого вокруг и не замечал. Но в один прекрасный день мне понадобилось не отворонить-приворонить, а просто попробовать заглянуть в будущее. Рано или поздно каждого посещает такое желание, но реализовать его — увы и ах! — как правило, невозможно. Мой же случай оказался тем самым исключением из правил, ибо собиралась я обратиться к помощи так называемых "карт Таро". В отличие от астрологии, которая порой вызывает ощущение беспомощной жертвы небес, карты эти, го-

ворят, передают контроль над нашей жизнью в наши собственные руки. Ну, и поговорить, конечно, хотелось. О своем, о девичьем....

— Больше я магией не занимаюсь, — объявила мне Алиса едва ли не с порога. — И другим не советую, если только нет совершенно неодолимой тяги к таким занятиям. Себе дороже выходит.

— Почему? — искренне поразила я. — Внушить кому-то, что наводишь на его врага порчу, взять за это дененки — чем плохо? Если люди сами хотят эти деньги платить.

— А они не понимают, что "просто так" ничего не делается. За все надо платить, причем деньги тут — дело второстепенное. Сглаз и порча непосредственно отражаются на здоровье тех, кто их наводит, и тех, по чьей просьбе это делается. Говорю со всей ответственностью: за последние три года пять раз побывала в больнице. И теперь близко к магии не подойду ни за какие деньги.

— Но в сглаз и порчу, как танковые, вы верите?

— Верю, потому что они существуют. Но снимать их нужно не с помощью магов или ведьм, а с помощью хороших биоэнерготерапевтов. Тут хотя бы есть гарантия того, что не навредишь своему организму еще больше.

— Но вы же сейчас не этим занимаетесь? — спросила я.

Мы сидели в типичной для нынешних времен московской кухне, где помимо неизбежных плиты и холодильника был столь же неизбежный теперь кухонный уголок, электрический чайник на столе, телевизор и телефон. Кроме того, глубокое мягкое кресло для гостей и... две кошки и собака. Серый пушистый кот, черная гладкошерстная кошка и уморительный пекинес. Нафаня, Феня, и Афанасий.

— Три моих источника оптимизма, — пояснила Алиса, поймав мой взгляд. — Все — бывшие уличные беспризорники, без всяких паспортов и родословных. Подобрала, вылечила, откормила. А они, в отличие от некоторых людей, добра не забывают.

Афанасий мирно спал под столом, Нафаня, потеревшись о мои колени, убрался отдыхать на диванчик, и только черная красавица Феня не обращала ни на что внимания, застыв на подоконнике, как египетское изваяние.

— Совершенно независимое существо, — усмехнулась Алиса. — Никание "нис-нис" не воспринимает, гладить себя позволяет только изредка, под настроение, посторонних людей вообще игнорирует. Вот Нафаня — нормальный кот, без всяких отклонений.

— Так чем вы сейчас занимаетесь? — повторила я вопрос.

— Сейчас я занимаюсь картами "Таро". Гадаю. Это гадание — а ему, между прочим, почти семьсот лет — дает человеку не один предсмертный путь, а несколько выходов из ситуации. А дальше человек несет ответственность перед собой и перед своей совестью: встал на тот или иной путь — изволь рассчитывать последствия. Мы можем исправить только самих себя. Мы можем изменить свое отношение к ситуации. Но исправить кого-то другого без его желания не-воз-можно!

— А как же приворот-отворот?

— Приворот... Технически это возможно: закрепить любовь на долгие годы. Но уже поздно и абсолютно недействительно делать это "вслед уходящему поезду", когда и закреплять-то нечего, потому что любви — увя! — не осталось. Если за годы совместной жизни вы не сумели стать для мужа единственной и неповторимой, то, да-

же продав с себя последнюю рубашку, любовь вы не купите. Зато наживете себе кучу неприятностей, потому что любое вмешательство в чужую жизнь никогда не остается без последствий. Магия — это закон справедливости: вы вмешались в чужую жизнь, а платить придется своей. И, что самое страшное, — здоровьем ваших детей.

— Но если это так серьезно, то почему столько объявлений об этих самых "магических услугах"? Этим магам, выходит, себя не жалко?

— Видите ли, профессионалов высокого класса — единицы, и их отличительная черта — скромность. Им не надо хвастаться результатами своих усилий на страницах газет — за них это делают те, кому они действительно помогают. Попасть к ним невероятно трудно именно из-за отсутствия рекламы. Кстати, они, как правило, очень далеки от стяжательства и не обещают счастья всем подряд. И уж, конечно, не берут деньги вперед, вне зависимости от результата. Эти люди берегут себя, берегут свою карму... Да посудите сами, если бы кто-то из дающих подобные объявления вернул хотя бы десятку женщин гулящих и пьющих мужей, то зачем ему реклама? У его порога люди и так сотнями бы ночевали, если не тысячами.

— А те, кто действительно наводит порчу? Ведь и среди них должны быть, как вы выражаетесь, "специалисты высокого класса". Этим-то какой смысл творить зло бескорыстно, да еще в ущерб самим себе?

— Ну, во-первых, всегда были и есть люди, которые творят зло "из любви к искусству". Во-вторых, злые колдуны обычно очень корыстны и обирают своих клиентов бунвально до нитки. Но и они себя крайне редко афишируют: кому нужно, тот сам найдет и попросит. Так что не будьте на-

ивными и не допускайте в свою жизнь тех, кто ее может разрушить.

— А если не разрушить? А только, к примеру, отбить у мужа желание пить?

— Кодирование само по себе не так уж и плохо. Но я бы посоветовала с большой осторожностью относиться к объявлениям типа "избавляю... за один сеанс". Почему? А потому, что проблема существовала долгие годы, у человека потребность в алкоголе стала частью жизни, причем немалой частью. И вдруг в результате вмешательства извне эта привычка исчезает. Что остается взамен?

— Трезвый муж.

— Пустота остается. Пустота, которую нужно чем-то заполнить, а чем — неизвестно. Но мне, кстати, обращается множество женщин, которым кодирование их мужей без психологической коррекции принесло больше вреда, чем пользы. В лучшем, если можно так выразиться, случае муж становился злым, нетерпимым, жестоким. В худшем же — для женщины, разумеется, — случае муж становится другим человеком и... уходит к другой женщине. Вообще, если хотите знать, я твердо уверена: если муж пьет, то помощь нужна в первую очередь не ему, а его жене. Причем помощь не колдуна или ведьмы, а хорошего психоаналитика. Потому что пьют по разным причинам и в разных количествах, но многое, слишком многое зависит от той женщины, которая в самом начале этой пагубной привычки оказалась рядом.

— Опять женщины виноваты? — совершенно искренне возмутилась я. — А когда уходят от любящей, верной, заботливой жены, да еще с детьми — тоже она сама тому причиной?

— Безусловно! Если, конечно, отсечь случаи с заведомыми подонками, а оставить только случаи так на-



Главенствующие арканы

зываемых "добропорядочных мужчин". Ведь человек на самом деле получает только то, чего он сам хочет. Вот у меня была клиентка, которая жаловалась: "Я же все время стремилась к тому, чтобы он был счастлив. Почему же он ушел к другой?" Но она же хотела, чтобы он был счастлив, а не она сама, причем любой ценой. Вот он и счастлив. Человека сделали, отмыли,

одеди, научили пользоваться оденолоном, а потом удивляются: что происходит? Почему такая несправедливость? Потому что — своими руками.

Я хотела было возразить, но вспомнила несколько действительно похожих примеров и вовремя прикусила язык.

— И еще, — продолжала Алиса. — Порой кажется, что женщина на самом деле просто упивается своим несчастьем и вовсе не хочет что-то менять. Иногда достаточно просто причесаться, подкраситься, купить себе каной-то пустячок — не знаю, душистое мыло, что ли, — и уже появляется другое настроение. Нет, она будет слоняться по дому нечесаная и немытая, пилить мужа за то, что он не вынес мусорное ведро, не сходил за картошкой, не погулял с ребенком и вообще ее больше не любит. А почему он должен ее любить, если она сама себя ненавидит? К тому же я считаю, что человек изначально свободен и если ему что-то навязывать...

— Что конкретно?

— Например, опостылевший семейный очаг. Приходит ко мне женщина и жалуется, что муж бросил ее с двумя детьми. Начинаю спрашивать, с чего все началось. Она сама толком не знает, вроде все было нормально и вдруг... Но постепенно выясняется, что женился он на ней потому, что она уже была в положении. Она сама про это давно забыла. А когда появились первые признаки охлаждения — мы и их раскопали! — она решила... родить второго ребенка. Чтобы, значит, удержать. Разве ребенок кого-то когда-то удерживал? А потом: "Он меня бросил с двумя детьми! Хочу любой ценой, чтобы он вернулся!" Зачем?

— Любит, наверное?

— В том-то и дело, что нет. Призналась, что временами его просто ненавидит, но — "чтобы был". Мы с

ней долго сидели и выясняли, зачем ей нужно его возвращение. Алименты он, кстати, платит исправно и неплохо. Кстати, она не единственная: у меня очень много клиенток, которые сами не знают, чего они на самом деле хотят. От себя, от мужа, от жизни...

— Например?

— Например, жалуются на то, что муж не дает или не приносит в дом денег. Спрашиваю: "Зачем вы выходили за него замуж?" Выясняется, что он был хорош в сексе. Значит, выходила замуж за секс, а хочет, чтобы приносил деньги. Тогда надо было выходить замуж за кошеленок. Потому что, повторяю, человек получает именно то, чего он хочет. Это уже потом происходят какие-то коррекции в сознании, подвинки, что-то забывается. И начинаются жалобы на несправедливость жизни. А вопрос решается на самом примитивном уровне.

— То есть?

— То есть у меня, например, муж приходящий, причем приходит он, когда я этого захочу. И если у меня возникает желание его видеть, я прежде всего задаю себе вопрос: "Зачем?" Минут десять веду с собой диалог: вопрос — ответ, вопрос — ответ. "Хочу ли я секса?" "Нет". "Хочу ли я денег?" "Ну, может быть, и хочу, но все равно не получу". И так далее. И после такого пристрастного допроса выясняется, что на самом деле мне нужно, чтобы он... почесал мне спину. Или пятки. И у меня чувство из такого всеобъемлющего локализуется строго в пятках. Или в лопатках. Это — частность, конечно, но по такому принципу можно разбирать очень многое в человеческих отношениях. Зачем мне этот человек? Чего я от него хочу? Почему мне нужно, чтобы он был со мною? И если самой в себе хорошенько разобраться, никакая гадалка не

понадобится, не говоря уже о магах и колдунах.

Я слушала Алису и думала об одном человеке, которого очень хотела видеть. Зачем? Действительно, зачем? Ни с какой стороны никакого счастья он мне дать не мог, а мог только основательно испортить жизнь, что уже неоднократно проделывал. Но как избавиться от этого проклятого желания: пусть он будет! Как? И тут произошло маленькое чудо.

Черная кошка Феня соскользнула с подоконника и мягко вспрыгнула ко мне на колени. Она не стала сворачиваться клубком или тереться мордочкой о мой подбородок — о нет, ее такие глупости не волновали. Она села на задние лапы, мордой (чуть не сказала «лицом») к моему лицу, приподняла передние лапы и стала... гладить ими меня по щекам, не выпуская ногтей. Я окаменела, у Алисы, похоже, тоже было нечто вроде шока. Сцена длилась несколько минут, причем Феня не издала ни единого звука. А потом так же внезапно убрала лапки с моего лица, спрыгнула на пол и с достоинством удалилась.

— Это что же было? — с трудом обрела я дар речи. — Она часто так... массирует?

— Впервые вижу, чтобы Феня вообще к кому-то, кроме меня, на колени влезла, — ответила Алиса. — А уж этот фокус — тем более. Знаете, по моему, она с вас порчу снимала. Можете мне, конечно, не верить...

Я прислушалась к себе — и поверила. Желание увидеть Его испарилось вместе с чувством дискомфорта. А на смену пришло спокойствие. И ясность мысли.

— Вы говорили о картах "Таро", — напомнила я Алисе. — Если можно, чуть-чуть поподробнее.



Младшие арканы

— Это очень древняя система гадания. В колоде 78 карт, все они имеют свой смысл и символизируют различные стороны бытия: болезнь, смерть, борьбу, войну, силу, мощь, религию... Каждая карта имеет свое название и знак, включая сразу три плана: символический, цифровой и астрологический. Нужно только уметь читать эти знаки.

— Это сложно?

— Не сложнее всего остального. На каждой из 78 карт — люди, планеты или ситуации. Например, карта Солнца олицетворяет жизнь и энергию, тогда как изображение Смерти, иногда в виде скелета, на самом деле вовсе не символизирует именно это печальное событие, а просто означает окончание чего-то. То есть если вы вытягиваете карту Смерти, это вовсе не значит, что близкий человек умрет. Это — сигнал к завершению

данной связи или вашего отношения к ней.

— А другие символы?

— Есть короли, дамы, тузы и другие карты, аналогичные обычным игральным, к которым мы привыкли. Нужно просто научиться правильно читать символы... Но прежде чем я расскажу о них — одна занятная история. Но мне пришла женщина, которая хотела узнать: есть ли у нее шанс в отношениях с мужчиной, который ей нравился. Моя клиентка знала, что ее возлюбленный встречается с другой женщиной, но отказываться от своей навязчивой идеи не собиралась. Так вот, первая карта ей выпала — Луна. Это значит, что гадающий обманывает сам себя, то есть выдает желаемое за действительное. Затем выпала карта Отшельника, а это означает самосозерцание и одиночество. Значит, женщина подсознательно нацелена на любовь к одиночеству, а свою любовь, скорее всего, себе придумала.

— Так, по-моему, не бывает...

— Хорошо, подойдем к проблеме с другой стороны. Вы чувствуете, что в вашей работе что-то не ладится, но внешне все в порядке. Вам выпадает карта Башни. Тогда вы можете спросить себя: что же у вас может рухнуть и чем вы готовы пожертвовать ради того, чтобы сохранить остальное. Так что все — в ваших руках.

— И как этими руками пользоваться?

— Есть самый простой способ: расклад "три карты", который помогает понять динамику вашей собственной жизни. Гадать нужно следующим образом:

1. Когда вы перемешиваете карты, обязательно сконцентрируйтесь на проблеме, которая вас беспокоит. Главное, правильно сформулировать вопрос. Если вы зададите картам загадку:

"Состоится ли это или нет?", то и ответ будет достаточно двусмысленным. Но если задать вопрос: "Что я могу сделать в данной ситуации, чтобы мои планы осуществились?" — то шансов на успех появляется куда больше.

2. Старайтесь спрашивать о себе, а не о ком-то или о чем-то. Иначе вы получите не ответ кого-то, а отражение того образа, который сами себе создали.

3. Положите карты рубашкой вверх и дванды поделите ее левой рукой (левая сторона всегда символизирует бессознательное или неизвестное), чтобы получить три стопки. Потом снова сложите эти стопки в любом порядке.

4. Возьмите первую верхнюю карту колоды, переверните ее и расположите строго вертикально. Это — ваши нынешние потребности.

5. Возьмите вторую карту сверху колоды, переверните ее и положите рядом с первой. Эта карта указывает дело или человека, которые препятствуют успеху вашего дела.

6. Положите точно так же третью карту рядом со второй. Это будет означать, что вы наверняка можете сделать в данной ситуации.

Вот, собственно, и все. Остальному нужно учиться значительно дольше. Хотите, я вам погадаю?

Я хотела.

Можно в принципе не верить во всю эту чертовщину, от которой ум за разум заходит. Можно верить — и поступать соответственно. Алиса критикует своих конкурентов — это естественно: законы рынка. Но ведь и гадание на картах, а тем паче — Таро — не имеет никакого отношения к диалектическому материализму. Скорее, к тем же магическим ритуалам.

— На самом деле жизнь гораздо интереснее, чем магия, — подвела



Расклад "крест"

итоги Алиса в конце нашей встречи. — Воронить, проклинать, отягощать собственную карму — зачем? Можно бороться за свое счастье самыми обычными способами и своими руками. А я могу только посоветовать, подсказать, в каком направлении лучше всего действовать и чего остерегаться...

"Послушай совет женщины и поступи наоборот", — скажут заядлые скептики. До той встречи с Алисой я более чем скептически относилась ко всевозможным гаданиям и прорица-

ниям. Но когда все то, о чем она мне говорила, стало сбываться чуть ли не со стопроцентной точностью, скепсиса у меня заметно поубавилось. А уверенности в себе, наоборот, стало больше. Алиса ли подсказала мне правильный путь в жизни? Или гордая черная кошка Феня сняла неведомо кем наведенную порчу? Не знаю...

PS. Конечно, основной вопрос, волнующий большинство женщин да и мужчин, если уж на то пошло, — это любовь. Так вот, именно с этой точки

зрения приводим значение ключевых карт Таро.

"Влюбленные". Это, что называется, "в яблочку"! Козырная карта, показывающая, что речь идет об истинной любви. Она также указывает на необходимость сделать стоящий перед вами жизненно важный выбор, чтобы оградить свое будущее от неприятностей.

"Дьявол". Те же мужчина и женщина, что и на предыдущей карте, скованы между собой цепью и символизируют "жертву пагубного влечения". Это — символ темной стороны любви. Появление такой карты означает, что вы либо одержимы пагубной идеей секса с кем-нибудь человеком, либо используете его в своих целях и пытаетесь привязать к себе. Но... цепь на шее мужчины и женщины висит свободно, так что от нее, при желании, можно освободиться. Вопрос только в том, хотите ли вы этого сами. В общем, не пугайтесь, вытянув карту Дьявола. Вы — не исчадие ада, ваш партнер — тоже, просто... все очень запущено.

"Шут". Эта карта часто появляется в начале новых взаимоотношений. Но вовсе не является синонимом слова "дурак". Карта означает, что вы находитесь на пути к самоисследованию. Если вокруг Шута — проблемные карты, то лучше с этого пути уйти, пока не поздно. Но если остальные карты благоприятны — вы, скорее всего, найдете свое счастье.

"Кубки Любви". Это — черви в обычной колоде и, как правило, рассказывают историю вашей любви. Десять карт — десять стадий взаимоотношений.

Туз кубков — предвещает истинную любовь и исполнение желаний. **Двойка кубков** — первая

стадия взаимоотношений, когда люди лишь учатся доверять друг другу.

Тройка кубков — волнения и новая большая любовь. **Четверка Кубков** — ситуация проблематична.

Подумайте, как ее исправить или улучшить. **Пятерка кубков** — ухудшение ситуации до предела. Нужно готовиться к разрыву или... любой ценой спасать положение. **Шестерка кубков** — возвращение в детство.

Наслаждайтесь чистыми, почти платоническими отношениями и решайте эмоциональные проблемы своей юности. **Семерка кубков** —

власть и деньги. Это связано не с любовью, а с мыслями о том, чтобы ваш партнер был богаче или могущественнее. Ну, если вам именно это и надо...

Восьмерка кубков — если хотите быть счастливы, перестаньте напризначать и заламывать руки. Иначе будет хуже. **Девятка кубков** — четкое осознание собственных желаний и потребностей. **Десятка кубков** — совершенное равновесие и абсолютно счастливая жизнь. Увы, такая карта выпадает крайне редко.

"Четыре Королевы". Знать, чего вы ожидаете от мужчины и чего хотите от себя — залог счастливой любви. Изучите образы королев и отождествите себя с одной из них, наиболее, с вашей точки зрения, подходящей. Имейте в виду: результат может вас крайне удивить.

Королева кубков. Вы — Королева любви. Вам позарез нужны законный брак, дети и мужчина, который жить без вас не может. Но... увы! Вы наивны и легко попадаетесь на лесть и внешнюю привлекательность. Так что будьте бдительны.

Королева мечей. Вашим сердцем управляет голова. Иногда вам даже удастся с пользой использовать тех мужчин, которые встреча-

ются вам на жизненном пути. Неудачники — это не ваш тип. Но, учтите, такая сильная личность может и отпугнуть, особенно если ваши требования перехлестывают разумные пределы.

Королева жезлов. Вы — королева страсти и интересуют вас только неординарные мужчины. Да вы и сами талантливы и прямо-таки "бурлите" идеями. Так что "творческий роман" просто обречен на успех. Но... малейшая неудача способна выбить вас из колеи и вы бросаетесь на поиски очередного "идеала". А их почти не бывает.

Королева магических фигур. Добрая, нежная, чувственная, практичная... Слишком много достоинств, так что и партнера найти не легко. Но если уж нашли, то ваш союз будет практически незлым.

"Четыре Короля". Что ж, дамы выбирают кавалеров, кавалеры выбирают... свой тип, чтобы лучше понять себя. Только имейте в виду, что короли символизируют брак и солидность, так что скоротечным романам тут не место.

Король кубков. Это Король любви, он эмоционален и романтичен. Талантлив, весел, деньги так и плывут ему в руки, но... Но ему так нравится быть влюбленным, что за ним все-таки необходимо присматривать.

Король мечей. Волевой, властный, умный и честолюбивый. Обоим сент, но может просто "использовать" партнершу. Единственный способ его завоевать и удержать: действовать его же методами. То есть "против лома нет приема..."

Король жезлов. Страстный, одухотворенный, веселый, остроумный. Обычно богат и рано женится. Основная черта характера — честность, так что ему можно доверять.

Король магических фигур.

Человек, сделавший себя сам. Недоверчив, но честен и требует того же от партнерши. Но если получит искомое, никогда не подведет и будет той самой "каменной стеной", о которой мечтает любая женщина.

"Рыцари". Это — тип мужчины, который олицетворяет ваше второе "я" и к которому вы снова и снова будете возвращаться, несмотря на все несчастья — порой весьма ощутимые! — которые он привносит в вашу жизнь.

Рыцарь кубка. Это — добрый, артистичный человек, воплощение вашего стремления к домашнему уюту. Устать от этого мужчины можно только в том случае, если вы сами способны позаботиться о своем материальном и душевном комфорте.

Рыцарь мечей. Воплощенное честолюбие. Скорее всего, вам придется выбирать между ним и вашими друзьями, потому что они скорее всего его не примут.

Рыцарь жезлов. Сплошная энергия. Воплощает в жизнь ваше собственное глубоко спрятанное стремление к путешествиям, но... но именно из-за этого длительные отношения с ним просто невозможны.

Рыцарь молчаливых фигур. Стяжатель, и не стесняется об этом говорить вслух. Если и вы созрели для того, чтобы заняться накопительством — флаг вам в руки. Только беритесь за дело самостоятельно.

Конечно, кому-то это гадание покажется глупым и бесполезным занятием. Но... карты Таро тем и хороши, что могут помочь увидеть вам некоторые ваши проблемы "со стороны". Что-то вроде настольного психотерапевта...

Впрочем, каждый человек — кузнец своего счастья.



дел

Аттила. Роспись северной нокчи библиотеки Бурбонского дворца.



акруа

Лилия
БАЙРАМОВА



Происхождение Эжена Делакруа окутано тайной. По официальной версии его отцом считался Шарль Делакруа — степенный, важный человек с представительной внешностью, происходивший из семьи земельной буржуазии. Он начал свою карьеру с должности секретаря у всемогущего политического деятеля Тюрго и одно время даже служил министром внешних сношений в правительстве Директории. Выйдя за Шарля замуж, мадам Делакруа родила ему трех очаровательных малышей — Шарля, Анриетту и Анри, и вскоре после этих счастливых событий их супружеские отношения завершились. Что, однако, не мешало мадам Делакруа блестяще исполнять роль хозяйки модного салона, куда стекались самые влиятельные мужи времен Директории. Здесь-то, по всей видимости, она и познакомилась с одним из сослуживцев своего мужа, дипломатом, только что вернувшимся из поездки в Соединенные Штаты. Это был никому еще не известный Шарль-Морис де Талейран, ставший впоследствии “тем самым” Талейраном.

Трудно сказать, что привлекло Талейрана в госпоже Делакруа — ее зрелая красота (возраст мадам приближался к сорока) или же министерский пост ее мужа, но, как бы то ни было, через некоторое время она забеременела. Это стало сенсацией в их тесном кругу, ибо осведомленные лица уже давно сплетничали, что господин министр в течение пятнадцати лет страдал половым бессилием.

Тем не менее родившийся поздний ребенок Эжен вошел в семейство Делакруа и унаследовал от своего мнимого отца привычку к респектабельности и уважение к авторитетам. От матери к нему перешли утонченность чувств, некоторая нервность и артистические наклонности.

Эжена отдали в приличный парижский лицей. Учеником он был прилежным и послушным, хотя учение и не захватывало его целиком. Лет через двадцать он напишет Бальзаку по поводу его новой книги “Луи Ламбер”: “Я был такой же Ламбер, я тоже мог часами наслаждаться пребыванием в мире грез. И мне знакомо то особое одиночество, когда посреди урока, уткнувшись носом в книгу, ребенок делает вид, что слушает учителя, а в душе тем временем совершает чудесные путешествия и строит сказочные замки. Мне все это знакомо”.

Внешне счастливое и благополучное детство омрачалось серьезными внутренними проблемами: через пять лет после смерти мужа мадам Делакруа осталась почти без средств к существованию. И теперь приходилось прикладывать невероятные усилия для того, чтобы скрыть от окружающих следы унижительной и постылой бедности. А когда Эжену исполнилось пятнадцать, его нежная мать скончалась. Он два года провел в семье своей старшей сестры, а по окончании лицея в 1816 году поступил в мастерскую известного тогда художника Герена. Стать живописцем было его давнишней мечтой.



У Герена он познакомился и подружился с художником, оказавшим на него сильнейшее влияние, — Жерико. Его мрачный романтизм, кошмарные фантазии, склонность к изображению всего кровавого и ужасного, легендарное полотно “Плот “Медуза”, на котором он аллегорически изобразил гибель Франции, — все это производило волнующее впечатление на душу юного и вос-

Правосудие Траяна. 1840.





Абидосная невеста. Около 1843.

примчивого Делакруа. Особенно его потрясла мучительная смерть совсем молодого Жерико, неудачно упавшего с лошади.

Но дружба с Жерико имела для Делакруа и чисто практические последствия. Благодаря ему он получил сначала заказ от Людовика XVIII — написать «Деву Марию» для собора Сакре-Кёр, а потом заказ от знаменитого трагика наполеоновской эпохи, актера Тальма, на роспись двенадцати полукруглых композиций в столовой его роскошного особняка. Работы неплохо оплати-

ли, и Делакруа смог перебраться от своей сестры и нанять маленькую мастерскую. Дела его пошли в гору. Решающим для художника стал 1822-й год, когда выставил в Салоне свое знаменитое полотно "Данте и Вергилий в аду". Картина еще стояла в мастерской и находилась в стадии подготовки, а о ней уважительно говорили в Париже. Знаменитый Гро, первый живописец императора Наполеона, не поленился посетить ателье Делакруа и благословить его юношескую работу. "Это ваш первый Салон, —



Портрет Ф. Шопена. 1838.

наставительно сказал он, — вам нужна хорошая рама — пошлите картину к моему мастеру".

Открытие Салона было тогда явлением общенационального масштаба, сравнимое разве что с проведением современных кинофестивалей. Загодя ждали и обсуждали его будущих героев. Самой большой популярностью пользовались картины на патристические и античные темы, воспевавшие разных баярдов, добрых королей и Жанну д'Арк. Главными же событиями Салона 1822 года стали "Коринна на мысе Мизенты" Жерара, "Давид и

Саул" Гро и полотно Энгра, присланное им из Рима: "Обет Людовика XIII", поразившее публику своим холодным совершенством.

Новая картина Делакруа "Ладья Данте" вносила в это царство покоя и давно установленных истин какую-то беспокойную ноту. Один из критиков даже бросил с ходу: "Намалевано пьяной метлой", и эта грубая фраза моментально разошлась по всем парижским гостиным. Но дело здесь вовсе не в живописном новаторстве, которого, кстати, и не было, а в новой тональности, в том тревожном ожидании грядущей катастрофы, которое так напугало современников. Страшные, скорчившиеся тела несчастных грешников, мрачное зарево далекого пожара, испуганные фигуры Данте и Вергилия, общая атмосфера отчаяния и безнадежности — все рождало ощущение трагичности жизни.

Будущий историк Тьер писал в газете "Конституциональ": "Картина господина Делакруа, как никакая другая в Салоне, сулит ее автору великое будущее. В ней пульсирует талант и пробует силы зарождающаяся высшая одаренность... Помимо всего прочего, автор наделен тем особым поэтическим видением, отмечающим писателей и живописцев, которое назову воображением сердца". Тьер оказался первым, кто назвал двадцатичетырехлетнего Делакруа гением. Впрочем, возможно это было только ловким политическим маневром, ибо чрезмерная похвала несомненно могла дойти до ушей его всемогущего покровителя, престарелого Талейрана. Картину, наделавшую столько шума, правительство купило за 1000 франков.

В том же году Делакруа начал вести и свой дневник, прославивший его, пожалуй, не меньше знаменитых полотен. В дневнике записи самого интимного свойства, нечто вроде этой: "Мне снилась госпожа де Л. ...не проходит и ночи, чтобы я ее не видел или не был счастлив подле нее; и зачем я только с ней так суров — она восхитительное создание!" — чередуются с заметками чисто технического характера: о составе красок и смесей, с пространственными рассуждениями о живописи, об искусстве и, конечно же, о самом себе, точнее, о собственной исключительности. "Есть во мне нечто, — гордо пишет он, — что иной раз берет верх над телом, иной раз черпает в нем силы. У некоторых людей внутреннее влияние ничтожно. Во мне оно существеннее всякого прочего. Без него не было бы и меня, оно-то меня и пожрет — я, разумеется, говорю о воображении: оно правит мной и ведет за собой".

А с 1823 года начинается его период англomanии, которой он обязан увлечением Байроном, чудесной английской живописью, прежде всего Констэблем, и своим дендизмом. Новый приятель Бонингтон, талантливый английский художник, познакомил Делакруа с английскими портными и ввел в мир настоящих денди. Вместе с Бонингтоном он мог часами обсуждать покрой понравившегося сюртука или брюк из модной нанки. Делакруа носил "жокейские куртки в яркую полоску, накрывал лошадей красно-

желтыми клетчатыми попонами и кутался в шотландские пледы, расхваленные Вальтером Скоттом”.

Любови к Англии Делакруа обязан и своей четырехмесячной поездкой на острова, откуда вывез не только сильнейшие впечатления от Лондона и английской живописи, но и весьма полезное знакомство со знаменитым живописцем Лоренсом. В Англии он закрутил и любовную интрижку с одной прелестной особой — миссис Дальтон, тридцатилетней француженкой с кудрявыми волосами, вышедшей замуж за англичанина и томившейся от скуки в Лондоне. Она уехала вслед за Делакруа в Париж и даже выучилась рисовать и выставлялась в Салоне. Их связь продлилась более десяти лет.

Возвратившись в Париж, Делакруа грезит о создании больших полотен. Вдохновленный успехом своего “Данте и Вергилия”, он мечтает написать картины на библейские или античные темы. Однако восстание в Греции, поднятое против турок-завоевателей, выводит его из волшебных грез и возвращает к действительности. Кажется, что теперь сама жизнь с ее могучими страстями и стихийными волнениями способна поставять сюжеты для его великих произведений. Поначалу он хочет написать знаменитого греческого вождя Боцариса и собирает необходимые для картины материалы, но потом его намерение меняется.

Именно в этот период он знакомится с интереснейшим человеком — Жюлем-Робером Огюстом, которого судьба словно специально подарила художнику для новой картины. Огюст много путешествовал по Востоку, побывал в Турции, Египте и вывез оттуда великолепную коллекцию местной экзотики: красиво расшитой одежды и потрясающего оружия. Не отсюда ли зародилась у Делакруа, ставшая впоследствии знаменитой, любовь к Востоку, к его пряной роскоши и запретным наслаждениям? Он любил вместе с Огюстом сидеть, поджав ноги, на турецких диванах, потягивать ароматный кофе и обсуждать события на далеких Балканах. Страшная весть о дикой резне на Хиосе, когда турки уничтожили 25 тысяч человек, уведя женщин и детей в рабство, так взволновала его, что Делакруа решил немедленно написать полотно, изображавшее все ужасы кровавой бойни.

Размеры картины предполагались грандиозными, даже пришлось подыскивать для нее специальную мастерскую, а новый приятель Огюст поставлял все необходимое для обеспечения местного колорита: оружие, одежду и прочие аксессуары.

На зрителей полотно “Резня на Хиосе” произвела двоякое впечатление. Большинство, привыкшее к гладкой живописной поверхности и к таким же гладким сюжетам, нашло ее слишком “грубой, тяжеловесной, шероховатой и неотесанной”, и даже слишком мрачной, до неприличия жестокой. Только немногие, в основном писатели и артистическая молодежь, оценили ее искренность и благородный пафос.

После закрытия Салона Делакруа неожиданно для всех увлекается рисованием хищников. Странное увлечение. Он приходил в парижский Ботанический сад и часами просиживал перед клетками с дикими животными. Тигры, львы... Их рык и беспощадные желтые глаза вызывали в нем смесь какого-то странного преклонения и одновременно ужаса. Особенно восхищал тигр — его коварство и жестокость, повадки настоящего господина. Воображение живо подсказало художнику сцены ожесточенных схваток: тени ускользающих жертв и мягкую поступь хищника. Не эти ли воображаемые сцены вдохновляли Делакруа, когда писал свое “Сражение гяура и паши”, по поводу которого замечал в дневнике: “Написать, как он умирает, вонзая зубы в руку врага”.

А в начале 1826 года Байрон, которого Делакруа не переставал боготворить все эти годы, подарил художнику новую возможность реализовать свои жестокие фантазии. Трагедия Байрона о Сарданапале вдохновила Делакруа на создание нового грандиозного шедевра. Все, что волновало и мучило его — горячая любовь к Востоку, увлечение древней историей, магические чары смерти и жестокости, — дала легенда о Сарданапале, последнем царе Ниневии, повелевшем сжечь себя в том случае, если ненавистные мидяне завладеют его столицей. Мужественный и безжалостный царь, утопавший при жизни в неслыханной роскоши, принял смерть с подобающим древним героям достоинством. Перед кончиной Сарданапал приказал не только уложить на костер все свои несметные сокровища, но и зарезать своих жен, слуг и лучших лошадей. Разумеется, эта чудовищная, кровавая сцена, в которой и жестокость, насилие и героизм и женская беспомощность, не могла не вдохновить неистового романтика.

И Делакруа принимается за работу. Он словно хочет поразить воображение скучных парижских буржуа — фантастичностью и сказочностью Востока. По углам последнего царского ложа расставляет отрубленные слоновьи головы, у подножия складывает груды роскошнейшей утвари и оружия, на розовый муслин и драгоценные жемчуга смело набрасывает трагические отблески далекого пожара. Прекрасные головы лошадей и извивающиеся тела несчастных женщин он смешивает в одну кровавую массу. Получается трагически и красиво!

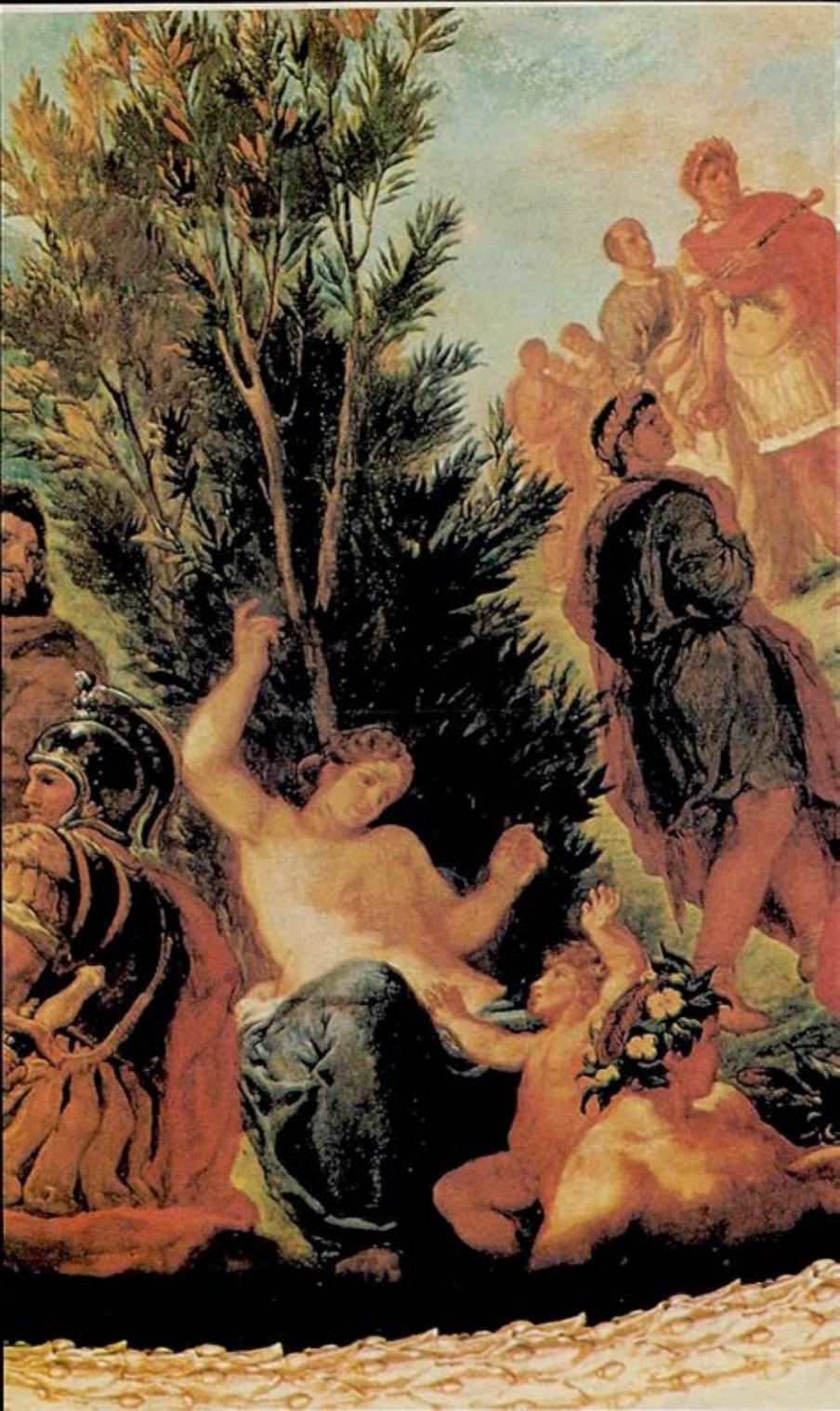
Завершив картину, Делакруа отвез ее в очередной Салон. Естественно, он рассчитывал на восторженный прием у парижской публики. Однако жестоко ошибся. Его молодая горячность, кипение крови, бешеный темперамент озадачили и ошарашили публику. Слишком уж он был нов и беспокоен, слишком нетерпелив и порывист. Картину не только не закупили, но художника отчитали, словно мальчишку. В дирекции Департамента изящных искусств Делакруа заявили, что если он и дальше будет писать такие же “возмутительные вещи”, то государство его поддерживать не будет. Впрочем, гордый Делакруа, говорят, не растерялся и от-



Битва Иакова с ангелом. Роспись капеллы Ангелов церкви св. Сюзипция.
1849 — 1861.



Мароннанец, седлающий коня. 1855.



ветил: "Господин виконт, никто во всей вселенной не запретит мне видеть мир, как вижу его я".

А через несколько лет Делакруа и вправду докажет свою независимость. В знаменательном 1830-м году, когда всю Францию и Европу всколыхнула Июльская революция, казалось, что наступает новая эра: эпоха счастья и освобождения человечества. "Все виделось тогда в космическом масштабе, — вспоминал впоследствии историк Жюль Мишле, — ход мировой истории представлялся триумфальным шествием свободы, неуклонной победой над мраком — словом, нескончаемым июлем".

Делакруа никогда не участвовал в революционных сражениях, не возводил баррикады, но его холодный, сдержанный дендизм был, наконец, поколеблен напором сильных и свежих впечатлений. Всеобщее народное воодушевление передалось Делакруа, и он загорелся писать картину, в которой отлились бы июльские памятные дни. "Свобода на баррикадах" стала, пожалуй, самой знаменитой его картиной, и подобно легендарной "Марсельезе", вечным символом революции. Правда, справедливости ради, следует добавить, что не только революционное рвение вдохновило художника на эту картину, но и чисто практические соображения. Приход к власти герцога Орлеанского делал его приятеля Тьера одним из первых лиц в государстве, а Талейрана — негласным советником короля, так что в любом случае Делакруа следовало постараться. И он старается, как только может. Его могучая Свобода со смело обнаженной грудью — сама решительность и натиск, бесстрашие и вдохновение, вечное кипение великого народного моря. Правительство купило картину за три тысячи франков и в горячке намеревалось повесить ее в королевской резиденции — Тюильри, однако потом, словно одумавшись, загнало ее на чердак. И только в 1848 году ее снова "вызволили из заточения".

Новое царствование Луи-Филиппа не принесло Делакруа ожидаемых результатов. Непонимание публики раздражает и мучает его. Художнику кажется, что жизнь застыла на месте и никуда не течет, ей не хватает новых импульсов и свежих впечатлений. А хотелось чего-нибудь эдакого, что разбило бы странное оцепенение. И, как по заказу, его светская приятельница, мадемуазель Марс, предложила Делакруа "прошвырнуться" вместе с ее любовником в Марокко, куда король отправлял того своим посланником. Сев на корабль в Марселе и сделав короткую остановку в Испании, они 23 января 1833 года вошли в Гибралтар. И вот очарованный Делакруа, совсем недавно прогуливавшийся по парижским бульварам с блокнотиком в руках, уже бродит по узким улицам Танжера.

"Представь себе, друг мой, — писал он своему другу Сулье, — развалившихся на солнцепеке, прохаживающихся по улицам, починяющих туфли настоящих римских консулов, катонов и брутов, наделенных даже тем самым надменным выражением лица, какое, должно быть, не оставляло властелинов мира.

У этих людей всего имущества — одно покрывало, в нем они ходят, спят и будут преданы земле, но вид их исполнен поистине цигероновского довольства”.

Африка и Марокко покоряют Делакруа, стосковавшегося в Париже по острым и сильным ощущениям. Шумные, пестрые базары, фантастические народные праздники, величавые красавцы мавры, гордо гарцующие на своих великолепных лошадях, — не радость ли для живописца-романтика! Одно только огорчало, что религия запрещала этим полудикарям изображение человека. Но Делакруа осторожно, словно хищный зверь, охотится за своими жертвами — подглядывает, подсматривает и выслеживает. Даже в бане наблюдает за маврами, восхищенно любуясь их сильными, мускулистыми телами. Но хуже всего дела обстояли с женщинами. Их нельзя было не только рисовать, но и видеть, хотя бы краешком глаза. Однажды легкомысленный живописец едва унес ноги от разъяренных мужей, которые застали его за рисованием жен, полоскавших белье в ручье.

Впрочем, мечта увидеть настоящих женщин Востока сбылась. Его тайное и страстное желание заглянуть хоть одним глазком в гарем — в святая святых Востока — осуществилось самым неожиданным образом. Однажды приятели познакомили Делакруа с одним прелюбопытным и темным типом, бывшим пиратом. Тот-то и отвел его в свой гарем. Отставной пират долго вел сгорающего от любопытства художника по долгим и темным коридорам, пока не привел в низенькую светелку, где в прохладе лежали, попивая чай, три ленивых и грациозных создания.

Через год в Салоне будет выставлена его знаменитая работа “Алжирские женщины”. И хотя интерьер и костюмы в картине практически не изменены и остались теми же, что и в жизни, женщины на картине волшебным образом преобразились. Воображение Делакруа сотворило из наложниц волшебных красавиц, грезящих в полужеротичных и мечтательных позах. Картина имела большой успех. Правда, к немалому огорчению Делакруа, причина его заключалась не столько в живописи, сколько в сюжете: зрителям импонировала ее томная и волнующая эротичность. Живописные же достоинства картины оценили лишь десятилетия спустя поколения новейших художников. Один из них, известнейший пуантилист Поль Синьяк, высказывался по поводу “Алжирских женщин”: “Волшебное, чарующее сияние, которое исходит от картины, объясняется не только положением тона на тон, не только чередованием мелких мазков, но и искусственным созданием цвета путем оптического смешения наиболее удаленных компонентов”.

Делакруа еще не раз возвращался не только к “Алжирским женщинам”, но и к своим марокканским впечатлениям. Путешествие в знойное и таинственное Марокко навсегда осталось для него одним из самых ярких и волнующих приключений. Каждый год он посылал в Салон хотя бы одну картину, навеянную африканскими впечатлениями. Однако ни одна из них — по свежести



красок и непосредственности ощущений — не повторила его первых произведений.

Приблизительно в то же самое время Делакруа сводит знакомство с женщиной, сыгравшей довольно большую роль в его дальнейшей судьбе, известной романисткой Жорж Санд. Она только вернулась из Венеции после разрыва с Мюссе, прихватив с собой любовника-итальянца и двух очаровательных малышей. Познакомил их писатель Бюло, директор "Ревю де Монд", который, будучи уверенным в блистательном будущем Жорж Санд, заказал Делакруа ее портрет. С этого момента прелестную Жорж частенько видели в мастерской Делакруа — с вечной папиросой в руках, с интересом просматривающую альбомы художника.

Была ли у них интимная связь? Неизвестно. Но Делакруа никогда не оставался к ней равнодушен. Лет через десять после их знакомства он писал ей в одной из своих игривых записок: "Когда вечером, усталый, я бросаюсь в объятия своей постели, последней подруги, последнего прибежища, — я вступаю во внутреннюю жизнь. Пока тело покоится, душа, как видно, разгуливает на свободе. И вообще: в трех случаях из пяти моя плутовка душа — с вами и, хотя она и душа, ведет себя самым неподобающим образом; не свидетельство ли это того, что некогда я посещал вас чаще, нежели в своем теперешнем пагубном обличи художника. Быть может, прежде я был султаном, а вы звались Зулейкой или Зетюсбе?"

Больше всего их сблизил Шопен, с которым Делакруа познакомился зимой 1835 года в доме Генриха Гейне. Этот болезненный, хрупкий и гениальный юноша очаровал его, а общее увлечение музыкой и Моцартом сделало их просто неразлучными. В 1837 году в союз двух выдающихся мужчин вмешалась Жорж Санд. Не затем, чтобы его разбить, а чтобы сделать еще крепче. Обаятельная и опытная Жорж так опутала бедного Шопена своей материнской заботой, что он и не пытался сопротивляться, а просто отдался на милость победителя. Делакруа остался их связью доволен: и за его любимцем Шопеном теперь был уход, и у легкомысленной Жорж наконец-то появился мужчина в доме. Квартиру Жорж Санд он щедро украсил своими картинами. Шопен и Жорж принимали многих гостей, и Делакруа был одним из самых желанных.

Когда слабое здоровье Шопена не позволило тому находиться в шумном и пыльном Париже, заботливая Жорж увезла его в свое имение в Ноане. Но, конечно же, и здесь, в деревне, им невозможно было обойтись без парижских друзей, и Жорж Санд зовет Делакруа вместе с собой. Для сорокалетнего Делакруа, привыкшего безвылазно сидеть в Париже, месяцы, проведенные в Ноане, оказались лучшими во всей его жизни. "По временам в открытое окно врываются звуки фортепьяно, — делился Делакруа в одном письме, — Шопен работает в своей половине, — вместе с музыкой — запах роз и песнь соловья. Слишком прекрасна эта жизнь,



Диана и Антеон. (Лето.) 1862.

расплачиваться за ее легкость придется упорным трудом". Он и в Ноане, как и повсюду, работал. Жорж Санд распорядилась переоборудовать одно из строений во дворе под его мастерскую.

Эти редкие минуты тихого, безмятежного счастья, среди близких друзей и прекрасной музыки, Делакруа попытался изобразить и на полотне. Пожалуй, в первый и единственный раз, когда его, романтика, вечно увлекающегося какими-нибудь героическими сюжетами, привлекла обычная, мирная сцена из повсе-

дневной жизни — женственная Жорж Санд, вдохновляющая композитора, и сам Шопен, играющий на фортепьяно. Правда, Делакруа успел закончить только голову Шопена, остальное осталось почти в полужизненном состоянии. Это и предопределило печальное будущее картины. Ее последний владелец варварски вырезал из нее голову Шопена и продал как портрет за большие деньги.

Делакруа неоднократно бывал в Ноане, с грустью наблюдая за ухудшением здоровья нежно любимого Шопена. Чудесная и умиротворенная жизнь в Ноане научила его ценить деревенскую тишину и уединение, возможность покопаться в саду. И в 1844 году он арендует крошечный домик в Шанрозе, близ леса Сенар, куда частенько ездит в свободные дни вместе с преданной помощницей по хозяйству, некрасивой Женни. Весть о смерти несчастного Шопена застала его 20 октября 1849 года, когда он находился в гостях у своих кузенов в Вальмоне. А 30 октября Делакруа уже провожал его в последний путь под торжественные и скорбные звуки “Реквиема” Моцарта...

Зрелые годы Делакруа заняты почти исключительно выполнением грандиозных монументальных работ. Кажется, все предшествующие большие исторические полотна были лишь преддверием и подготовкой к сложной и многотрудной работе — оформлению библиотек в Бурбонском и Люксембургском дворцах.

Делакруа хотелось помериться силами с самыми выдающимися мастерами прошлого — с великолепным итальянцем Тьеполо и даже с самим Рафаэлем, расписавшим когда-то станцы в папском дворце. Поначалу он решает, в какой технике лучше работать. Попробовав фрески и убедившись, что коварная штукатурка съедает цвет, Делакруа останавливает свой выбор на традиционном холсте.

Чтобы разместить огромные полотна, он нанимает гигантскую мастерскую и помощников, которым предстояло увеличивать рисунки, переводить их на холст и прописывать фон. Его помощники не блещут особыми талантами. Они оказались простыми ремесленниками, ухватившимися за тяжелую работу с единственной целью — заработать. Им нет никакого дела до грандиозных замыслов и честолюбивых амбиций Делакруа. Среди них даже попался один прощелыга, ловкий и расчетливый южанин, отхвативший себе большую часть работы и потом рассорившийся с художником. Это он распространял грязные сплетни о своем учителе, о его мнимой старческой немощи, о раздутom честолюбии и двусмысленных отношениях с собственной экономкой.

Но, к счастью, Делакруа продолжал спокойно работать, не обращая внимания на интриги. Он поделил пространство всех пяти куполов на четыре части и на каждой развернул по самостоятельной композиции. Получилось великолепно. К сожалению, эти росписи труднодоступны, и их можно увидеть и оценить только по репродукциям. Едва закончив роспись в библиотеке палаты

депутатов, Делакруа принялся за роспись библиотеки Люксембургского дворца — ее большого купола и участка стены. Сюжетом он избрал Елисейские поля, обитель блаженства, где пребывают души умерших героев и мудрецов. Поскольку освещения тогда явно не хватало, Делакруа пришлось увеличить интенсивность цвета, и поэтому сегодня старая живопись выглядит так ярко и нарядно, как будто выполнена только вчера.

Но, пожалуй, главным достижением Делакруа-монументалиста стала роспись плафона для галереи Лувра. Размеры его были так велики, что художнику потребовалось снять новую, еще большую мастерскую, хотя и в ней холст приходилось укладывать в два раза. "Колесница Аполлона" — так называлась главная композиция Делакруа, в которой выразилось оптимистическое и жизнеутверждающее мировоззрение художника. Золотая колесница покровителя муз, извергающая потоки солнечного света, и внизу, на земле, копошащиеся уродливые чудовища — все символизировало победу разума над плотью.

Последние годы жизни художник проводит в уединении. Его слабое с детства здоровье окончательно распатано непосильными и трудоемкими работами. Случается, что иногда он неделями не выходит из дома. За ним, как и прежде, ухаживает верная и неизменно преданная ему экономка Женни. Но чуть только художнику становится получше, бодрый духом старик вновь принимается за свою любимую работу. Последним его детищем стала капелла Святых Ангелов в церкви Сен-Сюльпис, которую он расписывал в течение нескольких лет. "Мое сердце, — проговаривался он в те дни, — учащенно бьется, когда я вижу перед собой громадные стены, которые мне предстоит расписать". В конце июня 1861 года он рассылает знакомым и близким следующее приглашение: "Господин Делакруа покорнейше просит Вас не отказать ему в чести осмотреть росписи в капелле Святых Ангелов".

Увы, это была последняя радость и последняя минута торжества. Зимой 1863 года ему становится по-настоящему плохо. Грипп, а затем и ангина надолго укладывают Делакруа в постель. Он слабеет, изнемогает, но, когда становится хоть чуточку лучше, повторяет своей Женни: "Мне бы только поправиться — и я сотворю чудеса. Мой мозг кипит". К сожалению, ему становится все хуже и хуже. Делакруа призывает нотариуса, чтобы составить подробное завещание. В июле и августе, в течение нескольких недель, он уже не может ничего есть, за исключением молока и компота. И наконец 13 августа, пролежав всю ночь, держа руку своей преданной Женни, под звон колоколов он тихо уходит из жизни. ■



днанды кто-то мрачно пошутил, сказав, что в каждом времени есть свое Средневековье. Но у каждой медали, как известно, имеется обратная сторона. Таков закон равновесия, и потому обратной стороной мрачного Средневековья является ослепительный свет Ренессанса. И если искать аналогии таланту и темпераменту нашего современника, композитора и дирижера Вячеслава Овчинникова, то уж точно не в нашем "Серовенковье" (назовем его так, сколь ни прискорбно), а в Возрождении, среди сильных характеров и мощи духа.

У Вячеслава Овчинникова гармоническое, моцартовское начало не только в характере, но и в судьбе. Мало кто знает, что часть его произведений, написанных в девятилетнем возрасте, звучит в киношедевре С. Бондарчука "Война и мир", для которого Вячеслав Овчинников создавал музыку.

В 12 лет он написал балет "Дюймовочка". В 14, по настоянию Давида Ойстраха, переезжает из родного Воронежа в Москву и поступает в музыкальное училище при консерватории.

В 1961 году в исполнении Большого симфонического оркестра под управлением А. Гауна состоялась премьера его Первой симфонии. После исполнения этого сочинения в Германии музыкальный критик Йорг Моргенер писал: "Первая симфония является внезапным ярким всплеском юного гения, студента... В своем произведении молодой автор показал виртуозную технику, как у Сибелиуса, Малера, искусство оркестровщика, как у Рихарда Штрауса, Равеля и Шостаковича".



Вячеслав
ОВЧИННИКОВ: “Творчество —
вещь необъяснимая...”



ча — все в потрясающем само-
бытном выражении”.

Лучшие музыканты мира, оркестры многих стран исполняют произведения Овчинникова. Он автор четырех симфоний, симфонических сюит и поэм, оперы и балетов, хоровых, вокальных, инструментальных и камерных сочинений.

Его работы в кино отмечены международными наградами, — в том числе и самыми престижными: “Оскар” (США), “Золотой лев” (Венеция, Италия). Он награжден Большой Золотой медалью Английского Общества Международных премий за музыку к кино и балету. Королева Таиланда вручила ему свой орден. А в 1996 году народный артист России, композитор и дирижер, лауреат международных и всесоюзных конкурсов Вячеслав Овчинников, отметивший свое шестидесятилетие, был награжден орденом “За заслуги перед Отечеством”.

— Вячеслав Александрович, бунвально все, без ложного преувеличения, признают, что в детстве вы были ребенком-вундеркиндом. Однако Лев Толстой сказал однажды: “Не верю я этим вундеркиндам, ничего путного из них не выходит!..”

— И я в них тоже не верю! Но что в вундеркиндстве хорошо, так это раннее проявление способностей. И если есть прекрасные учителя, школа, есть кому правильно вести ребенка, то из многих выходит толк. Такая школа была у нас в Воронеже. Замечу, что воронежцы большие патриоты, и это доназала война. Они возвращались в еще неразминированный город сразу же после освобождения его от фашистов. А после войны про-

исходил бум духовного возрождения, и люди, кто безногий, кто полуслепой, приезжали учиться и учили. Вот и мой учитель по скрипке Потапов вернулся с фронта без ноги. У нас каждый воронежец знает своих знаменитых земляков — Кольцова, Никитина, Веневитинова, Станкевича, Бунина, Платонова, Ге, Крамского... И гордится ими. Сейчас, например, в такое тяжелое время, в городе 70 музыкальных школ!.. Когда в Воронеж приехал работать В.П. Бронин, ученик Ойстраха, он удивился, какой высокий уровень был в музыкальной школе. Некоторые наши учителя позднее стали профессорами — кто в Московской консерватории, кто в Гнесинском институте, кто в училище. При таком уровне вундеркизм не так опасен.

— С какого же возраста вы ощутили страсть к музыке?

— Мне было всего два года, когда обо мне заговорили. Мамины знакомые...

— Раньше, чем о маленьком Моцарте?..

— В отличие от Моцарта, нот я не знал. И никто меня не приобщал профессионально, но всех поразала моя музыкальная память. Я знал все тогдашние пластинки наизусть. И не только “Утовленное солнце”, или что-нибудь вроде “Дождь идет”, “Я возвращаю ваш портрет”, шлягеры тех лет, под которые наши папы-мамы танцевали. В доме были и большие пластинки, например, Шестая симфония П.И. Чайковского.... Я их знал все до малейшей нотки. И когда однажды гость родителей нечаянно разбил их, я ужасно горевал и плакал. Для меня это было первое большое горе

в жизни. Ведь слушал не просто темы, как слушают обычно неподготовленные люди. Я любил замечать развитие, разработки, где сталкиваются разные темы, что, как правило, приходит с возрастом и опытом. Именно с тех пор запоминаю все с первого раза и на всю жизнь. Я все наизусть дирижирую.

— Счастье, что у ваших родителей оказалось необыкновенное чутье и они смогли заметить и поддержать ваши способности...

— А вы знаете, я ведь не должен был появиться на свет. Вот вам Божий промысел в чистом виде, или, как говорится, судьба. В семье у нас рождались только девочки, и поэтому у папы возник даже спор с мамой — родиться мне или нет. Мама не хотела больше детей. А папа утверждал: будет мальчик! И убедил. После меня, правда, еще две девочки родились. (Смеется). А папа до сих пор жив, ему уже 93 года... Он ко мне всегда благоволил, но и строго наказывал. А любовь к музыке у меня от мамы...

— Как настоящий вундеркинд вы, конечно, давали жару своим родителям?

— Вообще, я был отчаянным... Помню, на Дальнем Востоке, где мы жили с отцом, кадровым военным, в гарнизоне единственным нашим развлечением был клуб. Мы ходили смотреть трофейные фильмы, нам их тогда много засылали. В то время Япония уже готовилась к войне. Мы жили отрезанными от людей и от мира, как бы на правах заложников. И вот мы сидим с мамой в пустом зале. Вдвоем, расклевываясь в ритме штраусовской музыки из фильма "Большой вальс", и я, ше-

стилетьский мальчишка, вдруг заявляю: "Мам, я буду гениальным композитором!.."

— Так проявилось ваше честолюбие?

— Нет, никакого тщеславия и честолюбия я всю жизнь терпеть не мог. Я могу быть скромным сколько угодно, но если что-то необходимо преодолеть, то уж меня не удержат, тогда я хочу стать первым!

— А как вы работаете?

— У меня всю жизнь такой ритм: работаю двое суток, потом сплю, двое суток работаю и сплю. Однажды у меня был период, когда я одновременно к четырем фильмам музыку писал — "Андрею Рублеву", "Войне и миру", "Первому учителю" и еще к фильму Геннадия Шпаликова "Долгая, счастливая жизнь". Не спал четверо суток, ночью писал музыку, днем дирижировал, а это три оркестра: Большого театра, затем радио, потом филармонии. Они-то отработают и уходят, а я остаюсь обессиленный, вплоть до того, что меня подкалывали кофеином, чтоб не свалился...

Я годами не выходжу из дома. Вот за последнее время вышел два раза в Кремль по важному поводу: один раз на презентацию альбома Присекина, на мой взгляд гениального художника, и еще когда мне Президент орден вручал.

— И все-таки, писать музыку, сочинять — для вас тяжелый труд или насладение?

— По-разному... Конечно, когда ставлю перед собой цель непременно сесть и начать с какого-нибудь вымысла, над которым "слезами обольюсь", это тот самый путь, который порою ни к че-

му не приводит. А иногда при людях или один внезапно начинаю импровизировать. Вообще творчество — вещь необъяснимая. Как будто что-то включается. Или не включается. Но часто меня выручает память. Я очень много помню незаписанных произведений. Надеюсь, со временем все их удастся записать.

И, конечно, главное — труд, жуткий труд. А сколько труда технического! Вот, например, я сейчас являюсь автором нового произведения для фортепьяно — альбома для детей и юношества. Еще не решил, какое количество, но приблизительно 30 пьес. Сюда входят и сочинения, которые в детстве написал в девятилетнем возрасте. Одно из них вы слышали наверняка, если смотрели "Войну и мир". Мазурка в третьей серии — это и есть третье сочинение, написанное мной в жизни.

— Сегодня как вы оцениваете свою детскую музыку?

— А что, она вполне годится для такого альбома, где как бы идет развитие шаг за шагом. И знаете, что там есть? Индивидуальность. Нас все время в консерватории, в училище мучают педагоги — форсируют процесс, якобы способствуют обретению самобытности. А ведь самобытность, оригинальность — это то, что нам дано от рождения, то, от чего нельзя избавиться. Да и специально искать не надо.

— Все проходят через разные увлечения, через "болезнь роста". У вас так было?

— Я бы сказал не "болезнь роста", а то, что называется "неправильный взгляд на ценности". Что, кстати, значительно опасней. Не избежал я и подражания. По мне-

нию Римского-Корсакова, лучше, если музыка похожа на что-то, чем ни на что. Нас же учили, чтобы мы ни на что не были похожи. Это заблуждение. Мы должны походить на наших отцов, праотцов, прадедов. Естественный процесс. Ведь мы ничего не создаем на пустом месте.

— Я так понимаю, что вас учили формальной изощренности, современной выразительности средств?..

— Для настоящего художника вообще не существует "новых" или "старых" средств. Индивидуальность окрасит в неповторимое самое избитое средство. Определяет же все — содержание. Если содержание — пустота, никакие средства не спасут. Вот почему нельзя допускать случайного человека, всякого желающего к тайнам сочинительства. Роберт Шуман в "Советах молодым" предупреждал, что "принцип фуги" может изучить любой, для чего не обязательно быть талантливым человеком, но за ним может легко спрятаться бездарность. Ведь что такое искусство? Выражение национального характера в национальной жизни. А национальность, по характеристике, которую приводит Николай Бердяев, — общность исторического бытия. Только при таких условиях рождается искусство...

— Но ведь оно призвано и развивать, не так ли?

— Разумеется, танцевальная музыка — одно, и совсем другое дело Бах — это храм, философия. А еще есть музыка домашнего музицирования, камерная... Все это — различные проявления нашей жизни.

— А как вы начали работать в кино?

— Обыкновенно, спасаясь от голода во время учебы в консерватории. Пришлось оторваться от сочинения своих модернистских произведений и по дружеской рекомендации начать писать для кинохроники "Новости дня" какие-то маршики, еще что-то такое... Потом к моему первому художественному фильму, сорокаминутной короткометражке "Телеграмма". Там, кстати, звучит и моя детская симфоническая поэма "Мцыри", а дирижировал А. Жюрайтис из Большого театра. Потом меня привели к главному редактору киностудии Крюкову, и тот говорит, не то в шутку, не то всерьез: "Ну, что мы будем делать с этим молодым человеком, он такой талантливый... он у нас всю работу отнимет, если так начинает, что же дальше-то будет? Мы его, пожалуй, не будем приглашать..." И действительно не приглашали, пока я не сделал с Тарковским его дипломный фильм "Наток и скрипка", а с Кончаловским тоже дипломную работу "Мальчик и голубь". Оба фильма получили очень высокие международные премии. Следующим стал фильм Андрея Тарковского "Иваново детство"...

— О таком дебюте можно только мечтать...

— Но я не очень хотел писать для кино, у серьезных музыкантов это считалось не престижным. Андрон и Андрей меня уговаривали, а я, как плохой и гадкий мальчик, говорил: "Ну, тогда носите мне бутерброды..." Такая игра была. А тут, одновременно с "Ивановым детством", — премьера моей симфонии с Александром Гауком. Тогда очень популярными были

концерты в первой студии Радио на улице Началова. Пришли А. Хачатурян, Д. Кабалевский, Д. Шостакович, В. Ашкенази, А. Тарковский, А. Кончаловский, С. Бондарчук. Много народу, композиторы всей Москвы, иностранцы... Успех симфонии был большой. Возможно, желание у С. Бондарчука пригласить меня композитором на кинофильм "Война и мир" появилось именно тогда...

— Вы в кино пишете музыку к конкретному материалу или свободно фантазируете?

— Как получится. Вот, к примеру, снимался бал в "Войне и мире". Сначала Бондарчук выстроил декорации к этому эпизоду, но потом услышал мой вальс...

— То есть, вы как бы продиктовали иное видение?..

— Да, совершенно другое видение. Прежде действие задумывалось под свечи, а мой вальс неожиданно представил совсем другое, колоссальное зрелище, как это могло казаться юной девушке, впервые попавшей на такое выдающееся событие, как императорский бал. И Бондарчук построил новые декорации. Но так редко бывало. Я, правда, нашел собственную систему работы с изображением — у меня была своя монтажная и свой вариант "подкладывания" музыки. Я знал технику записывания, посетил высшие режиссерские курсы. Жалаявичус, например, мне настолько доверял, что говорил: "Ну, что я приду к тебе на запись, встретимся на перезаписи". Но он обладал абсолютным слухом и мгновенно реагировал, если что не так. И у Тарковского так же. А Кончаловский имеет консерваторское образование.

Я иногда такие штуки вытворял!.. Вот сейчас в Европе есть метод "алеоторина", якобы Пендерецким открытый. А я задолго до него записывал с оркестром, который играл без нот. Нужно только в памяти держать все функции оркестра. Это как рожковый оркестр. Принцип такой: у каждого музыканта своя функция, и он играет в нужный момент. А тут оркестр в сто человек. Я им распределял все функции, потом как на живом органе играл — нажимал на клавиатуру, и все инструменты играли по моему сигналу. Но это возможно только в таком синтетическом шоу, как кино... Вы, конечно, удивитесь, но я утверждаю, что кино — не искусство. Так же как футбол, хоккей, фехтование может быть всего лишь на уровне искусства. Кино — это шоу. А шоу — это жанр. И кино тогда достигает наибольшего своего воздействия, когда не порывает с жанром. Потому самые великие фильмы — великие шоу. И самые большие режиссеры — великие шоумены: Бондарчук, Форд... Бондарчуку нет равных — он знал законы жанра, и, может быть, изнутри, потому что он был еще и актером. Даже Тарновский, будучи очень образованным и очень посвященным в законы кино, с изменой жанру что-то утратил. Последнее его шоу — "Андрей Рублев". С точки зрения зрелища — фильм сделан на высоком уровне и смотрится, особенно иностранцами, которые не понимают наших споров, исторических и национальных.

— Вы своим наблюдением что-то очень важное открываете в понимании природы кино, а главное,

в причине его массовости на протяжении вот уже ста лет...

— Скажу еще жестче. Кино не то что не искусство, оно остановило культурный процесс в мире. Отчего мы киноманы? От того, что лодыри, кино — наслаждение лодыря. Если книга, стихи требуют "грамоте знать", а еще, кроме того, надо осмыслить прочитанное или услышанное в музыке, увиденное в галерее, в кино ничего такого не требуется. Даже когда вы в кинотеатр идете — вы же там мороженое, конфеты едите, обнимаете свою спутницу, три сеанса с ней сидеть будете, если она вам нравится. И вот вам уже подсовывают коминсы, так что и Толстого читать не надо. Культурный процесс остановился. Когда-нибудь люди опомнятся: "Мы же в обезьяньем веке живем! А ведь где-то у нас есть еще нетронутые ценности. Слава Богу, что они остались нетронутыми! Вернемся к ним!.." Вернулись — а чувства уже атрофированы, воспринимать нечем...

— Но пока еще не все потеряно, надо что-то делать, ведь вопрос культуры — вопрос будущего страны, нации...

— Сегодня, как никогда, важна воспитательная роль искусства, как бы азбучно это не звучало. Мир XX века — мир, накапливающий материальные и научно-технические средства и теряющий нечто важное и незаменимое — первозданную ценность бытия. Человек уже не ищет идеала. Ему не нужна культура, которую он заменил суррогатом. Человек уходит из человека, уступая место вандалу. Некультурный человек — он только в беду заведет. И себя, и семью, и детей, и страну. И тут

очень важно правильно подойти к образованию.

— Однажды вы сказали: "современники" переболеют "современностью", варвары уйдут. Что вы имели в виду?

— Речь о вечных, непреходящих ценностях. Потому что понятие современности условно: в одно время всегда живут несколько эпох. И они одинаково могут себя проявлять. Скажем, сегодня живут и Данте, и Нольцов. Просто в силу разных обстоятельств кто-то больше востребован, кто-то меньше. С точки зрения искусства, в нашей истории заложены все эти возможности бытия и действия. Звездное небо над головой сегодняшнего творца такое же, каким оно было над головой Данте. Что касается варваров, то под ними я подразумеваю разрушителей. Скажем так, припомним Шумана, это те, кто прячется за "принцип фуги"...

— И все-таки, чего более всего нам не хватает сегодня в нашей жизни?

— Я считаю, что все всё понимают, не хватает только самопожертвования. Мы говорим, что все плохо, а кто виноват — молчание. Или говорится на том уровне, когда слова не имеют значения, а когда уровень повыше — рот замыкается. И со стороны священников, я считаю, пока еще нет, к сожалению, самопожертвования. Чтобы духовный авторитет священников стал велик, нужно самопожертвование. Нужны такие люди, как Сергей Радонежский,

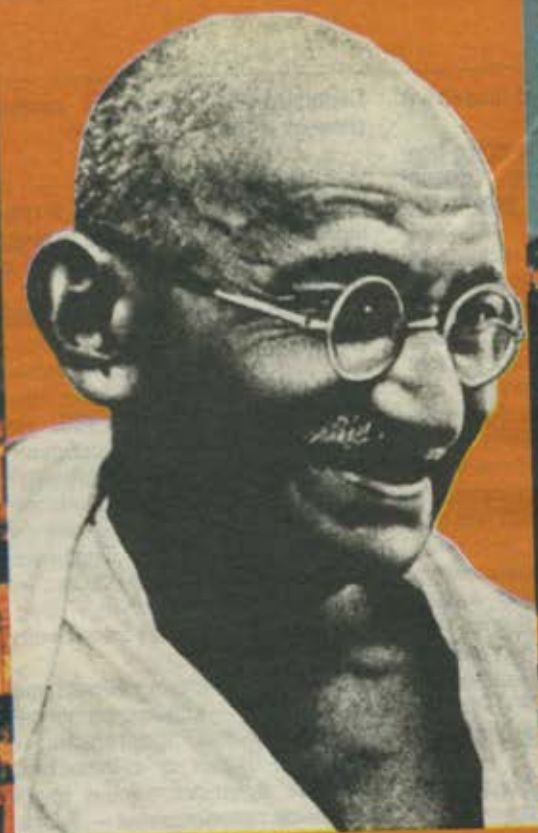
Серафим Саровский. И самое главное — жить не по лжи.

...Самопожертвование — и нравственный, и духовный, и гражданский подвиг, но еще и труд, который, несомненно, включает в себя все эти понятия.

Вячеслав Овчинников с 1988 года нигде не выступает. Последний фильм, к которому композитор писал музыку, — "Борис Годунов", законченный в 1986. Но можно ли эту не востребованность назвать бездействием? Просто так? Выходят видеонасеты с фильмами, в которых звучит музыка Овчинникова. Переиздаются кассеты и диски. Все это не делает его миллионером. "Серо-веновые" плохо ценят своих мастеров.

На рабочем столе у Вячеслава Овчинникова — только что законченный альбом фортепьянных пьес для детей и юношества. Даст Бог, будет поставлена точка в крупном произведении — оратории "Сергий Радонежский", фрагменты из которой звучали в "Андре Рублеве". Подходит к завершению новый вариант оперы о жизни русского поэта Алексея Нольцова. Продолжается сочинение трех концертов: для фортепьяно с оркестром, для скрипки с оркестром, для виолончели с оркестром. В стадии завершения работа над балетом "Суламифь", в основу которого взят библейский сюжет "Песни песней" ■

Беседу вел
Геннадий КРАСНИКОВ.



ВЕЛИЧАЙШИЙ ПОСЛЕ БУДДЫ

Иван ЗЮЗЮКИН

Где он ни появляется — у океанских причалов Бомбея, на улицах необозримо большой Калькутты с ее уперты-





ми в небо фабричными трубами и по-восточному шумными базарами, в нищих деревушках Пенджаба, на берегу священного Ганга в дни религиозных торжеств, — всюду, завидев его, взрослые люди, точно малые дети, подпрыгивают от возбуждения и радости, доверчиво тянут к нему смуглые, как у всех индийцев, руки, истонченные тяжким трудом, болезнями, вечным недоеданием, их прекрасные агатовые глаза сияют восторгом перед этим человеком и, сколько бы их ни собралось вокруг него — сто или целый миллион, — у всех на устах одно и то же имя:

— Махатма! — гордые тем, что он одной с ними крови и веры, кричат ему индусы.

— Махатма! — горячо приветствуют его и индийцы-мусульмане.

— Махатма! — с ослепительно белых вершин Гималаев с надеждой взывает к нему сама индийская история — история великой древней страны, которая когда-то остановила непобедимые полки Александра Македонского, но затем по причине многовековых национальных и религиозных распрей стала легкой добычей хитрых, упорных и беспрдельно наглых английских завоевателей, опоясавших ее кабальными договорами, делавших с ее пятьюстами миллионами все, что им приходило на ум...

— Махатма! — с лицемерной учтивостью станут обращаться к нему сменявшие один другого английские вице-короли Индии, когда почувствуют в нем человека, которого не так-то просто победить.

— Махатма! — уважительно склоняют перед ним головы индийские политики, поэты, раджи и магараджи, богатые торговцы и крупные промышленники, словом, представители национальной элиты, мечтающие, кто тайком, кто в открытую, о сильной, независимой Индии.

Между тем Махатма — это вовсе не имя и не фамилия, а, скорее, звание. В приблизительном переводе с хинди оно означает — Великая Душа. Так в Индии издавна называют людей, приобщенных к сокровенной мудрости. И что, казалось бы, в таком звании плохого, кроме лестного? Тем не менее наш герой всю жизнь, непритворно сердясь, напоминает людям: "Меня зовут Мохандас. Мохандас!" А они, словно не слыша, продолжают называть его Махатмой. И дело кончится тем, что Мохандас Карамчанд Ганди (1869-1948) так и войдет в историю под именем Махатмы Ганди...

На взгляд европейца, внешность у Ганди — почти анекдотическая. На фотографиях и в кадрах документальной кинохроники перед нами предстает человек ниже среднего роста, такой худой... ну разве что не прозрачный. Глаза у него расставлены широко, как у зайчика, а большие, похожие на радары, уши столь смешно оттопырены, что родные и друзья называли его

Микки-Маусом, на что он, как на Махатму, никогда не обижался.

Убежденный индуист, бескомпромиссный вегетарианец, поклонник йоги, он во все времена года одет одинаково. Носит “дхоти” — длинный кусок белой ткани, накрученной на бедра и перекинутой через плечо. Ходит либо босым, либо в сандалиях. И обязательно — с посохом. Словом, ни дать, ни взять — индийский дервиш, бродячий предсказатель судеб. Единственная на нем мета современной цивилизации — очки. Да и они ему велики, постоянно сползают с носа, заставляют высоко задирать голову, отчего собеседникам кажется, что, разговаривая с ними, он одновременно пытается увидеть что-то поверх суетного бытия.

Может, не стоило столь подробно описывать внешний вид Ганди. Но вот вам первая черта его личности: абсолютная независимость в привычках и ничем не замутненная вера, что вы так же благожелательно настроены к нему, как и он к вам. В “дхоти”, с посохом он появляется в крестьянских лачугах и в сияющих мрамором и золотом дворцах магараджей и индийских богачей. Да что в Индии! Он приезжает в Европу и, решительно ничего не поменяв в своем туалете, выступает в английском парламенте, в “дхоти” и в сандалиях на босу ногу приходит на великосветские приемы, приводя в состояние столбняка затянутых во фраки distinguished лордов и их украшенных бриллиантами жен.

Самые противоречивые оценки дадут ему современники. “Полуголым факиром” (и не только за внешний вид) желчно называет его умнейший, но излишне пристрастный У. Черчилль, считавший Махатму политическим шарлатаном. По-другому на него взглянет великий Альберт Эйнштейн: “Возможно, грядущие поколения не поверят, что такой человек из обыкновенной плоти и крови когда-то ходил по этой земле”. Вот такого смешного на вид, необычного человека подарит миру страна чудес Индия. Вот такой человек будет у всех на устах в конце XIX и всю первую половину XX века. Но теперь о нем, задвинутом временем, другими знаменитостями (более внушительных фигурами, но не деяниями), уже редко вспоминают или говорят лишь как о легенде. Между тем он для Индии делает не меньше, если не больше, чем тот же Черчилль для Англии, а в политике совершит переворот, сопоставимый по значению с открытием Эйнштейна в науке...

Интересно то, что он, чье имя и чья деятельность у правящего английского класса будут долгие годы вызывать головную боль, поначалу очень хочет быть похожим на англичанина. Сын знатного индийца, юный Мохандас выражает упрямое желание получить образование в Англии. Против этого резко возражает каста, к которой он принадлежит, и лишь ценой исклю-

чения из касты ему удастся осуществить свою мечту — он заканчивает английский университет. Вернувшись в Индию с дипломом юриста-адвоката, Мохандас и на родине остается англоманом. Носит элегантный костюм-тройку, манишку с накрахмаленным воротником, его смоляно-черные волосы густо напозажены, жесты строги и изысканны, а всем известным ему языкам (хинди, бенгали и т.д.) предпочитает английский.

Однако, как адвокату, ему с самого начала не повезет. Нет, в законах он разбирается, ораторскими приемами владеет в совершенстве. Но кто не знает, что адвокату, чтобы выиграть дело, иной раз приходится закрывать глаза на некоторые грехи подзащитного и с пафосом говорить о нем на суде как о невинной овечке. А вот на это Мохандас органически не способен. И поэтому с треском проигрывает процесс за процессом... Наконец по совету старшего брата, тоже адвоката, наш герой уезжает в Южную Африку, где уже в ту пору проживает много иммигрантов из Индии и где у него дела пойдут лучше...

Увы, в Южной Африке Ганди столкнется с явлением, с которым он познакомился еще в Индии, но здесь встретится с самой его свирепой разновидностью — белым расизмом. В ту пору в Южной Африке белые (буры в основном) к индийцам относятся так же плохо, как к неграм, если не хуже. Им предоставляют самую тяжелую и низкооплачиваемую работу. Индийцам нельзя появляться на той стороне улицы, по которой ходят белые. Им не разрешается ездить в одних вагонах с белыми... Довольно скоро европеизированный адвокат Ганди испытает расизм на собственной шкуре. Его отказывается стричь белый парикмахер. Из-за цвета кожи его детей не принимают в школу...

И вот тогда добрый, мягкий и даже нежный по натуре Ганди не на шутку рассердится и начнет борьбу с несправедливостью во всех ее проявлениях. Вскоре щуплый (но занимавшийся, кроме адвокатской деятельности, которую он потом прекратит, также фермерством, акушерством, плотничаньем, стиркой белья и т.д.) индеец станет для правителей Южной Африки врагом номер один. Против индийских манифестантов они будут бросать отряды полиции, регулярные войска. Самого Ганди расисты однажды чуть не повесят, а один индеец, необоснованно заподозрив в сговоре с властями, случится, изрядно поколотит... Нет, ничто не может повлиять на решимость нашего героя победить зло. Ну, если не во всем мире сразу, то хотя бы в Южной Африке. А когда ему придется оттуда уносить ноги, он перенесет свою деятельность на родину, поставив перед собой цель — покончить с владычеством англичан на Индостанском полуострове.

Но, Боже правый, сколько непокорных индийских князей, народных предводителей, политических деятелей ставили ту же самую, что и наш герой, цель! И чего они добивались? Всякий раз военная машина Великобритании (бронированные

дредноуты, танки, самолеты, полки карателей) с хрустом, окрашивая индийские реки кровью, перемалывает тысячи, десятки тысяч восставших бойцов, вооруженных охотничьими ружьями, пиками и палками. (Вспомнить хотя бы дикую расправу с мятежными сипаями, которых англичане хладнокровно привязывали к жерлам пушек и производили выстрел.) "Мы завоевали Индию не ради индийцев, а для сбыта наших товаров, — безапелляционно заявит один из британских лордов, когда английский экспорт в Индию начнет падать. — Мы завоевали Индию мечом. Мечом и удержим ее".

Намереваясь изгнать из Индии надменных британцев, на что рассчитывает бывший адвокат Ганди? Ведь у него нет ни денег, ни армии, ни хорошо организованной партии. Из оружия — только посох. А взять самое могущественное (в ту пору) государство в мире голыми руками можно лишь в сказке. Но в том и заключается исторический парадокс, что именно с голыми руками Ганди и выйдет в поход против британского колоса...

Навыки бескровной борьбы он получит еще в Южной Африке. Открыв для себя религиозно-нравственное учение Толстого о непротавлении злу насилием, найдет его созвучным своим взглядам на жизнь и даже вступит в переписку с великим русским писателем. Но, по правде говоря, последовательного толстовца из Ганди не получится. Относясь с полным уважением к христианским заповедям, наш герой, однако, не спешит подставлять правую щеку после того, как его ударят по левой. Ненасилие как таковое Ганди превратит в форму морального сопротивления и неподчинения колониальным властям. Но и он, подобно Толстому, призывает своих сторонников ненавидеть несправедливую систему, а не людей, относиться к врагам, не мирясь с их пороками, как к ближним, и всеми силами пробуждать в них доброе начало...

Но что британским колонизаторам до того, как судит о них какой-то грязный (как часто называли тогда многие англичане индийцев) Ганди? Он собирается бороться с ними — не борясь? На здоровье!.. Нетрудно догадаться, сколько едких острот в адрес Ганди будет отпущено в резиденции вице-короля Индии и на лондонских политических тусовках, когда он начинает выводить своих сторонников на улицы городов и проведет первые ненасильственные акции. Но очень скоро насмешки над "полуголым факиром" сменятся злобной руганью, а надменность (это у англичан-то!) — бессильной яростью.

Что же происходит в Индии с тех пор, как в нее вернется Ганди? А вот что. Внимая его призывам, индийцы — владельцы мелких лавок и крупных магазинов — надолго прекращают всякую торговлю. Клерки банков и фондовых бирж прекращают всякие операции. Бастуют докеры и текстильщики. Рикши

отказываются возить англичан. Жители городов закрывают ставни окон и не выходят на улицу, когда по ним (при жутком безлюдьи!) проезжает наследный принц Уэльский со свитой. Индийские специалисты отказываются служить в органах колониальной администрации...

Такое британскому колоссу не могло присниться и в бредовом сне! Движимый имперским инстинктом подавления, он нет-нет да грохнет из пушек, сыпанет картечью. Но как подавить презрение в агатово-черных глазах миллионов индийцев? Можно ли расстрелять покупателя за то, что он английскому товару предпочел отечественный? По какой статье привлечешь индийского миллионера, если он свой счет переводит из Лондона в Париж или Нью-Йорк?

За каждую проведенную или даже просто намечаемую акцию власти аккуратно арестовывают Ганди и сажают в тюрьму (один раз — аж на шесть лет). Но как ущемить его, если он в тюрьме чувствует себя почти как дома? Спит, как и дома, прямо на полу или где-нибудь под деревом во дворе тюрьмы. Не только не жалуется на кормежку, но еще и сам, как вегетарианец, отказывается от чего-то. И пока он сидит, по всей стране (а затем и в мире) раздаются протесты, проходят демонстрации с требованием освободить его. Такого смутьяна дешевле иметь на свободе! Его освобождают досрочно. А он — тут же за свое. Задумает, к примеру, и проведет знаменитый "поход за солью", в результате которого Англия потеряет монополию на соль, а ее казна не досчитается миллионов фунтов...

"Я хочу, чтобы вы прибегли к насилию, — с откровенностью признается Махатме один из высокопоставленных чиновников. — Тогда бы мне сразу стало ясно, как с вами поступить". Но Ганди не собирается давать властям такой повод. Он знает: его сила — в ненасилии. А слабость англичан в том, что они чересчур уповают на силу. "Я считаю, что ненасилие несравненно выше насилия и что способность прощать благороднее стремления наказывать", — скажет он однажды, а о британских завоевателях, покоровших великую страну и ничему у нее не научившихся, с грустью заметит: "Подобно тому, как слон бессилен мыслить по-муравьиному, несмотря на лучшие намерения, так англичанин бессилен мыслить понятиями индийцев, а следовательно, и устанавливать законы для них..."

Об одной детали биографии нашего героя стоит сказать отдельно. В детстве он на себе испытает насилие. Следуя индуистским обычаям, родители Мохандаса помимо воли женят его, 13-летнего мальчика, на 13-летней же девочке по имени Кастурбай. И обяжут их быть супругами в полном смысле этого слова. Казалось бы, повзрослев, они постараются освободиться от навязанных им брачных уз. Ничего подобного. Супруги Ганди окажутся одной из самых счастливых пар на земле. У них родится много детей, они многие годы проживут в

редком согласии друг с другом. Иногда пишут, что Махатма ничего не боялся. Нет, боялся — обидеть Кастурбай! Он идет на риск угодить в очередной раз в тюрьму лишь с ее ведома и разрешения, не принимает ни одного решения, не посоветовавшись с ней.

На взгляд автора очерка, Махатме иногда легче было побеждать Британию, чем находить общий язык со страной, во имя которой он боролся — с Индией... Да, в течение тысячелетий сформировался особый национальный характер, на который немалое влияние оказало господство чужеземцев. Получилась гремучая смесь национального величия с рабской покорностью, трезвого ума с легко воспламеняющимся фанатизмом, глубокой жизненной философии с вопиющей технической отсталостью и антисанитарной неустроенностью быта. И вот такую страну с таким менталитетом Ганди пытается убедить, что из уважения к себе она должна вернуть себе свободу ("Индия, кажется, забыла, что означает слово "нет"!", — скажет он однажды в сердцах), но добиваясь независимости, ей не следует унижать достоинство англичан. "Скорейший путь добиться справедливости — относиться справедливо к противнику" — его же слова.

Слушая Махатму, многие индийские деятели соглашались с ним, но в душе считают его прекраснодушным мечтателем, честным, мужественным, но мало что понимающим в политике человеком. Они-то уверены, что когда Индия под влиянием Махатмы раскачается, она возьмется за оружие и по первое число разделается с колонизаторами. Но они ошибаются, принимая Ганди за наивного простака. Еще больше, чем обидеть Кастурбай, он боится индийского бунта, бессмысленного и беспощадного, как всякий. Исходивший Индию вдоль и поперек пешком (пройдя в общей сложности 12 тысяч километров!), он хорошо знает, сколько социальной взрывчатки накопилось в жалких деревушках и в залитых нечистотами бедных кварталах городов. Воспламенись она, эта взрывчатка, умоются кровью не только англичане, но и многие индийцы и в особенности зажиточные. Ганди не на стороне богачей. Но он уверен, что и проблему неравенства силой не решишь...

До сих пор идут споры, был ли Ганди на самом деле политиком? Скорее всего, был, но таким, в котором человеческое всегда преобладало над любыми доктринами, какими бы убедительными и соблазнительными они ни казались. Для маленького (но великого) индийца ценнее была не столько цель, сколько средства ее осуществления. Вдумаемся в его слова: "Позаботьтесь о средствах, а цель позаботится о себе". Мысль, согласитесь, неожиданная, ставящая, казалось бы, все с ног на голову, но по сути — революционная. Где, когда, какой еще на

свете политик, вовлекая людей в борьбу, думал о том, какими они в нее войдут и какими — выйдут?..

Понять Махатму не просто даже его искренним сторонникам. Вот он, словно бы находясь в плену иррациональных идей, вдруг призывает Индию... засесть за прялку. И это — в век, когда уже во всем мире работает гигантская текстильная индустрия. “Зачем это надо? — недоуменно пожимают плечами молодые индийские политики, начитавшиеся Рикардо и Смита. — Он тянет страну в средневековье!” Но чудаковатый Махатма упрямо твердит: прясть должны я и моя жена, бедные и богатые, индусы и мусульмане, хиндустанцы и бенгальцы, тамилы и пенджабцы... И мало-помалу выясняется, что иррационализм Махатмы продуктивнее выверенных по учебникам концепций выпускников Кембриджа и Оксфорда. В самом деле, в стране сокращается безработица. Многомиллионная Индия ручным способом вырабатывает миллионы метров первоклассной ткани. Но главное в другом: благодаря прялке Индия становится сплоченнее. Прядут бедные и богатые, индусы и мусульмане, хиндустанцы и бенгальцы...

Но бывают случаи, когда страна не просто не соглашается с Ганди, а восстает против него. Повод? Да вот хотя бы такой. Навязывая Индии избирательный закон, британские власти хотят лишить права на участие в выборах касту неприкасаемых. В ответ Ганди объявляет голодовку и предупреждает британского премьер-министра, что готов умертвить себя в знак протеста. Как?! — удивятся и вознегодуют представители “чистых” каст. — Умереть из-за презренных неприкасаемых, тех самых, кто обязан на шее носить колокольчик, чтобы остальные сторонились их? И вот что Махатма отвечает соотечественникам: “Если мне докажут, что постыдная система неприкасаемых присуща индуистской религии, я открыто восстану против индуизма”. Он продолжает голодовку, жизнь его уже на волоске. И вот у Индии не выдерживают нервы! 24 миллиона индийцев присоединяются к Ганди и, добиваясь отмены несправедливого избирательного закона, объявляют голодовку... В следующий раз Махатма удочерит девочку-сироту из касты неприкасаемых. Шаг с его стороны более рискованный, чем прыжок без парашюта: в Индии такое не прощают никому! Страна переживает стыд за Махатму. Даже Кастурбай в растерянности, считая, что ее муж впал в ересь. Но Ганди, вопреки всем и всему, загоразивая своим почти что прозрачным телом девочку-сироту, вводит ее в свой дом. Кастурбай быстро смягчается, начинает относиться к девочке как к родной дочери. И Индия (не сразу, конечно) уже иначе смотрит на существование каст...

С не меньшим упорством, чем с британским империализмом, Ганди борется с противостоянием двух самых больших религиозных общин Индии — индуистской и мусульманской. При этом он не делит индийцев на “своих” и “чужих”. Едино-

верцев он просит уважать обычаи ислама. К примеру, нарочно не шуметь, не петь, когда проходят мимо мечетей. А мусульман призывает не высмеивать индуистов за их культ коровы. Как всякому, кто разнимает ссорящихся, ему достается от тех и других. Мусульмане долго подозревают Махатму в притворстве: не может он, неверный, быть до такой степени справедливым человеком. Но в конце концов происходит неслыханное: индуиста Ганди на одной из исламских конференций избирают ее председателем!..

Почему же Махатме, казалось бы, вопреки логике, шаг за шагом удается одерживать верх над колониальной администрацией и внутренними оппонентами? Каким образом ему удастся вести за собой миллионы, когда другого на его месте давно бы втоптали в грязь? И по сей день это во многом остается загадкой. Но уж если мы делаем упор на личность нашего героя, познакомимся с некоторыми особенностями его ума и души. Возможно, это прольет какой-то свет на феномен Махатмы.

Иногда говорят, что политика — грязное дело. Мол, во имя высоких целей приходится обещать избирателям то, что невыполнимо, менять взгляды, союзников чуть не каждую неделю, а иначе, дескать, вам удачи не видать... Пример Ганди убеждает в обратном: чем политика чище, тем она успешнее. То, что нашему герою в свое время помешает стать преуспевающим адвокатом — неспособность лгать и притворяться, — в политике станет его абсолютным оружием.

Правда, на первых порах высокомерные британские чиновники воспринимают честное поведение Ганди как азиатскую хитрость, коварный подвох. Ну не может, с их точки зрения, достойный человек в беседе с важным сановником заявить, к примеру, такое: "Я хочу тронуть ваше сердце, чтобы подготовить благоприятную почву для переговоров". Индеец открыто признается в желании пробудить симпатию к индийскому национально-освободительному движению в человеке, который получает зарплату именно за то, что давит это самое движение. Смешно сказать, но Ганди удалось-таки одного вице-короля Индии, пусть ненадолго, увлечь своей философией непротivления. Или другой пример. Одному бравому генералу, войска которого откажутся стрелять в индийских манифестантов, Ганди в знак примирения преподнесет сандалии, сшитые им самим. Представляете: генералу — сандалии! Что он, бедный, должен был думать, принимая сей дар? Или этот до ушей улыбающийся индеец издевается над ним, или у него, генерала, поехала крыша?..

Потом-то противники и гонители Махатмы поймут, что перед ними безгранично искренний, открытый, но тем-то еще более опасный для них человек. Такому, чтобы проводить в жизнь свои идеи, нет смысла сильно напрягаться, ловчить,

краснобайствовать. Он сам — живая, ослепительно яркая, как его улыбка, неотразимая в своей красоте идея. Его дипломатия — в отсутствии всякой дипломатии. С помощью честности и прямоты Ганди добивается куда более впечатляющих результатов, чем прожженный политикан путем многовариантных ходов и циничного обмана...

Кто с ним больше всего намучаются, так это, пожалуй, судьи. Вот против него затевается очередной процесс. Суду надо доказать, что Махатма своими призывами к несотрудничеству с властями вызвал экономический паралич в городах и волнения среди крестьян нескольких штатов. Но окажется, что судьям — незачем трудиться. Подсудимый сам во всем признается и своим чистым звонким голосом, обращаясь, скорее, ко всему миру, чем к присяжным заседателям, говорит: "Правительство, поставленное законом в Британской Индии, служит целям эксплуатации. Никакая софистика, никакие фокусы с цифрами не могут скрыть того, что во многих деревнях можно видеть обтянутые кожей скелеты". Мешая Ганди говорить, судья отчаянно стучит колотушкой, предупреждает, что подобными высказываниями подсудимый лишь утяжелит меру наказания. А в ответ услышит:

— ... я здесь и нахожусь, чтобы навлечь на себя самое тяжкое наказание, и с радостью восприму его...

Выше уже говорилось, что колониальные власти, посадив Ганди, как правило, освобождали его досрочно. Но наш герой (и тоже — как правило) противится этому! Иной раз приходится чуть ли не силком выпроваживать его из тюрьмы. Что это? Тщеславное желание пострадать за народ? Тонко рассчитанный прием популиста? Нет, создается впечатление, что совестливый Ганди порой испытывает чувство вины перед британскими властями за смуту, поднятую им в стране, но поступать иначе он не может...

Что же можно поделать с таким человеком? Запугать его — невозможно. Уговаривать — бесполезно. Может, ему какой-нибудь пост предложить, чтобы он замолчал? Некоторые лондонские политики (явно не перенаделенные умом) долгое время подозревают, что в лице Ганди они имеют дело с невиданным доселе честолубцем, и прощупывают почву, уж не хочет ли он стать вице-королем Индии? И с досадой убеждаются, что Махатма — не из тех людей. Ну, а если предложить ему деньги? Ведь говорят: что нельзя сделать за деньги, можно — за большие деньги. Но зачем они Махатме? Он даст обет не иметь никакой собственности, кроме самых необходимых вещей. Так что и купить его невозможно...

Что же остается его врагам? Вывод напрашивается один: убить его, физически устранить. А вот на это англичане, наученные горьким опытом собственной — в немалой степени, кровавой — истории, не пойдут. И будут, проклиная упрямство

индийца, время от времени сажать его в тюрьму и выпускать, сажать и выпускать...

Индийцы почитают Ганди как вождя, отца нации, перед ним преклоняются. Любят ли его? Другой вопрос...

Да, за Махатмой идут миллионы, у него — тысячи и тысячи последователей. Но такое теплое чувство, как любовь, к нему испытывают только жена Кастурбай, его личный, посвятивший ему всю свою жизнь секретарь, и еще несколько человек. Для остальных он — высоко вознесенный над всеми кумир, мудрец, способный творить чудеса. Вот это и тяготит Ганди, вот почему он не любит, когда его величают Махатмой, и это делает его одиноким среди миллионов. Да, не занимая официально никакой должности, он имеет огромное влияние на свой народ. Но он боится иметь над ним ничем не ограниченную власть, проклятье которой в том, что, сколько ее ни имей, все равно ее мало. И всякий раз, когда в его адрес раздаются неумеренные славословия, он возражает, а порой даже приходит в гнев. "Меня пугает большинство! — однажды воскликнет он. — Я дошел до того, что мне стало противно слепое обожание толпы. Я бы тверже чувствовал почву под ногами, если бы толпа плевала на меня".

Впрочем, дело не только в том, как ведет себя толпа по отношению к Махатме, но и в нем самом. Он — уникальная личность, во многом не от мира сего, его поведение невозможно предвосхитить. Вот вы идете с ним, добрейшим человеком, по улице и с удивлением видите, что он равнодушно взирает на протянутые к нему руки нищих. Махатма, даже если у него есть что подать, не подает. Он считает, что если ты хоть что-то можешь делать полезного — делай... Или вот из одного штата приходит сообщение о том, что английские солдаты братаются с участниками акции неповиновения. Хорошая новость, не правда ли, Махатма? Нет, он хмурится, он недоволен: солдаты давали присягу своему правительству и не имеют права нарушать ее...

Быть его соратником или даже просто сторонником не просто трудно — это настоящее испытание. Ведь находясь постоянно рядом с ним, приходится отрешаться от многих привычек и удовольствий жизни. Неловко в присутствии Махатмы появляться в сопровождении телохранителей и слуг, пользоваться услугами личного шофера и т. д.

"Спрашивают: почему же мне, которому не надо работать, чтобы быть сытым, тоже надо прясть? — говорит Махатма, имея в виду отношение богатых людей Индии к необходимости физически трудиться. — Потому что я ем то, что мне не принадлежит. Я живу трудом своих соотечественников. Проследите путь тех денег, что приходят в ваш карман. И вы увидите, что я прав". Конечно, Махатма никого ни к чему силком не принуждает. Но он говорит о выборе, который должна сделать ваша совесть.

И если б он, как некоторые политики, говорил одно, а делал другое. Нет, в своем ашраме — основанной им религиозно-трудовой коммуне — Махатма и его семья живут в небольшом глинобитном доме. Нет у него ни охраны, ни слуг. Каждый день он работает: прядет, шьет сандалии, возделывает землю. А питается крохами. Сам за собой моет посуду, а если кто-то забывает это сделать, моет за него. Когда к нему в ашрам однажды придут английские парламентарии, им придется, как и хозяину, сидеть на полу: даже стулья Махатма считает непозволительной роскошью...

Впрочем, смущает в Махатме то, что аскет-то он аскет, но в то же время — прагматик. Например, он советует своим сторонникам не есть мяса, побольше ходить пешком. Для чего это профессиональному политику, Махатма? Для того, объясняет он, чтобы тяжелая пища не забирала у человека силы, необходимые ему для борьбы за свободу, чтобы каждый, кто хочет своему народу счастья, не понаслышке знал, до какой степени плохо живут простые люди...

Тех индийских деятелей, что, как и Ганди, стоят за независимость родины, но видят ее, завтрашнюю, идущей по пути того прогресса, какой достигнут Англией, Махатма не только смущает, но и возмущает. Дело в том, что наш герой при всем своем англофильстве скептически относится к западной цивилизации. Он не хочет, чтобы его красивая, как рай, Индия, подобно Манчестеру или Детройту, задыхалась от индустриальных дымов и подражала распущенным нравам Запада. Он считает, что Индии ближе свои ценности. На упреки в преклонении перед патриархальностью и в национальной ограниченности он гордо ответит: "Я хочу, чтобы ветер культуры всех стран как можно свободнее веял у моего дома. Но я не хочу, чтобы он сбил меня с ног".

Но как бы там ни было, а в открытую в Индии редко кто отваживается выступать против Ганди — так велик его авторитет. Все политики — правые и левые, либералы и радикалы — понимают: он, обладающий гениальной политической интуицией, недостижимой моральной чистотой, незаменим как локомотив индийской истории, лишь под его руководством, опираясь на его помощь и советы, они смогут придти к власти. И поэтому многие из них охотно называют себя гандистами, хотя сам Махатма не считает себя основателем какого-то нового учения и всегда возражает, когда политику непротивления называют "гандизмом".

Сочувствующие национально-освободительному движению в Индии европейские интеллигенты видят в Ганди пророка грядущих потрясений, готовы признать в нем чуть ли не новоявленного Иисуса Христа. Такой взгляд Махатма не приемлет больше всего, ибо когда о человеке начинают говорить как о мессии, его, того и гляди, распнут...

В конце концов британский колосс устанет бороться с непротивляющейся Индией и сочтет за лучшее убраться из нее. (Но уходя, англичане постараются, чтобы на Индостанском полуострове возникло два независимых государства: индуистская Индия и мусульманский Пакистан.) Конечно, нельзя сказать однозначно, что страна освободится от колониального гнета лишь благодаря Махатме. Но одно несомненно принадлежит Ганди, этому, как выразится его знаменитая однофамилица Индира Ганди, “величайшему после Будды индийцу”: он воспитает Индию такой, что чужеземцы уже будут не в силах управлять ею.

И еще одно неразрывно связано с его именем: благодаря Махатме англичане уйдут из Индии без унижений и позора, оставив ей (разумеется, кроме печальных воспоминаний колониального периода) свою культуру, свой язык, которым миллионы индийцев и сегодня владеют наравне с родным...

Да, независимость еще формально не провозглашена, а в Индии — и бедные, и богатые, и индусы, и мусульмане — все ликуют. Пожалуй, лишь один Ганди не торжествует. Его душу одолевают тяжелые предчувствия бед, которые ждут Индию. Ему кажется, что страна и ее народ еще не дозрели до полной самостоятельности и, к возмущению многих своих сторонников (а некоторым уже обещаны места в будущем правительстве), непредсказуемый Махатма предлагает... отсрочить предоставление независимости!

Увы, его иррационализм снова окажется рациональнее трезвых политических расчетов. Пока в английском парламенте вырабатывается закон о независимости Индии, в стране уже начинаются кровавые разборки между индусами и мусульманами. В результате резни и погромов тысячи людей будут убиты, ранены, лишены крова.

Махатме уже под восемьдесят. Он теперь совершенно один — на свете нет уже ни Кастурбай, ни личного секретаря. К старости Ганди так усохнет, что даже непонятно, в чем держится его жизнь. Каждую вспышку религиозной вражды он воспринимает как личное горе, как свое поражение. И на неделю погружается в молчание — Великая Душа плачет. Но вот он встает, берет посох и идет уговаривать враждующие стороны проявлять терпимость и взаимное уважение. “Пока я жив, я не соглашусь на раздел страны”, — предупреждает он англичан и своих сторонников, понимая, чем грозит образование двух независимых государств на единой исторической территории. Он просит Лондон не мешать индийцам самим решить, как им жить дальше. Но теперь спешат англичане. Они чувствуют, что Индия — накануне взрыва. И английский парламент впопыхах принимает закон о независимости Индии и Пакистана.

Перед тем, как в Дели над Красным фортом будет поднят национальный флаг, Махатма уедет из столицы: так он выразит

свое несогласие с разделом страны. Его отсутствие на торжествах не поймут и не одобряют те, кто оглушен залпами праздничных салютов. Против чего уважаемый Махатма ропщет? Может, его обошли почестями, высоким постом? Но ведь он уже стар, пора ему уходить на покой. И в толпах, перед которыми Ганди продолжает выступать, уже находятся люди, не считающие нужным приветствовать его. Иногда до него доносятся крики: "Господин Ганди! Вы — банкрот! Ваше ненасилие — это химера!.." Махатма на такие выкрики отвечает с болью, но спокойно:

— Вы можете в чем угодно обвинять меня. Но не обвиняйте политику ненасилия.

— Почему вы мусульман любите больше, чем индусов?!

На такого рода обвинения он чаще всего не отвечает. Он любит и жалеет всех людей и ему все равно, в какого Бога они верят — лишь бы верили и следовали его высоким заповедям...

К несчастью, в обретшей независимость Индии все происходит именно так, как он и предчувствовал. Снова индусы и мусульмане идут друг на друга стеной. Снова льется кровь, горят деревни, кварталы больших и малых городов. Вся Индия так накалена, что если бы географическая карта отражала состояние обозначенной на ней страны, к ней нельзя было бы прикоснуться. Теперь счет идет на десятки и сотни тысяч убитых. Миллионы людей в собственной стране становятся беженцами и бездомными бродягами.

Но что может поделать с этим коллективным безумием старый согбенный Махатма? А то и может — в знак протеста против братоубийственной войны он объявляет голодовку! (Такого, чтобы духовный лидер страны бросал вызов своему народу, пожалуй, еще не было в мировой истории.) Не просто каждый день, каждый час для Махатмы может стать последним. И вот раздираемой противоречиями Индией овладевает страх за жизнь Великой Души. Повсюду проходят митинги в поддержку требований неслышимого старика прекратить кровопролитие, напряжение в стране постепенно спадает...

Но охота на Ганди уже ведется. Сначала разъяренные его веротерпимостью фанатики нападут на его жилище в Калькутте. Затем во время уличного выступления в него бросят бомбу. Но она, взорвавшись, о, чудо, никого не заденет. Дождавшись, когда в толпе стихнут крики ужаса, он продолжит свою речь:

— Враг мусульман является врагом Индии...

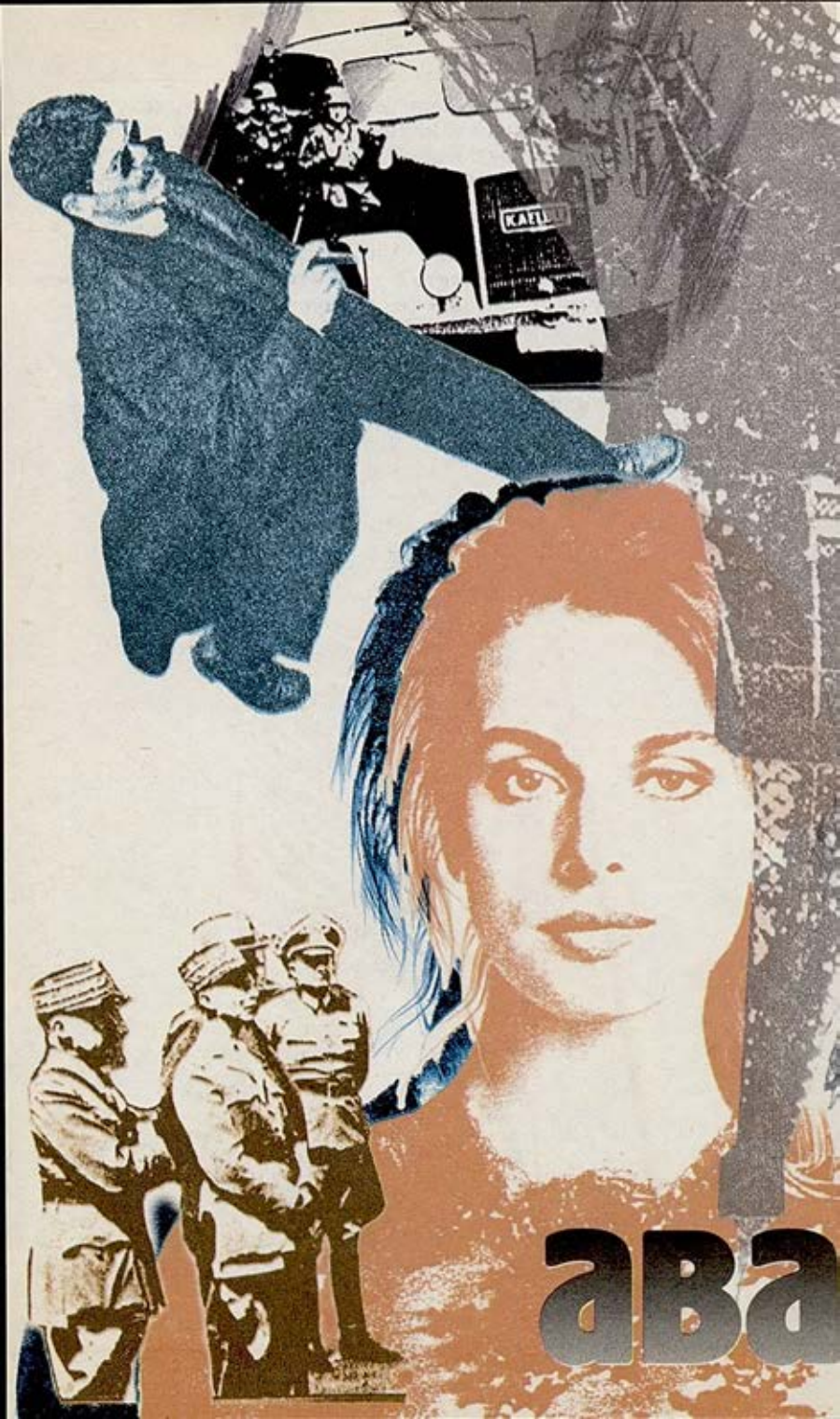
Через десять дней после этого покушения Махатма — кто-то же хорошо знал его бесстрашный характер! — снова выйдет к народу, снова призовет слишком горячие головы опаматоваться. И вот как бы в ответ на его призыв из толпы выйдет религиозный экстремист и тремя выстрелами в упор безжалостно рас-

пнет Махатму. По ослепительно белому “дхоти” растекутся красные пятна крови. Ганди взмахнет руками, закачается и со словами “Рам! Рам! “ (“Боже! Боже!”) упадет... Нет, Махатма не умрет: в нем умирать уже нечему было. Про такую смерть говорят: отошел...

Отойдя, он оставит после себя на земле новую, свободную, в родовых муках встающую страну. А из нажитого им добра оставит: миску, взятую им на память в какой-то тюрьме, деревянную ложку, стопу книг, посох и те самые развинченные очки, которые, кто знает, помогали ему видеть лучше и дальше других...

Таким был Мохандас Карамчанд Ганди, живое воплощение Индии. Такое влияние он оказал на мировую историю. Кто — следующий?..





KATILIM

aba



Михаэль БАРАК

НТЮРИСТ

* Журнальный
рисунок Витал

Пролог

Пенемюнде, 13 марта 1944 года.

Плотное, бело-оранжевое облако вырвалось из сопла огромной сигарообразной ракеты. Мощный двигатель яростно взревел, когда взорвалось горючее, смешавшись с жидким окислителем в камере сгорания. Тело ракеты вздрогнуло, затем, медленно оторвавшись от ступеней, поднялось пламенеющим соплом над зелеными кронами стройных померанских сосен и устремилось ввысь к тяжело нависшим серым облакам. Четыре секунды тридцатитонная ракета поднималась вертикально, а потом постепенно начала переходить в горизонтальный полет. Через пятьдесят секунд она заняла положение под углом в сорок девять градусов и за песчаной косой, шедшей вдоль берега, резко скользнула в небо над мрачными волнами Балтийского моря.

На пустынном берегу двое мужчин, вооруженных биноклями, следили за полетом ракеты. Один из них походил на "чистокровного арийца", каких пропагандировали плакаты фанатичного рейхсминистра доктора Альфреда Розенберга. Молодой, светловолосый, высокого роста, с голубыми глазами и открытой, самоуверенной улыбкой, делавшей привлекательным его лицо, он в свои тридцать два года был вундеркиндом Германии — доктор Вернер фон Браун, ведущий специалист огромного ракетно-исследовательского комплекса в Пенемюнде.

Оба возбужденно и с удивлением следили за полетом ракеты. Фон Браун запускал их с того дня, когда, будучи молодым парнем, сбежал из дома барона Магнуса фон Брауна и примкнул к "Союзу межпланетных сообщений", обществу любителей, запускавших примитивные ракеты с полигона на окраине Берлина. Хотя с тех пор он разрабатывал и строил довольно сложные и мощные ракеты, ему, однако, никогда не удавалось подавить в себе волнение, которое захлестывало его всякий раз, когда очередная ракета, вздрогнув и выплеснув огонь и дым, устремлялась в небо. А в этот день это была его коронная жемчужина — новая, более мощная ракета, которая вскоре должна стать смертоносным оружием Третьего рейха — ФАУ-2.

Его восторг явно разделял генерал Дорнбергер, издававший резкие, возбужденные возгласы. Восторженные крики разносились и над поляной, вырубленной в густом сосновом бору, откуда из своих замаскированных лабораторий и ангаров за полетом ФАУ-2 наблюдали сотни людей: ученые, инженеры и техники.

Но не все радовались в то утро в Пенемюнде. В подземном центре управления возле радиоаппаратуры и контрольно-измерительных приборов толпились люди в белых халатах. Их озабоченные лица выдавали, что не все проходит гладко.

— Черт побери, она ни на что не реагирует! — выругался седовласый инженер, торопливо щелкая переключателем. — Она полностью вышла из-под контроля!

— Какого типа рули-стабилизаторы вы установили на ней, Вольфганг? — задал вопрос штандартенфюрер СС, находившийся среди ученых, но державшийся отчужденно.

— Не в стабилизаторах дело, — возразил седовласый инженер слегка презрительным тоном. — Ракета снабжена гидравлической системой управления от зениток. Ведь это пробный пуск!

— Смотрите, чтобы решение было найдено, — холодно произнес штандартенфюрер. — Если что случится, в Берлине в восторге не будут!

Его скрытая угроза была воспринята молча. Все знали, что подразумевается под этим. С тех пор, когда три месяца назад кураторство над Пенемюнде перешло в ведомство Генриха Гиммлера, рейхсфюрера СС и шефа гестапо, все лаборатории заполнил страх.

Но даже этот страх не мог предотвратить наступающую катастрофу. ФАУ-2 исчезла в облаках, и это было последнее, что видели люди в Пенемюнде. Ракета, взяв курс на север, пролетела над маленьким грайфсвальдским островком и понеслась через Балтийское море к расположенному в двухстах километрах ущелистому побережью. Спустя десять минут после старта она рухнула в трясинистой местности нейтральной Швеции.

Вечером того же дня пожилой пастух Олоф Герхардсон сообщил единственному полицейскому местечка Хофманторп о "звезде", упавшей в середину его стада.

Все сомнения чиновника тут же рассеялись, как только старый Герхардсон извлек из кожаного мешка черные искореженные куски металла. Полицейский, вскочив на свой поржавевший велосипед, поспешил в районный центр Фэксье, расположенный в тридцати пяти километрах, чтобы уведомить власти о случившемся.

На следующее утро специальные полицейские и армейские подразделения окружили болотистую местность. Саперам удалось отыскать большую часть ракеты, развалившуюся на части при ударе о землю. В происхождении удивительного предмета никакого сомнения не было — надписи и сокращения на немецком языке на корпусе и конической головке являлись убедительным доказательством. Под вечер германского посла в Стокгольме вызвали в Министерство иностранных дел, где ему был выражен энергичный протест в "грубом нарушении шведского нейтралитета" и высказана просьба к правительству Рейха дать "необходимые разъяснения". Пару часов спустя подробная телеграмма от посла поступила в Берлин.

Иоахим Риббентроп, министр иностранных дел Рейха, взялся за трубку красного телефона прямой связи с "волчьим лого-

вом" — ставкой фюрера под Растенбургом в Восточной Пруссии.

Пронзительный звонок телефона, стоявшего на подставке в углу огромного, отделанного деревом картографического кабинета, прервал Гитлера в середине напряженной дискуссии, которую он вел с небезызвестными полководцами Германии. Темой была предстоящая высадка союзников во Франции, как рассчитывал Гитлер, она должна пасть на начало лета. В этот вечер Гитлер выглядел более старым чем обычно. По мере того, как он выслушивал доклады генералов, лицо его приобретало все более серьезное выражение. Он стоял, склонившись над длинным столом, устланным картами, и его мрачный взгляд был прикован к крупномасштабной карте Атлантического побережья Франции.

Телефонную трубку взял Йодль, затем на цыпочках подошел к столу, наклонился к уху Гитлера и тихим голосом передал ему сообщение Риббентропа.

Безумные огоньки вспыхнули в глазах Гитлера, какое-то мгновение он стоял неподвижно, затем, подавшись внезапному порыву, ударил кулаками по столу.

— Это предательство! — закричал он пронзительным голосом. — Предательство! Саботаж! Моя ФАУ-2! Мое оружие возмездия! — Гитлер обошел вокруг стола, пристально вглядываясь в ошеломленные лица генералов: — С помощью этой ракеты я смог бы остановить вторжение! Я хотел превратить побережье Франции в смертельную ловушку для Черчилля и его жидовской банды! Сотни ракет возмездия я бы выпустил на них! Я бы сравнял Лондон с землей! — Лицо его покрылось потом. — А теперь? — Голос фюрера дрожал. — А теперь мое чудо-оружие, мой драгоценнейший секрет попал к шведам! А завтра он окажется у Черчилля! Кто это был? — Он повернулся к Йодлю. — Какой предатель направил ракету на Швецию? Йодль, он должен быть немедленно доставлен сюда! Я предаю его военному суду! Он будет повешен!

— Ответственным является генерал Вальтер Дорнбергер, мой фюрер, — холодно заметил Гиммлер. — Мы незамедлительно доставим его сюда. Если бы я перенял контроль над Пенемюнде раньше, такого не случилось бы.

— Дорнбергер! — повторил Гитлер. — Дорнбергер. Доставьте его сюда, Йодль, и немедленно! — Он круто развернулся на каблуках и покинул кабинет.

Поздней ночью в квартиру Гитлера, занимавшего западный флигель дома, было приглашено военное руководство. Едва заметным кивком фюрер поприветствовал военных и погрузился в свои глубокие размышления. После длительной паузы, когда генералы и офицеры заняли места вокруг него, он начал говорить тихим голосом, будто ведя разговор с самим собой.

— Риббентроп звонил еще раз. Шведы требуют, чтобы мы извинились за нарушение их нейтралитета. — Голос Гитлера стал набирать силу. — Фюрер Германского рейха должен извиняться перед этими вероломными трусами, которые не отважились вступить в войну. Стокгольм так и кишит английскими шпионами, а я должен извиняться! Каждое утро я только и слышу, что какой-нибудь датский террорист снова сбежал через Швецию в Англию, а я должен извиняться! Ни о каком извинении не может быть и речи!

— Но, мой фюрер, — почтительно прервал его Кейтель, — если мы принесем извинения, мы, возможно, заполучим ракету назад.

— Чепуха! — возразил Гитлер. — Это не важно. Германия и без этой ракеты сильна. Если я правильно размышляю, — добавил он с неожиданной улыбкой на устах, — все не так уж и плохо. Ракета рухнула в Швеции. Вы понимаете, какие надежды Рейх возлагает на нее. Пусть знают, что их нейтралитет нельзя оградить от моей ярости. Пусть дрожат. В следующий раз наша ракета упадет не в болото, а на Стокгольм или даже на королевский дворец. Это и должен передать им наш посол. На королевский дворец!

— А что будет с Дорнбергером? — подавленно спросил Йодль. — Он прибывает рано утром спецрейсом.

Фюрер глянул на него безразличным взором:

— Отправьте его назад. Мне он не нужен. — Голос его сник, он закрыл глаза, положив тем самым конец беседе.

В углу комнаты, откуда фюрер ничего не мог услышать, ошарашенный фон Бек, наклонившись к адмиралу Канарису, прошептал:

— Этот человек сумасшедший!

Канарис медленно повернул голову и посмотрел на него. Ни один мускул не дрогнул на хитром лисьем лице. Некоторое время он молча рассматривал фон Бека, и тот уже начал раскаиваться в своем произвольно вырвавшемся замечании, которое могло стоить ему жизни. Но Канарис усмехнулся и тихо проговорил:

— Да, этот человек сумасшедший.

На лестнице Министерства иностранных дел Швеции в Стокгольме британский посол, торопясь на срочную аудиенцию к министру, столкнулся с германским послом. Оба смутились и отвернулись, стараясь проигнорировать друг друга. Продолжая подниматься по лестнице, британский посол внезапно осознал, что посол Германии только что покинул кабинет человека, которого он должен посетить сам, а именно: министра иностранных дел.

Как только дверь в кабинет министра закрылась, посол почувствовал что-то неладное — хозяин кабинета выглядел взбу-

дораженным. Щеки его покрывали красные пятна, глаза излучали бессильную ярость, голос дрожал, когда он пригласил присесть.

Посол незамедлительно приступил к делу.

— Правительство Его величества от нескольких надежных источников узнало, что на землю Швеции упала германская ракета. Мы находимся с немцами в состоянии войны, и со всей уверенностью можно предположить, что ракета предназначалась для нас, — твердо заявил он. — А поскольку, вследствие этого, она принадлежит нам, то должна быть передана в том состоянии, в котором была найдена. — Посол настойчиво доказывал свою заинтересованность, хотя отчетливо понимал, что Швеция, будучи нейтральной страной, не рискнула бы, выдав ракету, стать противником Рейха и занять сторону его врага.

Но, к его великому удивлению, министр Швеции даже не попытался привести возражающие аргументы.

— Прошу извинить меня, — спокойно заметил он. — Мне надо срочно позвонить. Побудьте, пожалуйста, здесь, я позволю от секретаря.

Спустя пять минут министр вернулся. В его голосе звучал явный оттенок удовлетворения, когда он обратился к удивленному британцу:

— Я только что разговаривал с премьер-министром, а тот проконсультировался с королем Густавом. Мы не будем препятствовать передаче ракеты британскому правительству, если это произойдет негласным образом. Мы передадим вам ракету здесь, в Швеции. А транспортировку в свою страну вы возьмите на себя. Мой помощник позвонит вам сегодня вечером, чтобы обговорить время и место передачи.

Тридцать шесть часов спустя, незадолго до полуночи, самолет Ди-Си-3 "Дакота" без опознавательных знаков приземлился на казавшемся заброшенным аэродроме неподалеку от Стокгольма. Место пилота занимал Джимми Бредфорд, американский летчик, специализировавшийся на подобных исключительных мероприятиях. Из темноты ночи появился гражданский грузовик, и грузчики быстро начали перегружать с него в самолет тяжелые ящики и завернутые в брезент детали, в то время как наземная служба лихорадочно заправляла баки самолета горючим. Менее чем через полчаса "Дакота" поднялась в воздух. Чтобы избежать сосредоточенного огня немецких зениток, Бредфорд направил машину в обход, через Норвегию. Под раскаты грома и проливной дождь Ди-Си-3 уверенно приземлилась в Кейстоуне, на маленьком военном аэродроме на окраине Лондона.

Последующей ночью группа высших офицеров и гражданских лиц посетила огромный, расположенный в нескольких сотнях метров от взлетно-посадочной полосы Кейстоуна ангар,

который взяло под охрану специальное подразделение десантников. Среди посетителей солдаты сразу же опознали массивную фигуру премьер-министра Уинстона Черчилля, фельдмаршала Монтгомери в украшенном двумя пряжками черном берете и генерала Дуайта Д. Эйзенхауэра, верховного главнокомандующего объединенными силами в Европе.

Ночные визитеры поднялись по винтовой лестнице и ступили на небольшую площадку, с которой удобно просматривалась средняя часть ангара. Помещение было очищено, и сильные прожектора высвечивали вытянутый, выглядевший угрожающе объект, собранный техниками. В данный момент на цилиндрическое тело ракеты монтировался конический нос.

— Вот это, значит, и есть ФАУ-2, — произнес Черчилль. Он только что вернулся с приема, и на нем был темный костюм с бабочкой. Он водрузил на нос очки и склонился над перилами, чтобы лучше рассмотреть смертоносное оружие Гитлера.

— ФАУ исходит от “Виктории”, не так ли? — как бы невзначай спросил Эйзенхауэр.

— Такого мнения придерживаются наши датские источники, — пояснил Ф.Д. Джонес, научный советник премьера, — но ФАУ, из немецких источников, обозначает “Возмездие”.

— Возмездие было бы ужасным, если бы мы допустили, чтобы она преодолела пролив, — веско заметил Черчилль. — Мы должны любой ценой установить, где размещается это сатанинское оружие и уничтожить его всеми имеющимися у нас средствами. Вторжение должно состояться до того, как Гитлер изготавит свои ракеты.

Позади премьер-министра тактично откашлялся молодой краснощекий майор. Черчилль обернулся. Приглушенным голосом, почти шепотом, офицер сообщил:

— С Вами хотел бы переговорить начальник военной контрразведки, сэр. Он сказал, что дело срочное.

Черчилль кивнул и вытащил из кармана новую сигару.

— Извините меня, джентльмены.

Он спустился по лестнице и последовал за офицером. В середине ангара возле огромной ракеты ФАУ-2 его поджидал генерал Бодлей. Он вручил Черчиллю розовый бланк телеграммы, на которой было всего несколько слов.

Черчилль задумчиво прочел текст и зашептал вслух:

— Дело чрезвычайно сложное. Оно может превратить вторжение в унижительный для нас исход всей войны.

Начальник отдела МИ-6 серьезно кивнул.

— Но мне кажется, что у нас есть выход, сэр. Возможно, Вы припоминаете тот план, который я излагал Вам в декабре.

— У вас имеется подходящий человек?

— Так точно, сэр, полагаю, что да!

Черчилль посмотрел на немецкую ракету продолжительным взглядом и, не сказав ни слова, покинул ангар.

Легкая тень улыбки мелькнула на губах генерала Бодлея. Быстрым шагом он направился к телефону, находившемуся в противоположном углу ангара, и попросил соединить с генералом Мак-Алистером, шефом "Отдела специальных операций".

— Я только что разговаривал с ним, — тихо бросил он в трубку. — Все выглядит так, будто нам дана "зеленая улица". Итак, завтра, согласны?

Часть первая

18 марта 1944 года.

С первыми проблесками рассвета из Лондона выехал черный "бентлей" и направился на юг по дороге, проходившей через укутанную пеленой дождя местность. Вел машину высокий, широкоплечий уэльсец, который в черной шоферской кепке чувствовал себя, казалось, не совсем уютно. На заднем сиденье расположились генерал Бодлей и генерал Мак-Алистер, оба в гражданском. Но их внешний вид едва ли мог бы ввести кого-либо в заблуждение. Прямые, как свечи, спины, невозмутимая самоуверенность и жесткий, решительный блеск в глазах не оставляли места для сомнений: эти люди привыкли командовать.

— Мне кажется, что Уинстона окончательно убедила эта ракета ФАУ-2, — задумчиво произнес Бодлей, впервые нарушив молчание, царившее с самого начала поездки. — Она доказала ему, что вторжение во Францию потерпело бы кровавое фиаско, не будь мы информированы из первоисточника о планах разрывания войск вермахта.

Мак-Алистер кивнул:

— Он дал вам письменное разрешение?

Бодлей снисходительно глянул на него, и в его голосе послышались легкие иронические нотки:

— Однако, Харольд, вы же знаете нашего Уина. Как обычно, старая лиса. Он ни разу не упомянул слово "да", лишь посмотрел на меня. Официально он никогда не дает согласие на мероприятие, а неофициально я уполномочен проводить его.

— То есть, если у нас сорвется...

— Верно, — сухо перебил Мак-Алистера Бодлей. — Если сорвется, вся вина падет на нас. По этой причине успех нам просто необходим.

Он глянул в окно на окружавший их безотрадный ландшафт. Сыпал моросящий дождь, вокруг расстилалось наводящее скуку покрытое вереском и гранитными скалами верховое болото Девона, на фоне темного неба маячили массивные стены тюрьмы Дартмор, куда и направлялись генералы.

После короткой остановки у ворот, где часовой проверил их документы, тяжелые створки отворились, и машина вкатилась в мрачный внутренний двор тюрьмы.

Невысокого роста жилистый человек в форме цвета морской волны вышел им навстречу. Лицо его оставалось бесцветным, но от Бодлея не укрылась скрытая враждебность в голосе, когда тот твердо заявил:

— Меня зовут Аустин Мардох, я — начальник тюрьмы. Мы ждали вас. Следуйте за мной.

Он молча повел их по лабиринту коридоров. Пожилой тюремщик со связкой огромных ключей сопровождал их, открывая толстые стальные двери, непрерывно возникавшие на пути. Они прошли в маленькое помещенье, меблированное квадратным столом и старомодными стульями. Окон в нем не было, и оно освещалось единственной лампочкой без абажура, излучавшей желтоватый мрачный свет.

— Арестант сейчас придет сюда, — доложил начальник тюрьмы.

— Мы будем разговаривать с ним наедине, — заявил Бодлей.

Начальник тюрьмы недовольно нахмурил лоб, но промолчал и удалился. Спустя несколько минут в комнатенку зашло третье действующее лицо. За ним тут же захлопнулась дверь, и в замке повернулся ключ.

На заключенном была мятая арестантская одежда из грубой хлопчатобумажной ткани, но выглядел он на удивление хорошо: загорелый, гладко выбритый, вьющиеся каштановые волосы коротко подстрижены. Ему было чуть за тридцать, высокого роста и крепко сложенный, с приятными чертами лица и интеллигентными серыми глазами. Он улыбнулся и произнес глубоким голосом:

— Какая приятная неожиданность! Важный визит из мира праведных! Мое почтение, джентльмены!

— Оставьте иронию при себе, Бельвуар, — отозвался Бодлей. — У нас нет времени.

— Де Бельвуар, прошу, — заметил арестант, усмехаясь. В его английском прослушивался легкий французский акцент.

— Я сказал Бельвуар, и я знаю, что говорю, — резко возразил Бодлей. — Вам же известно, что у вас никогда не было права добавлять к своей фамилии благородную приставку. Вы такой же аристократ, как и я, а если вашим коллегам-уголовникам доставляет удовольствие называть вас бароном — это их дело.

Вошедший безразлично пожал плечами и ничего не ответил. Бодлей полистал толстую папку, которую прихватил с собой.

— Слушание вашего дела состоится в следующем месяце, — как бы мимоходом заметил он. — Вам предъявляется обвинение в контрабандном ввозе золота из Франции в Англию, дезертирство из Британской армии и нелегальный въезд в страну. А теперь я хотел бы подчеркнуть, что всего этого достаточно, чтобы, согласно законодательной системы Его величества, содержать вас, как гостя, до конца десятилетия.

— Кто вы и чего хотите? — невозмутимо произнес арестант.

— Я хочу предложить вам выход из этого неприятного положения, — ответил Бодлей. — Я могу позаботиться о том, чтобы обвинение с вас было снято, и заплачу двести тысяч фунтов, если вы примете мое предложение. Вам надо будет отправиться во Францию и осуществить там одну операцию. Пятьдесят тысяч вы получите, приступая к выполнению задания, а остаток после возвращения.

Заключенный оценивающе разглядывал его.

— Кто вы, собственно?

— Меня зовут Бодлей, а большего знать вам не следует.

— Более, чем достаточно, — откликнулся Бельвуар. — Я знаю, кто вы. Форма вам больше к лицу, генерал. И что же я должен проверить?

— Об этом вы узнаете, когда дадите согласие.

Бельвуар направился к двери, но обернулся и посмотрел на генералов.

— Не принимается в расчет, — заявил он. — Вначале я должен знать, о чем идет речь, а потом скажу, принимаю ли ваше предложение или нет.

— Черт побери, что с вами произошло? — встрял Мак-Алистер. — Вы что, хотите сгнить в тюрьме?

На лице арестанта снова появилась ироническая усмешка.

— Как вы сами видите, я здесь совсем не гнию. Я тут всем обеспечен, а мои друзья заботятся даже о том, чтобы мое пребывание в Дартморе было приятным. А теперь относительно вашего предложения. Возможно, я принял бы его, но на своих условиях. Как я уже говорил, вначале мне хотелось бы узнать побольше. И перестаньте, пожалуйста, командовать мной. Ведь это я нужен вам, не так ли? Будь у вас свои люди для выполнения этого задания, вам бы не пришлось приезжать сюда из Лондона. Или вы участвуете в игре, или все останется по-прежнему.

— Мы участвуем в игре, — спокойно заявил Бодлей. — Завтра в восемь утра вас на машине доставят в Лондон, где вы получите все необходимые пояснения.

— Лучше в половине девятого, — возразил Бельвуар и тихонько постучал в дверь, чтобы привлечь внимание тюремщика. — Тогда я успею плотно позавтракать.

— Контрабандист, переправляющий золото? — недоверчиво уточнил Мак-Алистер. — Что это за категория преступника?

Оба генерала сидели в уютном пабе "Три пера" на окраине местечка Солсбери, где они, возвращаясь в Лондон, остановились перекусить.

— Самая отвратительная, — ответил Бодлей, делая глоток бренди. — В Париже он работал на немцев с одной бандой мошенников. Они грабили богатых евреев и руководителей пов-

станческих групп, которых затем направляли в концлагеря, забирали их имущество и переправляли его в Германию. А однажды он решил заняться делом сам. Ему удалось украсть с главного склада гестапо в Париже полтонны золота и переправить в Англию. Если бы его не предали, мы бы его никогда не схватили.

— Украсть полтонны золота из гестапо! — Мак-Алистер был потрясен. — Для такого дела требуется талант.

— Этого у него предостаточно, — любезно ответил Бодлей. — Красть и заниматься контрабандой — это у него в крови, если так можно выразиться. Настоящий международный авантюрист, очаровательный мошенник, о которых пишут в газетах, тот тип человека, по которому женщины сходят с ума.

— Он француз? — осведомился Мак-Алистер. — Его английский на удивление превосходен.

— Его отец был темной личностью французского происхождения, называвший себя бароном де Бельвуар. Игрок и вор, специализировавшийся на грабеже первоклассных отелей и вилл миллионеров. В начале столетия он орудовал со своей шайкой на французской Ривьере. Засылал в дом под видом слуг или горничных своих сообщников и таким путем добывал необходимую информацию, прежде чем приступить к делу. Но однажды ночью фортуна отвернулась от него — молодая американская наследница миллионов застала его на месте преступления на родительской вилле. Эту даму звали Сесилия Ван-Дамм.

— Ван-Дамм? Имела ли она какое-то отношение к королю железных дорог?

— Это была его дочь. Не знаю только, какие басни он рассказывал ей в ту ночь. Может быть, истории про Робин Гуда, от которых романтически настроенная девица из богатого дома пришла в восторг. Богатых грабят, бедных одаривают... Как иногда случается, на следующий день она исчезла. Некоторое время семья предполагала, что ее выкрали. Отец был готов выложить приличное вознаграждение тому, кто вернет дочь. История приобрела мировую огласку. Шесть месяцев о ней не было никаких известий. Но потом она неожиданно объявилась в Гонконге, счастливая, беременная и легально вышедшая замуж за барона де Бельвуара.

Мак-Алистер раскурил свою трубку.

— Это, видимо, не понравилось ее отцу?

— Само собой разумеется, он лишил дочь наследства, но это, казалось, ее несколько не беспокоило. Ребенок родился в Макао. Бельвуар утверждал, что сын родился на столе для игры в рулетку, но я склонен предполагать, что это одна из приукрашенных легенд барона. Они называли сына Френсисом или Франки. Несколько лет троица колесила по миру, оставляя за собой длинный хвост мошенничеств и краж. И все им сходило с рук. После Первой мировой войны в Бангкоке от желтой ли-

хорадки умерла Сесилия. Когда сыну исполнилось шестнадцать лет, отца убили. Один из его сообщников нанес ему в спину удар ножом. Разумеется, сын пошел по стопам отца и унаследовал не только его фальшивый титул, но и его профессию. Он вырос на дне Парижа и вскоре оставил своего отца в тени. Это самый лучший вор Европы. Именно тот человек, который мне нужен.

19-20 марта 1944 года.

Ночью над Лондоном опустился плотный, желтовато-белесый туман. Видимость была отвратительной, и прохожие, рискнувшие выбраться на улицу, появлялись из плотной, мрачной дымки и снова исчезали, словно призраки. Редкие машины медленно продвигались вперед, напрасно пытаясь пробить светом фар плотную завесу.

Серый лимузин, цвет которого сливался с туманом, медленно крался по Бейкер-стрит в направлении Регентс-парка. Водитель напряженно вглядывался в неясные очертания зданий.

— Ага, здесь, — произнес он и облегченно вздохнул. — Дом Святого Михаэля.

Полицейский в гражданской одежде, сидевший рядом с Френсисом де Бельвуаром, легонько толкнул его в плечо, затем, открыв дверцу, выбрался наружу, огляделся вокруг и подал знак второму человеку в гражданском, сидевшему по правую сторону от арестованного. Бельвуара, одетого в коричневый костюм из рубчатого плиса и бежевый свитер с воротником, быстро провели по скользкому тротуару к боковому входу в здание. Дежуривший в подъезде сержант проверил документы.

— Его уже ждут, — наконец сообщил он. — Третий этаж, третья комната налево. Вы проводите его до двери, а в комнату он войдет один.

В вытянутой, скромно обставленной комнате ярко горела люстра. Тяжелые шторы на трех окнах были плотно закрыты. Бодлей и Мак-Алистер, оба в военной форме, сидели в конце длинного стола, на котором лежали разные схемы и документы. На стенах ничего не было, если не считать большой доски, висевшей напротив окон. Молоденький майор рисовал на доске удивительную схему, частенько поглядывая на синьку, которую держал в левой руке.

Бельвуар прикрыл за собой дверь и неторопливо огляделся.

— Вот так, — насмешливо заметил он. — Я действительно не знал, что храбрая британская армия заняла дом "Марка и Спенсера".

Бодлей и Мак-Алистер обменялись взглядами.

— Итак, вам знаком дом Святого Михаэля, — сказал Бодлей. — Как и раньше, он принадлежит торговой фирме, но на время войны арендован правительством. Здесь находится кон-

спиративная квартира "Отдела специальных операций" под названием "Партизан на Бейкер-стрит".

— Когда я был здесь в последний раз, в этом доме горами лежали дамские ночные рубашки и бюстгалтеры. — Бельвуар вызывающе посмотрел на Мак-Алистера.

Лицо генерала побагровело.

— С тех пор здесь все изменилось, — агрессивно бросил он и с нескрываемым презрением добавил: — А вы, что, уже крали здесь что-нибудь, барон?

Холодные серые глаза арестованного, от которых ничто не укрылось, перехватили быстрый, недовольный взгляд, которым одарил Бодлей своего коллегу. Это подтвердило мнение, возникшее у него во время вчерашнего разговора: здесь начальником является Бодлей.

— Перейдем к делу, — тихо произнес начальник военной контрразведки и поднялся. — Присаживайтесь же, Бельвуар. — Говорил он сжато и четко, тщательно подбирая слова. — Через несколько месяцев союзники высадутся во Франции, и будет открыт Второй фронт. Это не секрет. Мы готовимся к этому, немцы тоже. Они торопятся возвести оборонительные сооружения. Успех вторжения во многом зависит от нашей разведывательной работы. Нам необходимо выяснить, что планирует противник, где расположены его главные силы, какова боеготовность войск. Новинкой является то, что Гитлер задействует свое новое оружие — ракеты ФАУ-1 и ФАУ-2. Нам надо установить места базирования этих ракет и уничтожить их как можно больше. Мы располагаем множеством информационных источников и разветвленной сетью боевиков на вражеской территории, но их все же недостаточно. Любой ценой нам необходимо раздобыть немецкие радиокоды, чтобы расшифровывать их переговоры. Это обеспечит нам победу. К тому же будут спасены тысячи человеческих жизней.

Он сделал паузу и глянул на Бельвуара, ожидая его реакции, но той не последовало. Арестант сидел с невозмутимой миной на лице, скрестив руки, и молчал. Бодлей продолжил:

— Связь на высшем уровне, то есть между гитлеровским Генеральным штабом и командующими фронтами, осуществляется по радио в закодированном виде. Коды совершенно секретные, как и система зашифровки и расшифровки. Расшифровка сигналов ведется на специальной электрической машине, именуемой "Энигма". Уже примерно в течение года самые лучшие криптографы, которых смогли собрать союзники, пытаются расшифровать код "Энигмы". Но по всем направлениям нас преследует только неудача. Я не преувеличиваю, когда говорю, что "Энигма" — самый охраняемый в Германии секрет. — Бодлей повернулся к майору, который к этому моменту закончил рисовать на доске схему: — Теперь продолжайте, пожалуйста, вы, майор.

Длинной, тонкой указкой молодой офицер указал на доску.

— Здесь вы видите грубый рисунок “Энигмы”, — начал он. — Принцип основан на информации, поступающей из разных источников, и выполнен этот аппарат, по нашему мнению, весьма аккуратно.

Бельвуар внимательно рассматривал рисунок на доске.

— Она похожа на допотопную пишущую машинку, — заметил он.

— Верно, — согласился майор. — У нее примерно и те же размеры.

— Как она функционирует?

— Принцип относительно прост, — пояснил майор. — Клавиатура связана с вращающимися валами или роторами, расположенными внутри. Положение валов относительно друг друга изменяется переключением контактных штифтов. В зависимости от положения вала каждая буква, которая нажимается на клавиатуре, превращается в другую. “В”, например, может превратиться в “Ф” или “Ц”, или любую иную. Все зависит от комбинации подключения контактных штифтов. Зашифровка проста: шифровальщик печатает сообщение открытым текстом, но на выходе оно полностью изменяется и в измененной форме передается по радио. Если кто-то и перехватит сообщение, он в нем ничего не поймет. Шифровальщику на приемной машине нужно лишь ввести текст в машину, где валы располагаются аналогичным образом, и получится открытый текст.

— Детская игрушка, — пробормотал Бельвуар.

— Детская игрушка, — усмехнулся Мак-Алистер. — Может быть, вам будет интересно узнать, что группе ведущих математиков требуется почти месяц, чтобы перебрать возможные комбинации букв только одного сообщения. А если вы представите себе, что положение валов периодически изменяется, и Главные штабы сухопутных войск, военно-морского флота и военно-воздушных сил имеют собственную комбинацию, вам постепенно станет ясно, что “простой” шифр “Энигмы” нераскрываем.

— Нужен... — пробормотал Бодлей и покосился на Бельвуара.

— Что же нужно? — резко спросил тот.

— Нужен человек, готовый отправиться во Францию и украсть для нас “Энигму”, — закончил генерал.

Длительное время Бельвуар сидел неподвижно, пропала ироническая усмешка с его лица, исчезли из глаз блестящие искорки, глубокие складки залегли на лбу. Он сунул руку во внутренний карман пиджака, вытащил длинную тонкую сигару, прикурил от серебряной зажигалки Мак-Алистера, лежавшей на столе, и глубоко затянулся, причем, лицо его, как и прежде, отражало глубокое размышление. Наконец он глянул на Бодлея.

— А почему выполнять это задание буду именно я? Назовите мне настоящие причины, ради которых я должен ставить на карту свою жизнь.

— Я много могу назвать, — твердо заявил Бодлей. — Первое — ваша свобода, второе — деньги. Вы же любите деньги, Бельвуар. Двести тысяч фунтов — большая сумма, и вам не потребуется врываться в Английский банк, чтобы заполучить их. Но есть еще одна причина. Самая важная. Пощекотать нервы, Бельвуар. Вы же игрок, постоянно идете на риск и ищете новых приключений. А это — настоящее приключение.

— И вы решили, что я, как игрок, с удовольствием поставлю свою жизнь на карту? — перебил его Бельвуар.

Бодлей пожал плечами.

— Я, конечно, могу и заблуждаться. Может быть, вы предпочтете настоящий ход событий. Возвращайтесь назад в Дартмор, если хотите. О вас хорошо заботятся, и я уверен, что с вашими связями жизнь там не покажется вам суровой. — В его голосе послышался иронический оттенок. — И лишь позднее, несмотря на ваш комфорт, вы поймете, что даже самая уютная тюрьма остается тюрьмой.

— Сколько аппаратов “Энигма” находится во Франции? — непринужденно спросил Бельвуар.

— Двадцать семь, которые уже подготовлены к приему указаний из ставки Гитлера. Мы заполучили копию секретного сообщения по дислокации немецких армий, датированного 15 февраля, в котором указаны все завезенные во Францию аппараты “Энигма”, названия частей, к которым они прикреплены, а также места их дислокации.

— Покажите мне этот документ.

Мак-Алистер бросил на шефа военной контрразведки тревожный взгляд. Бодлей колебался лишь секунду, затем потянулся к своей кожаной папке, извлек из нее единственный листок и передал его Бельвуару. Тот внимательно ознакомился с ним.

— И вы хотите, чтобы я выкрал один из этих приборов?

— Нет, мы хотим, чтобы вы увели “Энигму” и одновременно взорвали здание или сооружение, в котором она находилась, чтобы немцы подумали, будто прибор уничтожен вместе со всем сооружением.

— И вы полагаете, что со всем этим я справлюсь один?

— Мероприятие следует замаскировать под налет сил французского повстанческого движения, — вставил Мак-Алистер. — При реализации этого проекта вас поддержит группа борцов Сопротивления.

Бельвуар недоверчиво посмотрел на генералов, сидевших перед ним, и переспросил:

— Почему все же я? Почему ваш выбор пал на меня? У вас есть подготовленные люди и здесь, и во Франции. Почему вы не

задействуете их, а прилагаете все усилия, чтобы выволить меня из тюрьмы, да вдобавок сулите кучу денег?

— Потому что для этого дела требуется вор и контрабандист, — откровенно пояснил Бодлей. — Нам нужен человек, который выкрадет машинку до того, как подорвет здание, и вывезет ее затем из Франции. Судя по моим данным, вы первоклассный мастер. Человек, выкрававший из гестапо золото, сможет выкрасть и многое другое.

Бельвуар надолго замолчал, затем резко поднял голову.

— Согласен. Я берусь за это дело. Но только при трех условиях. Удовольствие вам обойдется не в двести, а в четыреста тысяч фунтов.

— Триста тысяч и ни пенни больше, — решительно возразил Бодлей.

Бельвуар не стал настаивать на своих притязаниях.

— Половину денег я хочу получить сейчас наличными, а остаток после возвращения.

Бодлей умел торговаться:

— Сто тысяч сейчас. Остальные, когда вернетесь с “Энигмой”.

— Хорошо. Кроме этого мне требуется неделя отпуска с полной свободой передвижения и именно с сегодняшнего дня. Никаких полицейских, никакого сопровождения, никаких неприличных действий.

— Мы не можем позволить вам вот так запросто разгуливать! — заявил Бодлей. — Вы же связаны с выполнением секретного задания!

— Тогда обо всем забудьте.

— Для чего, собственно, вам нужен этот отпуск? — Впервые за весь разговор Бодлей выглядел озабоченным.

— Чтобы познакомиться с достопримечательностями Лондона, — ответил барон со смехом, похожим на кудахтанье. — Все ясно, генерал?

Седовласый генерал уставился на Бельвуара и вздохнул:

— По-видимому. Майор проводит вас в другую комнату, где вы побудете, пока мы приготовим деньги. Как вы хотите получить их?

— Пятьдесят тысяч в фунтах, а остаток франками, — ответил Бельвуар и твердо добавил: — И никаких трюков, генерал. Настоящие деньги. За фальшивые я не работаю.

Перед выходом Бельвуара из здания Бодлей взял его за руку.

— Как мы свяжемся с вами? — Он был напряжен, лицо озабочено.

— А никак, — решительно заявил барон. — Оставьте мне номер телефона, по которому я могу отыскать вас.

Он запомнил номер телефона, стоявшего в кабинете Бодлея, вышел на улицу и сел в машину.

У светофора на ближайшем перекрестке барон выскочил из машины и растворился в толпе.

В десять минут первого ночи унтер-офицер Ганс Лишке с сожалением прервал игру в "канасту", в которую он играл со своими тремя приятелями в столовой центра связи контрразведки в Берлине.

— Через четверть часа я вернусь, — сказал он, поднимаясь.

— Думаешь, сегодня будет передача? — спросил его фельдфебель Эрнст Грифель.

Лишке пожал плечами. Лондон не выходил на связь уже три недели, да и ранее, когда выходил, то нерегулярно. В английской столице у германской контрразведки осталась только одна шпионская группа, которая лишь в исключительных случаях передавала короткие сообщения. Пять других групп были разгромлены, и эта, последняя, придерживалась самых строгих предписаний по безопасности.

Лишке прошел в помещение, где стояли передатчики, сел за свой стол, подключил тяжелые наушники к приемнику и надел их на голову. Первые пять минут прослушивались атмосферные помехи. Он закурил свою солдатскую сигаретку. Через несколько минут закончится его ночное дежурство, и он снова присоединится к своим друзьям, чтобы продолжить игру.

Но вот послышались сигналы вызова. Очень слабые, но отчетливые. Морзянка наполнила наушники. Он тут же узнал почерк Лили из Лондона, и его ловкие пальцы закрутили ручку точной настройки.

— Давай, Лили, — прошептал он. — Посмотрим, что ты приготовила для нас в эту ночь, — и начал записывать сообщение на желтые листки блокнота.

На следующее утро ровно в восемь часов в главный подъезд штаб-квартиры контрразведки в Берлине вошел Рудольф фон Бек. Он рассеянно отвечал на приветствия офицеров и унтер-офицеров, встречавшихся на пути. Ординарец, здоровенный баварец по фамилии Шнайдер, поджидал его на верхней площадке лестницы.

— Господин адмирал хотел бы переговорить с вами, господин полковник, — доложил он.

Фон Бек прошел по длинному коридору к кабинету адмирала. Секретарша провела его в святая святых своего шефа. Окна были распахнуты, и легкий ветерок пробежал по широкому помещению, шевеля бумаги, стопкой высившиеся на письменном столе.

Вместо приветствия Канарис передал фон Беку узенький, голубой, с двумя пересекавшимися красными полосками, узенький формуляр.

— Это поступило вчера из Лондона, — пояснил начальник контрразведки.

Фон Бек вслух прочел сообщение:

“На секретном совещании в штаб-квартире “Отдела специальных операций” на Бейкер-стрит обсуждались планы и схемы аппарата “Энигма” Точка В ходе обсуждения упоминались места дислокации всех двадцати семи приборов “Энигма” во Франции Точка В обсуждении принимали участие четыре человека и среди них директор “Отдела специальных операций” Точка Конец”.

Фон Бек посмотрел на седовласого худощавого человека, который, откинувшись на своем деревянном стуле с прямой спинкой, нежно гладил черного датского дога, лежавшего у его ног.

— “Отдел специальных операций” руководит всеми подпольными организациями во Франции, — заметил фон Бек. — Это сообщение означает, что они нацелились на “Энигму”.

— А вы обеспечите ее защиту, Рудольф, — тихо добавил Канарис.

20-27 марта 1944 года.

Девушка пробормотала что-то во сне и перекатилась на другую сторону широкой кровати. Одеяло соскользнуло на пол, обнажив изящное, гибкое тело. Девушка была совершенно нагой, если не считать тонкой золотой цепочки, которая опоясывала ее талию. Длинные черные волосы разметались по подушке, образуя темное пятно.

Френсис де Бельвуар открыл глаза, но некоторое время никак не мог припомнить имя девушки: то ли Венди, то ли Вельда. Но, в принципе, это было неважно. Он выбрал ее среди проституток, торчавших у входов домов по обе стороны оживленной улицы Сохо. Но выбирал не наугад. Ему нужно было место, где можно провести ночь, а самое подходящее место — комната проститутки. Он отыскал девушку, одетую приличнее, чем другие, в связи с чем можно было предположить, что у нее имеется комната и она не потащит его в отель, где могли бы припомнить его.

Барон на цыпочках прошел в крохотную ванную комнату, побрился и переоделся в обнову, приобретенную накануне: костюм-тройка темно-серого цвета, белая рубашка с традиционным голубым галстуком. Он извлек из коробки новые черные ботинки, а из пакета синие носки, засунул старую одежду в небольшую сумку из свиной кожи, купленную им в одном из универмагов. Туда же уложил и кожаную сумочку с девяносто девятью тысячами в английской и французской валюте. Затем тихонько прикрыл за собой дверь, быстро спустился по лестнице вниз и оказался на оживленной Дин-стрит. Стояло прохладное, солнечное утро, по тротуарам уже спешили пешеходы, что

весьма удачно вписывалось в его планы. "Погода благоволит ко мне", — подумал он.

Бельвуар свернул на Карлисл-стрит, пересек Сохо-сквер, спустился к станции подземки и сел на поезд, направлявшийся по радиальной линии в сторону Ливерпуль-стрит. Там он перешел на кольцевую линию и доехал до станции Марблз Арч. В узенькой улочке, примыкавшей к Оксфорд-стрит, барон бросил в помойный контейнер сумку с одеждой и вернулся на заполненную суетой улицу, по которой проследовал примерно две сотни метров, пытаясь выявить за собой наблюдение. Несколько раз он останавливался перед витринами магазинов, чтобы получше разглядеть улицу за своей спиной. Казалось, все было в порядке. Он впрыгнул на площадку двухэтажного лондонского автобуса, который привез его обратно к дому, где он провел ночь. Ему потребовалось около часа, чтобы убедиться, что за ним никто не следует. Теперь можно заняться своими делами. Улица Сохо располагалась в центре театрального квартала, и для него не составило труда отыскать магазинчик актерских принадлежностей. В нем он провел больше часа, посетил еще два других магазина, пока не приобрел все, что ему требовалось. Потом зашел в небольшую типографию, такую же убогую и запущенную, как и ее хозяин — толстый человечек с жидкими волосами, одетый в черные мешкоподобные брюки и грязный синий халат. Звали его Дмитри Какояннис, как свидетельствовала надпись на старой облезшей табличке на входной двери. Из старинного граммофона лилась печальная греческая мелодия.

Какояннис оторвал взор от стола, на котором укладывал свинцовые буквы в деревянную коробочку, и окинул вошедшего настороженным взглядом.

— Что вы хотите? — картаво спросил он.

— Меня направил сюда хороший друг, — сообщил Бельвуар, зная, что за нелепой внешностью хозяина скрывается лучший фальсификатор Англии.

— Кто? — недоверчиво спросил Какояннис.

— Александр, — ответил барон. — Он просил передать, что Мария вернулась.

Грек кивнул, но подозрительность не исчезла из его маленьких черных глаз.

Вначале он запер на засов входную дверь, затем провел барона через узенькую дверцу в соседнее помещение, где включил две мощные лампочки, которые ярким светом залили помещение. Эта комната была значительно больше приемной. На длинном столе стояло ровными рядами впечатляющее количество пузырьков с жидкостью. На многочисленных полочках лежали ручки, карандаши, перья и кисточки. На небольшом столике высились пачки белой бумаги разных сортов. Полуоткрытый ящик стола был почти до верха набит штемпельными подушеч-

ками. У противоположной стороны стоял регулируемый по высоте табурет, а сама стена была закрыта белоснежной занавеской. Перед ней громоздились на высоких штативах две фотокамеры.

— Итак, что же вам нужно? — спросил Какояннис.

— Мне нужны несколько комплектов документов и справок. Французских документов. Вы зафотографируете меня, сфотографируете в соответствующей одежде и внесете в документы все детали, за исключением имени и фамилии. Это я впишу сам вашими ручками. На некоторых эту графу мы оставим пустой, но для каждого такого документа вы снабдите меня соответствующими чернилами и перьями. Я заполню графу позднее, в зависимости от обстоятельств. Документы нужны мне уже сегодня, и я все время буду с вами. Вам нельзя покидать помещение.

Какояннис удивленно посмотрел на него.

— Это невозможно. Мне надо выполнять и другую работу. Сюда могут зайти клиенты. Кроме того, надо пообедать, а продуктов нет. И... — Он не закончил предложение и жадно уставился на пачку десятифунтовых банкнот, внезапно появившихся на столе.

— За это вознаграждение вы закроете свою лавочку на весь день и перенесете на более поздний срок свои заказы, — спокойно заявил Бельвуар. — А сейчас мы вместе выйдем, закупим провизию и напитки, чтобы продержаться до ночи. Теперь о деньгах. За каждый комплект документов я плачу вам по тысяче фунтов. Другую тысячу фунтов за комплект вы получите в виде половинчатых банкнот. Это плата за молчание. Через несколько недель я возвращусь и, если до этого момента вы не раскроете рта, выплачу оставшуюся часть.

Поздним вечером, уложив свертки в чемодан, Бельвуар расплатился с Какояннисом, вручив ему одновременно и пачку разорванных пополам банкнот. Поблагодарив грека за выполненную работу, он вышел на улицу, где остановил проезжавшее мимо такси. В закускойной вокзала Виктория занял столик, заказал легкий ужин и позвонил по телефону.

— Ты узнаешь меня по голосу? — осторожно осведомился барон.

— Скажи еще пару слов, — попросили на другом конце провода.

— Прошло много времени с тех пор, как герцогиня лишилась жемчужного ожерелья.

— Это ты?

— Да, я, — усмехнувшись, подтвердил Бельвуар. — Ты мне нужен прямо сейчас. Я на вокзале Виктория. Не прогадаешь.

— С тобой никогда не прогадаешь, — живо откликнулся голос на другом конце, и послышались гудки отбоя.

Спустя полчаса возле столика, где сидел Бельвуар, появился симпатичный человек лет пятидесяти, выглядевший весьма аристократично. В петлице блестела золотая иголка-значок Британских авиалиний.

— Мон шер, барон, — сияя, произнес он. — Сколько лет!

Бельвуар приветливо кивнул.

— Прошедшие годы облагородили тебя, Мортимер. Посеребрившиеся волосы на висках придают вид respectable дельца. По ошибке тебя можно принять за порядочного человека.

Мортимер улыбнулся:

— Ты тоже выглядишь недурственно, барон.

— Потом продолжим обмен колкостями, — прервал его Бельвуар. — Этот чемодан должен быть завтра в Лиссабоне. Ты дежуришь утром?

— Нет, — ответил Мортимер и посмотрел на наручные часы. — Но у меня есть друг, который может прихватить его. Или, лучше всего, я подменю его, коль дело очень важное.

— Очень, — подтвердил Бельвуар.

— Ну, ладно. Я позвоню и заступлю на службу вместо него. — Мортимер некоторое время колебался, бросая нервный взгляд на чемодан из черной свиной кожи. — В нем что-то, я полагаю...

— Ничего, что тебя могло бы обеспокоить. Ни оружия, ни секретных документов, ни драгоценностей, ни фальшивых денег.

Мортимер облегченно вздохнул и заулыбался:

— Я хотел быть уверенным.

Бельвуар кивнул и вытащил из сумки конверт. На клапане каракулями был выведен номер телефона.

— Как только приземлитесь, позвони по этому телефону. Это в Кашкайше. Человек, который ответит, превосходно говорит по-английски. Ты скажешь ему, что у тебя от меня срочное сообщение. Он сразу же придет к тебе. Отдай ему чемодан и скажи, что он должен отправить его ближайшим поездом во Францию. Каждый сверток следует доставить по адресам, указанным в конверте. Свертки должны поступить к адресатам в течение пяти дней, не позже.

Мортимер внимательно слушал.

— А что делать, если твой друг не сможет так быстро отправиться во Францию?

— Не беспокойся, — спокойно произнес Бельвуар. — Он найдет кого-то другого. Один все равно не справится. Ты передашь ему и этот пакет. Он содержит подробную инструкцию и деньги, чтобы покрыть расходы и провести пару ночей в казино. А здесь мой взнос на твоё шампанское с икрой.

Ловкими пальцами Мортимер ощупал конверт и остался доволен.

— Мне кажется, и я смогу на пару минут заглянуть в казино.

— Только после того, как отправишь чемодан!

Когда Мортимер, захватив кожаный чемодан, ушел, Бельвуар набрал номер отеля "Савой" и попросил соединить его с директором.

— Это говорит барон де Бельвуар, — сообщил он, узнав знакомый голос. — Мне требуется ночлег на шесть дней.

— С удовольствием, господин барон, — ответил директор. — Мы будем рады приветствовать вас. И, как обычно, подавать в кровать охлажденный глинт?

— Разумеется. Главное, чтобы этот напиток происходил из ваших собственных запасов.

Бельвуар будет играть роль преуспевающего молодого прожигателя жизни, чего и ожидали от него Бодлей, Мак-Алистер и их подчиненные. А это, как он сознавался сам себе, доставляло и ему удовольствие.

Черный "хорь", принадлежавший вермахту, мягко припарковался за серым "мерседесом". Было около шести часов утра 26 марта. Кроме водителя "мерседеса" — плотного фельдфебеля, деловито протиравшего стекла, никого поблизости не было.

— Подождите меня здесь, Шнайдер, — сказал фон Бек своему ординарцу, придерживавшему открытую дверцу автомобиля.

— Так точно, — ответил добродушный баварец.

Фон Бек проследовал по пустынной улице и сразу же заметил впереди человека, вызвавшего его сюда в столь ранний час — низенькую серую фигуру, прогуливавшую двух маленьких такс. На некотором удалении за ним следовали двое в полевой форме: телохранитель и ординарец, отвечавшие за безопасность адмирала.

Канарис был в гражданском. Он шел не спеша, скрестив руки и опустив голову. На приветствие фон Бека адмирал ответил легким кивком и извлек из кармана тонкий листок бумаги.

— Новое сообщение от Лили из Лондона? — спросил фон Бек с внезапно проснувшимся интересом.

Канарис кивнул и передал бумажку полковнику.

— Поступило сегодня ночью.

"Агент "Отдела специальных операций" будет заброшен на территорию Франции в ночь на 22 марта Точка Предположительно в связи с "Энигмой" Точка Конец".

— Значит, сегодня ночью, — промолвил фон Бек и вернул телеграмму адмиралу.

— Рудольф, вам следует отправиться в Париж, — сказал Канарис. — Мы должны перечеркнуть все планы этого человека, кем бы он ни был. Любой ценой "Энигма" должна быть ограждена.

— Я выеду завтра рано утром, господин адмирал, — ответил фон Бек.

Канарис вытащил из кармана еще несколько листов, выбрал один из них, расправил и передал фон Беку.

— Это список всех двадцати семи аппаратов “Энигма”, которые в настоящее время задействованы вермахтом во Франции. Я предполагаю, что британская разведка добыла копию документа. Наши люди в Лондоне упоминали об этом в своих донесениях, поступивших за последнюю неделю. — Он сделал небольшую паузу, а затем добавил изменившимся тоном: — В списке указаны двадцать семь аппаратов, в действительности же их двадцать восемь. Двадцать восьмая установлена на нашей конспиративной квартире в Париже. Не в отеле “Летиция”, где находится большая часть наших офицеров, а на втором этаже здания “Организации “Отто” возле Булонского леса. Вы разместите свой штаб в этом же здании и оттуда будете руководить мероприятиями по охране аппаратов “Энигма”. Всех двадцати восьми.

Фон Бек низко поклонился.

— Слушаюсь, господин адмирал.

В то же самое утро Бельвуар, находясь в лондонской гостинице “Савой”, снял трубку телефона и набрал номер генерала Бодлея.

С наступлением ночи черный ночной бомбардировщик “Талифакс” преодолел на низкой высоте пролив, направляясь в сторону оккупированной немцами Франции. Бельвуар был на нем единственным пассажиром.

Внезапно в темноте вспыхнула красная лампочка. Высокого роста молодой человек в летном комбинезоне появился из пилотской кабины и, быстро открыв боковую дверцу, прикоснулся к плечу Бельвуара.

— Готовьтесь! — крикнул он, пытаясь донести смысл слов сквозь завывания ветра. — Уже скоро! И успехов! Как говорят французы: Merde!

27-28 марта 1944 года.

Гастон Эймар стоял на мокром лугу, плавно спускавшемся к болотистому берегу реки Дордонь, нервно посасывая потухшую трубку, то и дело поглядывая на темное небо. Пять дней назад его по радию уведомили из Лондона, что этой ночью на их территории приземлится агент “Отдела специальных операций”. По документам он значился как Жан-Мари Ланже. В задачу Эймара входило передать ему гражданскую одежду, вручить железнодорожный билет и отправить в Париж. Кроме этого, он должен был тщательно проинструктировать агента по установлению контакта с повстанцами, действовавшими на Лионском вокзале Парижа. Это задание беспокоило и раздражало Гасто-

на. Он руководил группой повстанцев "Эсперансе", задействованной на юго-западе Франции между Бержераком и Либурном. До недавнего времени группа успешно решала задачи, но потом удача отвернулась от них. Восемь человек погибли, шестеро членов группы "Эсперансе" были схвачены и забиты до смерти в подвалах гестапо. Гастон Эймар пришел к неизбежному выводу, что в его организацию затесался предатель. Он предпринял все возможное, чтобы разоблачить немецкого шпиона, но безуспешно. После ареста радиста Жакжино Эймар переправил радиостанцию в свой амбар и предупредил Лондон, что враг подтачивает его группу изнутри. Но, несмотря на это, получил указание встретить агента, который приземлится сегодня ночью. Он добросовестно выполнил свой долг. Никого из своих людей не поставил заранее в известность, а лишь поздним вечером связался с особо доверенными лицами и привел их сюда. Если предатель среди них, он не успеет проинформировать немцев.

В 23 часа 55 минут трое из группы направились к середине луга и образовали там треугольник. У каждого был яркий фонарь, снабженный довольно длинным металлическим кожухом. Ровно в полночь послышался гул самолета, слегка ослабевший, когда машина начала снижаться над долиной реки Дордонь. Эймар издал легкий свист. Его люди включили фонари. "Галифакс" снизил скорость, пролетел над лугом и вскоре удалился. Фигура, болтавшаяся под темным куполом парашюта, бесшумно скользила вниз с затянутого облаками неба. Человек из Лондона коснулся земли и мягко покатылся по мокрой траве.

Барон вернулся во Францию.

Повстанцы быстро собрались вокруг лондонского гостя. Он говорил на превосходном французском, и его сразу же забросали вопросами. Но Эймар постарался, чтобы тот много не разговаривал.

— Оставьте парня в покое, — приказал он своим подчиненным. — Утопите в реке парашют и подождите меня здесь. Никому не уходить. — Он повернулся к парашютисту, который невозмутимо наблюдал за ним. — Пойдемте со мной. — И повел гостя в сторону небольшой группы деревьев. Бельюар последовал за ним, удивленный таким бесцеремонным обхождением. В тени деревьев Эймар опустился на колени и развязал рюкзак.

— Вот ваши документы, — прошептал он. — Билет до Парижа. Билет обратный. Если вас спросят, что вы делали в этой местности, скажите, что приезжали навестить в Либурне свою больную крестную — мадам Луизу Шапенте. Она подтвердит. А это, — Эймар расстегнул пальто и извлек потертый черный бумажник, — две тысячи франков. Вполне достаточно, чтобы прожить до того, как вы свяжетесь с нашими людьми в Пари-

же. Наши люди опознают вас по красному шарфу, — добавил он, назвал пароль и описал запасное место встречи, на случай, если на Лионском вокзале случится что-то непредвиденное. — Здесь, в рюкзаке, ваша одежда. Переоденьтесь. Оставьте ту, которая на вас, позже я уничтожу ее. Потом пойдете прямо, пока не натолкнетесь на полевую дорогу, которая начинается у реки и ведет на север, прямо к окраине Либурна. У вас достаточно будет времени, чтобы добраться до вокзала.

Спустя несколько минут Бельвуар, переодевшись, отправился в путь. Эймар с тяжелым сердцем смотрел ему вслед, пока барон не скрылся в сумерках, затем вернулся к своим товарищам.

— Мы еще часок пробудем здесь, — объявил он, — и разойдемся по домам.

До рассвета было еще далеко, когда три черных “ситроена”, завязав тормозами, остановились перед домом Эймара. Гастон соскочил с кровати.

— Боши! — простонал он, бросаясь через кухню к двери, выходившей во двор.

Элен, его молодая красивая жена, следила за ним с широко раскрытыми от ужаса глазами. Когда Гастон распахнул дверь во двор, его пригвоздил к месту слепящий пучок света. Усадьба была окружена еще до того, как подъехали гестаповские машины. Люди, направлявшие на него свет фонариков, осторожно приближались к нему. Он узнал ненавистную черную форму и береты и медленно поднял руки над головой. Когда двое в длинных дождевиках и коричневых широкополых шляпах грубо заталкивали его в поджидавшую машину, Гастон услышал душевнораздирающий крик своей жены.

“Ситроены” быстро понеслись по пустынной улице. В машине, где Эймар сидел между двух гестаповцев, не было произнесено ни слова, но он знал, куда его везут. Машина остановилась перед зданием, являвшим собой центр лихорадочной активности. Эймара толчками и пинками затолкали в холл. Он огляделся вокруг и увидел растерянные, испуганные лица своих товарищей, членов организации. Повстанцам на юго-западе был нанесен страшный удар. Подпольной группы больше не существовало.

Неожиданно перед ним возникло знакомое лицо. “Эрв”, — хотел было произнести Эймар, но слова застряли у него в горле, поскольку Эрв Руайя — его заместитель, находился на свободе и был в форме. Придя в себя, Эймар с горечью признал, что теперь уже нет надобности выяснять, кто предатель и кто подставил их под удар.

Эрв Руайя заговорил с Эймаром тихим, упрекающим тоном: — Все это твоя вина, Гастон. Мы не хотели уничтожать твою ячейку. Она существовала бы еще некоторое время. А ты снаб-

жал бы нас, сам того не ведая, необходимой информацией о террористах в других районах Франции и о своих связях с Лондоном. Но ты не оставил нам выбора. Видишь ли, если бы ты сказал своим товарищам сегодняшней ночью, кем является агент из Лондона, куда он направляется и каким паролем воспользуется, мы бы не тронули твою организацию. Но ты взял все на себя. А эта тайна нам нужнее, чем вся твоя террористическая банда. И сейчас мы хотим узнать ее. Итак, прежде чем твои друзья умрут из-за твоей глупости, почему бы тебе не сказать нам сразу все и позаботиться о том, чтобы твоя шкура осталась целой?

Эймар не вымолвил ни слова.

— Я повторяю свой вопрос. — Голос Руайя прозвучал вдруг угрожающе: — Кто этот человек из Лондона? Как его зовут? Кто его связники? — Он приблизился к Эймару так близко, что его перекошенное от злобы лицо оказалось всего лишь в нескольких сантиметрах от лица арестанта. — Или хочешь, чтобы я начал убивать твоих товарищей?

Эймар собрал в рот всю слюну и с наслаждением выплеснул ее в лицо Эрва.

И тут они навалились на него. Руайя, два гестаповца, два охранника, дежурившие у двери. Они били его кулаками, пока он не свалился, потом наносили удары в лицо, живот, пах. Он вскрикнул, не в силах сдерживать боль. А они продолжали бить, сломав ему нос, превратив его лицо в отбивную, прыгали на грудь, пинали по низу живота. Наконец избиение прекратилось. Человек в черном опустился на колени рядом с Эймаром.

— Ваши друзья говорили, что вы очень храбрый человек, монсеньёр Эймар, — сказал он на превосходном французском, и Эймар не смог определить, был ли он немцем или французом. — Но я заставляю вас заговорить. У меня есть набор средств. Начнем с ванны. Мы опустим вас под воду, а я буду поглаживать вас концами электропроводов. Потом возьму щипцы и выдерну ваши ногти, один за другим. Возможно, переломаю ломиком ваши кости. Наконец, пущу в ход свой излюбленный инструмент: газовый резак. Вы не уйдете от меня, монсеньёр Эймар. Вы не умрете до того, как я разделаюсь с вами. Кроме того, для вас готов еще один сюрприз. С чего желаете начать? Ах, да! С ванны!

Час спустя Эймар походил на живой труп. Сердце еле билось в груди, теплая, солоноватая кровь текла из ран, заплывшие глаза превратились в узкие щелочки. Но он молчал. Остатки мужества давали ему силы не выдать своей тайны. Он прошел семь кругов ада и выдержал их!

— Так, теперь мы постепенно подобрался к нашему небольшому сюрпризу, монсеньёр Эймар, — ласково произнес истязатель и, подойдя к двери, шепнул что-то гестаповцам, торчав-

шим снаружи. Несколько минут спустя Эймар уловил глухие звуки, будто кого-то волокли по лестнице, а затем в камере прозвучал нечеловеческий вопль. Он узнал этот голос — его жена Элен.

Гестаповцы сорвали одежду с орущей женщины, которая, глянув на бесформенное тело мужа, в ужасе отвернулась. Истязатель подошел к ней и быстрым, резким движением сбросил остатки одежды на пол, равнодушно окидывая взглядом ее голое тело. После чего встал на колени рядом с Эймаром.

— Прошу вас, — прохрипел Эймар, — оставьте ее в покое!

— И вы заговорите?

Эймар понял, что заговорит.

В шесть сорок пять утра один из гестаповцев позвонил в Париж.

Когда поезд из Бордо, следовавший через Либурн, прибыл на Лионский вокзал, там было полным-полно эсэсовцев и перодетых сыщиков гестапо. Состав окружили, никому не разрешили выходить. Гестаповцы тщательно прочесали все вагоны и проверили документы у всех пассажиров. Они искали темноволосого сероглазого молодого человека, одетого в поношенный синий костюм из саржи, плотное черное пальто с лиловым шарфом и с документами на имя Жана-Мари Ланже.

Но в поезде не оказалось никого, кто подходил бы под это описание.

Часть вторая

28 марта 1944 года.

В 5 часов 50 минут Френсис де Бельвуар сошел в Туре с поезда, прибывшего из Бордо. Здесь он пересел на местный поезд, направлявшийся в Орлеан, там пешком добрался от вокзала до кофейни, работавшей круглосуточно. В ней он просидел до восьми утра, медленно потягивая кофе и похрустывая свежеспеченной булочкой. Когда старинные настенные часы пробили восемь раз, он положил на оцинкованную стойку пятнадцать франков и вялой походкой побрел в город, добравшись вскоре до дома с остроконечной крышей, скромно приютившегося на тихой улочке Акакиа. Дородная, краснолицая женщина, на вид лет пятидесяти, открыла дверь. Глаза ее заблестели от радости.

— Ах, господин барон! — воскликнула она и приветливо улыбнулась. — Как приятно снова встретиться с вами! Проходите же, пожалуйста! Филиппа нет дома, он рано отправился за город.

— Ну, конечно! — Барон улыбнулся в ответ. — Как обстоят дела?

Филипп Лонжак, ранее судимый, процветал на поприще "черной" торговли, тоннами снабжая своих клиентов в Париже

маслом, мясом, мукой и сыром, привозимыми им с крестьянских дворов из-под Орлеана.

— Не можем пожаловаться, — весело ответила мадам Лонжак. — Не хотите ли присесть? Ваша посылка из Лиссабона прибыла вчера, и мы так радовались, что вы придете к нам в гости. Филипп будет сожалеть, если не застанет вас. Но вначале я приготовлю вам настоящий кофе из зерен и, конечно, принесу посылку.

Она поспешила на кухню, и через несколько минут аромат крепкого, свежесваренного кофе наполнил квартиру. Мадам вернулась с дымящейся чашкой и поставила ее на стол.

— Вот ваш кофе, господин барон, а это ваша посылка.

Выпив кофе, Бельвуар закрылся в ванной комнате и принялся за работу.

Спустя час, он покинул дом. Теперь это был блондин с короткой бородкой и густыми усами, одетый в поношенную крестьянскую одежку, с документами на имя Пьера Альтмюллера, крестьянина местечка Цаберн из Эльзаса. Кроме этого, у него имелось специальное удостоверение, выданное германским ведомством, с разрешением прибыть в Париж, чтобы приобрести редкое лекарство для инъекции свиней.

Он сел на поезд, отправлявшийся на восток, затем сделал пересадки в Труа, Бар-ле-Дюке и Шалоне и, наконец, в 20 часов 30 минут прибыл на восточный вокзал Парижа. Кроме немецких и французских властей, осуществлявших обычный контроль, никто его не потревожил.

Когда Бельвуар проходил по оживленному залу ожидания, его оттолкнул в сторону немецкий офицер, спешивший к военному "паккарду", поджидавшему у входа. Немец даже не взглянул на него, а Бельвуар успел лишь бросить недолгий взгляд на его прямую, как свечка, спину. Он не знал, что этот человек появился в Париже с одной единственной целью: положить его на лопатки. Полковник фон Бек только что прибыл экспрессом из Берлина.

Откинувшись на заднем сиденье "паккарда", Рудольф фон Бек восторженно глядел в окно, наслаждаясь первой встречей с самым прекрасным городом мира. Перед ним расстилался Париж, не тронутый войной. Широкие бульвары заполнялись горожанами, выходившими из кафе и кинотеатров. Весна только начиналась, но привлекательные парижанки скользили по тротуарам в элегантных тонких блузках, грациозно покачивая короткими юбками. Многие, следуя моде нынешнего сезона, носили широкие ремни и фантастические головные уборы: тюрбаны, береты, широкополые шляпы, которые чудесным образом подчеркивали их нежные лица. Особенно пленительными фон Беку показались дамские туфельки на неуклюжих деревянных подошвах. Позднее он

узнал, что их массовое производство было налажено из-за нехватки кожи.

Машина быстро спустилась вниз по Страсбургскому бульвару, миновала бульвар Севастополь, вылетела на крытую брусчаткой набережную на правом берегу Сены и, притормозив, въехала в круглый внутренний дворик окрашенного белой краской господского дома на авеню Фош, расположенной в непосредственной близости от темно-зеленого массива Булонского леса.

— Мне приказано доставить вас на вашу квартиру, господин полковник, — сказал водитель. — В этом здании многие офицеры комендатуры Большого Парижа имеют квартиры.

Фон Бек кивнул и вылез из машины. Они вошли в элегантный вестибюль здания, откуда наверх уходила мраморная лестница. Старомодная кабина лифта из полированного коричневого дерева со скрипом поднялась на шестой этаж. Квартира действительно оказалась чудесно обставленной и с удивительным видом на роскошную улицу Фош.

Фон Бек равнодушным жестом отпустил водителя, закурил солдатскую сигарету и оперся на кованое ограждение огромного балкона. “Находится ли человек из Лондона где-то здесь, любит ли красотой Парижа, как и он, или уже рассчитывает свои первыеходы?”

Пронзительное дребезжание дверного звонка прервало его размышления. Он пересек ярко освещенную гостиную и небольшую прихожую и открыл дверь. Перед ним стоял молодой капитан вермахта, державший под мышкой папку и едва переводивший дух. Увидев фон Бека, он щелкнул каблуками и в установленном порядке поприветствовал его:

— Капитан Брандер из абвера, отдел Большого Парижа, в ваше распоряжение, господин полковник!

— Заходите, Брандер.

Капитан неловко проследовал в гостиную. Он был молод, лет двадцати пяти. Его живые карие глаза и красные щеки придавали ему скорее вид мальчишки, надевшего без разрешения форму, чем настоящего офицера.

— Господин полковник, я направлен к вам генералом Хальштейном, начальником абвера Большого Парижа. Для вас я подготовил в здании “Отто”, что на углу сквера Булонского леса, помещение, а также образовал группу из офицеров и секретарши. — Он сделал паузу, а затем ревностно добавил: — Мы готовы к выполнению задания!

Фон Бек задумчиво смотрел на молодого офицера.

— Вы, конечно, прибыли сюда не только для того, чтобы поприветствовать меня и указать адрес моего бюро. Что-то торопило вас. Что же именно?

— Сообщение от гестапо и СД, господин полковник. Оно только что поступило.

Фон Бек наморщил лоб. Он не любил ни гестапо, ни службу безопасности, которых считал бандой мясников и палачей.

— О чем идет речь?

— Об одном британском агенте, господин полковник, приземлившемся прошлой ночью в районе Бордо. Судя по сообщению, он был единственным, кто опустился на территорию Франции. Затем он сел в поезд, направлявшийся в Париж. Это мог быть тот человек, который нас интересует.

— Дайте сюда! — Фон Бека внезапно охватило возбуждение, и он, выхватив из рук капитана папку, начал лихорадочно перелистывать страницы. — Проклятые идиоты! Зачем нужно было окружать вокзал? Если это профессионал, он сразу же заметил все и скрылся. Они должны были подождать, пока он не установит контакт, и проследить за ним. У них есть хоть какое-нибудь представление, за кем они охотятся? Соберите завтра на восемь утра совещание. Пусть придут представители абвера, парижской полиции и комендатуры Большого Парижа. Мы должны образовать совместный штаб, который будет регулярно собираться и вырабатывать совместную стратегию по делу "Энигма".

Брандер быстро записывал указания в своем блокноте.

29 марта - 4 апреля 1944 года.

В подвале гестапо умирал Гастон Эймар. После того, как он выдал своим истязателям установочные данные и описание внешности британского агента, его оставили лежать на голом каменном полу — жалкий мешок, набитый обожженным мясом и поломанными костями, который едва шевелился. Под вечер в камеру заглянул Эрв Руайя в компании гестаповских молодчиков. Руайя, глянув на лежавшего у его ног человека, велел принести одеяло и тарелку горячего супа. Угостив пленника несколькими ложками супа, он заговорил с ним:

— А ты знаешь, что твоего дружка в поезде из Бордо не оказалось?

— Но я сказал правду, — прошептал Эймар.

— О, да! — согласился Руайя. — Я верю тебе. Но ты рассказал не всю правду, что может неблагоприятно сказаться на Элен.

Паника вспыхнула в окруженных кровоточащими синяками глазах арестованного.

— Ты же не хочешь, чтобы мой друг проделал с Элен то, что обещал? — тихо продолжал Руайя. — Поэтому расскажешь мне историю до конца. Предполагаю, что ты назвал британскому агенту запасную явку, на случай, если встреча на Лионском вокзале не состоится. Я хочу знать, когда и где будет установлен второй контакт?

Эймар закрыл глаза.

— Нет... — прошептал он, — других контактов нет... Я не знаю...

— Не лги, Гастон, — резко оборвал его Руайя. — У меня не осталось ни времени, ни терпения. Я сейчас уйду, но предупреждаю, если покину это помещение, не получив информации, Элен умрет. И только из-за тебя.

Он поднялся и быстро направился к выходу, но не преодолел и половины пути, как услышал хриплый голос пленника:

— Подожди, Эрв, подожди! Не уходи!

Руайя вернулся и остановился возле Эймара.

— Я слушаю.

— Неделю спустя... кафе "Де Минеттес"... Пигали... После обеда, в половине пятого... опознавательный признак — журнал "Je suis partout"... пароль — "Вольтер"... Я... Я...

Руайя наклонился к нему:

— Что ты сказал?

— Я... я не хочу больше жить... — с мукой в голосе прошептал Эймар.

Руайя выпрямился.

— Н-да, именно это я и предполагал.

Он поднялся по лестнице наверх, нацарапал на клочке бумаги несколько слов и приказал:

— Передайте это сообщение по телефону в Париж. В штаб гестапо. И еще. Кто-то должен спуститься вниз и прикончить Эймара. И его жену тоже. Она слишком многое видела.

Четвертого апреля сразу же после обеда гестапо расставило и привело в готовность свою ловушку для британского агента. В половине четвертого четверо гестаповцев, переодетых в гражданское, поочередно зашли в кафе "Де Минеттес". Двое заняли места у входа, третий прошел в глубь зала и занял место возле дверей с табличками: "телефон" и "туалет". Четвертый застрял у стойки, отпуская вульгарные шуточки паре скучающих проституток, вышедших на послеобеденный поиск.

В черном "хочкинсе", припаркованном в нескольких сотнях метров от кафе, сидел Курт Лиммер, начальник гестапо Большого Парижа, ожидая по рации сигнала от своих людей. На соседней улице стояло наготове еще несколько машин. Лиммер нетерпеливо ерзал на заднем сиденье, жуя толстую голландскую сигару. Это был плотный, широкоплечий немец с большой головой, жирными бледными щеками и маленькими свинными глазками. Он был доволен собой, поскольку не посчитал нужным поставить фон Бека в известность о проводимом им мероприятии. Как все гестаповцы, он не доверял абверу. К тому же, он был одним из тех, кто, добыв сведения, не желал делить с другими заслугу по захвату британского агента. Его представитель в созданном фон Беком штабе имел строжайшее предписание — ни при каких условиях не разглашать информацию на совещаниях в здании "Отто". Лиммер

был убежден в том, что гестапо в состоянии справиться и своими силами.

В четыре пятнадцать двое мужчин отдельно приблизились к кафе и медленно пошли по северному тротуару бульвара де Клиши. Первый, на котором было черное пальто и кепка, окинул быстрым взглядом припаркованные на улице машины, прохожих, глазающих на витрины, и горожан, пристроившихся на лавочках в тени каштанов. Все казалось обычным. Пожилая супружеская пара и неизбежные проститутки, торчавшие на углах. Один из мужчин вошел, стараясь не бросаться в глаза, в подъезд дома, расположенного напротив кафе "Де Минеттес". Он безмятежно прикурил сигарету, подавая тем самым знак, что все спокойно, и скрылся в тени портала. Его приятель пересек бульвар. Это был молодой человек в светло-сером костюме и серой шляпе, в очках и с тонкими черными усиками. В правой руке он держал аккуратно сложенную газету "Je suis partout".

Не спеша он зашел в кафе, окинул помещение равнодушным взглядом и занял маленький столик недалеко от двери. Установив, что никто не обращает на него внимания, он удобно расположился и заказал кофе у пожилого официанта в белом переднике.

Один из гестаповцев взглянул на свои наручные часы, бросил пару монет на стол и вышел. Он направился к южной части площади и свернул на улицу Дюпери. Быстро оглянувшись назад, он наклонился к окну черного "хочкинса" и доложил:

— Человек прибыл. Он с газетой. Серая шляпа, серый костюм, черные усики. Это либо лондонский агент, либо его связник.

Лиммер взглянул на свои часы. Было четыре часа двадцать пять минут.

— Садитесь в машину, Марше, — сказал он и толкнул в плечо мужчину, сидевшего рядом с шофером. — Вы зайдете в кафе и пробудете столько, сколько тот будет оставаться там. Если второй человек не появится, схватим этого.

Сыщик кивнул, проверил свой пистолет, сунул его под ремень и быстрым шагом направился к питейному заведению.

Просидев в одиночестве еще полчаса, человек в светло-сером костюме начал явно нервничать. То и дело он поглядывал на часы, раскрывал газету, делая вид, будто читает, сворачивал ее снова и откладывал в сторону. Каждый раз, когда открывалась дверь, он выжидающе всматривался в вошедшего, но никто не подходил к его столику.

В пять часов он в очередной раз сложил газету, положил на стол десять франков и поднялся. Гестаповские агенты украдкой глянули на него. Он был уже у двери, когда сзади тихий голос окликнул его: "Вольтер?"

Человек в черном пальто резко обернулся, слишком резко. Тот, кто стоял перед ним, показал жетон:

— Полиция! Вы арестованы!

Поддавшись панике, он рванулся к двери. Но за ней оказался гестаповец, который уже выхватил оружие. Француз огляделся и заметил еще двух сыщиков, готовых отрезать ему путь к бегству.

— Руки вверх, вы окружены! — прошипел один из них.

Связник размышлял лишь секунду, затем ринулся влево и бросился в широкую стеклянную дверь, рассыпавшуюся вдребезги от удара. Он пролетел сквозь нее, упал среди осколков на тротуар и попытался подняться на ноги. Почти одновременно прозвучали два выстрела. Человек в светло-сером костюме качнулся и медленно опустился на землю. Почти в это же мгновение с разных сторон к кафе подлетели три машины и перекрыли пути отхода. Лиммер был первым, кто наклонился над распростертым телом.

— Он еще дышит, — торопливо бросил он одному из своих людей. — Быстро “скорую помощь”! Этот человек должен заговорить.

Когда слышались завывания приближающейся “скорой помощи”, мужчина на другой стороне бульвара незаметно покинул свое укрытие. Он с ужасом наблюдал арест своего товарища и теперь быстро удалялся. Свернув за угол улицы Лепик, он начал подниматься по кривой улочке, которая вела к вершине Монмартра, не заметив, что одна из проституток, в течение часа бродившая по тротуару перед его укрытием, спешно последовала за ним. Она держалась на приличном расстоянии, игриво покачивая сумочкой и бросая провоцирующую улыбку прохожим. Рыжеволосая девица преследовала по пятам человека в черной кепке, пока он не вошел в маленький ресторанчик “Ла Прованс”. Медленно проходя мимо стеклянной двери питейного заведения, ей удалось заметить ноги этого человека, поднимавшегося на второй этаж по узкой лестнице, расположенной за стойкой. Она перешла улицу и поспешила назад. Десять минут спустя девица проскользнула в подъезд дешевого борделя на улице Бланш, удаленного от площади Пигали лишь на несколько сотен метров, и поднялась по покрытой плесенью деревянной лестнице на четвертый этаж. У второй двери слева она остановилась и дважды стукнула, затем, выдержав паузу, выдала еще четыре быстрых удара.

— Заходи, Мадю! — слышался голос барона.

Над Парижем опустились вечерние сумерки. Улицы кишели народом, возвращавшимся с работы. Шумная толпа ввалилась в бар “Ле Марсель” на улице Обер. Было время “первого стаканчика перед ужином”, и парижане знали, что в “Марселе” подают самый лучший напиток “Пастис”. Хозяин, красноще-

кий крепыш с юга, стоял за стойкой, отпуская шуточки на певучем диалекте и отдавая приказы своим выдохшимся официанткам: "Тереза, бутылку "сансерре"! Антуанетта, коньяк на третий столик! Дениза, зажги лампы!"

Нисколько не беспокоясь о своем авторитете, Антуанетта прокладывала дорогу сквозь толпу посетителей, пытаясь добраться до своего работодателя. Наконец ей это удалось.

— Патрон, — сказала она. — К телефону. В задней кабине. Человек сказал, что очень срочно.

Он метнул на нее яростный взгляд:

— А ты не могла сказать, что я очень занят?

Официантка беспомощно подняла плечи.

— Ах, Merde! — Марселец с неудовольствием промаршировал в глубь бара, на ходу вытирая руки полотенцем. Он открыл дверцу узкой кабины и столкнулся с человеком со светлой бородкой, который, держа в уголке рта погасшую сигарету, насмешливо смотрел на него.

— Что значит... — возмущенно начал марселец.

— Лицо тебе не знакомо, но, может быть, ты припомнишь голос? — спросил незнакомец.

— Боже мой! Барон! Что ты здесь делаешь?

— Эмиль, мне надо срочно поговорить с тобой.

Они вошли в маленькое помещенье, где находился стол, несколько стульев и софа.

— Здесь нам не помещают, — сказал толстяк, все еще изумленно смотревший на Бельвуара. — В этом одеянии я бы тебя никогда не узнал. Когда ты прибыл в Париж?

Бельвуар пропустил его вопросы мимо ушей.

— Мне нужно кое-что узнать. Тебе известны бары и рестораны, где вращаются люди из твоих окрестностей?

Эмиль кивнул.

— "Ла Прованс" на улице Лепик знаешь?

— Ну, конечно. Принадлежит Роджеру Сантини. Он из Тулона. Хороший малый.

— Мне хотелось бы знать, имеет ли он связь с повстанцами?

Эмиль задумчиво наморщил лоб.

— Трудно сказать. Откровенно говоря, я не знаю. Но... Подожди... Пиррот из Тулона должен знать. В это время он сидит обычно в кафе "Королевский капуцин", попивая свою анисовую.

Барон вздохнул:

— Нет, с Пирротом я уже переговорил. Он не совсем уверен.

Марселец тяжело опустился на стул.

— Дай подумать... Кто, кроме Пиррота, мог бы знать? — Внезапно глаза его вспыхнули. — Ну, конечно, я знаю! Ларюш должен знать! Ты знаешь его? Это старший кельнер в кафе "Ла Медитеране". Я сейчас позвоню ему. — Он встал и направился к двери.

— Эй, не говори по телефону ничего, что плохо отозвалось бы потом! — крикнул ему вслед барон.

— Можешь на меня положиться, — ответил, улыбаясь, Эмиль.

Спустя пару минут он вернулся.

— Верно. Парень имеет связь с повстанцами. Повяз с ними по самые уши.

Барон довольно ухмыльнулся.

— Большое спасибо, Эмиль. Я никогда не забуду твоей доброты.

— На здоровье, — добродушно ответил марселец. — Не забудь, что свою карьеру я начинал с твоим отцом на Лазурном берегу. Будь осторожен, барон.

Курт Лиммер мерил шагами свой кабинет в штабе гестапо и грыз дорогую сигару. Он потел и вытирал влажный лоб большим голубым платком. Пять минут назад ему позвонил его ассистент Фритц Кайзер и сообщил, что жизнь раненого террориста вне опасности, и его переправили для допросов в подвал гестапо.

— Пусть его обработает Бернер, — приказал Лиммер. — В таких случаях он самый подходящий. Мне нужны результаты и очень скоро!

Бернер действительно был лучшим из тех, кем располагало гестапо в Париже. Урожденный саксонец, бывший шпион абвера, бывший легионер, он завоевал сомнительную славу, превратившись в жестокого и безжалостного истязателя, каких гестапо когда-либо имело в своих рядах во Франции. В чрезвычайных случаях гестапо просило Бернера применить свои приспособления в подвале, расположенном недалеко от штаба Лиммера. А сегодня речь как раз шла о чрезвычайной ситуации.

В кабинете Лиммера глухо брякнул телефон. Начальник гестапо резко схватил трубку.

— Да?

— Это Кайзер. Бернер заставил его заговорить. Он назвал адрес квартиры своей группы. Один из ресторанчиков на Монмартре.

— Превосходно, — пробормотал Лиммер. — Чудесно. — Он глянул на свои наручные часы. Было без четверти девять вечера. — Через пятнадцать минут мы нанесем им визит. На четырех машинах. Поставьте в известность Службу безопасности.

— Слушаюсь!

— И передайте мои поздравления Бернеру, — добавил Лиммер. — Быстрая работа. Ах, да, а как здоровье террориста?

— Весьма печальное, — ответил Кайзер. — Он погиб при попытке к бегству.

— Как жалко, — вздохнул Лиммер и разразился смехом.

Над Парижем внезапно разразилась гроза, и Бельвуар, промокший до нитки, торопливо шел по улице, стараясь прикрывать газетой лицо и голову — дождь мог смыть грим и растворить клей, которым были приклеены его накладные усики и бородка. В этой одежде ему предстояло оставаться лишь считанные часы. В ней его видели в этот вечер в нескольких парижских барах, и более полдюжины людей могли бы сообщить полиции описание его внешности. Наступало время, когда Пьер Альтмюллер, крестьянин из Эльзаса, должен был исчезнуть. Утром он вскрыет очередной пакет. Вероятно, пора подумать и о новом убежище. У Мадо он был в полной безопасности, она оставалась верной ему после того, как он спас ее от одной банды, выкрадывавшей белокожих проституток для продажи в бордели и гаремы Ближнего Востока. Ему не хотелось подвергать девушку опасности, к тому же он полагал, что на одном месте долго засиживаться не следует.

Барон толкнул дверь небольшого ресторанчика. Из-за плохой погоды “Ла Прованс” был почти пуст. Прямоком он направился к лысому человеку в коричневом костюме, сидевшему за кассовым аппаратом.

— Это вы Сантини? — спросил барон.

Человек кивнул.

Бельвуар разложил перед ним мокрую газету и указал на заголовок: “Je suis partout”.

— Вам что-нибудь говорит слово “Вольтер”? — спросил он.

Сантини недоверчиво глянул на него.

— Я не знаю, о чем вы говорите.

— Не знаете! — резко возразил барон. — А если не знаете, то я спрошу об этом ваших друзей на втором этаже. — Он не стал дожидаться ответа, а, проследовав мимо, поднялся по лестнице. Из-за одной из дверей справа доносились голоса. Он толкнул дверь. Помещение было слабо освещено, шторы задернуты. Пять человек сидели за длинным деревянным столом — четверо мужчин и одна женщина средних лет. Когда барон вошел, они замолчали. Один из сидевших, молодой человек с фанатично горевшими глазами, вскочил.

— Кто вы? — яростно спросил он. — Что вам здесь надо?

Бельвуар не успел ответить, почувствовав легкий толчок сзади. Ощущение ствола пистолета, ткнувшегося ему в спину, было ему хорошо знакомо, и он послушно поднял руки. Сантини прикрыл за собой дверь.

— Он только что пришел. Показал мне газету и назвал пароль. Я попытался удержать его, но он помчался наверх. Он знал, что вы собрались здесь.

— Дай мне пистолет, Сантини, — сказал молодой парень с фанатичным взглядом. — А сам выгляни на улицу и убедись, действительно ли он пришел один. Я тут разберусь. — Он повернулся к Бельвуару и направил на него оружие.

Бельвуар кратко пояснил:

— Неделю назад я прибыл из Лондона, спустившись на парашюте. На первую встречу на Лионском вокзале не вышел, посчитав ее опасной. Сегодня я не смог придти в кафе “Де Минеттес”, но один из моих людей проследил за вашим человеком, и поэтому теперь я здесь.

Молодой руководитель группы презрительно глянул на него.

— А я скажу, что вы лжец и провокатор. Если то, что вы говорите, правда, то везде на своем пути вы оставляете смерть и разрушения. Наша группа на юго-западе уничтожена, Лионский вокзал, где вы должны были выйти на контакт, оказался окруженным гестаповцами, сегодня один из наших, ожидавший вас в кафе “Де Минеттес”, был ранен и схвачен гестапо. Нет, я не верю, что вы тот человек, за которого себя выдаете.

В разговор вмешалась женщина:

— И вот еще что. Человек, который прибыл из Лондона, темноволос и...

— ... и одет в темное пальто и красный шарф, — дополнил Бельвуар. — Все верно. А теперь мне хотелось бы кое-что продемонстрировать вам. — Он резко сорвал свои фальшивые бороду и усики, затем осмотрелся вокруг, сунул пальцы в наполненный наполовину коньяком стакан, стоявший на столе, и потер левый висок. Светлый тон частично растворился, и открылся натуральный каштановый цвет волос.

Люди за столом были ошеломлены таким превращением, но до конца это их не убедило.

— Мне нужны доказательства, — недоверчиво произнес молодой человек. — Надежные доказательства. Все, что вы до этого проделали, мог сделать и гестаповский агент, затесавшийся в наши ряды.

Бельвуар наклонился над столом.

— Я прибыл сюда для выполнения очень важного задания. Мне нужна помощь, и как можно скорее. Вы не верите мне и требуете доказательств. Ладно. Я выдам вам один секрет, который знает только шеф “Отдела специальных операций” в Лондоне. Я назову вам мое настоящее имя — барон Френсис де Бельвуар.

Никто не среагировал на это имя. На него продолжали смотреть с недоверием. Бельвуар взорвался.

— Вы же имеете радиосвязь с Лондоном, не правда ли? Так свяжитесь с ним, назовите мое имя и получите подтверждение! Через двадцать четыре часа я вернусь. — Затем он насмешливо указал на оружие: — А это лучше уберите, может пальнуть и будет больно.

Никто не попытался удержать его. Он вышел из комнаты и прикрыл за собой дверь.

Барон уже спускался по лестнице, когда услышал вызвавшие беспокойство звуки. Вначале послышался визг тормозов

нескольких машин, затем торопливые шаги по тротуару, резкий стук в дверь и голоса на немецком и французском языках. Он быстро нагнулся, снял ботинки и помчался по лестнице вверх, пока не добрался до чердака. Там он огляделся вокруг в поисках выхода. Сквозь щели люка, выходявшего на крышу, проникал свет. Барон распахнул близлежащую дверь и приволок из пустовавшего помещения стул. Вскочив на него, он попытался открыть люк. Тот не поддавался. Издав проклятие, он попытался снова открыть его.

Внизу на лестнице раздались тяжелые шаги, затем крики, за которыми последовали автоматные очереди. Это были немцы. Шаги, крики, выстрелы приближались.

— Чердак! — крикнул кто-то по-французски. — Осмотрите чердак!

В отчаянии Бельвуар стукнул кулаком по стеклу люка, и не успели осколки осыпаться на его голову и плечи, как он кровоточащей рукой ухватился за зазубренный край и надавил со всей силой. На этот раз заржавевшая рама поддавалась. Схватившись за края отверстия, он подтянулся и выбрался в дождливую парижскую ночь.

Два часа спустя барон незаметно проскользнул в квартиру Мадо.

4 апреля, 22 часа - 5 апреля, рассвет.

Черный "хочкинс" остановился перед освещенным входом в отель "Морис", где располагалась комендатура Большого Парижа. Курт Лиммер поспешно поднялся на второй этаж. Одетый с иголки лейтенант проводил его в большой, роскошно обставленный кабинет. Высокий, седовласый офицер поднялся из-за тяжелого дубового стола. На погонах у него были генеральские звезды, а на шее висел Рыцарский крест. Это был генерал-лейтенант Хорст Вульф, комендант Большого Парижа. Он не предложил посетителю присесть, а холодным и резким голосом произнес:

— Я вызвал вас сюда, чтобы потребовать объяснений за ваше невообразимое поведение сегодня после обеда и вечером.

Лицо Лиммера посерело, в глазах блеснула ярость.

— Вы сказали "невообразимое"?

— Правильно поняли. Совершенно верно.

— Я мог бы добавить еще парочку прилагательных, чтобы описать ваши действия, — раздался незнакомый голос позади, Лиммер вздрогнул и обернулся. В другом конце помещения стоял, опершись сжатыми кулаками на крышку длинного стола и зло уставившись на него, полковник фон Бек. — Я мог бы назвать их глупыми, дилетантскими, неспособными и даже уголовными.

— Уголовными? Вы называете ограждение немецкого суверенитета от террористов уголовным? — Лиммер медленно при-

близился к молодому полковнику. — На вашем месте я бы придержал язык и воздержался бы называть действия гестапо уголовными!

Фон Бек метнул гневный взгляд на шефа гестапо, который кипел от ярости.

— Для меня подрыв безопасности Рейха является преступлением, и именно это вы совершили. В Париже находится вражеский агент, который пытается заполучить самый ценный секрет Германии, но вместо того, чтобы помогать в его разоблачении, вы носитесь по всему Парижу, убивая людей. Это саботаж! Так я и указал в своем докладе!

— В каком докладе? — осведомился Лиммер. Голос его звучал теперь не так агрессивно.

Комендант Большого Парижа взял со стола стопку бумаг.

— Доклад начальнику абвера, с копиями Генеральному штабу и вашему собственному шефу — рейхсфюреру.

Впервые самоуверенность Лиммера пошатнулась.

— Подождите, — сказал он. — У вас нет власти надо мной. Я вам не подчинен. Мой приказ...

— Следуя этому приказу, в деле "Энигма" вы обязаны сотрудничать с нами, — резко оборвал его фон Бек. — Вместо этого вы держите информацию при себе и испортили все, что имелось в отношении британского агента.

Телефон на столе генерала Вульфа звякнул два раза, и генерал снял трубку.

— Это вас, — сухо сказал он и передал трубку Лиммеру. Шеф гестапо пододвинул аппарат к себе:

— Лиммер.

Несколько секунд он прислушивался, затем на лице его появилась сардоническая ухмылка. Он бросил трубку на рычаг и презрительно бросил:

— Можете отсылать свой доклад. Пока вы заседаете в своем уютном кабинете, я добился успеха. Один из арестованных сегодня ночью террористов сообщил имя британского агента. Это известный нам француз, который называет себя Френсисом де Бельвуаром! А мы с вами однажды сочтемся, господин полковник.

Фон Бек не удостоил его взглядом, он быстро набирал номер телефона.

— Брандер? Это Бек. Свяжитесь немедленно со всеми ведомствами французского управления, узнайте, известен ли им человек по имени Френсис де Бельвуар и есть ли на него материалы.

Он положил трубку, отдал честь, покинул кабинет Вульфа и направился к поджидавшей его машине. Всю дорогу, проходящую мимо Елисейских полей, он пытался оценить первичные данные, полученные о вражеском агенте. "Итак, это француз, к тому же из аристократов. Можно ли найти его среди со-

рока миллионов французов? Действительно ли знаком Лиммеру Бельвуар, или он пытается снова ввести меня в заблуждение?"

Фон Бек был все еще погружен в размышления, медленно поднимаясь по лестнице в свое бюро, когда навстречу ему поспешил Брандер.

— Я разговаривал с полицией, — сообщил он, заикаясь от возбуждения. — Там сказали, что этот человек был судим! Они подошлют нам все материалы.

Полчаса спустя фон Бек закрылся в своем кабинете, расстегнул китель и уселся за письменный стол. Перед ним на зеленом сукне под ярким светом настольной лампы лежало объемистое дело. На голубой обложке большими красными буквами было выведено: "Френсис де Бельвуар, он же — барон".

Проходили часы, но фон Бек не поднимался из-за стола. Он был погружен в захватывающую историю, раскрывавшуюся перед ним, — биография Френсиса де Бельвуара заворожала его. История барона читалась, как приключенческий роман. В документах содержалось описание бегства молодого Бельвуара из Парижа после смерти отца, его появление на Дальнем Востоке на борту парохода, взросление в пользующихся дурной славой кварталах Сайгона, Макао и Гонконга. Описывалось первое успешное дело: вначале Бельвуар совратил дочь французского губернатора Сайгона, после чего очистил его резиденцию. Рассказывалось, как потом он, при содействии буддистского монаха, бежал в Бангкок, а оттуда в Рангун, где из монастыря в Мандалау украл ларь с драгоценными камнями, за что его преследовали жаждавшие мести монахи до самой Индии. В Индии он проник в резиденцию британского генерала и продал ему несуществующую виллу на Ривьере. Тут Бельвуар впервые воспользовался приемом маскировки с переодеванием и уплыл на борту парусника на Ближний Восток. В Бейруте он по уши влюбился в замужнюю итальянку и удрал с ней в Каир, где их любовь закончилась так же внезапно, как и началась. Он пробирался через Эфиопию, Конго, Алжир, преодолевал бесчисленные опасности, обманывал богатых купцов, крал ценные вещи, виртуозно используя переодевание. 1935 год он прожил в Танжере и нажил состояние с помощью небольшой армады контрабандистских судов, сновавших вдоль побережья Средиземного моря. В том же году он недолго был женат на белорусской эмигрантке, которую везде представлял как принцессу. А в 1936 году, когда ему исполнилось двадцать шесть лет, он вернулся в Европу. В Марселе барон нелегально сошел на берег и до начала войны провернул ряд афер, полных приключений, в Париже, Лондоне и Риме, которые сделали его знаменитым. Ошеломляющим аспектом этой необычайной истории являлся тот факт, что Бельвуар ни разу не был арестован. В десятке стран полиция имела ордер на его арест, в большинстве евро-

пейских столиц против него были возбуждены уголовные дела, но его абсолютно непогрешимое планирование предприятия, сообщники, которых он приобретал за деньги или соблазнял, а также талант переодевания всегда спасали его в последнюю минуту. Рассматривая фотографии приятного на вид сероглазого молодого человека, который был примерно того же возраста, что и он, фон Бек не мог подавить в себе чувства восхищения и зависти. Кроме того, он сделал несколько неожиданных для себя открытий: Бельвуар никогда не имел дел ни с наркотиками, ни с оружием, никого не убил и не носил с собой пистолета.

Дело заканчивалось двумя документами. Первый представлял собой недавно обобщенный французской полицией длинный список сообщников Бельвуара и адресов его прибежищ. Второй раскрывал случай с золотом гестапо. Бельвуар обвинялся в том, что украл полтонны золота из "резервов гестапо". Значит, Лиммер не обманывал. Гестапо намеревалось по-своему рассчитаться с бароном, и фон Бек четко представлял, что тому уготовано. Надо было опередить Лиммера и его мясников в охоте за Бельвуаром.

Фон Бек со вздохом захлопнул дело. На листке из записной книжки он записал несколько фамилий и адресов. После этого снял трубку телефона.

— Разбудите всех наших людей, Брандер, — настоятельно приказал он, услышав заспанный голос своего помощника. — Этой ночью придется поработать.

В префектуре полиции, расположенной недалеко от Дворца юстиции, уставший старший архивариус запер архив и вышел на улицу. Была полночь, он чувствовал себя измотанным. Вначале гестапо, затем абвер повергли его в отчаяние настойчивыми требованиями разыскать дела на Бельвуара. Теперь же, прикинув, что до наступления комендантского часа он успеет опрокинуть последний стаканчик пива, архивариус пересек улицу и зашел в кафе "У дворца юстиции", где полицейским наливали из бочки настоящее пиво. Опершись на стойку, он взял стакан и устало огляделся вокруг. Справа от себя он увидел старого знакомого, чье дело не раз проходило через его руки, — мелкий мошенник Леруж, выпущенный из тюрьмы под залог. Драчун носил кожаную куртку, широкие черные брюки и кепку. Леруж тоже заметил архивариуса и улыбнулся.

— Я могу угостить вас, шеф? — спросил он.

— С удовольствием, — ответил архивариус и пододвинулся ближе. В специфическом мире воров и жандармов считалось нормальным явлением, если свободный от службы жандарм и свободный от занятий вор присядут, как старые друзья, чтобы выпить. Они завязали легкую болтовню о наступивших тяжелых временах.

— Ах, да, — невзначай заметил архивариус, — я слышал, что твой дружок барон опять в Париже.

Леруж недоверчиво посмотрел на него.

— Что? Барон в Париже? Ерунда! Он не сумасшедший. Он знает, что французская полиция и гестапо охотятся за ним.

— К этому можешь приписать и абвер, — с усмешкой добавил архивариус, радуясь, что ему, для разрядки, удалось ошеломить кого-то. И он рассказал Леружу о неожиданном запросе со стороны полковника фон Бека.

Спустя несколько минут Леруж извинился.

— Нужно в туалет, — пробормотал он. — Сейчас вернусь.

Архивариус беззаботно кивнул, а Леруж поспешил в подвальное помещение огромного кафе и проскользнул в кабинку общественного телефона. Бросив жетончик, он набрал номер и стал что-то настойчиво нашептывать в трубку.

В пять часов утра барон был разбужен тихим, но настойчивым стуком в дверь. Этой ночью он спал более чутко, чем обычно.

— Не двигайся! — прошептал он Мадо, выбрался из постели и приблизился к двери мягкими кошачьими шагами. Там, за мерев на некоторое время, он прислушивался, затем кивнул Мадо.

— Кто там? — спросила она.

— Мадо, барон у тебя? — послышался из-за двери шепот. — Это я, Лежах.

Барон облегченно вздохнул. Он хорошо знал этого человека.

— Ты один? — спросила Мадо.

— Да. Открой!

Барон приоткрыл дверь и впустил маленького, тощего человечка. Лежах улыбнулся, но его большие глаза продолжали озабоченно блестеть.

— Значит, ты действительно в Париже? — недоверчиво прошептал он. Затем взгляд его упал на перевязанные руки Бельвуара. — Ты ранен?

— Ерунда, — ответил барон. — Поверхностные царапины. Итак, что занесло тебя сюда?

— Барон, тебе следует исчезнуть, — нервно прошептал пришедший. — Гестапо и абвер идут по твоему следу. Становится жарко. — В нескольких словах он поведал барону, что Лиммер и фон Бек срочно запросили его дело. Барон молча слушал. — Вскоре после полуночи они начали прочесывать весь город, разыскивая тебя. Полиция тоже участвует в розыске. Они устраивают засады у всех твоих друзей. Нас пятеро, и мы несколько опережаем их. Одевайся и исчезай.

— Куда же податься? — быстро, но спокойно спросил Бельвуар.

— К Луизону. Там они уже побывали и не придут больше. Он позаботится о тебе.

Барон кивнул. За несколько минут он собрался, запихнув в сумку все вещи, которые даже отдаленно могли бы указать на его пребывание у Мадо, включая пропитанные кровью бинты. Дважды, на французский лад, поцеловал Мадо в щеки и оставил на ее ночном столике толстую пачку франков. Лежах, крадучись, пошел впереди, барон скользнул за ним по темному коридору.

Полчаса спустя в дверь Мадо раздался резкий стук.

— Откройте! — послышался голос с явным немецким акцентом. — Гестапо!

5-20 апреля 1944 года.

Бельюар проснулся и судорожно втянул в себя воздух. Его ноющее тело было покрыто потом, а во рту ощущался клейкий, горьковатый привкус. Он открыл глаза. В комнате стояла крошечная тьма, и ему потребовалось некоторое время, чтобы осознать, где он находится. Он выждал несколько минут, чтобы глаза привыкли к темноте, затем поднялся с узкой кровати и на ощупь пробрался к двери. Осторожно открыв ее, барон по слабо освещенному коридору дошел до узкой лестничной площадки и медленно поднялся по ступенькам. Сверху доносился резкий запах шнапса и табака. Лестница кончилась перед тяжелой деревянной дверью. Он чуть приоткрыл ее и заглянул внутрь.

Знаменитый зал кабаре трансвеститов "Луизон" был переполнен: мужчины в смокингах и накрахмаленных рубашках, женщины в длинных вечерних платьях, старшие немецкие офицеры, развлекавшиеся по-королевски. Официанты во фраках сновали меж столов, нагруженные серебряными подносами, на которых высились закуски и ведерки со льдом с торчащими позолоченными горлышками шампанского. Приглушенно играл оркестр.

Медленно погас свет, и официанты зажгли длинные тонкие свечи, установленные на столах в серебряных подсвечниках. Музыка заиграла громче, ритмичнее, и большинство прожекторов образовали красочную световую рапсодию на маленькой сцене в дальнем конце помещения. Началось представление. Группа трансвеститов в костюмах, украшенных перьями, монистами и блестками, появилась на сцене. Когда представление было в полном разгаре, Бельюар проскользнул в зал и оперся о стену. Он поймал за рукав проходившего мимо официанта и пробормотал:

— Позови Луизона!

Что-то в его голосе заставило официанта поторопиться, и он исчез за сценой. Минуту спустя Луизон стоял рядом с бароном в трико, облежавшем его стройную фигуру. Толстый слой грима на лице подчеркивал его немного женственные черты. Искусно наложенные синие и черные краски оттеняли миндалевидную

форму больших зеленых глаз. На полных надутых губах блестела ярко-красная помада.

— Ты, наверное, сошел с ума! — прошипел Луизон и ловко потащил Бельвуара в отдаленный угол. — Если тебя здесь застукают, я могу заказывать себе гроб.

Бельвуар попытался успокоить его.

— Не волнуйся, Луизон. Никто не догадается, что сегодня вечером я приду сюда.

— Не испытывай судьбу, — предупредил Луизон. — Пойдем!

Он втащил своего друга в небольшой, оклеенный голубыми обоями коридор.

— Скажи, Луизон, — непринужденно спросил Бельвуар, — который, собственно, час?

— Почти одиннадцать! — Трансвестит улыбнулся. — Ты проспал целый день.

— Можешь разыскать Бруно?

— Могу. Он дожидается тебя в моем кабинете. Иди вдоль стены, не ошибешься.

Луизон подтолкнул барона через порог безупречно белой двери в конце коридора и начал прикрывать ее за ним.

— А ты разве не войдешь?

Луизон лукаво улыбнулся, сделал игривый книксен и послал ему воздушный поцелуй.

— Чем меньше я знаю, тем лучше для меня, мон шер.

Барон обернулся. Он находился в самом необыкновенном кабинете, который ему когда-либо в жизни приходилось видеть. Три цвета владели помещением, мебелью и декоративным покрытием: белый, розовый и светло-голубой. Розовыми были ворсистый по щиколотку ковер на полу и тонкие гардины, обрамленные тяжелыми портьерами из тафты. Обивка стен из голубого шелка имела орнаменты из роз и лилий, вышитых тонкой золотой нитью. Письменный стол времен Луи XVI и удобное кресло с подлокотниками были отлакированы. Обивка кресла соответствовала цвету и материалу обивки стен. Даже старомодный телефонный аппарат покрывала розовая эмаль с тонко выведенными цветками роз и орхидей.

Напротив письменного стола стояла огромная круглая кровать, накрытая толстым белым мехом. К вделанному в потолок золотому кольцу крепился прозрачный балдахин из тончайшей вуали.

Напротив двери между двух окон высился огромный туалетный стол, увенчанный массивным круглым зеркалом. На столе теснилось несметное количество пузырьков и баночек. По всей комнате были расставлены хрустальные вазы со свежими букетами нежных роз, а воздух был пропитан крепким ароматом сладковатых духов.

Внимание барона привлек человек, стоявший посреди комнаты. Лет сорока пяти, одетый в синий двубортный костюм, го-

товый треснуть по швам, высокого роста, широкоплечий, с большими мускулистыми руками и толстощеким лицом с черной бородкой, волосы коротко подстрижены. Низкий лоб и сломанный нос придавали ему, на первый взгляд, вид тупицы. Но только на первый. Тот, кто пристальнее взгляделся бы в его маленькие, темные глазки, должен был резко переменить свое мнение: в них сквозили хитрость и расчетливость.

— Бруно! — радостно воскликнул барон.

— Рад тебя видеть, к тому же в самый раз, — вздохнул великан. — В этом ненатуральном доме мне стало душно. Главное, что ты жив-здоров и боши еще не заловили тебя!

— Это им и не удастся, — серьезно заявил барон. — Но ты знаешь, англичане перехватили все наше золото. Они даже запыхнули меня в тюрьму, впервые в моей жизни!

Бруно пожал плечами.

— Лучше они, чем немцы, — улыбнулся он и добавил: — Забудь о золоте. Самым приятным во всей этой затее было удовольствие. Они ведь до сих пор понятия не имеют, как мы вернули это дельце.

Барон задумчиво посмотрел на своего друга, присел за стол Луизона, закурил сигару и начал рассказывать Бруно о своем освобождении из тюрьмы Дартмор, о том, что заслан в Париж с заданием британской спецслужбы, но не раскрыл ему истинной цели задания. Бруно молча слушал.

— И что же должен сделать я? — наконец спросил он.

— Прежде всего подыскать мне надежное убежище. Мне нужен недельки на две тихий, отдельно стоящий домик, где я смог бы спланировать свои ближайшие шаги и провести необходимые приготовления. Кроме того, мне требуется отдых.

Бруно согласно кивнул.

— До завтрашнего утра я без труда смогу организовать все, что тебе требуется.

— Еще тебе нужно связаться с повстанцами, — продолжил барон. — Все мои контакты в Париже накрылись. Группа Сопротивления, которая предназначалась мне в поддержку, разгромлена. Выступить вместо нее должен кто-то другой и, согласно указанию, установить контакт с Лондоном. И вот еще, — произнес барон растянuto. Он выставил вперед подбородок, глаза его превратились в узенькие щелочки, в которых засветился стальной блеск. — Мне нужно знать все о полковнике абвера фон Беке. Ты слышал о нем?

— Никогда, — ответил Бруно.

— Ты все еще работаешь на организацию "Отто"?

— Ага.

— А абвер все там же, на третьем этаже? Ладно, я полагаю, что ты сможешь собрать массу информации. За любую справку об этом человеке я заплачу кучу денег.

— Гестапо тоже охотится за тобой, — напомнил Бруно.

— Гестапо мне безразлично, — сердито уронил Бельвуар. — Это всего лишь банда слабоумных мясников. Они никогда меня не поймают. А вот с фон Беком другое дело. Он действительно может быть опасен для нас.

Великан поднялся.

— Хорошо. А о чем, собственно, идет речь? Я имею в виду все задание.

Барон промолчал.

Бруно усмехнулся и покинул бюро.

Бруно Морель был, как обычно, точен. На следующее утро в семь часов сорок пять минут его черный “ситроен” остановился у входа в ночной ресторан Луизона, и барон быстро сел в машину.

Пятнадцать минут спустя, ровно в восемь часов, Рудольф фон Бек открыл совещание своего комитета на третьем этаже здания “Отто”. Собравшиеся за продолговатым столом в небольшом помещении, которое фон Бек избрал для своего штаба, были представителями многочисленных специальных служб, задействованных в Париже. Комендатура Большого Парижа и французская полиция прислали, как обычно, своих высокопоставленных чиновников. От гестапо, службы безопасности и СС были лишь младшие офицеры. Офицеры по очереди докладывали о результатах розыска Бельвуара, начавшегося более тридцати шести часов назад.

— Установлено, что он исчез, — заявил представитель комендатуры Большого Парижа подполковник Штраус. — В обычных прибежищах он не обнаружен, а его друзья ничего не знают.

— Есть у вас какие-либо данные? — спросил фон Бек заместителя префекта парижской полиции.

Тот лишь покачал головой.

— Мы подозреваем проститутку Мадо Боннир в том, что она предоставляла ему убежище, но не обнаружили никаких доказательств. Гестаповские агенты, допрашивавшие ее прошлой ночью, не добились никаких результатов.

— Допрашивали? — насмешливо прервал его фон Бек, но внезапно в его глазах вспыхнул гнев. — Это вы называете допросом? Когда закончили его, девица была полужива. На ее счастье, меня попросили вмешаться и забрать ее. Опоздай я на полчаса, девицу растерзали бы на куски.

Гестаповец Хельмут Мюллер даже не взглянул на фон Бека.

— Во всяком случае нам известно, что до перестрелки на улице Лепек Бельвуар был в другой одежде, — невозмутимо вставил он. — Носил светлую бороду и усы. Один из наших помощников сообщил, что за несколько часов до перестрелки он видел человека, попадающего под это описание, в кафе на бульваре Капуцинов.

— В каком кафе? — быстро переспросил фон Бек.

— Название я забыл, — ответил сухоощавый темнолицый сотрудник гестапо, не отводя холодных надменных глаз от фон Бека.

— Я хотел бы сегодня ночью повторить налеты на все прибежища Бельвуара, адреса которых у нас имеются, — медленно произнес фон Бек. — Я отдаю себе отчет, что перспектива обнаружить его мала, но, возможно, он подумает, что может находиться в безопасности там, где мы уже побывали.

Большинство участников совещания согласно закивали головами.

— Наша главная задача — надежнейшая система защиты “Энигмы”.

— Вы серьезно верите, что он все еще намеревается выполнить свое задание, — скептически спросил штурмфюрер СС Кунце, — зная, что за ним охотятся?

Фон Бек холодно улыбнулся.

— Этот человек игрок и одиночка. Я не сомневаюсь, что он попытается заполучить “Энигму”. — Он кивнул Брандеру. Тот начал обходить участников совещания и раздавать им копии списков с местами дислокации двадцати семи секретных шифровальных машин “Энигма”.

— А как мы угадаем, где он нанесет удар? — нерешительно спросил штурмфюрер Кунце.

— Я внимательно прочитал его дело, господа, и не ошибусь, если скажу, что барон де Бельвуар сам укажет нам.

Две недели спустя “ситроен” Бруно Мореля свернул с дороги в сторону местечка Мукс, полчаса крутился по узеньким улочкам, а затем въехал в тенистые ворота виллы, расположившейся в прекрасной долине реки Марн. Тайное любовное гнездышко носило подходящее для этого название: “Рандеву с амуром”. Как и многие подобные уютные домики, раскинувшиеся на богатом растительностью берегу Марна, вилла пережила немало грешных выходных дней, когда парижские предприниматели среднего возраста тайком от своих стареющих жен наслаждались со своими услужливыми секретаршами.

Бруно поднялся на пару ступенек и постучал в тяжелую дверь. Никто не откликнулся. Приложив ухо к двери, он прислушался. В доме царила тишина.

Внезапно слева от него с сухим щелчком треснула тонкая ветка, и из-за кустов появился барон.

— Что это, собственно, значит? — спросил Бруно, нахмутив лоб. — Почему ты не в доме?

— Я должен был убедиться, что ты придешь один, — серьезно ответил барон.

Бруно ухмыльнулся и вытащил из машины тяжелую сумку, набитую продовольствием. Он последовал за бароном в дом

и принялся выкладывать на дубовый стол огромную кучу съестных припасов: копченое мясо, французские сосиски, упаковку сыра, несколько банок консервов и шесть бутылок вина. Барон откупорил бутылку "сансерре", понюхал, попробовал на вкус и наполнил два бокала светлой жидкостью. Бруно опустошил свой бокал одним махом, вытер рот и уставился на барона.

— Вначале плохие новости, — начал он. — Я связался с повстанческой группой, поддерживающей связь с Лондоном. Другая группа, коммунисты, получает указания из Москвы.

— Мне это известно, — бросил Бельвуар.

— Так вот, сопротивленцы по твоей просьбе связались с Лондоном. Ответ последовал, — он перевел дыхание, — дать операции отбой.

— Что?! — Барон вскочил.

— Ты должен бросить все подготовительные мероприятия и собираться в дорогу. Согласно имеющимся у тебя предписаниям, ты должен появиться по некоему адресу в Париже, он у меня имеется, и группа организует твою переправу.

— Кто подписал в Лондоне это указание? — быстро спросил барон.

— Говорят, что оно исходит лично от шефа "Отдела специальных операций".

— Мак-Алистер, — пробормотал барон. Затем с внезапной яростью стукнул кулаком по столу. — Они хотят снова заполучить меня, да? Даже если я сдохну где-нибудь по дороге! Тю-тю, теперь уже поздно! Я не собираюсь подыхать!

— О чем ты, собственно, ведешь речь? — удивленно спросил Бруно.

Барон жестко глянул на него. Глаза его метали молнии.

— За те две недели, что я торчу здесь, у меня была возможность тщательно обмозговать все. В "Отделе специальных операций" сидит предатель, возможно, даже в руководстве. Еще до моего появления во Франции я был уже предан. Слушай внимательно! Где бы я ни появился, меня поджидали немцы. Люди, встретившие меня при приземлении, были арестованы той же ночью. Когда я должен был появиться на Лионском вокзале, там было полным-полно гестаповцев. В кафе "Де Минеттес" заготовили ловушку. На "Ла Прованс" совершено нападение, когда я находился там. А фон Бек, что ему здесь надо, кроме охоты на меня? Он из абвера, немецкой спецслужбы. Разве он не прибыл в Париж для того, чтобы сцапать меня? А как абвер мог узнать обо мне? Нет, Бруно, никакого сомнения, что информацией обо мне их снабдило какое-то высокопоставленное лицо в Лондоне. И я не собираюсь расплачиваться за их игры своей головой!

Бруно внимательно слушал барона, глубокие складки залегли на его лбу.

— У тебя больше оснований поступить так, как тебе рекомендуют, и возвратиться, — наконец выдавил он.

— Да, действительно? — насмешливо воскликнул Бельвуар. — Значит, ты полагаешь, что мне следует объявиться по этому адресу у повстанцев, чтобы они переправили меня назад в Лондон? Я гарантирую, что та же сатана в Лондоне, которая сообщила немцам, когда и где я приземлюсь во Франции, выдаст им, каким образом я исчезну отсюда. Живым я никогда не попаду в Лондон, можешь мне поверить.

Бруно вздохнул.

— И что же ты намереваешься делать?

— Я сам пробуюсь в Лондон, — заявил барон и расправил плечи. — Но я вернусь туда не с пустыми руками. Прежде, как и обещал, я проверну проклятое дельце!

Бруно не смог ничего возразить.

— Ты знаешь, что это означает. Ты предоставлен только самому себе. Никто тебе не поможет.

— И все же кто-то есть! — Бельвуар неожиданно улыбнулся. — Я знаю кое-кого, кто за деньги провернет любое дело. Это ты! Я предлагаю тебе пятьдесят тысяч фунтов.

Бруно слегка присвистнул.

— За эту сумму я продам и мать родную, — признался он.

— Мое задание усложняется, — яростно произнес Бельвуар. — Пошли! Мы потеряли много времени, пора заняться работой!

Четко, без лишних слов Бельвуар поведал другу суть своего задания в отношении “Энигмы”, стараясь при этом не упустить существенных деталей. Закончив, он вышел из комнаты и спустя пару минут возвратился с пачкой бумаг.

— Здесь список аппаратов “Энигма”, находящихся во Франции, — пояснил барон.

Бруно внимательно просмотрел список.

— Большинство из них находится за пределами Парижа в укрепленных военных гарнизонах, — мрачно констатировал он.

— Разумеется, — согласился Бельвуар. Правой рукой он сдвинул в дальний конец стола гору продуктов и деликатесов, а затем разложил несколько схем. — А вот это рисунок “Энигмы”.

Бруно Морель окинул его мимолетным взглядом, затем, пораженный, вздрогнул.

— Подожди-ка! — воскликнул он и указал на рисунок. — Такую машинку я уже видел!

— Что? — Бельвуар недоверчиво посмотрел на него. — Хватит, Бруно, ты видел ее так же, как и я. Я же говорил, что это самый оберегаемый...

— Если я говорю, что видел, значит, видел, — резко отрезал великан. — Может быть, она и секретная, но я все же видел ее.

— Где? — спросил барон.

— Где? Конечно, в здании “Отто”. На третьем этаже, в конторе абвера. Несколько месяцев назад мне потребовалась одна подпись на документе для отправки груза в Германию, и я направился в расчетный отдел, который располагается на том же этаже, но в противоположной от лестницы стороне. Часового, постоянно находящегося перед отделом абвера, на месте не оказалось, а дверь в центр связи была открыта. Поскольку ничего подобного никогда не подворачивалось, я заглянул туда и увидел человека, который занимался машинкой. Вначале она показалась мне пишущей, но потом я заметил отличие и поразился.

— Не может быть, — растянато проговорил Бельвуар. — Невероятно. Эта машинка должна быть указана и в списке! Здесь же перечислено двадцать семь пунктов дислокации, а здание “Отто” нигде не упоминается. А теперь слушай меня внимательно. Перечень составлен по последним данным в феврале. Ты видел машинку раньше или позднее?

— Однозначно, до этого, — уверенно ответил Бруно. — Я точно помню. Примерно недели две спустя после твоего исчезновения.

Барон откинулся на стуле и закрыл глаза.

— Невероятно, и все же... если соответствует действительности то, что ты говоришь, из этого можно сделать один единственный вывод: в Париже находится еще одна, неучтенная “Энигма”, используемая абвером в своих целях.

Бруно пожал плечами.

— Какая разница?

— Возможно, — согласился Бельвуар. — Возможно, ты прав... — Он замолк, поднялся, закурил сигару и задумчиво уставился на серый дым, спиралями поднимавшийся к потолку. Спустя некоторое время вернулся к столу. — Во всяком случае, эту историю нам следует перепроверить, прежде чем мы предпримем последующие шаги. Теперь о фон Беке.

— О, о нем-то я совсем позабыл, — с улыбкой ответил Бруно. — Это приятная новость, которую я припас для тебя. — Из внутреннего кармана пиджака он извлек три фотокарточки размером с почтовую открытку и разложил их на столе перед бароном. — Вот он.

Фотографии были сняты скрытой камерой, несколько нерезки, но вполне пригодны. На двух фотографиях, снятых с довольно близкого расстояния, был высокий, приятной внешности офицер в форме вермахта, державший под мышкой тонкую папку из черной кожи. На третьей запечатлен тот же офицер в фас и определенно с большого расстояния. Он выходил из аккуратного домика, сопровождая симпатичную молодую женщину. Его левая рука, в которой он держал фуражку, находилась в движении, будто он собирался надеть ее на голову.

— Ну, что скажешь? — с гордостью спросил Бруно. — Сам снимал. Из машины. Первые две я щелкнул, когда он заходил в здание “Отто”. А на этой, — он указал на фото с женщиной, — он выходит из своего дома на авеню Фох. Приятный человек, не правда ли? И довольно галантный, к тому же. Девушка ночевала у него.

— Кто она? — поинтересовался Бельвуар.

Бруно отодвинул фотографию.

— Это неважно. Немецкая секретарша из отеля “Морис”, которую он пригласил на ночь.

Барон внимательно рассматривал фотографии.

— Отлично. А что тебе известно о нем?

Сообщение Бруно было коротким и четким:

— Рудольф фон Бек. Полковник абвера, награжден Рыцарским крестом. Примерно твоего возраста, прибыл в Париж почти в то же время, что и ты. Его канцелярия в здании “Отто”. Дважды в неделю, иногда и чаще, ровно в восемь утра в его кабинете проходят совещания, которые организует его адъютант капитан Брандер. Фон Бек имеет и денщика, зовут его Шнайдер. На этих совещаниях обсуждаются две темы, — продолжал Бруно. — Первая: мероприятия по защите какой-то машинки, теперь я понимаю, что это “Энигма”. А вторая: ты!

— Из каких источников информация? — холодно спросил барон.

— Я поговорил со многими людьми, занятыми на работах в здании “Отто”. Одна немецкая телефонистка втрескалась в нашего молодца, Себастьяна Дунуша. Возможно, ты помнишь его. Когда-то он работал с бандой корсиканцев.

Барон кивнул.

— Она рассказала ему кое-что о совещаниях. Затем уборщица, прибирающая кабинет после заседаний. Немцы думают, что читать она не умеет, на самом деле читает довольно хорошо, чтобы разобрать твою фамилию, которая постоянно бывает нацарапана на клочках бумаги. Потом денщик фон Бека Шнайдер, который регулярно, как часы, оказывается в свободную минуту в кровати одной проститутки. Хотя он ничего не болтает о работе своего шефа, но довольно разговорчив обо всем, что касается его личной жизни.

— Расскажи.

— Фон Бек не женат, служака, увлекается девочками, иногда приводит их к себе на квартиру. Хорошо говорит по-французски, восхищается французской культурой, любит классическую музыку. Регулярно ходит на концерты симфонического оркестра в зале “Гэви”, дважды в неделю смотрит спектакли в Опере. Шнайдер о нем высокого мнения и утверждает, что фон Бек самый интеллигентный полковник во всем абвере.

— Я в этом не сомневаюсь, — медленно произнес барон. — Светлейшая голова абвера, посланная в Париж, чтобы сцапать меня. Разве это не лестно, мон шер Бруно?

Морель кивнул.

— Такое впечатление, будто он знает твое дело наизусть. Однажды телефонистка подслушала его разговор с Берлином. Он сказал своему партнеру, что знает тебя и твои приемы лучше, чем ты сам.

Барон неожиданно рассмеялся.

— Приятно слышать. Ладно, давай перекусим.

Они ели молча. Барон едва прикоснулся к еде, погруженный в размышления. Наконец он вернулся к действительности.

— Прежде всего ты должен обеспечить мне местечко в здании "Отто". Само собой, я буду заgrimирован.

— Нет проблем, — заявил Бруно. — Там всегда благодарны французам, готовым разграбить собственную страну.

— Ты что, становишься патриотом, Бруно?

Великан натянуто улыбнулся, но промолчал.

— Кроме того, я хочу, чтобы ты связал меня с коммунистами.

— С коммунистами? А ты не сошел с ума?

— Они нужны нам, — спокойно возразил Бельвуар. — С Сопротивлением я не могу больше сотрудничать. Я не могу работать с теми, кто получает указания из Лондона. А коммунисты мне помогут, будь уверен. Сможешь организовать встречу?

— Попытаюсь.

— Неплохо. И третье: мне нужна девушка. Очень симпатичная, которая будет делать то, что я скажу.

Бруно расплылся в улыбке.

— Нет ничего проще. Могу организовать самую лучшую ягодку с полей Парижа.

— Нет, — отрезал Бельвуар. — Не такого сорта, не проститутка. Мне нужна порядочная девушка, красивая и с головой. Не нашего поля ягодка, Бруно.

— И она должна тебя слушаться? — Бруно задумался. — Будет трудновато.

— И все же ты такую мне достанешь. — Губы Бельвуара вытянулись в ироническую улыбку. — Не за деньги, а ради Франции.

Бруно метнул на него яростный взгляд, затем рассмеялся. И лишь тот, кто знал Бруно Мореля так близко, как барон, мог заметить, что смех его прозвучал несколько резковато и натянуто.

Часть третья

21-22 апреля 1944 года.

Бруно Морель знал, как найти девушку для барона.

Рано утром, выпив чашечку крепкого кофе без сахара и сливок, он поспешил в обшарпанную бильярдную на бульвар Грандов.

— Симпатичную девушку? Что ты подразумеваешь под этим? — спросил тощий бледный мужчина, не глядя при этом на Бруно и осторожно направляя кий на белый шар из слоновой кости, плотно стоявший у борта. Но от Бруно не укрылось его мимолетное замешательство — ему был хорошо знаком хитрый образ мышления собеседника, заключающийся в том, какую возможную прибыль он мог бы извлечь.

— Я имею в виду то, что говорю, — холодно оборвал его Бруно. — Ты можешь припомнить, какие документы изготовил для одной очень красивой девушки? Мне нужен быстрый ответ, Ритал, у меня нет времени.

Деде Ритал, по кличке “итальянец”, прикрыл один из своих прозрачных водянистых глаз, провел острым языком по бесцветным губам и нанес удар кием. Бруно быстро перехватил рукой покотившийся шар.

— Ритал, не играй со мной! — предупредил он.

“Итальянец” медленно выпрямился.

— Я не могу вспомнить. У меня полно работы.

Бруно резко схватил галстук “итальянца” и затянул узел. Деде дернулся, лицо его посинело, но он не попытался освободиться, а лишь хватал ртом воздух. Бруно медленно ослабил хватку и отпустил “итальянца”.

— Послушай, ты, мешок. Я знаю, что в последнее время ты заработал кучу денег. Перед войной к тебе приходили последние подонки, чтобы заполучить бумажку, и большинство из них раскаивается в этом. А теперь, когда евреи, коммунисты, повстанцы и антифашисты вынуждены спасать свою жизнь, никого не волнует твоя репутация, и люди чрезмерно счастливы заплатить тебе в пятикратном размере за клочок бумажки с вымышленным именем. Я знаю тебя и, не колеблясь, сделаю дырку в твоей башке, чтобы просмотреть документы, которые ты прячешь в доме сестры.

В блеклых глазах “итальянца” мелькнула тень удивления.

— Но ты можешь оказать мне неплохую услугу, — продолжал Бруно, бросая деньги на бильярдный стол, — и продолжать сосать кровь из других.

“Итальянец” оценивающе посмотрел на Бруно, затем кивнул.

— Ах, теперь я припоминаю. У меня есть то, что тебе нужно. Просто красавица. Она приходила ко мне примерно год назад. Я видел много симпатичных девочек, но это было что-то особенное. Пойдем, покажу тебе ее фото.

Полчаса спустя Морель вышел из бильярдной, держа в руке листок с фамилией и адресом. Он тщательно сложил его и сунил в нагрудный карман.

Девушка свернула за угол и, добравшись до большого подъезда, толкнула массивную деревянную дверь.

Притаившись на переднем сиденье "ситроена", припаркованного на противоположной стороне улицы, за девушкой, зашедшей в дом, наблюдали великан и барон. Они оставались на месте еще минут пять, затем барон, глянув на свои наручные часы, сказал:

— Пора. Пошли!

Они проскользнули в подъезд и поднялись на третий этаж. Бруно громко постучал.

Худая, седовласая женщина, одетая в черную вязаную кофту, открыла дверь.

— Месье? — произнесла она ясным, уверенным голосом, но при этом в ее глазах мелькнул страх, а рука, лежавшая на дверной ручке, мелко задрожала.

— Мадам Лемэр? Мы хотели бы переговорить с вашей племянницей!

— Она... ее нет, — пробормотала старушка. — Я не знаю, когда она вернется.

— Она даже очень здесь и поговорит с нами. — Не ожидая ответа, оба вошли в прихожую.

— Вы из полиции? — пугливо спросила женщина.

Бруно и барон, не ответив, направились прямо в столовую. Стол был накрыт на двух человек. Барон увидел безупречно белую скатерть, салфетки, фарфоровый сервиз и серебряный столовый прибор. В это время на противоположной стороне комнаты открылась дверь, и на пороге появилась девушка.

От изумления у барона перехватило дыхание. У девушки были длинные черные волосы, овальное личико, полные губы и большие голубые глаза, которыми она с немим страхом смотрела на вошедших.

— Не бойтесь, — быстро произнес барон, его собственный хриплый голос показался ему при этом чужим. — Мы не из гестапо, просто хотим поговорить с вами. — Он повернулся к старой женщине, застывшей в дверях, и добавил: — Наедине.

— Проходите, — пригласила девушка приглушенным голосом. Она отступила назад, и мужчины прошли в ее комнату.

— Мы знаем, кто вы, — холодно произнес барон. — Судя по вашим документам, вас зовут Мишель Лемэр, но это не настоящее ваше имя. Ваша фамилия Левин, и вы скрываетесь здесь, потому что вы еврейка и боитесь, что вас заарестует гестапо.

Девушка не шевельнулась, Бруно видел, как ее ногти впились в ладони, она прикусила нижнюю губу и пыталась сдерживать слезы, стоявшие в ее глазах, но внезапно разразилась тихими жалобными всхлипываниями.

— Простите, — быстро произнес Бельвуар. — И, пожалуйста, выслушайте меня. Сожалею, но у меня нет выбора. Нам нужна ваша помощь. Или вы поможете нам, или умрете в подвалах гестапо.

Затем он сообщил шокированной девушке, что требуется от нее. Глаза Мишель расширились от ужаса. Она молча смотрела на него, затем выдавила ослабевшим голосом:

— Вы посылаете меня на смерть.

— Ерунда, — солгал барон. — С вами ничего не случится. Завтра или послезавтра мы снова появимся у вас и дадим подробные указания. Будьте готовы.

Он повернулся, вышел из комнаты и покинул квартиру. Бруно на мгновение задержался в прихожей.

— Не пытайтесь спрятать вашу племянницу, мадам Лемэр, — свирепо предупредил он, — если вам дорога жизнь. Во Франции нет ни одного местечка, где бы я не смог отыскать ее.

На лестничной площадке, когда за ними закрылась дверь, барон внезапно разразился потоком проклятий и, дрожа от ярости, стукнул кулаком по стене.

Сбитый с толку Бруно посмотрел на него, но не проговорил ни слова.

Всю дорогу назад они проехали молча.

На вилле "Рандеву с амуром" барон встретился с коммунистами и сделал все возможное, чтобы превратить их в своих союзников.

Коммунистов было пятеро: четверо мужчин и одна женщина, все суровые, напряженные, сдержанные и откровенно враждебные. Гости обменялись с хозяевами быстрым рукопожатием и представились по именам — явно псевдонимы. Первой вошла Иветта — высокая, худощавая женщина с аскетическим лицом, подернутыми сединой волосами, стянутыми в пучок. На ней было строгое черное платье и серая вязаная кофта. Она производила впечатление слабой, смущенной, но ее крепкое рукопожатие и холодный, острый взгляд выдавали сильный характер, скрывавшийся за ее внешне хрупким видом. Иветту сопровождал низкорослый, кругленький, краснолицый человечек, на котором были синий комбинезон рабочего, пуловер и кепка. Темные глаза на его распухшем лице окружали складки, а свое имя "Морис" он произнес на пестром марсельском диалекте. Ему было лет сорок пять. И он выглядел типичным провинциалом.

Двоим молодым людям было около двадцати: высокий мускулистый Энри и стройный бледный Раймонд.

Последним вошел худой человек среднего роста.

— Меня зовут Жак, — тихо представился он.

Пятеро коммунистов заняли места за массивным дубовым столом в столовой и отказались от предложенных Бруно напитков.

— Мы приехали, чтобы выслушать вас, а не выпивать, — пояснила женщина.

Бельвуар кивнул и поднялся.

— Я просил вас об этой встрече, — тихо начал он, — поскольку во Франции вы и ваша организация единственные, кто мог бы осуществить важную операцию, от которой зависит исход войны.

Барон разъяснил занимаемое “Энигмой” место в системе связи вермахта и пустил по рукам рисунок этой шифр-машины. Наконец он высказал то, чего добивался от них: участия в нападении на немецкий военный объект во Франции, чтобы заполучить этот аппарат и переправить его затем в Англию. Лишь об одном барон умолчал — об обнаруженной Бруно Морелем двадцать восьмой “Энигме”.

После того, как он закончил свои пространные пояснения, коммунисты начали задавать вопросы. Преимущественно спрашивали Энри и Раймонд. Наблюдательный барон сразу понял, что принятие решения находилось у двух человек, которые предпочитали молчать, — Иветты и Жака. Когда несколько вопросов задал Морис, барон понял причину его присутствия. За миролюбивой, приятной внешностью скрывался бравый боевой офицер.

Наконец заговорил человек, назвавшийся Жаком. Он снял очки, тщательно протер их:

— Вы не могли бы оставить нас одних на некоторое время? Мы хотели бы поразмыслить над вашим предложением и посоветоваться.

Бельвуар и Бруно вышли из дома и, остановившись у ворот, закурили. Сопровождение, к их удивлению, закончилось быстро. Десять минут спустя Жак вышел из дома и тяжелой походкой приблизился к ним.

— Мы примем участие в операции, — спокойно сообщил он. — И не потому, что доверяем вам. Мы неохотно вступаем в дела с людьми вашего пошиба. Но мы ведем войну и не можем быть слишком разборчивыми.

Бельвуар пропустил мимо ушей оскорбительный намек.

— Мне приятно услышать ваше решение, Жак.

— И последнее, — добавил Жак. — Как мы определим, на какой объект из двадцати семи будет совершено нападение, чтобы заполучить машинку?

— Предоставьте это мне, — сказал Бельвуар. — У меня есть план проникновения в немецкую комендатуру в Париже. Дайте мне пару недель, и за это время, я надеюсь, объект, которым мы сможем овладеть с минимальными потерями, будет определен.

Больше не было произнесено ни слова. Жак пожал руку барону и Бруно и направился к своей машине. Четверо его товарищей последовали его примеру, простившись с хозяевами холодным формальным рукопожатием. Через минуту двор опустел.

Едва они остались одни, как Бруно взорвался:

— Боже мой, на этот раз ты зашел слишком далеко!

Барон, слегка улыбаясь, глянул на него.

— Что ты хочешь этим сказать?

— Черт побери, разве ты не видишь, что они затевают? Они используют тебя, чтобы заполучить информацию о машинке, а потом сами сцапают ее и передадут русским!

— Ты прав. У них именно такие намерения. Но не беспокойся. Эту проклятую вещичку они никогда не увидят, мон шер Бруно!

4-15 мая 1944 года.

Каждые понедельник и пятницу фон Бек поднимался по пышной лестнице великолепного здания Оперы, наслаждаясь роскошным убранством, созданным почти сотню лет назад знаменитым Шарлем Гарнье. Он сидел в полутемной ложе, подперев лицо ладонями и опершись локтями на мягкую обивку парапета, погружаясь в драматическую историю любви и смерти и полностью отдаваясь волшебству музыки.

В этот вечер его наслаждение было нарушено открыванием двери, шелестом платья и тихим разговором в соседней ложе слева. Он бросил через плечо быстрый, недовольный взгляд, но внезапно потерял дар речи. По ту сторону перегородки, в темноте стояла самая красивая женщина, которую он когда-либо встречал. Гибкое тело, тяжелые черные волосы, гладкая темноватая кожа, чувственный рот и сверкающие голубые глаза обладали гипнотической привлекательностью. Увидев такую женщину, ее уже невозможно было забыть.

В это же самое мгновение на другом конце Парижа в грудь Френсиса де Бельвуара уперлось дуло автомата. Смертоносное оружие находилось в руках рослого молодого парня в черной форме СС, стоявшего на посту у входа в главный корпус комплекса "Отто". Рядом с ним штурмфюрер держал перед собой пропуск, который предъявил ему Бельвуар, и внимательно сравнивал фото на документе с лицом человека, стоявшего перед ним.

— Как вас зовут? — спросил штурмфюрер по-французски с сильным акцентом.

— Этьен Дюкло.

— Этьен Дюкло... ага. — Штурмфюрер был доволен результатами контроля. Документ подлинный, фото качественное: низкий лоб, очки в железной оправе, черная борода и довольно простодушное выражение лица.

Барон спокойно спрятал возвращенный ему пропуск. Документ был выдан утром отделом кадров "Организации Отто" после того, как за барона поручился Бруно. А фотография изготовлена в подсобке типографии Какоянниса и вместе с очками

и накладной бородкой, которые теперь были на Бельвуаре, переслана в Париж.

Он закурил сигарету и неторопливо прошел в просторное складское помещение. Несмотря на позднее время, в "Организации Отто" царил оживление. На улице стояли три тяжелых грузовика и человек двадцать французов и немцев в гражданском, переносивших в подвал добычу дня: тяжелые ящики, статуи и картины. Люди "Организации Отто", невзирая на протесты правительства Виши, начали изымать ценности из национальных музеев. Трофеи сортировались в подвалах штаб-квартиры, упаковывались и ежедневно отправлялись на Северный вокзал, где огромные пакгаузы и железнодорожные сооружения использовались исключительно для нужд "Организации". В других, разбросанных по всему Парижу, пунктах хранились античная мебель, фарфор, меха, изделия из серебра и даже вино, наркотики, парфюмерия и драгоценные камни. С Северного вокзала регулярно отправлялись специальные поезда, отвозившие ценности в Берлин.

К барону подошел Бруно Морель и остановился возле него.

— "Отто" процветает, как и прежде, — заметил Бельвуар. — Ничего не изменилось.

— Конечно, — сухо ответил Морель. — Не отвлекайся. Теперь, когда в цехе царит суета, мы можем незаметно подняться наверх. Остальное доскажу потом.

Широкая лестница была пуста, как и бюро "Организации Отто" на втором этаже. Бруно затолкал барона в одну из комнат и тут же прояснил ситуацию:

— Сейчас девять часов. В бюро "Организации" никого уже нет. Ночью работы ведутся только на первом этаже и в подвале.

— А в абвере? — нетерпеливо спросил барон.

— В это время там тоже никого не бывает, за исключением сотрудников центра связи, которые работают посменно, сменяясь через час. И там находится "Энигма".

— Или то, что ты считаешь "Энигмой".

— В этом сейчас мы и хотим убедиться, не так ли? — слегка обидевшись, заметил Бруно.

Лестничная площадка третьего этажа была пуста. Приглушенный стрекот, проникавший из центра связи, эхом отдавался в тихом, пустом коридоре. Быстрым, точным движением Бруно вставил ключ в замочную скважину второй двери справа и повернул его. Дверь открылась, они вошли и оказались в крошечной тьме. Им пришлось выждать несколько секунд, пока глаза не привыкли к темноте. С удивительной для человека с такой массой ловкостью Бруно бесшумно скользнул ко второй двери и распахнул ее. Теперь они оказались в кабинете фон Бека. Против воли барон огляделся вокруг. Он находился в штабе человека, специально прибывшего из Берлина, чтобы уничтожить его.

— Иди сюда. — Бруно нетерпеливо потянул барона за рукав. — Чем быстрее, тем лучше!

Дверь, ведущая в центр связи, выглядела темным прямоугольником на фоне белой стены позади стола заседаний. Она была обита плотным пористым изоляционным материалом и мягкой кожей. Замка у двери не было.

— За этой дверью должна быть вторая, — прошептал Бельвуар.

Он взялся за ручку, медленно и мягко нажал на нее и потянул дверь. Треск телетайпа слышался отчетливее, но сквозь щель свет не проникал. Барон оказался прав. Две двери отделяли кабинет фон Бека от центра связи, обе обитые, и расстояние между ними составляло около двенадцати сантиметров. Бельвуар широко распахнул первую дверь и прильнул ко второй. Глубоко вздохнув, он слегка надавил на ручку.

Яркий свет и громкие звуки проникли сквозь образовавшуюся микроскопическую щель. Бельвуар медленно и равномерно тянул дверь. Все мускулы у него напряглись, на лбу выступили бисеринки пота. Любое неловкое движение могло привести к провалу всего мероприятия или даже к смерти.

Краешком глаза он заметил острые углы аппарата, стоявшего возле двери. Приоткрыв дверь еще на пару сантиметров, он прижал лицо к узкой щели. Увидеть весь центр связи ему мешал большой серый шкаф. Барон облегченно вздохнул — шкаф загораживал большую часть двери и ручку от взоров людей, находившихся в помещении, но позволял, однако, увидеть значительную часть комнаты. Он заметил трех солдат, сидевших спиной к нему у противоположной стены, склонившись над своими аппаратами, и предположил, что четвертый солдат сидит правее, за шкафом. Двое солдат, которых он видел, занимались расшифровкой полученных сообщений, а третий отстукивал на ключе обычную морзянку. Слева стрекотал телетайп, записывая входящую информацию на разматывающийся ролик желтоватой бумаги.

— Ну? — прошептал ему на ухо Бруно.

Нетерпеливым движением руки Бельвуар заставил его замолчать. Затем повернулся и прошептал:

— Стань рядом на колени и держи дверь.

Бруно не задавал вопросов. Он присел у порога на корточки и вцепился правой рукой в дверь. Бельвуар ухватился за верхнюю часть двери и осторожно подтянулся, пока не оказался на спине друга. Теперь он смог заглянуть в правую часть помещения за шкафом. И тут он увидел ее.

За отдельным столом сидел, сильно наклонившись, пожилой военный в звании лейтенанта. Перед ним стоял удивительный аппарат из дерева и металла. Из нижней части машинки свободно свисали провода, длинный толстый кабель вел к розетке, укрепленной на стене справа. Бельвуару бросились в

глаза длинные, изящные пальцы офицера, легко бегавшие по клавишам прибора. Покрытый буквами лист бумаги медленно выползал из аппарата, а на левой его части беспрерывно вращались шестеренки.

— Да это же!.. — выдохнул Бельвуар. — Двадцать восьмая “Энигма”.

Когда затихли последние трагические ноты оперы “Кармен”, и красный занавес начал медленно опускаться, фон Бек поспешил покинуть ложу и вышел в галерею. Ему нетерпелось увидеть девушку, так тронувшую его душу. Во время спектакля он вел себя довольно глупо и чаще поглядывал за тонкую перегородку в соседнюю ложу, чем на сцену. Девушка делала вид, будто не обращает на него внимания, но он был убежден, что она заметила его упорный, горящий взор, жадно скользивший по ее лицу и телу. Во время антракта он напрасно поджидал ее, она оставалась в сопровождении пожилой, выглядевшей усталой дамы.

Быстро распахивались двери, и счастливые люди устремлялись к выходу. Наконец вышли из ложи и обе женщины. Фон Бек бросил на девушку нервный взгляд. Просто скроенное платье из мягкой ткани подчеркивало законченные формы ее фигуры. В ярком свете люстр галереи она выглядела такой же прекрасной, какой была в полутьме театра — таинственной и привлекательной. Она быстро пошла, сопровождаемая пожилой дамой. Он стал поджидать их на лестнице. Спускаясь, они должны были пройти мимо.

— Извините, — тихо пробормотала девушка.

Он отошел в сторону, чтобы пропустить их. Какое-то мгновение ее сверкающие голубые глаза смотрели на него. Затем дамы исчезли в боковом выходе.

Весь конец недели фон Бек старался изгнать из головы мысли о прекрасной незнакомке. Он же взрослый человек и старший офицер, в этом возрасте ни к чему изнуряющие романтические приключения. Несмотря на это, он пребывал в состоянии сильного возбуждения. Когда в понедельник вошел в ложу Оперы, девушка снова была в театре. На этот раз он открыто улыбнулся ей и вежливо поклонился, когда она покидала ложу. Девушка смущенно улыбнулась в ответ. Старушка, сопровождавшая ее и на этот раз, тоже улыбнулась. В следующую пятницу обе женщины не появились, но три дня спустя девушка пришла в Оперу одна.

После спектакля она задержалась у выхода, так как на улице шел сильный дождь. Фон Бек решился, наконец, заговорить с ней.

— Простите, мадемуазель, — произнес он по-французски. — Дважды в неделю мы являемся случайными соседями.

Наши ложи расположены рядом. Я позволил себе заговорить с вами, поскольку подумал, что в такой дождь вы будете испытывать затруднения, добираясь домой. Вы позволите подвезти вас? Вон там стоит моя машина. Дождь может испортить вашу прическу и чудесное платье. Я буду рад отвезти домой такую эффектную даму.

Девушка натянуто улыбнулась.

— Большое спасибо. — Голос ее звучал тихо и мелодично. — Очень мило с вашей стороны.

Вымуштрованный Шнайдер уже поджидал у входа с большим черным зонтом. Фон Бек проводил девушку к “хорьху” и открыл дверцу.

— Позвольте представиться, — галантно произнес он. — Рудольф фон Бек.

— Меня зовут Мишель, — медленно проговорила девушка. — Мишель Лемэр.

Они съели у “Максима” превосходный ужин с шампанским, потанцевали под звуки скрипок цыганского оркестра, а под конец он пригласил ее посетить его квартиру на улице Фош, чтобы “посмотреть на чудесную панораму Булонского леса”. Когда он, поставив свой бокал на маленький, кованный из железа столик на балконе, притянул ее к себе, Мишель немного дрожала, но не сопротивлялась. Он начал страстно целовать ее, она отвечала на его поцелуи. От возбуждения и страсти голова у него пошла кругом. Он увел ее в глубь комнаты, раздел дрожащими руками, бросил на широкую кровать и набросился на нее с необузданной жадностью.

Однако поздней ночью, когда она уснула беспокойным сном в его кровати, фон Бек на цыпочках пробрался в гостиную, обыскал ее сумочку и тщательно просмотрел документы. Затем набрал номер Брандера и отдал ему несколько указаний. Спустя час Брандер перезвонил ему. Фон Бек напряженно вслушивался.

— Как я и предполагал, — пробормотал он и положил трубку.

На следующее утро фон Бек бодрой походкой проследовал в свой кабинет, где розыскной комитет собрался на очередное совещание. Он выглядел возбужденным и чуть ли не счастливым.

— Разве я не говорил, что мы снова услышим о бароне? — с триумфом спросил фон Бек. — Он сделал то, что я ожидал, и установил контакт.

И фон Бек рассказал ошеломленным слушателям о девушке.

— Она была слишком уступчива, а документы ее оказались фальшивыми, — заявил он. — Прошедшей ночью Брандер проверил ее по центральному архиву префектуры полиции.

Видите ли, это один из классических ходов барона — он засыпает своего агента в мою спальню. Весьма ловко, но поскольку мы теперь точно знаем это, можно вступать в игру. План отработан.

Фон Бек закончил совещание с улыбкой, но в глубине души ему было обидно до слез.

Часть четвертая

23-28 мая 1944 года.

Барон и Бруно остановились перед элегантным антикварным магазинчиком на улице Боти. В витринах были выставлены превосходный письменный стол стиля “рококо”, туалетный столик стиля “ампир” и шкаф, инкрустированный латуной и черепашьею костью, — отличительный знак знаменитого столяра семнадцатого столетия Андре-Шарля Буле.

— Разве они не чудесные? — высказался Бруно. — Античная мебель, каждая вещичка при продаже снабжается сертификатом, удостоверяющим ее возраст и подлинность. Подлинность, ха! Самая древняя вещь в этом магазине — кассовый аппарат. Все остальное — имитация!

— Ага, — благосклонно согласился Бельвуар, — но ты никогда не сможешь доказать это.

— Мужик — класс, что верно, то верно, — согласился Бруно, открывая дверь в магазин.

Привлекательная парижанка средних лет, выглядевшая весьма респектабельно, одарила их очаровательной улыбкой.

— Месье? — прошептала она. — Что могу сделать для вас? Вас интересует что-нибудь особенное? Как раз поступила восхитительная столовая и...

— Не устраивай цирка, милочка, — грубо оборвал ее Бруно. — Эту чепуху можешь оставить для простаков. Мы желаем переговорить с Ойгеном.

— С Ойгеном? Я, право, не знаю... С кем имею честь?.. — Продавщица нервно поправила шиньон и попыталась восстановить свое пошатнувшееся достоинство. Бруно и барон прошли мимо нее в просторную мастерскую за торговым залом, где стройный, жилистый, пожилой мужчина с ворохом упрямых седых волос тщательно наносил последний слой краснокоричневого лака на круглый чайный столик.

— А, Бруно, — пробормотал он, не оборачиваясь. — Не придирайся слишком к моей Ивонне, девочка старается. Минутку, и я буду к вашим услугам, лишь закончу эту чудесную вещичку из семнадцатого столетия. — Он отступил назад, чтобы получше рассмотреть свою работу. — Разве не божественно?

— Лучше, чем оригинал, я в этом убежден, — пошутил барон.

Ойген обернулся и взглянул на Бельвуара. Тот носил усы и очки, подходившие в данный момент к его одеянию. Столяр недоверчиво разглядывал его некоторое время, затем в его глазах мелькнуло хитроватое выражение.

— Не будь у меня тонкого слуха и не знай я, что вы придете сегодня, мон шер барон, я бы вас никогда не узнал. Вы такой же настоящий, как и моя мебель! — И он от души рассмеялся над своей собственной шуткой.

— Не будем терять времени, Ойген. — Барон извлек пачку бумаг, спрятанную за поясом. — Здесь чертежи... штучки, которую вы должны изготовить для меня. — Он разложил схемы и рисунки на полу, и все склонились над ними, опустившись на колени. Ойген поправил на носу пенсне и обстоятельно стал рассматривать каждый чертеж.

— Что это такое? — удивленно спросил он. — Такого я никогда не встречал.

Барон проигнорировал его вопрос.

— Здесь указаны все размеры, — энергично пояснил он. — Для корпуса можете использовать древесину обычного качества и покрасить ее в темно-коричневый цвет. — Бельвуар указал на ларь в углу мастерской: — Именно такого цвета, как у него. — Затем продолжил: — Клавиатуру надо взять от немецкой пишущей машинки фирмы "Кнауэр". Но отсоедините клавиши от рычагов и соедините их с тонкими алюминиевыми цилиндрами, диаметром около трех миллиметров. Шнур, вилки и розетки должны быть немецкого производства и соответствовать тем, которые используются вермахтом. Три ротора сверху на приборе сделаны из стали. — Бельвуар продолжал говорить, указывая старому мастеру на различные детали аппарата и подробно описывая их размеры и положения.

— Вы не делаете никаких записей? — спросил Бруно.

— Нет необходимости! — Фальсификатор улыбнулся и постучал указательным пальцем по лбу. — Все оседает здесь.

После того, как барон закончил свои пояснения, Ойген осторожно осведомился:

— Когда это должно быть готово?

— Давайте посчитаем, — задумчиво произнес барон. — Сегодня и завтра вам потребуется время раздобыть материалы, три-четыре дня, чтобы изготовить машинку, еще день, чтобы высохла краска. Скажем, четверг? Тридцатого мая?

Старик кивнул.

— Согласен. Но будет стоять вдвое дороже. Это задание не по моему профилю.

— Не возражаю, — ответил барон.

— Пятьдесят тысяч франков, — тихо сказал старик. — Плюс стоимость материалов.

— Я оставляю вам двадцать тысяч, остальное — по поставке. — Барон повернулся к выходу.

— Подождите, — попросил Ойген. — Согласно чертежам, на левой части корпуса укреплена маленькая табличка. Что должно быть написано на ней?

— Нанесите шрифтом высотой в дюйм черной краской по серому фону, как принято в вермахте, надпись: “Энигма”.

Пронзительный звонок разбудил фон Бека и Мишель. После второй проведенной ими вместе ночи она перебралась, по его настоянию, к нему на квартиру и открыто стала его любовницей. Таким образом, начался удивительный отрезок его жизни, в котором короткие фазы экстаза, граничащие с безумством, сменялись часами невыносимых мук. Он не мог освободиться от мысли, что единственная девушка, которую он полюбил по-настоящему, его враг.

Фон Бек с проклятиями выбрался из постели, забыв, что он сам просил позвонить ему.

— Фон Бек! — представился он сердито и некоторое время прислушивался. — Хорошо, я найду. — И положил трубку.

Мишель удивленно смотрела на него.

— Сейчас лишь половина седьмого.

— Сожалею. — Фон Бек начал быстро одеваться. — Я должен отлучиться в кабинет на несколько минут. Это недалеко, сразу за углом. Скоро вернусь, и мы вместе позавтракаем. — Он быстро поцеловал Мишель в шею, она сонно улыбнулась и снова свернулась под одеялом.

Но едва он захлопнул за собой дверь, Мишель соскочила с кровати и поспешила в гостиную. На столе лежал кейс из черной кожи. Она быстро открыла его и пролистала находившиеся в папках документы. Благодаря матери, родившейся в Вене, она неплохо владела немецким языком. Беглого взгляда хватило, чтобы определить важность документов.

Третья папка была самой важной. “87-я танковая дивизия. Сопровождение и охрана “Энигмы”, — гласил заголовок в углу. Мишель раскрыла папку и внимательно ознакомилась с документами. Согласно приказу, дивизия должна была передислоцироваться из Нанси в Булонь, погрузившись 2 июня на четырнадцать специальных эшелонов. Перевозка штаба дивизии должна была быть осуществлена ночным эшелоном, который отойдет из Нанси 1-го июня в 22 часа и за восемь часов проследует по маршруту Бар-ле-Дюк, Лан, Сен-Квентин и Амьен. Четыре вагона в середине состава предназначались для отдела связи. “Энигму” должна была охранять вооруженная охрана, располагавшаяся во втором вагоне. Затем указывались точные данные о скорости движения поезда, остановки, количество перевозимых на нем солдат. Мишель лихорадочно пошарила в своей сумочке и извлекла из нее миниатюрную фотокамеру. Хотя руки ее дрожали, ей удалось переписать самые важные документы. Закончив, она сунула папку

в кейс и защелкнула замки. Затем поспешила в кухню, поставила на плиту кофейник, поджарила хлеб и яичницу из двух яиц.

Когда Рудольф фон Бек вернулся домой, завтрак, к его удовольствию, был уже готов. Но его пронзила жгучая боль, когда он заметил, что ниточка, подложенная им под один из замков кейса, отсутствует.

Шпионка, любимая им, заглотила наживку.

Часы на церкви Святого Августина мелодично пробили четыре раза, когда Мишель вышла на станции метро "Мадлен" и торопливо направилась в восточную часть элегантной улицы Тронше. Она остановилась перед стеклянной дверью, на которой было выгравировано: "Эмидэ, салон красоты, посещение по договоренности". Мишель вошла. Полная блондинка лет сорока, в длинном платье из зеленого шелка, вышла ей навстречу. Она улыбнулась посетительнице, показав два ряда безукоризненных зубов.

— Мадам?

— Лемэр. Мишель Лемэр.

Светловолосая владелица салона заглянула в маленький, обтянутый кожей календарчик, который держала в левой руке.

— Ах, да, мадемуазель Лемэр. Массаж и прическа. Пройдемте, пожалуйста, за мной.

Мишель проследовала за ней через несколько просторных, обставленных дорогой мебелью и увешанных коврами и картинами помещений. В большинстве комнат ожидали своей очереди или отдыхали после пребывания у косметологов ухоженные дамы. Последнее помещение пустовало. Блондинка отдернула штору и взору открылась узкая дверца. Она отперла ее, вручила Мишель ключ и предупредила:

— Будьте осторожны.

Мишель открыла дверь и оказалась в покрытом брусчаткой внутреннем дворике. Жалкое деревце торчало в вечной тени, которую отбрасывали стоявшие вокруг высокие, потемневшие дома. Мишель пересекла дворик и повернула дешевую металлическую ручку дряхлой двери. По узкому темному коридору она добралась до лестничной площадки и поднялась на третий этаж. Дверь справа была не заперта. Она пересекла крохотную кухню и вошла в просторную гостиную. Шторы на окнах были прикрыты, и в комнате царил полумрак. Из противоположного угла, самого темного в комнате, появился барон.

— Все в порядке? — отрывисто спросил он.

Мишель кивнула.

— Вас никто не видел, когда вы входили?

— Разумеется, видела женщина из салона красоты.

— Она в норме. — Барон попытался улыбнуться. — Не всегда ведь была самым элегантным косметологом Парижа. Вы понимаете, что я имею в виду?

Ледяное напряжение повисло в воздухе. Мишель открыла сумочку и вытащила из нее маленькую камеру, которую ей давал барон.

— Пленка внутри, — спокойно заявила она. — Мне кажется, я раздобыла то, что вам требуется. Поздним вечером первого июня уходит специальный поезд с машинкой “Энигма”.

— Первого июня. Прекрасно. — Глаза его приобрели отрешенное выражение. Прошло несколько минут, прежде чем он снова глянул на нее. — Еще немного побудьте, а потом возвращайтесь назад и именно тем путем, каким пришли сюда. Сделайте прическу и возвращайтесь в квартиру фон Бека. Второго июня, не забудьте. Вы оставите его дом, как только он уйдет, и приходите в салон красоты. Эмидэ позаботится о вас. На этом ваше задание заканчивается, и фон Бек никогда больше вас не увидит.

— А Луиза? — тихо спросила она.

— С Луизой вы встретитесь после войны.

Девушка покорно кивнула, движения ее казались безжизненными.

Барон приблизился к Мишель и нежно коснулся рукой ее лица.

— Так уж тяжело? — сочувствующе спросил он.

На секунду она замерла, а потом разразилась рыданиями. Бельвуар мягко привлек ее к себе, пытаясь успокоить.

— Скоро все пройдет. Вы увидите, через три дня все кончится. И что бы ни произошло, я обязательно приду за вами.

31 мая 1944 года.

Ранним утром 31-го мая прошли два совещания. Одно — на вилле “Рандеву с амуром” на берегу Марны, которую барон использовал теперь исключительно для переговоров с коммунистами. Пятнадцать борцов Сопротивления, преимущественно командиры подразделений маки со всей Франции, прибыли разными маршрутами на важное совещание перед операцией “Энигма”. Среди прибывших барон узнал трех участников своей первой встречи: Мориса, фанатичного Раймонда и рослого Энри. Последний крепко пожал руку барону и сказал:

— Я отвечаю за нападение. Надеюсь, мы поладим.

Все разместились в гостиной, кто на софах и в креслах, кто прямо на начищенном паркете.

Бельвуар развернул крупномасштабную карту Франции и развесил ее на стене.

Энри открыл совещание:

— Товарищи, мы собрались здесь, чтобы обсудить одно из самых значительных мероприятий. Завтра ночью, как я уже

говорил вам на предыдущем совете, мы должны напасть на усиленно охраняемый немецкий эшелон, заполучить машинку "Энигма", которая будет находиться на нем, а затем взорвать поезд. Машинка эта имеет для союзников огромное значение. Каждый из вас, возглавляя группы в двадцать самых надежных бойцов, примет участие в этом деле. Всего получается около трехсот человек. Если вопросов нет, перейдем к деталям.

Барон пустил по рукам перевод документа, который перефотографировала Мишель три дня назад. Энри набросал схему состава на куске доски, отметив стрелкой вагон, в котором должна была находиться "Энигма". Барон встал и подошел к карте.

— Нам надо определить место, где мы устроим засаду, — начал он. — Итак, вот маршрут движения состава. — Его рука последовала по изогнутой части Франции, следовавшей вдоль Рейна на север, затем в южном направлении до Бар-ле-Дюка, миновавшей потом Реймс, Лан и Сент-Квентин, спускаясь у Амьена в долину реки Зомме, чтобы, проследовав параллельно побережья пролива, уткнуться в Булонь.

— Давайте вначале исключим все районы, где мы не сможем ничего предпринять, — высказал мнение Морис. Он подошел к карте и заговорил тоном, выдававшим его компетентность и авторитет. — Мне кажется, мы единодушны в том, что между Нанси и Бар-ле-Дюком ничего не получится. Во-первых, потому что этот участок дороги проходит рядом с сильной концентрацией немецких войск вдоль границы, а во-вторых, будет ранний вечер, и часовые еще начеку. По аналогичным причинам мы не можем осуществить нападение и на конечном этапе движения состава.

— Таким образом, нам остается только средний участок между Бар-ле-Дюком и Амьеном, — заметил Энри.

— Не совсем, — возразил Морис и наморщил лоб. — Я бы ни при каких обстоятельствах не стал нападать на эшелон вблизи Реймса. Этот участок слишком оживленный, там много передвижений, особенно в ночное время.

— Такое же положение и под Амьеном, — вмешался молодой, сухощавый бретонец с пронзительными черными глазами. Морис кивнул.

— Поэтому нам остаются три точки, где мы можем остановить поезд. В долине реки Марны между Бар-ле-Дюком и Витри-ле-Франки, на северной равнине в нескольких километрах от Лана и на участке, где пути между Сент-Квентином и Амьеном приближаются к берегу реки Зомме.

— И что ты предлагаешь? — напряженно спросил Энри. Морис усмехнулся.

— У меня собственное представление, но вначале хотел бы услышать ваши, товарищи. Вы должны учитывать присутст-

вие вражеских войск в районе, свойство местности и обдумать при этом, сумеет ли мы доставить в течение двадцати четырех часов триста человек и обеспечить после атаки пути отхода.

Энри повернулся к присутствующим и улыбнулся.

— Давайте услышим голос народа.

Началась дискуссия.

В то время, когда повстанцы оживленно дебатировали на вилле барона, в кабинете Рудольфа фон Бека в здании "Отто" проходило другое совещание. Оба были чертовски похожи. Основная тема, обсуждавшаяся в кабинете фон Бека, была идентична той, которую обсуждали у барона: предстоящее нападение на эшелон, перевозивший "Энигму". В кабинете фон Бека, как и в гостиной у барона, на столе был разложен набросок штабного поезда, на стене развешена карта Франции. Молоденький лейтенант из штаба командования "Запад" обводил тушью маршрут движения эшелона, пролежавший, пересекая север Франции, между Нанси и Булонью. В этом совещании принимало участие несколько офицеров штаба командования "Запад", а также полковник-десантник в помятой после длительной ночной поездки из Нормандии форме.

Фон Бек открыл совещание, раздав участникам копии документов, касавшиеся перевозки штаба 87-й танковой дивизии и "Энигмы". Он энергично начал излагать ситуацию:

— Как вам, за исключением немногих, известно, на прошлой неделе мы выявили устремления британского агента завладеть "Энигмой" и переправить эту машинку в Англию. Без всякого сомнения, британский агент будет поддержан в своих попытках французскими террористами. Я полагаю, что не следует распространяться о важности этого прибора или катастрофических последствиях, заполучи его англичане. Понятно так же, что в связи с предстоящим вторжением во Францию они попытаются заполучить "Энигму". — Он откашлялся. — Британский агент пытался уже собрать информацию об "Энигме", заслав одного из своих сообщников в мое непосредственное окружение.

Хельмут Мюллер, представитель гестапо, скептически ухмыльнулся. Фон Бек бросил на него яростный взгляд, но продолжил:

— Поскольку я располагаю точными данными об этом плане, позавчера в подходящее время я покинул свою квартиру, чтобы дать возможность лазутчику просмотреть папки и обнаружить в них документы, которые теперь у вас в руках.

Один из офицеров издал возглас удивления, другие ошеломленно глянули на фон Бека. Лишь постоянные члены комитета внешне выказывали сдержанность. Они были уже ознакомлены с хитрыми военными замыслами своего председателя.

— Документы, которые у вас в руках, фальшивые, — заявил фон Бек. — Сфабрикованы они были по моему указанию с одной целью — завлечь в ловушку британского агента, проходивца по имени Бельвуар, со всей его компанией. — Он выждал, пока в помещении не смолк возбужденный шум. — Подлинным в документах является лишь тот факт, что завтра в 10 часов вечера из Нанси отойдет эшелон, направляющийся в Булонь. Разумеется, “Энигмы” в поезде не будет. Вместо нее там будут находиться пятьсот подготовленных солдат СС, готовых отразить любое нападение. Штандартенфюрер Листц, на которого возложено командование, объяснит вам остальные подробности.

Штандартенфюрер, чье звание в СС соответствовало званию полковника вермахта, был коренастым швабом с выдающимся вперед подбородком и пронзительным взглядом. Он подошел к схеме эшелона, прихватив длинную белую указку, стоявшую у стены.

— Как вы видите, эшелон состоит из десяти вагонов. Четыре вагона в середине состава, в которых якобы находится “Энигма” и обслуживающий ее персонал, останутся совершенно пустыми. Мы предполагаем, что французские террористы во главе с британским агентом нападут на эшелон из засады и сконцентрируют атаку на этих четырех вагонах, поэтому-то они и будут пустыми, чтобы избежать ненужных потерь. Они служат лишь приманкой для нападающих. Мои пятьсот человек будут находиться в остальных шести вагонах. Десять солдат, вооруженных пулеметами, гранатами и автоматами, займут места на паровозе и тендере. Две такие же спецгруппы прикроют хвост поезда. Основная масса людей, — продолжал он, — будет разделена на две части. Одна, вооруженная пулеметами и гранатами, займет места в пассажирских купе. Как только произойдет нападение, они откроют со всех сторон убийственный огонь. Остальные, около трехсот человек, выпрыгивают из вагонов, как только поезд остановится, и завязывают с нападающими ближний бой. Само собой разумеется, они тоже будут вооружены автоматами и пулеметами. Как видите, господа, — добавил он со злой усмешкой, — этот эшелон превращается в адскую машину.

— При этом речь идет о части плана, — быстро вставил фон Бек. — Я не сомневаюсь, что Листц со своими молодцами в состоянии отбить любую атаку на эшелон и нанести противнику тяжелые потери. Но мне требуется больше. Я хочу полностью истребить всех террористов, которые нападут на поезд, хочу увидеть труп Бельвуара. Лишь тогда я поверю, что его миссия провалилась. Для уничтожения всей банды нужно окружить ее и перекрыть все пути отхода. Мы должны ударить им в тыл и держать под перекрестным огнем, чтобы не оставить ни одного шанса уцелеть.

— И как вы намерены осуществить это? — удивленно спросил штандартенфюрер.

— Как только разгадаю план нападения на поезд, я подготовлю для них ловушку, — ответил фон Бек. — И это основная причина, ради которой я собрал это совещание. Задействованные в операции части окружают террористов плотным кольцом и отрежут им пути отступления, чтобы после начала атаки они оказались с обеих сторон между эшелоном и лесом. Нельзя допустить, чтобы хоть кто-то улизнул. Есть вопросы?

Поскольку вопросов ни у кого не было, совещание закончилось.

В тридцати километрах на вилле барона встреча также закончилась. Покидая виллу, Энри отвел Мориса и Раймонда в сторону.

— Вы знаете, что вам следует делать, — тихо сказал он. — Ваше задание заключается в том, чтобы после атаки доставить “Энигму” в Руан и спрятать там, пока не последует указание от нашего русского друга из Швейцарии, что делать с ней дальше. В вашем распоряжении три автомобиля, надежная охрана и первоклассные документы.

Морис удивленно глянул на него.

— Но мы пообещали передать машинку барону!

Энри многозначительно улыбнулся.

— Он ее никогда не увидит, мой маленький Морис. В данном мероприятии он не играет уже никакой роли. Указания нам приходят из Москвы, а не из Лондона.

Затем он повернулся и доброжелательно помахал барону, который стоял в дверях. Бельвуар улыбнулся и помахал в ответ.

— Адью, — медленно пробормотал он. Ему было ясно, что с этими людьми он никогда больше не встретится.

В то же утро по дороге к комплексу “Отто” Бельвуар сделал остановку. На “ситроене” Бруно он зарулил в мрачное рабочее предместье Пантин. 47-я пристань представляла собой темно-коричневое двухэтажное здание, выходившее фасадом к каналу. Бельвуар оставил машину на некотором удалении, прошел по берегу, пересек улицу и украдкой поднялся на второй этаж. Там он постучал в единственную дверь, выходившую на лестничную площадку, и нетерпеливо крикнул:

— Открой, Жюль! Это я, барон!

Прошло некоторое время, прежде чем дверь приоткрылась. Недоверчивые, налитые кровью глаза подозрительно глянули на Бельвуара.

— Это не барон. Кто вы, черт побери? — хриплым голосом спросил мужчина.

Барон толкнул дверь, отчего согнутый человечек с длинной черной бородой резко отлетел назад.

— Еще бы я не барон, — небрежно бросил он. — Ты знаешь мой голос и видишь, что я всего-навсего переодет.

Мужчина, которого звали Жюль, обстоятельно обследовал его, потрогав даже усики.

— Твоя борода мне не нравится, — продолжал барон. — Глянь-ка, Жюль, борода — это то, что люди припоминают. А в нашем деле нам не следует привлекать внимания. В случае, если эта пышная борода настоящая, а она выглядит именно так, я настоятельно советую тебе или сбрить ее, или подыскать себе иную работенку.

— Я отпустил ее в тюрьме, — бормоча, защищался Жюль.

— Да, от Бруно я слышал, что ты отсидел целый год. — Бельвуар кивнул и вздохнул. — И ты знаешь, что это только твоя вина. Сколько раз я говорил тебе, что взрывчатка вышла из моды? Если ты так любишь чистить сейфы, то должен, по меньшей мере, изобрести более приличные методы — подобрать комбинацию шифра или отмычки. От взрывчатки много шума и мало толку. Ладно, ты не хотел прислушаться к моему совету, когда я его давал. Это твои дела. Но поскольку ты умеешь обращаться с взрывчаткой, то можешь оказаться полезным. У меня к тебе небольшое дельце.

— Что за дельце? — неуверенно спросил Жюль.

Барон подробно объяснил ему, что от него требуется.

— Завтра утром Бруно зайдет к тебе, чтобы забрать вещишки, понял? — Он похлопал бывшего заключенного по спине и сунул ему в руку несколько банкнот. — Но до того, как приступишь к делу, побрейся, приобрети чистую одежду и, — о небо! — приличное вино.

Бельвуар поспешил по лестнице вниз, сел в машину и через двадцать минут появился в здании "Отто". Миновав охранника, он присоединился к группе рабочих, которые перетаскивали в подвал деревянные ящики и картонные коробки.

Вечером, когда барон тащил тяжелый ящик, он столкнулся с немецким офицером, который торопливо шел через широкий холл к выходу. Он простовато улыбнулся высокому светловолосому немцу и пробормотал с жалким французским акцентом:

— Извините, пожалуйста.

Фон Бек поспешно прошел мимо, но на какое-то мгновение ему подумалось, что улыбка этого француза ему чем-то не понравилась.

2 июня 1944 года 2 часа 50 минут - 4 часа 5 минут.

2 июня в 2 часа 50 минут хауптшарфюрер Эгон Веплер придавил наполовину выкуренную сигарету и аккуратно положил ее в плоскую коробочку, которую всегда носил в левом нагрудном кармане полевой куртки. Через заднее окно кабины машиниста он подал знак своим людям, расположившимся на

тендере, последовать его примеру. Прошло около двух минут, пока те заметили его жесты. Ночь была темной, и бледная луна, сопровождавшая эшелон от Нанси, давно уже скрылась за плотными темными облаками. Веплер обернулся к машинисту и кочегару, деловито бросавшим уголь в ярко полыхавшую топку.

— Эй, вы, там! — крикнул он на плохом французском. — Теперь вы едете ровно шестьдесят, понятно? И ни на километр больше!

Машинист согласно кивнул, бросил взгляд на тахограф и пожал плечами. Локомотив модели 241-П являлся монстром, весил сто тридцать тонн, имел мощность три тысячи триста лошадиных сил и легко мог развить скорость до сотни километров в час. “Но у бошей, видимо, свои причины, — подумал он. — Груз, который перевозится, конечно, ценный и требует чрезвычайных мер безопасности”.

Эгон Веплер толкнул в плечо своего приятеля Штарка, затем поднялся на кучу угля, ухватился за край крыши и выбросил вверх свое массивное тело. Холодный, пронзительно свистящий ветер ударил ему в лицо и грудь. Под напором ветра Веплера закачало, он закашлялся и ничком упал на холодную, липкую крышу кабины машиниста.

Штарк, наблюдавший за ним из двери кабины машиниста, передал ему пулемет МГ-34 и ящик с патронами. Веплер установил оружие на треножник, вставил ленту в продолговатый приемник и защелкнул крышку. После этого он осторожно отцепил от пояса четыре гранаты с деревянными ручками и положил их перед собой, зажав между стволом пулемета и ящиком с патронами. Таким образом он позаботился о том, чтобы они не сдвинулись с места.

В девятом вагоне штандартенфюрер Листц глянул на свои часы и во второй раз после Витри-ле-Франки обратился к дежурному:

— Поднимите всех по тревоге!

Никто не затрубил в горн, никто не ударил в барабан. Несколько солдат молча поспешили по длинным коридорам вагонов, будили сонных товарищей, передавали шепотом приказ офицерам. Вагоны были погружены в абсолютную темноту. Сонным солдатам потребовалось вдвое больше времени, чтобы занять места у своих пулеметов или собраться в узких проходах и приготовиться к быстрому покиданию вагонов. Эта задержка была учтена холодным разумом штандартенфюрера, работавшим, как счетная машина. Его люди уже в 2 часа 50 минут были готовы к действиям.

В это время в восьми километрах западнее от железной дороги полковник Маннхайм, командир десантной бригады в тысячу человек, входил в штаб, расположившийся на покинутой усадьбе. Он только что вернулся с места основной дислокации

штаба в местечке Крайль на окраине Парижа, находившегося примерно на равном удалении от трех участков предполагаемой атаки на эшелон. Там он оставался до последней минуты, готовый немедленно отправиться в район, где произойдет нападение.

В гуще молодых деревьев на краю полевой дороги, едва ли в сотне метров от переезда, стоял Энри, проверял свой автомат "томсон". Предводитель коммунистов только что возвратился из обхода. Группа из десяти человек, занявшая позиции в западном конце участка, имела задание взорвать путь и остановить состав. Подобная группа должна была атаковать хвост поезда. Между этими группами вдоль полотна железной дороги сидели в засаде сто шестьдесят человек, которые автоматным огнем должны были сконцентрировать огонь на трех первых и трех последних вагонах и не обстреливать четыре вагона в середине состава, где находился узел связи. После этого Энри во главе группы в сто человек должен был атаковать его.

Позади Энри зашелестела листва. Он обернулся. Раймонд и Морис, его ближайшие помощники, с оружием в руках присели рядом с ним на корточки.

— Люди готовы, — прошептал Раймонд и указал на темную, едва заметную массу людей, залегшую в пятидесяти метрах позади них. — Оружие проверено еще раз. Эти "томсоны", полученные нами три месяца назад из Англии, первоклассные штучки.

Энри кивнул.

— Ты знаешь, что должен делать, — прошептал он. — Твоя задача — самая важная во всей операции. А ты, Раймонд, со своими людьми должен первым проникнуть в вагон с "Энигмой". Сколько у тебя людей для прорыва?

— Двенадцать.

— Отлично. Я буду следовать за вами. Ты со своей группой являешься ответственным за то, чтобы все находящиеся в вагонах были уничтожены. Морис, ты выдвигаешься сразу же, как только немцы будут уничтожены. Твои саперы проделают отверстия с северной стороны вагона. В это время вы с Раймондом хватаете машинку и исчезаете. Не забудь, вы не должны задерживаться и испаряетесь как можно быстрее. Об остальном не ломайте голову.

Он замолчал. План должен был увенчаться успехом. Предполагалось, что через пять минут после начала атаки Раймонд и Морис будут уже сидеть в машине, а "Энигма" лежать в багажнике. Машина, немецкий штабной лимузин, была украдена день назад в Аррасе и теперь поджидала их на проселке по другую сторону железной дороги, запрятанная под деревом, а водитель и сопровождающий были одеты в немец-

кую форму, имели необходимые документы с подписями и печатями. Никто не предположил бы, что они фальшивые. Через три часа "Энигма" окажется в надежном месте в Руане. Сам Энри планировал задержаться на пару минут, чтобы проследить за полным уничтожением вагона, из которого будет забрана "Энигма", чтобы потом при обследовании разрушенного вагона никто не смог бы заметить, что "Энигма" отсутствует. После этого его люди быстро отступят по известным путям отхода.

Вдалеке, где-то на востоке, раздался приглушенный рокот, и звук стал приближаться, становясь все громче и громче. Энри глянул на свои наручные часы. Было 2 часа 55 минут. Он задрожал от возбуждения и повернулся к своим помощникам:

— Подходит.

Хауптшарфюрер Веплер жил не долго, так и не воспользовавшись своим пулеметом. Он все еще внимательно вглядывался на уходящие перед ним рельсы, когда от мощного взрыва огромный локомотив приподнялся, а затем с грохотом ударился о землю. Веплера подбросило в воздух, и он приземлился слева от развороченного стального страшилища. Позвоночник был переломан, и он был уже мертв, когда рядом с ним появился плотного телосложения маки и пулями продырявил ему грудь.

Мощный взрыв превратил локомотив в согнутый черный труп. Но страшилище умирало медленно и, казалось, страдало в мучительной агонии. Оно лежало на правом боку поперек взорванных путей. Взрыв разрушил связывающее сцепное дышло приводимых колес, которые, освободившись от кривошипов, продолжали крутиться, будто пытаясь снова потянуть паровоз. Топка все еще ярко светилась, из двойной трубы валил черный дым, в то время как кипящая вода гейзерами била из пробитого котла. Взрыв оторвал паровоз от состава, но не опрокинул вагоны, хотя основательно встряхнул их и на пару минут вывел из строя защитников. Партизаны Энри повели атаку. Автоматы по обе стороны состава застрочили в бешеном стаккато, и маки приблизились к вагонам, сея смерть и разрушения. Пули жужжали, будто разъяренные пчелы. Группа партизан, не обращая внимания на опасность того, что они могут быть поражены своими же товарищами, бросилась вперед, забросав вагоны гранатами через окна. Некоторые пользовались оружием, которое остановило немцев под Сталинградом — бутылками с самовозгорающейся жидкостью, получившей название "коктейль Молотова". Бутылки взрывались ярко-желтыми шарами, сжигая все вокруг. Один из таких "коктейлей" взорвался в девятом вагоне прямо под ногами штандартенфюрера Листца. За доли секунды нацистский офицер

превратился в пылающий факел. Его нечеловеческие крики пронесли по вагону, а пришедшие в ужас штабные офицеры почувствовали запах обгоревшего мяса. Он умер в адских мучениях, его скрюченное тело почернело от ожогов, рот с оскаленными зубами был широко раскрыт. Подобная участь ожидала и нескольких солдат, попытавшихся выпрыгнуть из поезда. "Молотовские коктейли" взрывались у распахнутых дверей и превращались в стену непроходимого огня. За первые минуты атаки погибли десятки эсэсовцев. Исход боя, казалось, был предreshен.

Но вот в окне одного из купе показался ствол пулемета, затем во втором, третьем, четвертом, и вскоре вдоль всего состава выплеснулся ответный огонь. Пулеметные точки маки, находившиеся на открытой ровной местности и не защищенные ни мешками с песком, ни брустверами, попали под тяжелый прицельный огонь. Прозвучал приказ, повторенный по всему составу:

— Бросить дымовые шашки!

В течение нескольких секунд дюжина таких гранат была выброшена из окон, и состав окутался непроницаемым черным облаком. Солдаты воспользовались этими несколькими секундами, когда огонь французов потерял прицельность, и, покинув вагоны, бросились в контратаку. Узкие полоски по обеим сторонам полотна превратились в кровавое поле сражения, на котором французы и немцы вели ожесточенный бой, применив вначале автоматы и гранаты, а затем перейдя к рукопашной, пустив в ход ножи, приклады и даже голые руки, тянувшиеся к горлу противника.

Энри повел своих людей сквозь хаос извивающихся и спутавшихся в дикой схватке тел. Ни редеющие ряды его группы, ни взывавшие о помощи раненые не могли отвлечь его от цели: заполучить "Энигму". Как и большинство его людей, он был словно оглушен неожиданным сопротивлением, поскольку рассчитывал, что в поезде будут находиться в основном только писари, радисты и штабные офицеры. Позднее он намеревался перегруппировать бойцов и повести их в последнюю решительную атаку на врага. Но вначале ему нужно было выполнить свою задачу.

Основная масса его группы быстро достигла вагона, где должна была находиться "Энигма". Вагон стоял удивительно безмолвный и темный.

— Раймонд! — крикнул Энри.

Его товарищ прыгнул на первую ступеньку вагона.

— За мной! — прорычал он и исчез внутри вагона.

За ним спешно последовал пяток партизан. Морис в окружении саперов торчал возле деревянных ступенек вагона. Энри послал нескольких человек на фланги, чтобы отбить возможное нападение немцев.

Неожиданно в дверном проеме появился Раймонд. Лицо его выражало растерянность.

— Энри! Вагон пуст! В нем ничего нет!

— Что? — недоверчиво вскричал Энри.

Раймонд подтверждающе кивнул. В это мгновение появился немецкий солдат и выпустил весь магазин в Раймонда, который, стоя в дверях вагона, представлял собой превосходную мишень. Раймонд схватился за живот и свалился головой вниз к ногам товарищей. Морис инстинктивно набросился на немца, и оба повалились на землю. Секундой позже марселец медленно поднялся, вытаскивая окровавленный нож из перерезанного горла врага. Один из товарищей Раймонда высунул из вагона голову.

— Энри, машинки здесь нет! — крикнул он.

— Может быть, она в другом вагоне? — неуверенно возразил Энри. Но его люди уже спешили назад от других вагонов.

— Ничего! — ошеломленно доложили они.

— Даже ни одного боша! — выругался один из партизан.

Неожиданно Морис оказался возле Энри, потянул его за рукав и крикнул наполненным ужасом голосом:

— Энри, посмотри! Сзади нас!

Энри быстро обернулся. Из леса, освещенная многочисленными выстрелами, пламеневшими вдоль всего состава, приближалась линия солдат в касках и боевом снаряжении. Они плотно прижимали к груди автоматы и вели огонь короткими очередями. Несколько партизан, лежавших за пулеметами, вскочили и в панике побежали к поезду, другие безуспешно пытались развернуть свое оружие в противоположном направлении.

— Десантники! — крикнул Энри и выругался.

С диким боевым кличем его люди бросились навстречу десантникам. Их положение было безвыходным. Пулеметчики повели убийственный перекрестный огонь и прижали их к земле. Со всех сторон под прикрытием града пуль приближались солдаты и десантники, уничтожая последние точки сопротивления оставшихся в живых партизан. Морис, грудь которого была пробита несколькими пулями, умирал медленно.

— Энри! Автомобиль! — прохрипел он, и тонкая струйка крови потекла из уголка его рта. — Иди к машине!

Энри сознавал, что до машины, на которой они должны были скрыться, он никогда не доберется. Инстинктивно он бросился назад к спасительной массе поезда. Невыносимая боль пронзила его левую руку и левую ногу, но ему удалось преодолеть последние метры и броситься под вагон. Испытывая острую боль, он подтянулся к колесной оси и крепко вцепился в нее. Он не знал, что вернулся к тому вагону, который являлся целью всей операции, не знал, что, кроме него, лишь четверо партизан останутся в живых в лесу под Ланом.

В 3 часа 45 минут в квартире Рудольфа фон Бека зазвенел телефон. Он резко снял трубку. Мишель равномерно дышала, лежа рядом, может быть, даже подозрительно равномерно.

— Фон Бек, — ответил он.

На линии были сильные помехи, затем послышался далекий голос офицера из штаба Маннхайма. Тонем, в котором звучал триумф, десантник доложил об успешном исходе операции. Партизаны под Ланом были полностью истреблены.

На лице фон Бека расплылась широкая улыбка.

— А Бельвуар? — нетерпеливо спросил он. — Вы обнаружили его? — Выдержав некоторую паузу, добавил: — Ничего не меняет. Я уже в дороге.

Фон Бек поднялся и начал быстро одеваться, не бросив на кровать ни единого взгляда. Лишь одевшись в свою свежеевыглаженную чистенькую форму, он обернулся и посмотрел на Мишель, которая с широко раскрытыми от ужаса глазами сидела на кровати.

— Сожалею, — сказал он, и, несмотря на все усилия, голос его дрогнул от боли. — Мы находимся в состоянии войны. Тебе не следовало бы ввязываться. На улице ждут двое моих людей с приказом арестовать тебя. Одейся, пожалуйста.

Фон Бек направился к двери, но что-то заставило его обернуться еще раз.

— Я любил тебя, Мишель, — прошептал он, обращаясь к неподвижной фигуре.

2 июня 1944 года 4 часа 5 минут-6 часов 35 минут.

Из черного "ситроена", припаркованного на противоположной стороне тихой улицы Фош, Бруно Морель флегматично наблюдал за отъездом фон Бека. Он глянул на часы. Было 4 часа 5 минут, ровно пять минут после установленного времени, когда должна была начаться акция. Он вылез из машины, подошел к будке общественного телефона и набрал номер префектуры полиции.

— Алло, — ответил заспанный голос. — Полиция!

— Говорит один из повстанцев, — заявил Бруно неторопливо. — Мы хотим сообщить, что в здание "Отто" по скверу Булонского леса заложены мощные бомбы. Первая взорвется в четыре пятнадцать, другие будут взрываться каждые десять минут. Да здравствует Франция! — Он повесил трубку, сел в машину и уехал. Спустя пять минут, когда машина катилась по пустынным Елисейским полям, он услышал завывания сирен и увидел три полицейские машины, летевшие в противоположном направлении.

В 4 часа 15 минут первый взрыв разнес бюро на первом этаже здания "Отто". В то время, как патрульные полицейские машины и моторизованная полевая жандармерия — военная полиция вермахта — собирались на маленькой площа-

ди, охваченные ужасом солдаты и охранники, многие еще в форме, суматошно торопились выбраться из здания. Полиция быстро окружила дом и перекрыла узкие подъездные улочки.

В небольшой квартирке Жана Роже, шефа пиротехнической команды парижской полиции, раздался телефонный звонок.

— Заложена бомба! Тревога! — прокричал в трубку дежурный чиновник префектуры. — Дом двадцать три. Сквер Булонского леса! Достаньте бронированную машину и обезвреживающую аппаратуру. Взрывы уже начались!

— Прибудем! — ответил Френсис де Бельвуар и небрежно бросил трубку на рычаг. Этого звонка он ждал уже с 3 часов 30 минут, то есть с того момента, как проник в эту квартиру на улице Мадэм и без труда захватил в заложники Жана Роже и его жену. Теперь крепко связанные и с кляпом во рту они лежали на кровати. Последние полчаса Бельвуар провел, придавая своему новому облику последние штрихи. Две недели он внимательно наблюдал за Роже и тщательно подбирал одежду, в которой мог бы походить на офицера полиции. Он бросил последний взгляд в зеркало: светло-рыжеватые волосы, тщательно ухоженные бородка и усики. Схожесть была лишь внешней, критически признался он сам себе, но, с другой стороны, во время воцарившихся паники и суматохи никто не будет обращать внимания на лицо эксперта полиции.

Бельвуар быстро накинул на себя форму Роже, нахлобучил на голову его полицейскую фуражку и покинул квартиру. Бронированная полицейская машина стояла у дома на специальной площадке. Едва Бельвуар вышел из дома, как возле него мягко притормозил черный "ситроен". Бруно поставил свою машину перед полицейским автомобилем и спешно вылез, на ходу расстегивая пуговицы своего дорогого пальто из ламы. Быстро скинув пальто, он бросил его на переднее сидение "ситроена", открыл багажник, вытащил оттуда полицейскую фуражку и натянул ее на голову. Вместе с Бельвуаром он осторожно извлек большой квадратный предмет, который они перенесли в полицейский автомобиль. Кроме этого они перегрузили в темно-голубую бронированную машину несколько маленьких упаковок и, открыв большой бронированный контейнер, служивший для транспортировки бомб и взрывчатки, сложили в него эти предметы. Вся процедура заняла меньше минуты. Бельвуар запустил мотор, нажал кнопку sireны, и машина помчалась по улице в сером свете занимавшегося парижского утра.

Они добрались до комплекса "Отто" менее чем за десять минут. Полицейские, перекрывшие подъездные улочки, узнали автомашину и приглашающе махнули рукой. Барон остано-

вился прямо перед входом в здание "Отто". Французские полицейские, несколько немецких полевых жандармов и куча солдат стояли на противоположном тротуаре и напряженно всматривались в массивное здание. Из разбитого окна на втором этаже вырвалось черное облако дыма. На тротуар брызнули стекла.

— Эй, вы, подождите! — крикнул подъехавшим высокий капитан полиции. — Остановитесь!

— Нам нужно туда, мы из отдела по ликвидации взрывных устройств, — бросил в ответ Бельвуар.

Чиновник быстро пересек улицу. Он указал на свои наручные часы и настойчиво повторил:

— Подождите! Следующий взрыв произойдет через минуту. После этого можете проникнуть внутрь. У вас будет десять минут времени.

Едва он закончил, как здание потряс очередной взрыв. На этот раз он был таким сильным, что большая часть оконных стекол на втором этаже вылетела и, звеня, рассыпалась по тротуару. Из окна вырвалось новое облако дыма.

— Теперь можете входить, — сказал капитан.

Бруно и Бельвуар, прихватив с собой тяжелый ящик, поспешили в здание. Оказавшись в холле, барон произнес:

— Действуем быстро, у нас только десять минут. Куда ты пристроил остальные заряды?

— Четыре на втором этаже, два на третьем, — ответил Бруно.

Они вскрыли стальной ящик, отложили в сторону маленькие пакетики и вытащили большой, квадратный предмет, который Бруно привез на своей машине.

Это была копия "Энигмы", как две капли воды похожая на оригинал.

Рудольф фон Бек сидел, уставившись вперед, в своем "хорьхе", который несся по пустынным улицам Парижа. Его лицо было перекошено, уголки сжатых губ свисали вниз горькими складками. Он никак не мог избавиться от образа Мишель. На северном выезде из Парижа у ворот "Де ля Шанель" фон Бек обнаружил открытое кафе, где немецкий офицер мог получить приличный обед. Перспектива выпить процеженный кофе и съесть свежую булочку казалась привлекательной. Он приказал Шнайдеру остановиться. Зайдя в кафе, фон Бек подошел к латунной стойке и заказал завтрак. Четверо младших офицеров, развязно болтавших возле прилавка, приняли позу "смирно", поприветствовали его и тотчас же испарились. Фон Бек небрежным жестом ответил на их приветствие и жадно впился зубами в хрустящую золотистую корочку рогалика. На стойке стоял старомодный телефон, и полковник решил позвонить на работу — там дежурил Брандер, постоян-

но поддерживавший связь со штабом полковника Маннхайма. Возможно, труп барона уже опознан. Хорошая новость порадовала бы его.

Фон Бек набрал номер своего кабинета, но никто не ответил, попытался дозвониться по другому номеру, но также безуспешно. Он тихо выругался про себя, приходя в раздражение. "Где же, черт побери, Брандер? В этот ответственный момент он не должен покидать бюро!" Нервно, он набрал номер телефона в штабе абвера, расположенного в отеле "Летиция". Может быть, дежурный офицер в курсе, почему отсутствует Брандер.

На этот раз на другом конце провода ответили сразу же. Он представился и задал вопрос. От того, что услышал, кровь застыла в жилах. Фон Бек бросился к своей машине.

— Назад! — крикнул он ошеломленному Шнайдеру.

Пока "хорьх" пробирался по улицам, фон Бек расстегнул воротничок и вытер взмокший лоб. Он попытался убедить себя, что все это случайность и ничего более, хотя в глубине души уже понимал, что потерпел поражение.

Бруно и Бельвуар торопливо поднялись на третий этаж в центр связи абвера. В помещении никого не было, как и в других кабинетах. Деловито стрекотали телетайпы, набивая входящую информацию на медленно раскручивающиеся ролики бумаги. Они быстро заменили оригинал "Энигмы" на копию и, подхватив подлинник, они осторожно понесли его вниз. Лишь на короткое мгновение взгляд Бельвуара задержался на машинке, стоявшей перед ним и выполненной из дерева, металла и проволоки.

— Теперь все зависит от тебя, Бруно, — сказал он. — Ты знаешь, что надо делать.

Великан лукаво улыбнулся. Бельвуар оставил его внизу, а сам снова помчался на третий этаж. Оказавшись в центре связи, он аккуратно разложил пакеты, которые прихватил с собой. Это были маленькие, но сильные, снабженные часовым механизмом с коротким заводом заряды. Четыре бомбы он положил в разных концах комнаты, а пятую сунул под фальшивую "Энигму". По дороге вниз заложил еще три заряда в других помещениях. Последний заряд такого же размера находился в стальном контейнере. Он открыл его.

Через минуту Бруно оказался возле барона.

— Все в порядке, — сообщил он.

— Значит, надо сматываться отсюда!

Оба поволокли за собой стальной контейнер, не в силах больше нести его. Полицейский капитан облегченно вздохнул, увидев их, но взгляд его оставался озабоченным.

— Успешно?

Бельвуар покачал головой.

— Мы ничего не смогли сделать. Весь дом напичкан взрывчаткой. — Он повернулся и вместе с Бруно потащил контейнер к бронированной машине.

Внезапно позади них завизжали колеса остановившейся военной машины. Из нее выскочил полковник фон Бек. Волосы его были растрепаны, лицо напряглось.

— Что здесь происходит? — воскликнул он и гневно посмотрел на окружающих. Новый взрыв потряс здание. Полицейский капитан беспомощно поднял плечи. Сделав два широких шага, фон Бек оказался рядом с ним. — С начала взрывов кто-нибудь входил в здание или выходил из него?

— Только специалисты из пиротехнического отдела, — ответил полицейский.

— Где они? — гаркнул фон Бек.

Напуганный чиновник кивнул в направлении бронированной машины полиции. Сопровождаемый удивленными взглядами солдат и полицейских, собравшихся на площади, фон Бек развернулся и побежал к экспертам-подрывникам, которые осторожно заталкивали в машину тяжелый контейнер.

— Не двигаться! — прокричал он. — Что у вас в этом ящике? Огромный полицейский испуганно уставился на него.

— Это контейнер для бомб, господин полковник, — ответил он и, следуя приказу фон Бека, поставил тяжелый металлический ящик на тротуар.

— Откройте! — грубо приказал фон Бек и схватился за ручку крышки.

— Я бы не стал делать этого на вашем месте, господин полковник. — Высокий плотный мужчина с ужасом смотрел на него. — Там бомба!

— Откройте! — настаивал фон Бек.

Второй полицейский, молодой человек с рыжеватой бородкой, нагнулся над контейнером и поспешно отомкнул тяжелые запоры.

— Что там внутри? — настойчиво спросил фон Бек. — Я хочу посмотреть!

На лбу у подрывника выступили капельки пота. Он бросил короткий взгляд на разъяренное лицо полковника, затем медленно опустил руки внутрь контейнера и вытащил связку динамитных палочек, соединенных с примитивным будильником, который равномерно тикал. Фон Бек через его плечо заглянул в контейнер. Контейнер был пуст. Он помедлил секунду, затем вздохнул.

— Ладно, можете идти!

Бруно и барон быстро погрузили контейнер в багажное отделение и сели в кабину. Бельвуар одарил Бруно удивительной улыбкой, включил скорость и тронул машину с места.

Фон Бек неуверенно смотрел им вслед. Не показался ли ему этот молодой человек знакомым? Но целый ряд взрывов от-

влек его мысли. Он глянул на здание. Плотный, черный дым вывалился из двух окон, расположенных в левом конце третьего этажа.

— Черт побери! — выругался он. — Центр связи!

Невзирая на опасность, фон Бек помчался в пустое здание. Перепрыгивая через две ступеньки, добрался до третьего этажа и влетел в отдел абвера. Все было разрушено. Кругом валялись части от радиопередатчиков, радиоприемников и теле-тайпов, полуобгоревшая бумага и тряпки. В середине комнаты лежали остатки “Энигмы” — обгоревшие деревяшки, погнутые валы, пружины, разбитые клавиши. Он медленно вошел внутрь, поднял короткий кусок обгоревшего провода от разрушенной машинки и вдруг обнаружил, что тот крошится.

Бронированный автомобиль отъехал едва ли не на пару сотен метров, когда был вынужден притормозить и остановиться у заграждения, перекрывавшего улицу. Бруно высунул голову из окна кабины.

— Уберите эту проклятую ограду! — закричал он. — Мы ведем мощную бомбу!

Трое полицейских поспешили убрать с дороги барьер с нанесенными буквами “ПП”, что означало: “префектура полиции”, а четвертый, маленький, толстый человечек с веселыми черными глазками, направился к машине, заглядывая в кабину.

— Уж не Жана ли это машина? — приветливо крикнул он. — Салют, Жан!

Бельвуар сделал неопределенное движение уркой и толкнул в бок Бруно.

— Ради Бога, скажи им, чтобы поторопились, — прошептал он.

Но неповоротливый полицейский уже просовывал в окно руку для приветствия.

— Привет, Жан! Как поживает женушка?

Бельвуар неразборчиво пробормотал несколько слов, почесав при этом левой рукой лицо. Внезапно полицейский издал возглас удивления.

— Эге! Да это же совсем не Жан! Кто вы?

Тут уж барону нельзя было терять ни минуты. Он нажал ногой на педаль газа, и бронированная машина рванулась вперед, снося последние щиты деревянной преграды, остававшиеся на дороге. Он свернул направо и проехал вверх по улице Фош. До них донеслись возбужденные крики пожилого полицейского:

— Это не Жан Роже! Остановите его! Остановите!

— Мразь! — воскликнул Бруно и глянул в боковое зеркало. Неожиданно он разглядел позади три приближающиеся тем-

ные точки. — Дерьмо! Немецкие полевые жандармы на мотоциклах!

Бельвуар выключил сирену, а Бруно вытащил из-под одежды тяжелый пистолет.

— Тебе надо добраться до бульвара Монмартра, — торопливо говорил он. — Остановишь эту колымагу у входа в пассаж “Панорама”. Это крытая торговая улица, куда машина не заедет. Мы пересечем пассаж и выйдем из него с другой стороны на улицу Сен-Марк. Там стоит другая машина, коричневый “паккард”.

Бельвуар кивнул. Броневик неся по узким улочкам, пугая редких утренних прохожих, наталкиваясь изредка на мусорные ящики или оставленные на улице тележки торговцев зеленью. Бруно передернул затвор своего маузера.

— Еще два боша, — мрачно сообщил он, глянув в боковое зеркало.

Один из жандармов, который в стальной каске, черных защитных мотоциклетных очках и висящим поперек груди “шмайсером” был похож на посланца смерти, был уже совсем рядом. Бруно внимательно следил за его действиями. Внезапно правая рука немца дернулась к поясу.

— Свинья намеревается запустить в нас гранатой, — прошептал Бруно. Быстрым, ловким движением он высунул свое массивное тело в окно, повернулся назад, ухватил маузер обеими руками и прицелился. Рука фрица застыла в воздухе, и, когда его мотоцикл опрокинулся, граната, прокатившись по брусчатке, взорвалась. Мощное пламя окутало жандарма. Бруно вернулся на свое сиденье.

— На одного меньше, — заметил он.

Бронированная машина и ее преследователи с ревом вылетели на площадь Конкорд. Два черных “ситроена”, поджидające у стен Тюильри, неожиданно тоже пустились в погоню и попытались взять в клещи полицейский фургон посреди огромной площади.

— Гестапо, — пробормотал Бруно.

Бельвуар ловко направил тяжелую машину на пешеходную дорожку, окружавшую обелиск Клеопатры, избежав тем самым ловушки, и они ринулись вскоре в лабиринт узких улочек за площадью Ройаль. Бруно показал направо.

— “Панорама”, — объявил он.

Бельвуар бросилось в глаза то, что крытый пассаж был достаточно просторен, чтобы пропустить гестаповский “ситроен”, прикрывавший двух бегущих за ним людей. В последнее мгновение, прежде чем они достигли сводчатого входа в “Панораму”, барон резко вывернул руль, бросил машину на широкий тротуар, повернул затем направо и, протаранив левую колонну огромного портала, блокировал вход в пассаж. Бруно и Бельвуар выпрыгнули из кабины и кинулись в широкий, кры-

тый стеклом проход. Они бежали вдоль закрытых бутиков. И их торопливые шаги и резкие хрипы эхом отдавались в пустом пассаже.

Внезапно раздались выстрелы. Бельвуар оглянулся. Гестаповцы оказались проворнее жандармов. Четыре человека в гражданском, у которых плащи свободно болтались на плечах, быстро настигали их, крича и стреляя. Двое были ближе других. Рядом с головой барона просвистели пули.

— Этих мы остановим, — прохрипел Бруно. Он бросился вправо, прокатился по земле, присел на корточки и, прицелившись, выстрелил два раза. Человек, находившийся к ним ближе остальных, пошатнулся и схватился за низ живота.

В этот момент второй гестаповец произвел, один за другим, три выстрела. Бывшего legionера слегка качнуло, и он повернулся к Бельвуару. В глазах его стояло выражение бесконечного удивления. Невзирая на выстрелы, барон бросился к своему другу. Он схватил его за массивные плечи, пытаясь помочь подняться и тут увидел маленькую дырочку в его одежде, а пальцы коснулись липкой, теплой жидкости, вытекавшей из груди. Раздался жаркий шепот Бруно:

— Со мной кончено, барон.

Медленно и бесшумно великан опустился сначала на локти, а потом опрокинулся навзничь. Бельвуар присел рядом, ошеломленный и не способный осознать того, что теряет друга. Рядом ударила в тротуар пуля и с громким жужжанием отскочила. Этот звук вернул барона к действительности. Он увидел второго гестаповца, находившегося метрах в двадцати и уже поднимавшего оружие. Внезапно ему пришли на ум слова Бруно, произнесенные неделю назад на Елисейских полях: "Мы находимся в состоянии войны, барон. И от нее нам не уйти". И тут он с дикой решимостью схватил оружие своего друга, тщательно прицелился и впервые в своей жизни убил врага.

— Адью, друг, — произнес барон, бросил маузер и побежал.

Коричневый "паккард" поджидал позади пассажира, ключ зажигания торчал в замке. Когда преследователи добирались до улицы Сен-Марк, барон уже сворачивал за ближайший угол, исчезая в кривых улочках биржевого квартала.

Бруно Морель лежал на земле, и жизнь его медленно угасала. Полевые жандармы и гестаповцы окружили его, но не трогали. Все понимали, что уже поздно. Его глаза были закрыты. Мертвенная бледность покрыла лицо.

Еще одна военная машина остановилась перед пассажиром. Сквозь небольшую толпу протолкнулся фон Бек и опустился на колени рядом с Морелем.

— Кто вы? — спросил он тихо по-французски. — Что стало с бароном? Что вы делали в здании "Отто"? Кто вы? Барон, где барон?

Умирающий с трудом прошептал:

— Я — сержант Бруно Морель, Первый полк, иностранный легион.

Его шепот стал еще тише. Фон Бек приложил ухо к шевелящимся губам.

— Говорите же! — настойчиво потребовал фон Бек. — Выкладывайте!

Он мог бы поклясться, что в глухом голосе Мореля прозвучала гордость, а в глазах великана появился блеск триумфа, когда он наконец выдал:

— Да здравствует Франция!

И Бруно Морель умер.

Часть пятая

2 июня 1944 года 6 часов - 3 июня 1944 года 4 часа.

К шести часам утра весь Париж был плотно окружен, на всех выездах из столицы установили кордоны. Сотрудники гестапо, абвера, службы безопасности и французской полиции основательно проверяли каждую автомашину, каждый автобус. На вокзалах полицейские патрули тщательно проверяли документы у всех пассажиров. Даже Сена не была обойдена вниманием. Моторные лодки префектуры полиции останавливали все баржи, плывшие по реке, и чиновники обыскивали каждый уголок, тыкали заостренными стальными прутьями в песок, цемент и уголь. Барона надо было найти во что бы то ни стало.

На Восточном вокзале Парижа служба безопасности проверила документы у французского сержанта из ненавистного легиона волонтеров. Это было воинское подразделение численностью около пяти тысяч человек, подавшихся в вермахт, чтобы бороться с "красной опасностью". Они носили немецкую форму, примерно полторы тысячи из них воевали на восточном фронте России. Во Франции на солдат ЛВФ смотрели, как на презренных немецких лакеев, чем объяснялось, почему служащий полиции, проверявший документы у этого сержанта, сплюнул на землю. Сержант же, одетый в чистенькую немецкую форму с Железным крестом на груди, не отреагировал на это, а спокойно предъявил документы, которые подтверждали, что он провел в Париже шестидневный отпуск и теперь через Германию возвращается на фронт. На полицейских, проверявших его багаж, сержант смотрел с легкой усмешкой. После проверки он направился прямо к вагону второго класса для унтер-офицеров. Вагон был прицеплен к берлинскому экспрессу, отправлявшемуся в 7 часов 25 минут.

Тротуар перед главным зданием организации "Отто" уже подмели, и множество рабочих усердно занимались устранением повреждений внутри, когда около восьми часов появился Рудольф фон Бек. Брандер ждал его в холле, который от взры-

вов не пострадал. Взглянув на своего начальника, молодой капитан облегченно вздохнул.

— Я с шести часов пытаюсь связаться с вами, господин полковник, — доложил он. — Телефоны звенели нескончаемо, на вашем столе образовалась стопка телеграмм.

— Ну и что? Я был занят, — ответил фон Бек. — Объезжал заставы и органы безопасности, хотел лично убедиться, что люди стараются схватить барона.

— Если бы я мог позволить себе задать вопрос... — почти-тельно начал Брандер.

На лице фон Бека отразилась скептическая гримаса.

— Они стараются, — мрачно произнес он. — Но они его никогда не поймают. Он слишком ловок. За это время он мог удалиться от Парижа на сотни километров. Вы связывались со штабом Маннхайма?

Брандер кивнул.

— Выкладывайте! — нетерпеливо приказал фон Бек. — Там что-нибудь нашли?

— Нет, господин полковник, — пролепетал Брандер. — Вы были правы. В Лане перепроверили трупы всех партизан. Барона среди них нет.

— Разумеется, нет. — Фон Бек пожал плечами и резким, нервным движением закурил сигарету. — Он был здесь, переодевшись экспертом полиции, вместе с Морелем. Я сам видел его, но не опознал.

— Вы уверены в этом, господин полковник? Может быть...

— Никаких может быть. — Фон Бек быстро направился к лестнице. — Пятнадцать минут назад я собственными глазами видел эксперта полиции по разминированию, настоящего Жана Роже. Он всю ночь провел связанным и с кляпом во рту. Бельюар переодевался в его квартире. Черт побери! Мы искали его в Лане, а он был здесь, в этом здании, выдавая себя за эксперта полиции! Мне до сих пор не понятно, что он здесь делал?

— Бомбы, господин полковник...

— Бомбы! Бомбы! — ехидно проворчал фон Бек. — Этого человека разыскивают немецкая и французская полиция, абвер, гестапо. И вы думаете, что он направится в логово льва, чтобы заложить пару бомб? Это мог сделать любой начинающий повстанец. У него должна быть иная причина.

— Жаль, что Морель умер, так и не заговорив.

— Морель все равно не заговорил бы, — заметил фон Бек.

Они поднялись на третий этаж. Рабочие выносили мебель из разрушенных кабинетов. В первой же комнате слева работали два каменщика, заделывая проломы в стенах.

— Как я вижу, работы ведутся ускоренными темпами.

— Слишком перетрудиться не придется, господин полковник. Здесь не так уж много работы.

Фон Бек словно прирос к полу.

— Что вы хотите этим сказать? Полиция говорит, что насчитала восемнадцать взрывов. Центр связи, я сам видел, разрушен полностью.

— Вот именно, господин полковник. Серьезный ущерб нанесен именно там, в центре связи. В других помещениях повреждения незначительны. Большинство бомб были маломощными. "Организация Отто" уже занялась планомерной работой. Грузы поступают, отправка организуется.

Фон Бек снова застыл на месте, рука замерла на ручке двери его кабинета.

— Вы сказали, что везде ущерб незначителен?

— Так точно, господин полковник. Такое впечатление, будто бомбы предназначались не для разрушений, а для того, чтобы выгнать всех людей из здания и дать возможность Морелю и Бельвуару находиться здесь одним в течение десяти минут.

— И за те десять минут они взорвали центр связи, — прошептал фон Бек. — Но, черт побери, для чего?

Его служебный кабинет уцелел. Здесь не было взорвано ни одной бомбы. Фон Бек с досадой спрашивал себя, уж не была ли ему оказана бароном особая любезность? Он подошел к столу, просмотрел сообщения и телеграммы и усмехнулся. В основном это были поздравления с успешно проведенной блестящей операцией по уничтожению группировки партизан и спасению "Энигмы". Досада фон Бека усилилась, когда он прочитал подписи на телеграммах: командиры подразделений СС, безопасности, полиции, даже Курт Лиммер, этот мясник из гестапо. Убийцы и садисты гордились им! И они были правы, поскольку именно он организовал эту вероломную операцию, чтобы спасти "Энигму", но больше для того, чтобы уничтожить барона. И все же барон остался жив и здоров, а двадцать восьмая "Энигма", тайная машинка Канариса, полностью уничтожена. Что же произошло? Где он совершил ошибку? Одна из телеграмм была лаконичной: "Сердечный привет, Руди", и подпись: "Канарис". Он издал сдавленное проклятье. Канарис еще не знал, что его личная машинка, которая, среди прочего, гарантировала успех заговора против Гитлера, уничтожена. Но как же дошло до этого? Откуда Бельвуар узнал, что машинка вообще существует? И зачем он взорвал ее? Во всем этом не было никакого смысла!

Фон Бек открыл двери, ведущие в центр связи, где ему предстала картина полнейшего опустошения. По его требованию центр связи был опечатан. Никто не должен узнать, что абвер пользовался неучтенной машинкой "Энигма". Он подошел к разбитому столу, где стояла когда-то шифровальная машинка, опустился на колени, тщательно собрал в кучу деревянные шашки, провода, несколько клавиш и деформированный ротор, отнес обломки в свой кабинет и сложил их в большой бу-

мажный пакет. Затем фон Бек спустился вниз и махнул Шнайдеру, весело болтавшему с хихикающей секретаршей в тени каштана.

— Сожалею, но вынужден помешать. Мне надо съездить в отель “Летиция”.

Шнайдер, никогда не видевший своего шефа таким несчастным, окинул его удивленным взглядом.

— Слушаюсь, господин полковник, — ответил он и поспешил прочь, чтобы открыть дверцу “хорьха”.

Лаборатория абвера располагалась на шестом этаже первого-классного отеля “Летиция”. В ней соединялись все ответвления немецкой службы связи. Пожилой человек в белом халате выложил содержимое бумажного пакета на покрытый чистой клеенкой стол, внимательно прислушиваясь к указаниям фон Бека.

— Это не составит труда, — наконец произнес он. — Результаты сообщить вам по телефону?

— Нет, — сказал фон Бек. — Я подожду. Дело большой спешности.

— Но оно займет какое-то время, — с беспокойством встал лаборант.

— Ничего, — возразил фон Бек. — Я побуду в здании и через полчаса зайду снова.

— Именно то, что вы предполагали, господин полковник, — любезно доложил лаборант, когда фон Бек вернулся в лабораторию. — Это была имитация. Неплохо сработано: та же порода дерева, клавиши от обычной пишущей машинки, провода, валы и штекеры сработаны так, что очень похожи на составные части настоящей “Энигмы”. В целом речь идет о далеко незаконченной подделке, которая не выдержала бы тщательной проверки, но обгоревшие части очень напоминают остатки подлинной “Энигмы”.

— Большое спасибо! — Фон Бек пожал лаборанту руку и поспешил удалиться. Еще одна догадка подтверждалась, но он все никак не мог представить полную картину. Без сомнения, Бельвуар и Морель подменили в центре связи настоящую “Энигму” на копию и потом взорвали ее. Но что они сделали с настоящей “Энигмой”? Из здания ее не выносили, и все же она исчезла. Где же она?

Вечерние сумерки опустились над Парижем, но фон Бек не сдвинулся с места. Он просидел так несколько часов, погружившись в размышления, не отвечая на звонки и не притронувшись к еде, которую озабоченная секретарша принесла из столовой. У него было чувство, будто он обладает существенными составными частями, но коварный план противника все еще не

просматривался. Здание опустело, рабочие закончили ремонт, и в различных отделах "Организации Отто" шла обычная жизнь. Лишь центр связи находился в состоянии полного разгрома. Фон Бек привык к нескончаемому треску аппаратов, и мертвая тишина, которая теперь окутывала его, будила в нем удивительное ощущение нереальности.

Он попытался как-то упорядочить свои мысли и с горечью усмехнулся, вспомнив о бароне. Да, поистине блестящий авантюрист! Бельвуар не трогал "Энигму", пока не заменил ее копией. Значит, прибор должен остаться в здании. Его они должны были вывезти иным путем. Но как? Никто не смог бы выйти из здания не замеченным охраной с таким тяжелым предметом. Просто невозможно вынести что-либо из комплекса. Абсолютно невозможно, поскольку... Боже мой, конечно, возможность имеется! Она была рискованной и все же такой простой! Может ли быть такое? Фон Бек схватил трубку телефона, дрожащими пальцами набрал номер и задал пару вопросов. После этого покинул здание, разбудил Шнайдера, который дремал в машине и крикнул:

— Поехали! Быстро в аэропорт Бурже!

Спустя полчаса он уже летел спецрейсом.

Внизу Париж погрузился в темноту.

Было без четверти четыре утра, и на берлинском вокзале "Цоо" бригада носильщиков разгружала спецпоезд, прибывший из Парижа. Вскоре на платформе почти никого не осталось, кроме четырех пожилых солдат, охранявших оставшиеся ящики. Ночь была холодной и сырой, плотный серый туман покрывал Берлин, и спящий город казался зловещим. Неожиданно на опустевшей платформе появились трое мужчин. Двое из них были носильщиками. Третий — одетый в черный костюм, испанскую накидку и широкополую шляпу элегантный молодой человек. Он подошел к дежурившему фельдфебелю и произнес с сильным акцентом:

— Я — испанский вице-консул. Я здесь, чтобы забрать ящик, который нам переслали из Парижа. — Он вручил военному служащему пачку бумаг.

Фельдфебель внимательно прочитал служебные документы. Они были изготовлены в управлении "Отто" в Париже и подтверждали, что один из ящиков, содержащий античную мебель, отсылается от имени генерала Хорста Вульфа, коменданта Большого Парижа, генералиссимусу Франко, руководителю Испании, в знак дружбы и воспоминаний о тесном сотрудничестве во время гражданской войны. Подарок направлялся через Берлин, как того требовали военные предписания.

Фельдфебель сверил номер с накладной. Яркий луч света от его фонарика заскользил по ящикам и остановился на ящике среднего размера.

— Вот он, — сказал фельдфебель. — Распишитесь здесь, пожалуйста.

Вице-консул поставил размашистую подпись. Оба носильщика наклонились к ящику.

— Подождите! — вмешался новый голос. От каменной колонны отделилась тень и медленно приблизилась сквозь мягко колеблющийся туман. Из неясного силуэта все больше и больше прорисовывалась высокая, прямая фигура немецкого офицера с погонами полковника. В правой руке он держал автомат. — Я — полковник фон Бек из абвера, и у меня спецздание, — тихо произнес он, направляя одной рукой автомат на группу людей, а другой предъявляя фельдфебелю свои документы. — Не оставите ли вы меня наедине с этим испанцем?

Солдаты и носильщики послушно повиновались. Их шаги смолкли вдалеке.

Где-то разорвал тишину резкий гудок паровоза. Оба стояли неподвижно, окруженные туманом, и смотрели друг на друга.

— Наконец-то мы одни, господин барон, — ехидно промолвил фон Бек.

Барон холодно поклонился.

— Блестяще скомбинировано, полковник.

Фон Бек кивнул.

— Верно. Это заняло некоторое время, пока мне не стало ясно, что вывезти машинку из Франции вы сможете, только используя нас. Те десять минут, в течение которых вы пробыли в здании "Отто", вам понадобились для того, чтобы упаковать "Энигму" в ящик, отнести его на склад и поставить к тому грузу, который должен был быть отправлен в тот же день. Ящик и документы вы заготовили заранее. Вы несколько раз побывали в здании "Отто", не так ли?

Барон промолчал. Он оглянулся вокруг, изыскивая путь к побегу, и впервые в жизни ощутил, что у него нет выхода.

— Я предполагаю, что вы заказали место в самолете, вылетающем сегодня утром в Мадрид, и зарегистрировали этот ящик, как дипломатический багаж. Я предполагаю, что с помощью подобного трюка было выкрадено и золото гестапо.

Барон продолжал молчать.

— Н-да, барон, мне жалко вас, но здесь, кажется, ваш путь закончится.

И тут Бельвуар заговорил:

— Если вы намерены что-то предпринять, так действуйте. Не теряйте ни своего, ни моего времени.

Фон Бек снял предохранитель и сделал несколько шагов к барону. Инстинктивно Бельвуар снял шляпу и взглянул на своего противника. Абверовец почувствовал холодный металл курка под согнутым пальцем. Ему нужен был лишь намек на слабость, слово пощады, искорка паники в серых глазах, по-

пытка к бегству, чтобы романтическая картина, нарисованная ранее его фантазией, и представление о человеке, к идеалу которого он стремился, окончательно стерлись. Бельвуар не шевелился и не просил пощады.

И фон Бек не нажал на спуск. Он желал видеть этого человека мертвым, но не мог убить его. В бессильной ярости фон Бек резко отвернул ствол автомата в сторону и нажал курок. Пули прошли дерево, бумагу, разбили "Энигму", продырявив валы, перерезав тонкие провода, разнесли клавиатуру и превратили в груду обломков ценнейший секрет рейха.

— Девушка не будет передана в гестапо, — медленно проговорил он, повернулся и пошел в густой белесый туман, оставив на платформе человека, которого он не смог убить, Френсиса де Бельвуара.

5-6 июня 1944 года.

— Я буду разговаривать из своего кабинета, — сказал генерал Бодлей.

Он положил папку, которую изучал, в сейф, запер дверь, прошел в свой кабинет и прикрыл за собой дверь. Его секретарша имела указание никогда не спрашивать фамилию лица, которое звонило шефу Управления МИ-6 по прямому телефону.

— Бодлей, — сдержанно представился он в трубку.

— Я снова в Лондоне и хотел бы встретиться с вами.

Несколько секунд Бодлей молчал, узнав низкий голос, потом сухо произнес:

— Мы считали вас погибшим. Все связи с вами оборвались.

— Сожалею, но должен разочаровать вас, я все еще жив.

Бодлей колебался лишь какое-то мгновение.

— Ладно, можем встретиться. В настоящий момент я страшно занят. Скажем, через пару дней. Согласны? Где вы? Когда прибыли?

Бельвуар проигнорировал его вопросы.

— Я хочу встретиться с вами сегодня. Моя миссия провалилась, и могу рассказать вам, почему. У вас в службе есть предатель. Я был предан уже до того, как моя нога ступила на землю Франции. Немцы знали заранее обо всех моих шагах, и меня чуть было не заловили, попытки предпринимались не один раз.

На линии возникло продолжительное молчание.

— Ладно, — произнес наконец Бодлей. — Мы можем забрать вас в десять часов на углу Шафтесбури-авеню.

Это был тот же лимузин без номеров, из которого он сбежал целую вечность назад. Водитель остановил машину, но не шелохнулся, пристально уставившись вперед. Бельвуар забрался на сиденье. Не сказав ни слова, шофер поехал на север и выбрался из Лондона. Поездка длилась более часа, пока на краю

дороги ни появился малоприметный щит, надпись на котором гласила: "Блетчлей-парк".

Лимузин въехал по узкой дороге в район, похожий на военный лагерь. Таких строгих мер безопасности Бельвуар отродясь не встречал. На равном расстоянии вдоль ограды стояли сторожевые вышки с мощными прожекторами, чьи сильные пучки света безостановочно скользили по пролежавшей с внешней стороны узкой полоске земли. Треугольные щиты, висевшие на колючей проволоке, предупреждали о наличии минного поля. Вдоль второго ограждения патрулировали солдаты с овчарками. Внутренняя ограда находилась под электрическим током. Машина останавливалась у всех трех пропускных пунктов, прежде чем оказалась внутри комплекса.

В свете луны Бельвуар разглядел несколько деревянных домиков, разбросанных на неухоженной лужайке. Лимузин миновал их и, проехав дальше, остановился перед выложенной из красного кирпича виллой, отвратительным трехэтажным сооружением с многочисленными фронтонами, высокими массивными трубами и безвкусно перегруженным фасадом.

Бельвуар вылез из машины. Крепкого телосложения, ширококостный сержант вышел из-под сводчатого портала.

— Мистер Бельвуар? Следуйте, пожалуйста, за мной.

Бодлей ожидал барона в овальном салоне. Он подошел к Бельвуару, прямой и аккуратный, как всегда. Его усы были ухожены, в пронзительных глазах горел холодный голубой огонь. Руки он, однако, не подал.

— Дом вам, видимо, не понравился, — сказал Бодлей, постаравшись придать голосу непринужденный тон. — Он действительно отвратителен. Такой викторианский монстр, которым мы, к сожалению, должны пользоваться, так как...

— Я приехал сюда не для того, чтобы вести разговоры об архитектуре поместий, генерал, — грубо прервал его Бельвуар. — Как вы, возможно, догадываетесь, в голове у меня другие вещи.

— Ах, да, — быстро согласился Бодлей. — Конечно, разумеется.

Бельвуар заметил, что неловкое вступление Бодлея к непринужденной болтовне было всего лишь сомнительной попыткой скрыть нервозность.

— Я полагаю, что вы помните наш разговор утром по телефону, — настаивал барон.

— О, да, — ответил Бодлей. — По телефону я не мог говорить, а теперь могу. Здесь действительно был кто-то, кто предал вас и выдал немцам.

— Значит, вы его поймали! — гневно бросил Бельвуар. — Я знал, что был предан высокопоставленным лицом из Лондона.

— Да. — Бодлей был бледен и напряжен. — Он у нас.

— И кто же это? Кто-нибудь из “Отдела специальных операций”?

Выражение лица Бодлея не изменилось.

— Он здесь, в этом доме. Я провожу вас к нему.

Он повел Бельвуара по лабиринтам коридоров мимо бюро, где царила деловая суета. Офицеры и гражданские лица снова-ли из кабинета в кабинет и оживленно переговаривались. Бельвуар уловил пару предложений, но не понял, о чем речь, разговор состоял из загадочных псевдонимов. Да и настроения прислушиваться у него не было.

Бодлей остановился перед закрытой дверью и перевел дыхание, затем открыл дверь, заслонив на мгновение вход от Бельвуара. Барон быстро последовал за ним. Помещение представляло собой крохотный вестибюль, совершенно пустой, без обстановки, с еще одной дверью в другом конце.

Барон никого не увидел.

Бодлей медленно повернулся к нему. Выражение его лица было загадочным.

— Итак, перед вами предатель, который выдал вас немцам.

От удивления у Бельвуара перехватило дыхание.

— Вы? — недоверчиво промолвил он. — Вы?

Но Бодлей вел себя не как предатель.

— Пойдемте, — произнес он успокаивающе мягким голосом. — Мне кажется, я должен дать вам пояснения.

Они прошли в большой зал, где располагался самый крупный узел связи, какой барон когда-либо видел. Десятки техников, большинство в наушниках, сидели, склонившись, над сложными приемниками, переводя поступающие сообщения в открытый текст. Между столами суетились солдаты и офицеры, унося стопки радиограмм. В двух возвышавшихся кабинках из стекла сидели дежурные.

— Посмотрите сюда, — произнес Бодлей, указывая на середину помещения.

Бельвуар глянул в ту сторону и замер, словно громом пораженный. На отдельно стоящем столе он увидел “Энигму”. Перед ней сидел офицер и мягко печатал по клавишному полю сообщения, стопкой высившиеся справа от него. А расшифрованная информация выходила из машинки, отпечатанная на длинном ролике бумаги.

— “Энигма”, — благоговейно произнес барон, снова и снова повторяя это название. Потом, будто проснувшись, он ринулся сквозь солдат, отталкивая их в сторону, пока не добрался до шифровальной машинки. Он склонился над ней, ощупывая ее недоверчивым взглядом. Никакого сомнения не было. В гнездах торчали провода, а на левой стороне на металлической табличке отчетливо было написано: “Энигма”. Оператор окинул его безразличным взглядом, пожал плечами и продолжил работу.

— Пойдемте. Давайте выйдем наружу и немного побеседуем, — предложил генерал.

Они вышли на крышу, и Бодлей жестом показал в сторону антенного поля.

— Самое большое подслушивающее сооружение в западном полушарии, — сказал он с сухим смешком. — Немцы не могут передать ни одного сообщения, которое не было бы здесь перехвачено. Эти приборы позволяют нашим людям прослушивать даже слабое бормотание, которое излучает какой-нибудь передатчик на континенте.

Бельвуар внимательно слушал, постепенно начиная овладевать собой.

— А единственная цель этой подслушивающей системы, — продолжал генерал, — наполнение информацией машины, которая является самым тщательно скрываемым секретом страны. Благодаря этой машинке мы выиграем войну.

— Вы хотите сказать, что давно уже владеете “Энигмой”? — удивленно спросил Бельвуар.

— С 1939 года, чтобы быть точным, — непринужденно ответил Бодлей. — Не хотите ли чашечку чая?

Единственным достоинством комнаты, служившей офицерской кают-компанией, была длинная веранда с открывающимся видом на парк. Генерал Бодлей осторожно поставил пустую чашку на каменный барьер.

— “Энигма” была выкрадена у немцев польскими разведчиками, — тихо пояснил он. — Они сварили весьма сложный план и замечательно провернули его. Под Данцигом инсценировали автокатастрофу, во время которой одна “Энигма” вермахта была якобы уничтожена. Немцы, только что начавшие вводить эту машинку, даже не заподозрили, что прибор в действительности похитили. Один из наших в Варшаве заполучил “Энигму”, и ему удалось за неделю до начала войны доставить ее сюда.

— И с тех пор вы пользуетесь “Энигмой”? — вставил Бельвуар.

— Да, с огромным успехом. Почти пять лет мы расшифровываем совершенно секретные сообщения немецкого верховного командования. Добытую таким путем информацию мы называем ультрасекретной. И я могу выдать вам тайну, что речь идет о сверхсекретном оружии. Благодаря “Энигме” мы узнали о приказе Геринга, отданном военно-воздушным силам, и выиграли воздушное сражение над Англией. “Отдел специальных операций” был в готовности, когда машины Геринга начали налет. Мы прослушивали переговоры Роммеля и победили в Циринайке.

— Почему же, черт побери, вы хотели... — вставил с негодованием Бельвуар.

Бодлей ждал этого вопроса и предостерегающе поднял руку.

— Как я уже говорил, это самый охраняемый секрет. Конечно, нам приходилось делиться секретами с нашими союзниками. Некий американский генерал, чье имя я не могу назвать, нарушил строжайшие предписания безопасности по использованию информации, полученной через “Энигму”. Он осуществил в Италии ряд успешных операций против немцев, что убедило их в том, что нам известны их секреты. Они провели срочное расследование, отдали приказ о введении строгих оградительных мер и приостановили использование “Энигмы”. Немецкая военная разведка заподозрила, что мы, возможно, заполучили машинку, или построили такую же, или нам удалось “расколоть” их шифры. Мы были отрезаны от нашего наиважнейшего источника информации.

— И когда это произошло?

— Примерно месяца три назад. Из-за приближающейся высадки на континент мы были связаны с неопределимо важной ультраинформацией. Запуск ракеты ФАУ-2, оружия возмездия Гитлера, убедил наше правительство в том, что действовать нужно быстро. Любой ценой мы должны были убедить немцев, что “Энигмы” у нас нет. — Бодлей резко глянул на Бельвуара. — Любой ценой, — настойчиво повторил он.

— И тогда вы решили послать кого-нибудь во Францию, чтобы выкрасть “Энигму”. — Бельвуар старался, чтобы голос его звучал как можно спокойнее.

— И этот кто-то должен был провалиться, — подчеркнул Бодлей. — Ваша миссия и ваш провал были бы наилучшим доказательством для немцев, что “Энигма” в безопасности и может использоваться и дальше. Вы видели, что она работает. С позавчерашнего дня эфир снова заполнен передачами.

Трудно сдерживаемая ярость мелькнула в глазах Бельвуара.

— Поэтому вы послали меня, а не кого-то из своих людей.

Бодлей вздохнул, но взгляд его оставался жестким.

— Вы были не нужны, — хладнокровно заявил он. — Вас наградили бы посмертно.

— Когда вы через свою сеть в Париже дали понять, что мероприятие не следует проводить дальше, вы намеревались передать меня в руки гестапо, не так ли?

— Да. Мы рассчитывали, что на допросе вы сломаетесь и выдадите все подробности своей миссии. Как я уже говорил, мы были заинтересованы в вашем провале. Вы приносились в жертву.

— Кроме того, вы пожертвовали несколькими группами повстанцев! — презрительно выпалил Бельвуар.

— Видите ли, — тихо произнес Бодлей, — во время воздушных боев над Англией мы с помощью “Энигмы” расшифровали и приказ Геринга о нанесении удара по Ковентри. У нас было

пять часов, вполне достаточно, чтобы эвакуировать жителей городка. Мы находились перед ужасным выбором: эвакуировать ли жителей, спасти жизнь сотням наших граждан и тем самым открыть врагу, что мы имеем "Энигму", или пожертвовать людьми и выиграть войну?

— И, само собой разумеется, вы выбрали второе решение.

— Решение принимал премьер-министр по моей рекомендации.

— Боже мой! — взорвался Бельвуар. — Что вы за бесчеловечная машина! Невинные люди должны умереть ради игр между спецслужбами!

Бодлей резко отвернулся и уставился в ночь. Голос его прозвучал удивительно напряженно:

— В Ковентри погибло пятьсот сорок пять человек, в том числе моя жена. Моя единственная дочь стала инвалидом и приговорена до конца дней своих к коляске. Я выносил этот приговор, когда принимал решение.

Бельвуар на некоторое время притих, затем повернулся и направился в дом. Бодлей последовал за ним.

— Разумеется, вы получите остаток своего гонорара, — бодро произнес он. — С нашей точки зрения, вы справились с заданием наилучшим образом.

— Я чуть было все не испортил, — усмехнулся барон. — На короткое время "Энигма" была в моих руках.

Бодлей с изумлением взглянул на него.

— Об этом вы должны рассказать, — попросил он.

Уже начинался рассвет, когда Бельвуар закончил свой рассказ.

— Невероятно, — пробормотал генерал и удивленно добавил: — Вы храбрый человек, Бельвуар.

Барон поднялся и небрежно спросил:

— Ах, да, как вы, собственно, информировали немцев о моих действиях?

— О, это? — весело ответил Бодлей. — Их радиогруппу мы раскрыли еще несколько лет назад. Радист был перевербован и теперь работает на нас. Группу мы используем довольно часто, чтобы снабжать немцев дезинформацией.

Они вышли из портала.

— Я могу получить деньги сегодня? — спросил Бельвуар.

Бодлей бросил на него слегка удивленный взгляд.

— К чему спешка?

Бельвуар колебался, но затем принял решение:

— Могу сказать. Я возвращаюсь назад.

— Во Францию? Для чего же?

— Личные дела, — холодно ответил барон.

— Речь идет о девушке, не так ли? Не беспокойтесь, на этот раз я немцам вас не выдам. — Бодлей проводил Бельвуара до

машины. — Сегодня вы получите ваши деньги. Но сомневаюсь, что на этот раз вам легко удастся попасть во Францию.

Бельвуар высунулся из окна машины и сказал своим слегка ироническим тоном:

— Не беспокойтесь, генерал, я пройду.

— Да, полагаю, что вы справитесь. Успехов, барон!

Эпилог

После того, как 6 июня 1944 года союзники благополучно высадились в Нормандии, противники Гитлера в высшем командовании вермахта решили действовать.

Адмирал Вильгельм Канарис являлся ведущей силой покушения на Гитлера, состоявшегося 20 июля 1944 года. В этот день граф Клаус Шенк заложил мощное взрывное устройство в "волчьем логове" — восточной штаб-квартире Гитлера. Гитлер чудом остался жив. Месть его была ужасной. Большинство руководителей восставших офицеров, которые называли себя "Черной Капеллой", были казнены. Фельдмаршал Эрвин Роммель был вынужден покончить жизнь самоубийством, приняв яд. Генералу Карлу-Хайнриху Штюльпнагелю повезло меньше, он попытался покончить с собой в камере берлинской тюрьмы Плётцензее, но безуспешно, и вскоре по приказу Гитлера был задушен. Другие немецкие генералы были повешены или обезглавлены на средневековой гильотине, предпочитаемом Гитлером инструменте казни. Канарис почти до конца окончательного падения Рейха содержался под стражей. На рассвете 9 апреля 1945 года он был повешен голым на сооруженной в концлагере Флоссенбург виселице. По настоятельному приказу фюрера палач использовал тонкую струну от рояля, чтобы растянуть предсмертные муки человека, который ополчился против бессмыслия.

Рудольф фон Бек в заговоре 20 июля не играл активной роли. После встречи с бароном в Берлине Канарис отправил его назад в Париж, чтобы замести следы уничтоженной двадцать восьмой "Энигмы". В последующем он занимался в отеле "Летиция" второстепенными заданиями. Драматическое изменение хода войны оставило его равнодушным. Когда 25 августа генерал Жан-Филипп Леклерк — вторая танковая дивизия — освободил Париж, фон Бек покорно сдался частям Национального комитета свободных французов и вместе с другими офицерами комендатуры Большого Парижа отправился по улице Риволи в плен.

Как-то он шел по переполненным горожанами улицам с заложенными за голову руками, и ему не бросился в глаза француз-инвалид, с трудом прокладывавший себе дорогу, но он не узнал его. Инвалидом был Энри, предводитель коммунистов и руководитель нападения на немецкий эшелон в лесу под Ланом. С той ужасной ночи, стоявшей партизанам около трехсот

жизней, Энри стал озлобленным, охваченным местью человеком. Он чудом избежал бойни, и после ухода немецких подразделений с поля боя ему удалось пробраться в лес, где двумя днями позже он был найден женщиной, собиравшей грибы. Его привезли на отдельно стоявшую усадьбу на окраине Лана, и там врач позаботился о его ранах, но уже нельзя было спасти левую ногу. Выздоровев, Энри вновь появился на тайных собраниях повстанцев в Париже, опираясь на костыли, и проповедовал среди своих товарищей беспощадную войну против немцев.

За день до освобождения Парижа он увидел на городской стене плакат, который расклеили по приказу полковника Роля, руководителя коммунистического Сопротивления: "Каждому по мертвому немцу!" Сегодня у него в руках оказался пистолет калибра 7, 65 мм, и он был полон решимости прикончить боша.

Высокого, приятно выглядевшего, светловолосого полковника, шедшего в колонне пленных, он тоже не узнал. Перед ним был просто образ германского завоевателя, врага, причинившего неимоверные страдания его любимому городу и уничтожившего его товарищей. Он протиснулся сквозь толпу, мимо охранника, сопровождавшего пленных, и остановился перед немцем. Опершись на правый костыль, Энри поднял оружие. На короткое мгновение взгляды их встретились. Безвольное выражение, которое он увидел на лице немца, на миг озадачило Энри. Он нажал на спуск. Пуля попала фон Беку в лоб, и немецкий офицер рухнул с распростертыми руками на брусчатку, а его глаза слепо уставились в ясное, голубое небо свободного Парижа.

Никто не удержал Энри. Он медленно поковылял прочь, так никогда и не узнав, что отомстил этому немцу за тех, кто погиб в лесу под Ланом.

Отто Брандлю, человеку, чье имя носила "Организация Отто", за несколько дней до освобождения Парижа союзниками удалось бежать в Германию. В течение нескольких месяцев перед побегом он смог вывезти большую часть своих сказочных богатств в разные страны и там спрятать. Золото, бриллианты, украшения, картины и переводные векселя исчезли в тайниках Германии, Франции, Португалии и Аргентины. Часть сокровищ "Отто" вскоре после падения рейха была обнаружена, часть объявилась лишь в 1949 году. Имущество стоимостью в шестьдесят миллионов франков было найдено в Лиссабоне, gobelen семнадцатого века в Мюнхене, ящик с массивными серебряными подносами в Фюрстенфельдбруке, пятнадцать картин Мане, Коро, Сислея и Ренуара в крестьянской усадьбе Пфаркирхене. Большая же часть ценностей исчезла бесследно.

Сам Отто был арестован американцами 6 августа 1945 года в Мюнхене и помещен в тюрьму Штадельхайм. На следующее утро его нашли мертвым, он повесился в камере.

Генерал Мак Алистер вскоре после войны умер от инфаркта.

Генерал Бодлей после капитуляции Германии отошел от активной деятельности и до 1955 года занимал пост шефа британской секретной службы. Он ушел в отставку в один день с Уинстоном Черчиллем и последние пять лет жизни провел с больной дочерью в скромном маленьком домике, приобретенном им в Сакснесе. В Ковентри он никогда не приезжал.

После удивительного побега Мишель Лемэр из отеля "Летичия" 29 июня 1944 года никто о ней, равно как и о бароне де Бельвуаре, ничего не слышал.

Никто, кроме старой Луизы Лемэр, которая регулярно приносит цветы на могилу Бруно Мореля на кладбище Пер-Лашез.

Но она, само собой разумеется, ничего и никогда не расскажет.

Перевод с немецкого Виктора КУТЫРИНА.

Что есть будем?

В середине
XXI века
население Земли
достигнет
по прогнозам
11 миллиардов
человек.

За один 2050 год
они съедят
в два раза больше
еды, чем было
съедено
за всю историю
человечества.
Как же их
прокормить?

У жуков пропадает аппетит

На опытной делянке расположенного под Москвой научно-исследовательского института растут два сорта картофеля — один обычный, контрольный, другой — трансгенный. Контрольные грядки представляют собой удручающее зрелище — ботва изъедена,

по ее узорным остаткам ползают полчища колорадских жуков. Рядом, в десятке сантиметров — рекламно-идеальная зелень без единого насекомого. Колорадские жуки эту картошку не едят. Она не вызывает у них аппетита. Благодаря искусственно встроенному в ее ДНК дополнительному гену пищеварительный тракт жуков



такую картошку просто не усваивает.

Это — специальный сорт трансгенного или, как его еще называют, генетически модифицированного картофеля, предназначенный для производства чипсов. Его предоставила американская компания "Монсанто" — одна из крупнейших в мире сельскохозяйственных корпораций. После необходимых испытаний наши генетики на основе монсантовской технологии создадут трансгенные варианты традиционных для России сортов.

Трансгенные продукты — очень серьезный раздражитель для тех, кто сражается за экологическую чистоту мира. Вмешательство в наследственный аппарат растений, употребляемых людьми в пищу, вызывает у них понятную тревогу.

Основные битвы вокруг российских трансгенных продуктов еще предстоят. Несмотря на то, что проблема увеличения урожаев, которое гарантирует генетика, для нашей страны особенно актуальна, до самого последнего времени Россия в трансгенном бизнесе практически не участвовала. И только в прошлом году государственная комиссия по генной инженерии впервые выдала разрешение на проведение полевых испытаний двух сортов трансгенного картофеля — отечественного, устойчивого к вирусам, и американского, устойчивого к колорадскому жуку, плюс к тому сахарной свеклы и кукурузы, устойчивых к гербицидам.

Так что для нас это еще экзотика. На Западе, где трансгенная пища стала обыденным явлени-

ем, вокруг нее разгораются нешуточные сражения.

Опыты профессора Пуцтая

В прошлом году по одной из программ британского телевидения выступил профессор Арпад Пуцтай и заявил, что генетически модифицированные (или трансгенные) растения — ГМР — могут быть опасны для здоровья. Ученый рассказал, что после того, как он три месяца кормил подопытных крыс трансгенной картошкой, они стали хуже расти и обнаружили признаки иммунодефицита. Была проведена официальная экспертиза этих опытов, и в конце прошлого года эксперты вынесли вердикт — работа Пуцтая не подтверждает, что мыши стали болеть из-за трансгенной картошки. А в феврале уже нынешнего года Пуцтай решил взять реванш и объявил результаты "альтернативного" аудита его опытов, проведенного по его же просьбе несколькими авторитетными учеными, и результаты были в пользу Пуцтая — да, действительно, трансгенный картофель, которым исследователь кормил своих крыс, привел к приостановке роста и нарушениям в иммунной системе.

После этого в Великобритании начался настоящий скандал. Парламентарии срочно выступили с требованием объявить пятилетний мораторий на производство генетически модифицированных продуктов питания, но премьер-министр Энтони Блэр моратория не одобрил. Организации "зеленых" обрушили свои обвинения на ведущие сельскохозяйственные корпорации, производящие гене-

тически модифицированные продукты. Общества потребителей забили во все колокола, требуя введения особой маркировки для трансгенно-содержащей пищи... В результате меньше чем за полмесяца отношение британцев к генетической модификации резко ухудшилось — по разным опросам 80-90 процентов жителей Альбиона сегодня предпочли бы без такой еды обойтись.

Но вот какую деталь важно отметить: и противники Пуцтая, и его сторонники прекрасно осведомлены о том, что крыс своих он кормил картофелем, в пищу не предназначенным. В ДНК этого картофеля был подсажен взятый от одуванчика ген токсичного вещества из группы лектинов. Фактически Пуцтай доказал то, что и доказательств-то особых не требует, — трансгенное растение при желании вполне можно сделать вредным для здоровья.

Миллиарды вокруг трансгенного бума

Начало нынешнему трансгенному буму было положено около тридцати лет назад, когда генетики совершили, на первый взгляд, невозможное — из сотен тысяч наследственных генов, входящих в ДНК, научились выделять единственный, тот, который им нужен.

С помощью особых белковых молекул ученые разрезали "наследственную книгу" ДНК на отдельные "предложения" — гены — и смешали разрезанные кусочки примерно с таким же количеством микробов, сделав так, чтобы каждый микроб захватил по одному гену. Далее следовало развести микробов-мутантов по "разным

квартирам", но эту задачу путем последовательного разбавления умел решать еще Пастер. В результате получалось множество чашек Петри с колониями микробов, каждая из которых была "загрязнена" определенным геном.

Это была гениальная техническая задумка. Главное, она сулила такие перспективы, что за нее с ходу было выдано пять Нобелевских премий. Первые шаги генной инженерии связаны с созданием принципиально новых лекарств. Перспективы виделись здесь настолько захватывающими, что ни о каких других применениях никто практически не задумывался — на глазах создавалась новая медицина, позволяющая лечить человека... белками человека. Однако 18 лет назад два выдающихся европейских генетика — Марк ван Монтегю, директор Института генетики при университете Гента, и Джекфелл Шелл, директор института Макса Планка — доказали, что выделенный ген можно с тем же успехом встраивать и в ДНК растения. Так родилась генная инженерия растений.

Первые десять лет после открытия Монтегю и Шелла трансгенные растения не слишком давали о себе знать. Настоящий же бум начался лет семь-восемь назад, когда ученым стало ясно, что они могут эффективно защищать растения от насекомых и вирусов, делать их устойчивыми к погодным условиям, а также по своему усмотрению улучшать качество сельскохозяйственной продукции.

Этим, кстати, мы в большой степени обязаны уже упомянутому здесь Марку ван Монтегю, бельгийскому ученому, который в начале восьмидесятых основал пер-

XXI век будет веком информационного космоса и генетически модифицированных растений.

вую фирму по производству генетически модифицированных растений — "Plant Genetic System".

Вообще ситуация, когда ученый бросает науку и уходит в промышленность, чтобы самому реализовывать свои научные достижения, на Западе встречается сплошь и рядом. Куда реже ученому удастся удачно совмещать и то, и другое, и уж совсем редко это касается научных работ столь высокого уровня. Когда прошлой осенью он приехал в Россию для участия в очередной международной биотехнологической конференции, коллеги встретили его овацией. Многие из них считают его вполне реальным кандидатом на Нобелевскую премию.

Начало коммерческой деятельности Марка ван Монтегю трудно назвать удачным. Первые пять лет его фирма "прозябала", захлебываясь в обилии потрясающих идей и ежегодно обедняя своих инвесторов на пять миллионов долларов. Успех пришел только после того, как Монтегю сконцентрировал усилия своих разработчиков всего на трех проектах: создании растений, устойчивых к гербицидам, устойчивых к насекомым и растений стерильных (они важны для получения различных гибридов). Эффект оказался грандиозным. "Plant Genetic System" развивалась столь быстро, что недавно была продана почти за миллиард долларов одному из самых

серьезных участников аграрного рынка супергиганту "Hoekst", а сам Марк ван Монтегю решил заняться изменением формы растений и создал новую компанию — "Crop Design". Ученый надеется еще раз перевернуть наши представления о том, каким будет сельское хозяйство в грядущем веке. В дни его пребывания в России мне удалось поговорить с ним об этой, еще только намечающейся, фазе аграрной революции.

"Повысить урожаи можно не только путем защиты растений от насекомых, вирусов, но и меняя их "архитектуру", создавая растения с заданными формами, — сказал ван Монтегю. — На первый взгляд, ничего нового в этом нет. Селекционеры давно занимаются архитектурой растений. Многие считают, что генная инженерия растений в отличие от привычной и понятной селекции — это некое непонятное и потенциально опасное волшебство. На самом же деле генная инженерия занимается тем же, чем и селекция — изменяет наследственность, — только делает это на совершенно другом, куда более эффективном уровне.

Например, в Китае есть очень хорошие селекционеры, которые, стараясь повысить урожаи риса, начали работать над удлинением его колоса, чтобы тем самым увеличить количество зерен на одном стебле. Благодаря этому им удалось повысить урожаи риса с 5-6 центнеров с гектара до 10. Но это предел, здесь возможности селекции себя исчерпали. Генная инженерия позволяет идти дальше. Мы можем то, чего не могут селекционеры — сканем, увеличивать площадь листьев. То-

гда за счет возросшего фотосинтеза растение станет получать больше энергии и, соответственно, давать больше рисовых колосьев. По нашим оценкам, только за счет увеличения площади листьев мы можем увеличить урожай риса с 10 центнеров до 20. А ведь остается еще корень — его можно сделать более длинным, он будет забирать из почвы больше соков и, соответственно, лучше питать все растение. Словом, возможности здесь просто фантастические".

Пока ученые задумываются о второй фазе аграрной революции, первая — в самом разгаре. В последние годы резко, почти со скоростью взрыва, на Западе стали увеличиваться посевные площади, занятые под ГМР — в 1996-м году их выращивали на семи млн. га, в 1997-м — на четырнадцать, а в прошлом году под трансгенными растениями было занято уже две Великобритании — 37 млн. га.

В последние два года наметилась еще одна тенденция — крупнейшие агрохимические корпорации Запада начали спешно продавать свои химические компании, а взамен скупать биотехнологические. Суммы сделок — десятки миллиардов долларов.

Рай или Армагеддон?

— XXI век, — считает профессор Константин Скрыбин, директор Центра биоинженерии Российской Академии наук, руководитель Межведомственной комиссии по генно-инженерным исследованиям, — будет веком информационного космоса и генетически модифицированных растений.

Последнее, по крайней мере, неизбежно уже сегодня. Сначала завершится революция в аграрном бизнесе — на меньших площадях и куда более эффективно будут выращиваться трансгенные злаки, фрукты и овощи несравненно лучшего качества. Затем дело дойдет до очередной революции в производстве лекарств — по оценкам экспертов, это случится лет через семь-восемь. Лекарства будут выращиваться непосредственно на полях, причем первые образцы есть уже сейчас. Например, известный американский генетик Амфенсен создал недавно банан, содержащий детскую вакцину. Далее, еще лет через пять, придет время выращивать специфические химические вещества, такие, скажем, как машинное масло из подсолнечника. Возможности здесь в буквальном смысле слова фантастические...

Проиграв в принципе войну против ГМР, продолжают сопротивляться приходу новой агроэпохи зеленые. Они сегодня уверенно исполняют роль той самой щуки в море, которая не дает дремать карасю — супербогатым корпорациям-гигантам, завоевывающим с помощью ГМР продуктовый рынок Запада, который сейчас оценивается в 400 миллиардов долларов.

"Зеленые" выдвигают против ГМР многочисленные обвинения, которые в сумме создают впечатление кошмара: "Наступает трансгенный Армагеддон! Транснациональные корпорации в погоне за прибылью подвергают опасности здоровье всего человечества и губят столь необходимое для нашего существования биоразнообразие!".

Если лучшие отечественные сорта дополнить генно-инженерными механизмами, мы получим возможность собственными силами накормить страну.

Есть, правда, еще один участник спора вокруг ГМР, которому трансгенная пища — кость в горле. Это Европейское экономическое сообщество. Дело в том, что, как известно, европейские страны переживают сейчас кризис перепроизводства продуктов питания. Европа с трудом удерживает сельскохозяйственные цены на более или менее приемлемом для фермеров уровне. Допустить на свой рынок еще больше трансгенных растений, чем там уже есть, она не может — цены резко упадут, что приведет к социальным взрывам.

Н раю или н аду ведет сегодняшняя трансгенная революция, сказать на самом деле не может никто. На любое возражение "зеленых", даже самое аргументированное, сторонники ГМР имеют не менее аргументированный ответ.

Например, трансгенные растения из-за их большей жизнестойкости обвиняют в том, что они превратятся в монокультуры, подавят всю соседствующую с ними менее жизнестойкую флору и тем самым нарушат экологический баланс, а также нанесут удар по биоразнообразию. В ответ оппоненты "зеленых" резонно заявляют, что монокультуры давно уже существуют, что наибольший удар

по земной экологии нанесла именно сельскохозяйственная деятельность человека, а трансгенные растения, требующие для своего произрастания существенно меньших посевных площадей, наоборот, способны только уменьшить ущерб, уже нанесенный природному растительному миру.

Что же касается здоровья людей, то трансгенные растения, по мнению их сторонников, куда безопасней, чем то, что растет сегодня на обычных полях, хотя бы уже потому, что они еще до одобрения соответствующих ведомств проходят максимально жесткую проверку, которая обычным злакам и овощам даже не снится.

Одно из наиболее бесспорных возражений "зеленых" сводится к следующему: трансгенные технологии слишком молоды, испытания новых ГМР на безопасность проходят слишком быстро, не удастся отследить долговременные последствия их выпуска на поля.

"Это общее возражение против всего нового, — утверждает Константин Скрябин. — Его выдвигают против мобильного телефона, нового лекарства, новой энергетической установки... Любая новая технология неизбежно имеет понятную и непонятную стороны. Мы должны учитывать, что кроме ясных последствий она может привести к последствиям, которые в принципе на сегодня спрогнозировать невозможно. Одинаково неправильно заранее считать эти последствия безопасными или вредными. Нужно просто взвесить риск и посмотреть, что находится на обеих чашах весов. При нынешних темпах роста населения планеты генетически

модифицированным продуктам просто нет альтернативы. У нас просто нет в запасе лишних пятидесяти лет. Что же до риска, то первыми о нем подумали не "зеленые", а сами ученые. На первой же международной конференции по генной инженерии в Асиламаре (США) они добровольно наложили на свои исследования мораторий — им нужно было время, чтобы понять, что за джинна они собираются выпустить из бутылки и каким образом этим джином следует управлять. В результате были разработаны весьма жесткие правила, которым сегодня подчинены абсолютно все генетические исследования. И "зеленым", несмотря на все их старания, эти правила улучшить не удастся.

Главный же аргумент сторонников трансгенной революции никто опровергнуть не сумел. Возражения против генетически модифицированных организмов, говорят они, умозрительны. Они не основаны на действительно доказанном вреде. В мире не зафиксировано ни одного случая, чтобы трансгенные растения, допущенные на поля, а стало быть, прошедшие весь марафон испытаний, привели хоть к какому-нибудь ущербу для человечества и экологии".

Между тем скандал вокруг крыс, накормленных "не той" картошкой, продолжает разрастаться. Перепуганные "пищей Франкенштейна", хотя пока и не добившиеся на нее полного запрета, британцы ввели у себя правило, обязывающее владельцев ресторанов и кафе предупреждать своих клиентов о том, что в их блюдах содержатся генетически мо-

дифицированные компоненты. Несоблюдение этого правила будет наратся штрафом в пять тысяч фунтов.

Трансгенную аллергию вслед за Великобританией стали подхватывать и другие страны. Одновременно забеспокоились и главные экспортеры. В конце марта на международной конференции по генетически модифицированным организмам американцы потребовали от Европы пересмотреть процедуры, по которым выдаются разрешения на трансгенный экспорт. По мнению представителя Министерства сельского хозяйства США, эти процедуры очень сложны, запутанны, непрозрачны и длятся до двух лет вместо привычных для Америки девяти месяцев. Уже сейчас американские фирмы потеряли на этом около 200 миллионов долларов. Европа, однако, Америке не посочувствовала и, напротив, выразила нежелание что-либо пересматривать — даже с риском потерять с начала будущего года возможность лаомиться американским поп-корном. Представителей Европейского Сообщества не впечатлили даже мрачные прогнозы американцев, по которым уменьшение трансгенного экспорта вызовет немедленное вздорожание всей сельхозпродукции.

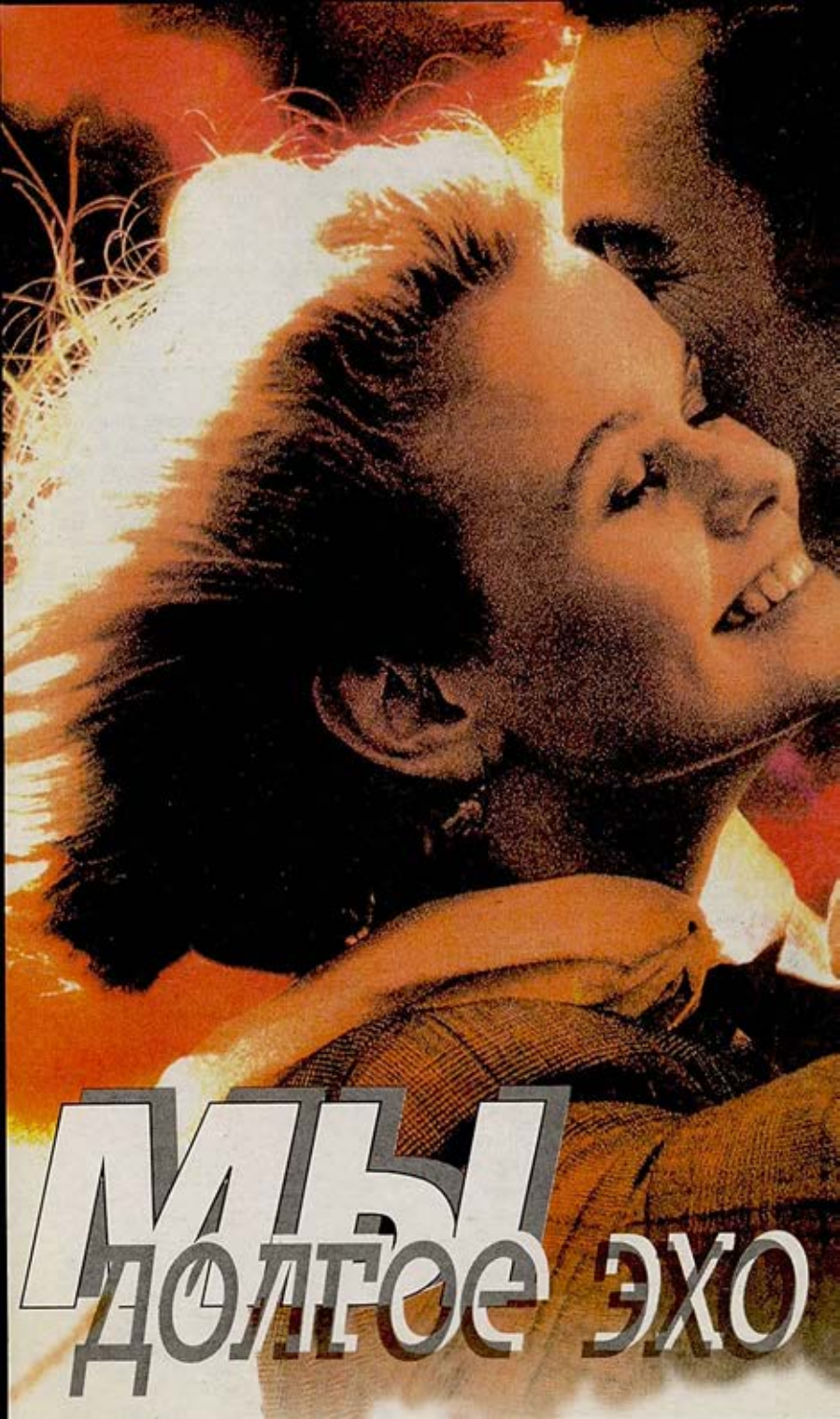
Россия вступает в трансгенный бизнес

Наше позднее вхождение в трансгенный бизнес профессор Скрыбин считает чудовищным упущением, которое необходимо исправить как можно скорее.

— У сельского хозяйства России есть четыре трагедии — зима, весна, лето и осень, — говорит

он. — Мы то и дело теряем урожай из-за погоды, поэтому нам жизненно необходимы сорта, устойчивые к климатическим неожиданностям, причем для каждого района свои. У нас есть замечательные, лучшие в мире шнолы селекционеров, которые создали замечательные, лучшие в мире сорта. Если эти сорта дополнить генно-инженерными механизмами, созданными на Западе, мы наконец-то получим возможность собственными силами накормить страну. Я не мыслю себе будущее сельского хозяйства России без генетически модифицированных растений.

Сегодня мы только в начале пути. У нас проходят испытания лишь единичных сортов. Испытания — "многоярусные", призванные доказать, что новая продукция не только не принесет нам вреда, но и не нарушит экологию, сложившееся в природе биоразнообразие. В отличие от Европы, Россия не имеет прямых возражений против трансгенной революции — уже сейчас доказано, что у нас картошка, устойчивая к колорадскому жуку, дает урожай в 2-4 раза большие, чем обычная. Но дело все равно идет с трудом и причиной тому — не столько традиционное отсутствие денег, сколько межведомственная разобщенность. ■



МЫ
ДОЛГОЕ ЭХО

Марина ПОЛЕВАЯ,
психолог

Любовь бывает разная — как, впрочем, и люди, простите за банальность. Кому-то позарез нужно обладать предметом своей любви. Кто-то находит высшее наслаждение в самоотдаче и жертвенности. Кто-то считает, что любить можно только того, кого понимаешь и кто понимает тебя. А кто-то не морочит себе голову подробными сложностями и любит... просто любит. Вечная тема "мужчина и женщина" никогда не будет исчерпана потому, что она неисчерпаема. И, значит, разбираться в некоторых ее аспектах все-таки нужно, ведь мужчина и женщина не могут существовать друг без друга. А вот друг с другом зачастую — не умеют.

Хочу все знать!

Хотя, казалось бы, что у такого спонного в этих отношениях? "Женщина любит ушами" — понятно. "Путь к сердцу мужчины лежит через его желудок" — понятнее просто нелепо. "Милые бранятся — только тешатся" — ну, это уж просто аксиома. "Насильно мил не будешь" — очень утешает, особенно если не мил собеседник или собеседница. И что с того?

А то, что каждый из нас снабжен определенным набором таких вот стереотипов, которые сплошь и рядом заменяют действительное знание предмета. Хотя совершенно не обязательно быть психиатром или сенсопатологом, чтобы разобраться в некоторых нюансах отношений между мужчиной и женщиной. Кто из мужчин честно признается, что не разбирается в футболе или полити-

друг друга...

не? Нет таких, все в худшем случае знатоки, а в лучшем — эксперты. Кто из женщин рискнет сказать, что ничего не понимает в красоте и искусстве и вообще все это для нее — китайская грамота? Да нет таких женщин и искать их бесполезно! А ведь интимные (и не очень интимные) отношения между Ним и Ею ничуть не сложнее, чем вышеуказанные сферы. Тем не менее отсутствие элементарных знаний в этой сфере считается даже как бы признаком хорошего тона. И уж ни в коей мере не признается зазорным.

Парадокс? Ничего подобного! Сугубо наша, российская специфика. Мы — точнее, подавляющее большинство из нас, мужчин и женщин, — выросли и сформировались под влиянием двух взаимоисключающих тенденций. С одной стороны — психология российского обывателя (крестьянина, купца, мещанина), испокон веков находившаяся под жестким контролем православной религии. А с ней, между прочим, не забалуешь: церковь всегда бдительно следила за интимной жизнью своей паствы. С другой стороны — психология "просвещенных верхов" общества, почерпнутая, в основном, из французских любовных романов, то есть вообще из другой цивилизации. Весь этот "салат" был щедро приправлен так называемой "моралью строителей коммунизма" (каждый может понимать данный феномен в меру своей начитанности или политизации), и получилось блюдо хоть и экзотическое, но совершенно несъедобное. Хотя два основных ингредиента были вполне качественны.

О французских любовных романах знает каждый, кто умеет читать. А вот история русского секса мало кому известна. Поэтому прежде, чем рассуждать о специфике взаимоотношений российских мужчин и женщин, давайте посмотрим, откуда она, эта специфика,

появилась. Тогда легче будет разобратся и в тех ошибках, которые мы — мужчины и женщины — допускаем по отношению друг к другу с упорством, достойным лучшего применения.

Особенности русского национального секса.

Принято считать, что так называемая "сексуальная революция" — это плоды "тлетворного влияния Запада", а до этого самого влияния, то бишь до перестройки и гласности, на Руси-де и слыхом не слыхали о такой штуке, как секс. И вроде бы, так оно все и было, вспомним хотя бы откровения няни Татьяны в "Евгении Онегине":

*Да полно, Таня, в наши лета
Мы не слыхали про любовь.
Не то покойница-свекровь
Меня бы согнала со света...*

Если же повернуть проблему под несколько иным углом: не любовь и секс, а брак и семья, то все встанет на свои места и приобретет глубокий смысл. И станет понятной роль церкви, переоценить которую просто невозможно.

Конечно, нам, сегодняшним, пренебрежение моральные нормы кажутся немыслимо жестокими. Но ведь церковь старалась придать браку силу нравственного союза, стремилась достичь духовного единения супругов. Церковь принимала под свое духовное покровительство семью — освящала брак — и в результате существенно возвысила статус семьи, подняла в общественном сознании центральную фигуру матери — Мадонны с младенцем. Богородица — это же культ матери!

Церковь, между прочим, искренне заботилась и о здоровье женщины. Христианские нормы запрещали любые сексуальные контакты с женщи-

ной, только что родившей ребенка (воздержание должно было длиться не менее сорока дней), а также близость супругов в известные "критические дни". Возможно, не слишком тактично было объяснять это "женской нечистотой" или даже "нечистой силой", завладевающей женщинами в этот период, но ведь только такие аргументы, по-видимому, и действовали на мужчин в те времена. Впрочем, результат оправдал средства: здоровье женщин хоть как-то оберегалось, о чем мы сейчас мечтаем и грезим.

Но зато церковь жестко контролировала сексуальную жизнь женщин, сурово пресекая какую-либо активность слабого пола. Вплоть до запрещения целого ряда поз, которые могли предоставить супруге хоть какую-то свободу в постели. Благочестивая, добродетельная женщина могла исполнять свой супружеский долг лишь в одной-единственной канонической позе: на спине, совершенно неподвижно, с закрытыми глазами. Не то что телодвижений — звуков никаких не допускалось. К тому же единственной оправданной целью интимной близости считалось зачатие ребенка, а все остальное — грехом, который, к тому же, мог быть обнаружен священником во время исповеди: существовали специальные наперзные "вопросики-ловушки", избежать которых было практически невозможно.

Вот откуда-то и идут столь распристрастные представления о том, что "порядочная" женщина не должна получать удовольствия от близости с мужчиной, что "порядочная" женщина не станет "кувыркаться" в постели даже с законным мужем. Он же первый заподозрит ее в разврате и распущенности, поскольку такая информация о ее поведении заложена в его гены тысячелетним засильем церковных догм. Вот откуда и проистекает подавляю-

щее большинство конфликтов между мужчиной и женщиной, откуда же — восприятие культовой индийской книги "Нама-Сутра" как произведения сугубо порнографического, тогда как она — всего лишь яркий образец совершенной иной культуры. Пересадить ее на российскую почву — все равно, что заставить россиянок облачиться в сари. Найдутся, конечно, оригиналы, найдутся и ценители, но климат все равно окажется неблагоприятным.

Уж замуж невтерпёж.

Еще одно заблуждение тесно связано с генетической памятью — это твердое убеждение в том, что любая женщина во что бы то ни стало стремится выйти замуж, тогда как нормальный мужчина норовит от этого дела во что бы то ни стало увернуться. Ошибка происходит и в том, и в другом случае, хотя по разным причинам. Дело в том, что, во-первых, психология людей меняется куда медленнее, чем окружающие условия и среда, а стремление женщины выйти замуж означает не что иное, как проявление материнского инстинкта — чувства практически неистребимого, настолько глубоко в подсознание заложила его природа. Ученые давно заметили, что умственно неполноценные женщины оказываются необычайно чадолюбивыми: инстинкт говорит в них куда громче разума. Но... разумных и относительно благополучных женщин нынешние условия жизни сплошь и рядом заставляют отказываться от идеи продолжения рода или ограничиваться одним — символическим — ребенком. Осуждать их за это так же бессмысленно, как мужчин — за отсутствие материнского инстинкта. А ведь именно этим и занимаются те женщины, кто обвиняет сильный пол в том, что его любимой шуткой является вот такая незатейливая

поговорка: "Хорошее дело браком не назовут".

Прежде, чем бросать такое обвинение, хорошо бы вспомнить, что — и это во-вторых, — мужчина по природе своей охотник. Что значить в нем интерес — от умеренного до неконтролируемого — можно только погоней, расстановкой силков, ловушек и сидением в засаде. Поймите меня правильно: все это как раз и должен делать мужчина. Но если, с позволения сказать, "дичь" нидается на "охотника" и требует, чтобы он во что бы то ни стало ее поймал, грош цена такой охоте. Плюнет и уйдет, причем будет стопроцентно прав: а не ломай основные инстинкты. Дарвин Дарвином, но и в безусловных рефлексх тоже нужно разбираться.

"Всем им нужно только одно..."

Второй наиболее распространенной ошибкой женщин по отношению к мужчинам является постоянное стремление выдать свое желаемое за их действительное. Десятки, если не сотни и тысячи женщин жалуются на то, что их партнеры никогда не подойдут к ним "просто так", не погладят по плечу, не поцелуют в ушко, не скажут нежного словечка. А ведь так хочется! "Нет, всем им нужно только одно. Как будто я кукла. А я хочу ласки, нежности!" Все это произносится дрожащим от сдерживаемых рыданий голосом. Никогда не приходилось слышать? Думаю, что частенько.

Самое интересное, что мужчина — нормальный, среднестатистический — при таком пожелании обычно впадает в ступор. Ему такой женской логики не постичь ни за что на свете. Он точно знает, что сказавши "а", нужно говорить "б". То есть, погладив по плечу, скажем, или поцеловав в ушко, нужно переходить к следующему этапу дейст-

вий, а ни сил, ни желания для этого в данный момент нет. Поэтому лучше вообще ничего не делать и не говорить, чем потом получить упрек в холодности, равнодушии и неполноценности. Вот они и не делают.

Но это — только одна сторона медали. Вторая же выглядит и вовсе неприглядно: когда есть силы и желание, о прелюдии в виде поглаживания и произнесения ласковых слов забывают напрочь. Или мотивируют тем, что все эти глупости никому не нужны, и вообще — грех один. Вернитесь на несколько абзацев назад и посмотрите, чем вызвано такое представление о нежности и ласке.

"Агу — не могу, засмейся — не хочу!"

Еще одна расхожая банальность гласит: "Мужчины всегда хотят, но не всегда могут, женщины всегда могут, но не всегда хотят". Казалось бы, остается только добавить, что "Волга впадает в Каспийское море", но...

Но не все так просто. И дело опять же в инстинктах, а не в культуре поведения. Тот, доисторический мужчина, просто обязан был всегда хотеть, потому что в следующую минуту после неземного блаженства его мог сожрать саблезубый тигр или на него мог наступить мамонт. Вот и приходилось жить в таном напряженном ритме. Мог он при этом или не мог — истории неизвестно. Наверное, мог, иначе человечество вымерло бы до того, как началась собственно история. Образ жизни изменился, мужская психология — практически нет. Писать при этом жалобы можно только на суровый биологический закон, который гласит: "Вид, не обеспечивающий воспроизводство, обречен на вымирание".

Что же касается доисторической женщины, то ее мнением никто особо

не интересовался, а ей, не эмансипированной, в голову не приходило против этого возражать. Сегодня голова болит, завтра не выспалась, а послезавтра все мужчины племени трагически погибли в неравном бою с соседями или пещерным медведем, а ты останешься наедине с нереализованным материнским инстинктом. Прошли с тех пор десятки тысяч лет, образ жизни изменился, а вот женская психология... То есть она, конечно, все та же, но на уровне подсознания. Сознательно же наша современница либо стескивает зубы и терпит, чтобы потом обзывать всех мужчин нелитературными словами за их низменные инстинкты, либо — не терпит и возбуждает дело о сексуальной несовместимости. Третий вариант встречается, увы, крайне редко: женщина понимает, чего она сама хочет и потихоньку делится этим пониманием со своим партнером. Если он не законченный дебил, то дело обычно заканчивается к обоюдному удовольствию.

В заключение этой главы хочется отметить, что женщина действительно всегда монет... быть пассивным объектом для получения мужчиной удовольствия и продолжения рода. Но далеко не всегда по ряду причин монет это удовольствие разделить. Французы, которые нам, ясное дело, не указ, в таких случаях говорят: "Нет холодных женщин, есть ленивые мужчины". Никто никого не оскорбляет, просто это информация к размышлению.

"Кто-то сделал очень мудро, что послал за ночью утро..."

Человек, как известно, существо разумное, а посему имеет некоторые отличительные особенности от своих "собратьев меньших". Все кошки, к примеру, по ночам гуляют, а все соба-

ни — спят. Люди же подчиняются так называемым "биологическим часам", причем у каждого человека они свои. Есть так называемые "жаворонки": они просыпаются на рассвете, укладываются спать с петухами и наиболее активны в первой половине дня. Есть так называемые "совы", у которых все наоборот: засыпают они далеко за полночь, просыпаются ближе к полудню и пик активности у них приходится на вечер. Если один из партнеров "жаворонек", а другой — "сова", то скорее всего жить они будут, извините за каламбур, как кошка с собакой.

Разумеется, это отразится и на интимной жизни, причем вряд ли положительно. Допустим, женщина любит посидеть у телевизора часинов этан до двух ночи, а потом ложится в постель и желает любви и ласки. Мужчина же привык отходить ко сну сразу после десятичасовой программы новостей и меньше всего расположен к активным действиям среди ночи. Так что желание женщины останется нереализованным. Зато мужчина просыпается в шесть утра полным сил и задора и тоже желает нежности и близости. Но... правильно, взаимности у женщины он в это время не получит, а обретет раздражение и плохое настроение на весь день.

Умные, любящие друг друга люди обычно находят компромисс и выбирают такое время суток, когда оба они достаточно активны. Но, к сожалению, чаще бывает так, что ни один из партнеров не желает жертвовать своими привычками и "потанать" другому. Сколько достаточно счастливых во всех прочих отношениях союзов развалилось из-за этой самой биологической несовместимости, сосчитать невозможно. Никто, впрочем, и не считал. Но человек-то ведь на то и разумный, чтобы сообразить, как выйти из затруднительного положения. Если

сам не догадывается — пусть посоветуется с более опытными. Было бы желание...

Любви все возрасты покорны.

Вряд ли для кого-то будет откровением постулат о том, что женщины по природе своей более эмоциональны, нежели мужчины. Все это знают, но почему-то никто не хочет с этим считаться — ни мужчины, ни женщины. Хотя в той ситуации, о которой речь пойдет ниже, больше претензий все-таки поступает от слабого пола, который, повторюсь, любит ушами. Речь идет о поведении в интимной обстановке.

Универсальных рецептов поведения в этой самой интимной обстановке не существует. Ному-то нравится "звуковой фон", кого-то он раздражает. Кто-то млеет от слов типа "зайна моя, я твой тазик", а кому-то необходимо в процессе слышать так называемую ненормативную лексику. Словом, как любила повторять моя бабушка: "Кто любит репу, кто — арбуз, а кто — свиной хрящик". А раз нет универсальных рецептов, то не может быть и универсального поведения. Успех всегда будет зависеть от степени взаимопонимания партнеров.

Обсуждая тему возраста любви, следует считаться с существованием так называемых "двойных стандартов". В каком бы возрасте женщина ни обзавелась внуками, ей всегда нужно быть готовой услышать от знакомых мужчин "галантную" фразу: "Стать дедом — еще куда ни шло, но спать с бабушкой!!!" Обижаться на это не следует, лучше вспомнить, что матери Татьяны Лариной, "милой старушке", не было еще и сорока пяти лет. Старухе-графине из "Войны и мира" не сравнялось пятидесяти. Женщины в наше время помолодели, мужское же сознание сохранилось практически нетронутым с

прошлого века, так что для многих из них до сих пор любая женщина старше сорока — просто старая карга.

А вот про себя мужчины, наоборот, считают, что с возрастом, подобно дорогим винам, они приобретают выдержанность и крепость. Опять же нужно иметь в виду: совсем недавно любой представитель сильного пола, переваливший пятидесятилетний рубеж, считался долгожителем и пользовался заслуженным уважением. Высшим шиком было жениться на молоденькой девушке и продемонстрировать, что ты еще ого-го! При этом забывается одна пикантная деталь: необходимо было не просто донить до очень зрелого возраста, но еще и обзавестись солидным состоянием. Иначе ни одна молодая особа в брачные силки не попадется.

В общем, для того, чтобы хорошо разбираться в интимных отношениях, не мешало бы многим из нас тщательно проштудировать мировую историю и литературу. Там уже про все это написано, так что не надо изобретать велосипед или — того хуже — делать незатейливый вывод, что все мужчины — козлы, а все бабы, сами понимаете, дуры. Тем более, что ни то, ни другое не соответствует действительности.

Дорогая, поберегись!

Я уже выше писала о том, что долгое время в нашей стране секса как бы и не было. Зато были знаменитые "резиновые изделия №2" Баковского, кажется, завода. Главным — и, пожалуй, единственным — их достоинством была невероятная прочность. Поэтому смекалистые люди использовали их для того, чтобы выносить с работы всякие нужные в хозяйстве жидкости (если, конечно, работа давала такую возможность). А вот по прямому назначению их использовали почему-то чрезвычайно редко, мотивируя это тем, что

"заниматься сексом в презервативе — все равно, что нюхать розу через противозащитный барьер".

Смешно? Ному как. Поскольку у нас — опять же до последнего времени — единственным средством предотвращения нежелательной беременности считался... аборт, то многим женщинам было, мягко говоря, не до смеха. У некоторых, правда, хватало чувства юмора, чтобы рассказать такой вот анекдот:

— Дорогой, — шепчет женщина своему партнеру, — нам бы надо побережиться... — Ага... — Дорогой, — чуть громче и взволнованней говорит она, — нам бы надо побережиться. — Ага... — Дорогой! — Па-а-берегись!"

А теперь забудем про розы, противозащитные барьеры и анекдоты и поговорим серьезно.

Нет ничего позорного в том, чтобы попросить партнера воспользоваться презервативом. Если будет брыкаться, спросите его ласково-ласково: готовы ли вы жениться на вас, потому что в ваши планы ну никак не входит стать матерью-одиночкой. Мужчин же совсем не вредно, отправляясь на интимное свидание, захватить с собой парочку-другую "воздушных шариков", которые сейчас появились в таком изобилии, что можно выбирать не только по размеру, но и по цвету, запаху и даже... вкусу. Сомневающиеся могут посетить ближайшую аптеку и убедиться собственными глазами. Кстати, никто из нюхавших розы без противозащитного барьера после этого в венерологический диспансер. А вот некоторые свидания без предохранения потом заканчивались именно в этом учреждении. Бережного Бог бережет — разве нет?

Только еще раз как врач предупреждаю: не нужно покупать презервативы в коммерческих палатках. Во-первых, большинство продукции там — китайского происхождения, следовательно,

и размеры соответствующие, и качество. А во-вторых — кто его знает, сколько времени они пролежали на витрине. Латекс — материал нежный.

И еще нужно запомнить одно простое правило: от несоблюдения техники безопасности человек может не только умереть, но и родиться.

Так что поберегитесь, дорогие.

Вместо резюме — любимая байка из жизни. Однажды знаменитого шахматиста Алехина спросила напористая и экстравагантная дама, являющаяся поборницей эмансипации:

— Скажите, почему не проводят смешанных шахматных турниров? Вы, например, считаете, что женщины глупее мужчин? Или хуне играют в шахматы?

Гроссмейстер ни на секунду не задумался:

— *Вовсе нет. И не глупее, и в шахматы играют не хуне. Просто они играют в другие шахматы.*

Мужчина и женщина — противоположности. Но, если верить классикам, именно в единстве и борьбе противоположностей и заключается основная движущая сила прогресса. А секс...

Главное — понимать друг друга. Кажется, именно это и называется счастьем. ■

От редакции.

Если кто-то из читателей или читательниц захочет поспорить с автором или просто продолжить этот разговор, мы будем рады предоставить для этого страницы "Смены".





молодой, но уже сумевшей привлечь к себе армию поклонников певице Нателе ходит невероятное количество слухов. Еще бы! Войти в шоу-бизнес с такими известными его деятелями, как Лев Лещенко и Юрий Айзеншпис, сможет не каждая.

— Натя, говорят, стать певицей очень просто. Достаточно иметь спонсора и на его деньги снять шинарный клип, либо "закрутить" роман с какой-нибудь "звездой". Мэтр эстрады — Лев Лещенко привел тебя на сцену, на околomuзыкальных тусовках вы часто появляетесь вместе...

Катя ЛЕЛЬ:

“Я поймала жар-птицу, за хвост”

— А что можно еще подумать о девушке, которая выбилась в певицы благодаря такому учителю? Наверное, легче поверить в “роман”, чем в то, что иногда люди воплощают свои мечты лишь благодаря своим способностям и упорству. И еще могут на лету поймать птицу-удачу за хвост.

— Значит, никаких романов, а только железная воля и целеустремленность?

— Ну, не знаю... Никогда не считала себя “железной леди”. И вообще, многие говорят, что с моими человеческими качествами нужно было родиться в дру-

гом веке, а не покорять шоу-бизнес. Именно из-за этого у меня возникало столько разочарований в людях на первых порах. Мне было сложно одной в Москве, над моим желанием стать певицей многие смеялись.

— Хорошо, счастливица, что же тогда предшествовало твоей популярности?

— Училась в музыкальной школе. Затем — музыкальное училище в родном Нальчике, институт культуры...

— А Лещенко приехал в Нальчик на гастроли и нашел там тебя.

— Ну, это и впрямь сказка... Все оказалось гораздо сложнее. Я перевелась из нальчинского института культуры в Москву. И случайно попала на конкурс молодых исполнителей, проходивший в Парке Горького. Стала лауреатом. На следующий день по счастливой случайности пошла прогуляться туда же. Это был День города. Нашла площадку, на которой выступали именитые артисты, среди них оказался Лев Лещенко. Дондалась конца его выступления и, набравшись наглости, подошла с фразой: "Это правда, что вы занимаетесь молодыми талантами?" Он посмотрел на меня сверху вниз и спросил: "А вы что, талант?" Я не растерялась и настояла, чтобы он записал мои координаты. И все. Вышла из ворот парка и подумала, что ничего не добилась. Я — одна из тысячи глупых мечтателей, такому мэтру, конечно же, не до меня. И отправилась домой, обратно в Нальчик, поняв, что пробыть в Москве невозможно. В депрессию впадаю редко, но тогда была на грани

отчаяния. А через два дня мне позвонил... Лещенко. Телефон в Нальчике ему дала моя соседка, с которой мы снимали в Москве квартиру. И я тут же рванула в столицу. Это был подарок судьбы, и я не могла упустить такой шанс. После того, как в офисе Льва Валериановича меня прослушали, через три дня поехала с его Театром песни на гастроли. Исполняла свои песни в его концерте. А Лев Валерианович представлял меня как свою ученицу.

— Как на это отреагировали твои друзья, которые называли тебя мечтательницей?

— Началось что-то страшное. Все, с кем я раньше общалась, стали превращаться из друзей во врагов, завистников. Среди них есть достаточно известные люди, но я не буду называть их имена. Сейчас стать моим другом почти невозможно. Я просто никому не верю...

— А как тебя жизнь свела с популярнейшим продюсером Юрием Айзеншписом, который занимается только Владом Сташевским?

— Встреча произошла у Игоря Крутого. Мы приехали со Львом Валериановичем обсудить мое будущее с главой фирмы "АРС". И, опять-таки по счастливой случайности, в тот же день к Крутому заехал Айзеншпис. Он предложил нам свои услуги. Сняли первый клип на песню "Огни", написанную специально для меня Владимиром Матецким и Александром Шагановым. Сегодня уже могу похвастаться первым альбомом "Елисейские поля".

— Тебе, поющей только о любви, видимо, пришлось испытать и

счастье, и измены, и расставания...

— Действительно, почти все мои песни о любви. Но я ведь не только певица, но и антриса. В 1998 году окончила ГИТИС, поэтому многое, о чем пою, просто играю.

— Поговаривают, что после концертов тебе прямо на сцене дарят ключи от машин?

— Еще ни одной машины не подарили. А вот кольца с бриллиантами — да. Но я не принимаю таких подношений. Понятно же, что за этим стоит. А быть кому-то обязанной... Зачем? Я больше рада красивому бунету...

— Прости за нескромный вопрос: ты — замунная дама или девушка на выданье?

— Я не замужем и в ближайшие два года заводить семью не собираюсь. Во-первых, мне нуж-

но много работать, а во-вторых — гадалка нагадала точную дату моей свадьбы. Так что я уже все знаю и живу ожиданием.

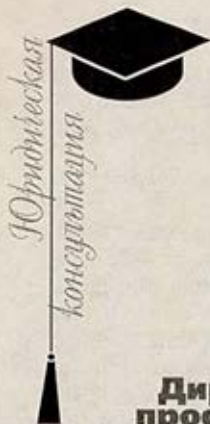
— А псевдоним также кем-то подсказан?

— Я всегда была Чупрыгиной. Но сольная карьера потребовала звучного псевдонима. Мне даже предлагали стать Лещенко или Айзеншпис. Но это ведь привело бы к скандалу: жены меня бы не поняли. Хотелось, чтобы в псевдониме были буквы "э" или "л". Сначала придумала — Эльф. Но потом вспомнила о Леле.

— О пастушке из сказки "Снегурочка"?

— Нет, Лель — это бог любви, который своим голосом, пением несет людям добро и счастье.

Беседу вел Галина СИРИК.



Директор просчитался

"Пять с лишним лет проработала в акционерном обществе."

Первое время все было нормально, однако последние два года дела пошли хуне, и с нами стали заключать трудовые договоры только на три месяца. Директор объяснял, что у него нет уверенности, сможет ли он обеспечить нас работой на больший срок. Настроение было не из лучших: сами понимаете, как ново работать, ожидая что вот-вот тебя уволят. Но в начале октября прошлого года мы получили большой заказ. И хотя договоры, как бы по инерции, с нами заключили опять только на три месяца, все обрадовались — теперь-то живем. Однако с нового года нас с подружкой все-таки уволили в связи с истечением срока действия договора. Подружка говорит, надо в суд идти: ведь работа-то есть, значит нас уволили незаконно..."

Ирина Костомарова,

Красноярск

Подружка права: вас уволили незаконно. Но дело даже не в том, что "работа есть", а в том, что директор, видимо, просчитался. Согласно ст. 29 и 30 КЗоТа РФ, действие срочного трудового договора прекращается строго по ис-

течении срока, на который он был заключен. Если трудовые отношения все же продолжались и ни одна из сторон не потребовала их прекращения, действие договора автоматически продлевается на тех же условиях, но уже на неопределенный срок. Иными словами, договор из срочного становится бессрочным. В вашем случае трехмесячный срок истек в начале декабря. Поскольку директор сразу же не подписал приказ об увольнении, а вы продолжали работать, уволить в январе, по крайней мере, с той формулировкой, что указана, директор не имел права. В лучшем случае это могло произойти по вашей инициативе или по другим основаниям, установленным ст. 33 КЗоТа РФ. Полагаю, вам имеет смысл обратиться в комиссию по трудовым спорам вашего предприятия или в суд, который скорее всего потребует не только восстановить вас на работе, но и оплатить вынужденный прогул.

Бастовать можно, но по правилам

"У нас с соседом вышел спор о забастовках. Он говорит, что бастовать можно не только всем коллективом, но и единолично. Я же считаю, что, хоть у нас и бастуют чуть не каждый день, законном забастовки не разрешены, просто власти с этим мирятся, потому как ничего поделать не могут: не посадишь ведь всех в тюрьму? А еще сосед утверждает, что за время забастовки не только зарплату, но и премию должны выплачивать. Это уж, по-моему, совсем абсурд — скорее уволить могут, разве не так?"

Эдуард Никитин,

Тюмень

Давайте разбираться по порядку. Во-первых, в Конституции Российской Федерации (часть 4, ст. 37) сказано, что для разрешения индивидуальных и коллективных трудовых споров работники могут использовать все разрешенные законодательством способы, включая забастовку. Следовательно, бастовать могут и трудовые коллективы, и отдельные работники. Разница заключается в том, что для трудовых коллективов федеральным законом от 23.11.95 г. "О порядке разрешения коллективных трудовых споров" установлены определенные правила проведения забастовки. В частности, чтобы она считалась законной, необходимо предварительно с участием посредника рассмотреть спор в примирительной комиссии и в трудовом арбитраже. А вот порядок индивидуальной забастовки (на юридическом языке — порядок реализации права на забастовку для разрешения индивидуального трудового спора) в законодательстве не описан, поэтому в этом случае можно и нужно руководствоваться нормой Конституции РФ.

Во-вторых, никто не может привлечь к какой бы то ни было дисциплинарной ответственности участника забастовки, по крайней мере, до тех пор, пока не вступило в силу решение суда о ее незаконности и пока это решение не доведено до сведения организаторов акции. А вот если решение суда вступило в силу, бастующих, в принципе, могут и уволить. Однако и в этом случае администрация обязана соблюсти все процедурные нормы, предусмотренные КЗоТом РФ для подобного вида дисциплинарного наказания.

В-третьих, по закону руководитель каждой организации может сам решить, оплачивать или не оплачивать (полностью или частично) работникам время участия в забастовке — может и вообще не платить за это время зарплату. Что же до премии, то тут все зависит от того, входит она в систему оплаты труда или является поощрением. В первом случае надо заглянуть в положение о премировании: если участие в забастовке по этому документу не является основанием для лишения премии, то, скорее всего, она должна быть выплачена. А вот выплату или невыплату поощрительной премии закон (ст. 131 КЗоТа РФ) оставляет на усмотрение администрации предприятия.

Сначала исполнить, потом обжаловать

"При поступлении на работу мы договорились, что я не буду ездить в командировки. Однако недавно начальник потребовал, чтоб я срочно поехала в командировку. Я отказалась: не хотела оставить без присмотра заболевшего мужа. Тогда мне объявили выговор за нарушение трудовой дисциплины и пригрозили вовсе уволить. По-моему, это несправедливо — ведь мы же договорились — да и незаконно".

Наталья Волюнкина,

Нижний Новгород

Боюсь, что начальник формально прав, по крайней мере, в отношении выговора. Как правило, даже если работник убежден, что отданное ему распоряжение незаконно, он должен его выполнить, а уж потом обжаловать в органе по рассмотрению трудовых споров — иначе будет считаться, что произошло нарушение трудовой дисциплины.

Закон один, а вузы могут быть разные

"Учусь на вечернем отделении института и работаю в анционерном обществе. В январе попросила отпуск на две недели для сдачи экзаменов в зимнюю сессию, но мне дали только за свой счет, а когда зашла речь об очередном отпуске, сказали, что дадут не раньше октября, когда отработаю 11 месяцев. А брату, он тоже работает и учится (правда, в другой фирме и в другом институте), и сессию оплачивают, и очередной отпуск дают, когда захочет — и все по закону. Выходит, у них другие законы действуют?"

Валентина Никитенко,

Курская обл.

Думаю, что в данном случае дело не в законах — они, конечно, одинаковы, а в институтах, в которых вы с братом учитесь. Действительно, согласно КЗоТу, всем, кто учится без отрыва от производства в начальных, средних и высших учебных заведениях, администрация обязана предоставлять не только оплачиваемый отпуск для сдачи экзаменов, но и очередной — в любое время года по их желанию. Причем последний — вне зависимости от того, проработал человек 11 месяцев или нет. Есть только один нюанс: такая льгота положена лишь тем, кто учится в образовательных учреждениях, имеющих государственную аккредитацию. Если у вашего вуза таковой не имеется, администрация права, если есть — можете смело отстаивать свои права. ■

Владимир МИХАЙЛОВ,

*консультант "Смены"
по юридическим вопросам*

Кто вы — лентяй или

В наше время появился термин "трудоголик", то есть человек, который не может жить без работы и получает от нее огромное удовольствие. Такие люди считают, что усердие и трудолюбие — одно из главных составляющих успеха в жизни. А в какой степени вы обладаете этим качеством? Это поможет выяснить приведенный ниже тест. Из трех вариантов ответов — А, Б, В — выберите тот, который вам больше всего подходит.

1. Если какое-то дело не пошло сразу, то у меня пропадает к нему интерес и опускаются руки...

А Да

Б Иногда

В Нет

2. Я принадлежу к тому типу людей, для которых на первом месте стоит работа...

А Пожалуй, да

Б Совсем нет

В Отчасти

3. После отдыха мне бывает очень трудно заставить себя включиться в работу...

А Иногда такое случается

Б Это точно!

В Нет

4. Друзья и знакомые удивляются, что и дома, и на работе я "пашу" как вол...

А Я и сам удивляюсь

тудяга?

Б Это не про меня

В Очень редко

5. Я не могу уснуть, если не завершил какой-то запланированный этап работы...

А Иногда да

Б Еще как засыпаю!

В Совершенно верно

6. Положа руку на сердце, могу сказать, что я трудолюбив и старателен...

А Нет, я лентяй

Б В какой-то степени

В Пожалуй, да

7. Нельзя не согласиться с утверждением, что безделье является основой всех бед...

А Это слишком категорично

Б Подпишусь под этим

В Совсем не так

8. Я могу часто отвлекаться от работы, придумывая себе какие-нибудь пустяковые дела...

А К сожалению, да

Б К счастью, не часто

В Это исключено

9. Есть хорошая пословица: "Работа не волк, в лес не убежит". А вы как считаете?

А Как сказать

Б Это несерьезно

В Так и есть

10. Может, это странно звучит, но я не представляю себе жизни без работы...

А Пожалуй, да

Б В каком-то смысле

В Очень даже могу

Ключ к психотесту.

Для удобства подсчетов воспользуйтесь таблицей-ключом

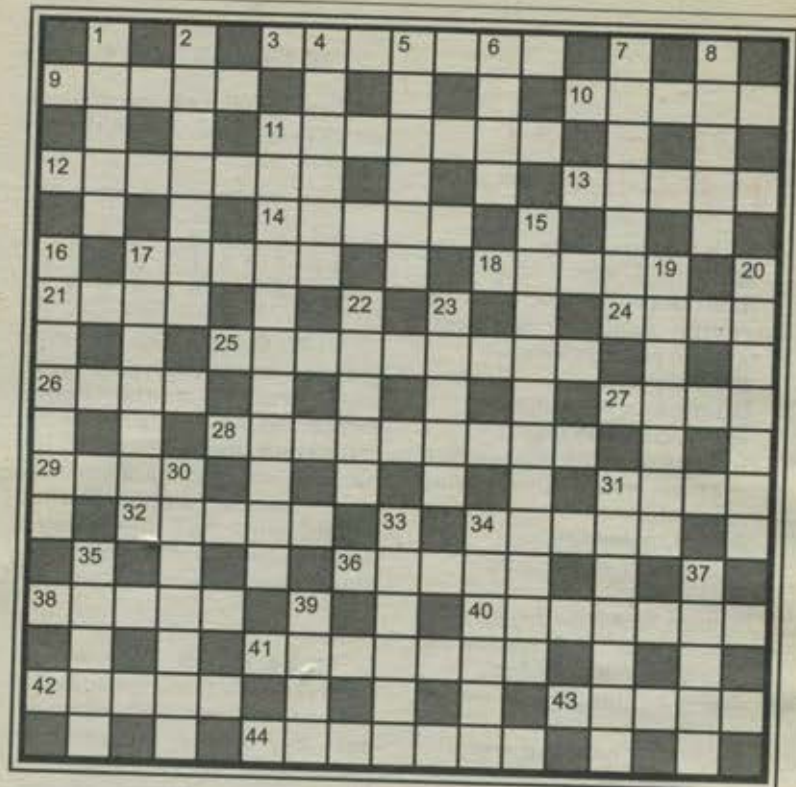
	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
А	1	3	5	1	3	1	5	3	1	3
Б	5	1	3	5	1	3	3	1	5	1
В	3	5	1	3	5	5	1	5	3	5

25-30 баллов. Вы готовы в течение длительного времени заниматься напряженной утомительной работой для достижения определенной цели. Правда, иногда излишнее рвение является проявлением обыкновенного карьеризма, но чаще всего это самая настоящая увлеченность своим делом.

16-24 балла. Вас нельзя назвать слишком трудолюбивым человеком, но и отлынивать без особой причины от работы вы не станете. Хотя очень любите иногда заняться посторонними делами. Вы можете быть и тудягой, и лентяем. Что вы предпочтете, прежде всего зависит от вас.

10-15 баллов. Практически полное отсутствие стремления к какой-либо деятельности. Вы работаете по необходимости и не пропускаете ни малейшей возможности, чтобы увильнуть от дела. Лень и праздность — ваши характерные черты. Задумайтесь над этим.

Подготовила
Елена ЕВДОКИМОВА.



ЭРУДИТ

По горизонтали. 3. Человек, которому везет. 9. Город, носивший упоминание в названии рассказа И. Тургенева ("Записки охотника"). 10. Музыкальный инструмент, чьи звуки сопровождают традиционный синагогальный обряд отлучения. 11. Певец, подаривший сто лет назад М. Горькому большие настенные часы. 12. Самое сверчковое место в русской избе. 13. Знаменитый скульптор, на чьей выставке после его возвращения из Аргентины тогдашний президент Академии художеств сказал: "Собрать надо все эти деревяшки и снежки!" 14. Каждая из двух птиц, сопровождающих Одина. 17. Большое расписное блюдо, на котором в Средней Азии подают плов. 18. Цветок, названный Н. Линнеем "пламенем". 21. Гармония переплетенных линий. 24. Туркменская борзая, названная, по одной из версий, по арабскому племени завоевателей. 25. Лариса Удовиченко по городу, где она родилась. 26. Березовый гриб, который помогает вылечить от рака желудка. 27. Плясовой крик грузин, ставший названием фильма С. Соловьева. 28. Русская поэтесса и писательница, осмыслявшая любовь то как греховное "земное жела-

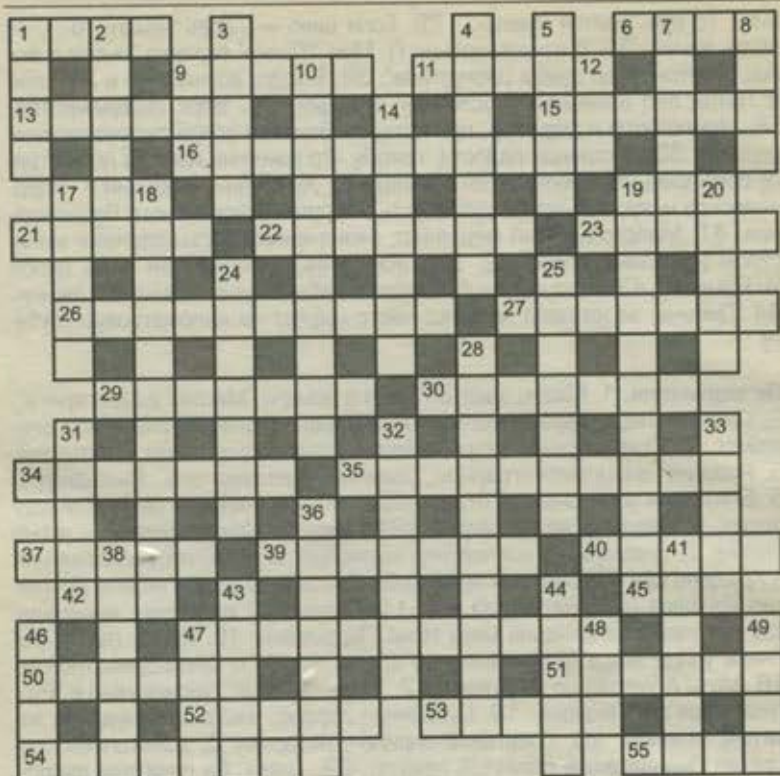
ние", то как "святое чувство". 29. Если вино — кровь земли, то ... — плоть земли. 31. В стихотворении Л. Мея "Фринз" героиня "пышных волос золотое ... до земли распустила". 32. Блюдо, возникшее в XIV веке в Литве под влиянием "восточной" гвардии. 34. Верх совершенства. 36. Композитор и дирижер, при котором Венская опера пережила свой расцвет. 38. "Источник радости, потому что грешник пьет из него отраду помилования" (Феофан Затворник). 40. Художник, введший в нидерландское искусство новую духовность и формы итальянского Возрождения. 41. Малограмотный машинист, назначенный большевиками министром железных дорог. 42. Вид искусства, который так и не дался И. Нрылову. 43. Ярко-зеленый минерал, добываемый только в Швеции. 44. Добыча, за которой кашалот часто ныряет на километровую глубину.

По вертикали. 1. Месяц ареста Иешуа в романе "Мастер и Маргарита". 2. Писательница, первая женщина, ставшая членом Французской академии. 4. Фольклорный зверь, символ плодородной силы у латышей. 5. Русский экономист-аграрин, первый председатель Льноцентра. 6. Близкая к уничтожению птица, азиатско-африканский символ плодородия. 7. Пароход, на котором в 1913 году Ф. Нансен плавал к устью Енисея. 8. Знаменитый английский журналист, в 1950 году написавший о Хрущеве как о вероятном преемнике Сталина, а за две недели до снятия Хрущева предсказавший это. 11. Грузинский художник, восемьдесят лет назад отрывший миру Нино Пирсmani. 15. Город, где на Военной улице жила М. Цветаева во время встреч с О. Мандельштамом. 16. Мать А. Чехова по сословию. 17. "Длинный стул", упомянутый в "Русском лесе" Л. Леонова. 19. Пустынное дерево, часто с причудливо извитым стволом. 20. Советский скрипач, которому Д. Шостакович посвятил Двенадцатый струнный квартет. 22. Трава. Ее почитали пророк Моисей и псалмопевец Давид. 23. Модный в 30-е годы уанстеп. 30. Любимое стеклянное украшение у женщин средневековой Руси. 31. Самый страшный внутренний враг человека. 33. Главный кормилец Энеидора, памятник которому стоит в Нито. 34. Непроизносимое у иудеев имя Бога в чтении христианских богословов. 35. Инструмент, называемый музыкантами роялем с недостатком: он постоянно сопит. 37. Самый прочный и твердый лантаноид. 39. Украшение на женской щече. ■

ОТВЕТЫ НА "ЭРУДИТ", НАПЕЧАТАННЫЙ В № 6

По горизонтали. 4. Жирши. 9. Каторга. 10. Рубль. 11. Добро. 12. Оннобелон. 13. Парча. 17. Лесси. 18. Базальт. 21. Исая. 23. Ерша. 24. Эвакуатор. 25. Цикл. 26. Ясли. 27. Горлохвост. 28. Неон. 30. Басё. 31. Нортроп. 32. Гоген. 36. Лилия. 38. Ходасевич. 39. Югнол. 40. Запой. 41. Чигорин. 42. Артха.

По вертикали. 1. Цакни. 2. Воробей. 3. Агрессивность... 5. Изон. 6. Шарф. 7. Щупанье. 8. Ульчи. 11. Дог. 14. Маратхи. 15. Разочарование... 16. Гиацинт. 17. Лаоноон. 19. Тристан. 20. Василен. 22. Сколиоз. 29. Новинов. 30. Бенетов. 33. Мираб. 34. Вол. 35. Физин. 37. Угар. 38. Хоох.



КРОССВОРД

По горизонтали. 1. Постройка для борзых и гончих в имении Троекурова (А.Пушкин. "Дубровский"). 6. Традиционная женская одежда. 9. Болезнь, погубившая командора В.Беринга. 11. Стрелок из луна Лонсли по социальному положению (В.Скотт. "Айвенго"). 13. Вагон и маленькая тележка (вторая по сути). 15. Человек, часто хлопающий веками. 16. День, помеченный каиновой печатью. 17. Дьявольское отродье. 19. Австралийский страус. Самец, насиживая яйца, теряет треть веса. 21. Сладость, которую в Иране готовят нандалатчи. 22. Понур, водосливный порог, водобой, рисберма (совокупное название частей плотины). 23. Символ воинской чести. 26. Стол в левом углу алтаря. 27. Тренер и секундант М.Ботвинника на чемпионатах мира. 29. Бумажная печать в пушкинские времена. 30. Негритянский писатель США. 34. Обрядовая прорубь на Руси. 35. Доска, на которой английский король Карл I вел "бескровные сражения". 37. Деталь одежды, какой нет у ни-

летни. 39. Инструмент в снаряжении альпиниста. 40. Хищник, чья смелость, как считал Д. Ливингстон, похожа на отвагу индюка. 42. Человек с поганым языком. 45. "Я фольклорный элемент, у меня есть документ, я вобще могу отседа улететь в любой момент!" (Л. Филатов. "Про Федота-стрельца, удалого молодца"). 47. Знахарство, колдовство. 50. Самоцвет, которого в санносе патриарха Никона был целый пуд. 51. "Шерсть, растущая на деревьях", как утверждал Геродот. 52. Интрига. 53. Разряд игральных карт. 54. Неудачный удар в бильярде. 55. Мушкетер, друг д'Артаньяна.

По вертикали. 1. "Паровозный сарай". 2. Ржавчина как химическое соединение. 3. Прием пиццинато в переводе на русский. 4. Французский писатель, сказавший: "Работа избавляет нас от трех великих зол: скуки, порока и нужды". 5. Штраф в преферансе. 7. Опера Д. Пуччини. 8. Имя Олениной, которой А. Пушкин посвятил стихотворение "Я вас любил..." 9. Ручной молотильник. 10. Жительница крупнейшего в мире острова, где добывают криолит. 12. Оконечность реи. 14. Полонез без музыки. 17. Стоящее на Сене судно, где живет киноактер П. Ришар. 18. Най Юлий Старохамский утверждал, что в Советской России "сумасшедший дом — это единственное место, где может жить нормальный человек. Все остальное — это ..." ("Золотой теленок"). 19. Опыление растений с помощью насенных. 20. Голова, мудрец. 24. Постройка, перепутанная волком из басни И. Крылова с псарней. 25. Чувство, лишующее покоя. 28. Зимний съедобный гриб, похожий на опенок. 31. Одно из русских названий тулупа, шубы. 32. Белое пятно на лбу собаки — звездочка, на груди — манишка, на лапах — ... 33. Кандая из бань музея в финской деревне Муурама. 36. Рельефные украшения в интерьерах и на фасадах зданий. 38. "Друг степей" (А. Пушкин). 41. Африканское государство, где живут копты. 43. Птица, каную в эпоху Возрождения часто изображали с мадонной. 44. Хвойное дерево для постройки троянского коня. 46. "Колочая" прическа. 47. Брат Гека в повести А. Гайдара. 48. Каждое дерево на переднем плане картины В. Васнецова "Богатыри". 49. Искусство давать всему истинную цену. ■

Составил **М. АКУЛИЧ**,

Омск

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 6

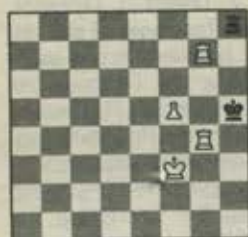
По горизонтали. 1. Юсуф... 6. Нача. 9. Обер. 10. Урга. 12. Назус. 14. Рубин. 15. Феодализм. 16. Ланца. 18. Елена. 20. Нитш. 22. Хаб. 24. Жнец. 26. Платина. 28. Гадюна. 29. Натрий. 30. Латимер. 31. Рилье. 32. Иволга. 33. Райграс. 36. Лиза. 38. Ман. 39. Твид. 43. Драна. 46. Рвань. 47. Бормотуха. 48. Надна. 49. Нинфо. 50. Волк. 51. Мазь. 52. Яшма. 53. Елка.

По вертикали. 2. Сезанн. 3. Фосфат. 4. Щегол. 5. Аршин. 6. "Нармен". 7. Чабрец. 8. Школа. 11. "Анчар". 13. Занят. 17. Цирюльник. 19. Лейтмотив. 21. Шпалера. 22. Хавтайм. 23. Бисмарк. 24. Жанрист. 25. Парик. 27. Цинга. 34. Галоп. 35. Эдинг. 36. Ландыш. 37. Забава. 40. Вранье. 41. Даннин. 42. Львов. 44. Брюль. 45. Шуман.



Под редакцией международного гроссмейстера **Виктора ЧЕПИЖНОГО**
VIII международный конкурс составления шахматных задач-миниатюр

73. Е. МАРКОВ
Саратов



2

74. В. МАРНОВИЙ
пос. Ильница, Украина



2

75. А. КОШЕЛЬНОВ
Псков



2

76. С. ТНАЧЕНКО
с. Приазовское, Украина



2

77. И. БОНДАРЕНКО
Могилев, Беларусь



2

78. Л. ЛЕБЕДЕВ
Бобруйск, Беларусь



2

79. В. ПИЛИПЕНКО
с. Зеленый Гай, Украина



2

80. В. КЛИПАЧЕВ
г. Приморско-Ахтарск



2

**81. В. ПИЛЬЧЕНКО,
В. ШАВЫРИН**
Россия



2

6) Лс4-а1 в) на2-с2

82. Ю. СУШНОВ
Санкт-Петербург



3

83. В. КОСТЕНКОВ
Ижевск



3

84. А. АЗОВ
Гомель, Беларусь



3

85. В. НОВАЛЕНКО
г. Большой Камень,
Приморский край



3

86. В. ИВАНОВ
пос. Повенец, Карелия



3

87. В. МАТЭВИШ
Старая Русса



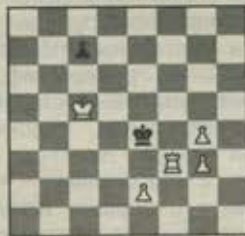
3

88. М. КАЛГИН
Воронеж



4

89. Ю. ФОКИН
Санкт-Петербург



4

90. М. ЧЕРНУШКО
Уссурийск



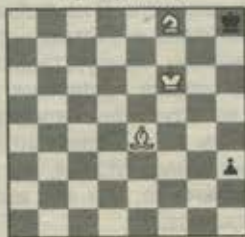
4

91. В. ГРЕБЕШНОВ
пос. Середка Пековской обл.



4

92. В. НОВАЛЕНКО
г. Большой Камень,
Приморский кр.



9

93. В. МОРОЗОВ
Москва



9



Натюрморт с крабом.

ЛЕОНИД ЗОРИН



Леонид владеет техникой офорта. Интересна его офортная серия с видами Москвы. В ней словно сплелись старина и современность. Непеческие особняки, нарядные, богато украшенные лепниной, аристократические дворцы в стиле барокко и ампир, и новостройки на окраинах, возникшие на местах снесенных деревень.

Леонид много путешествует. Когда возвращается в мастерскую, появляются новые живописные полотна, гравюры, офорты. На них — архитектурные памятники старинных русских городов, неприязательная, скромная природа Севера, птичьи базары, лежбища котинов на Камчатке. Все то, с чем сталкивался, что поразило, во что влюбился с первого взгляда. И рассказано об этом простым, реалистическим языком. Впрочем, художник считает, что главное в его работах — символический подтекст. "Если символ расшифровать словами, — говорит Леонид, — нет смысла его рисовать. Я не люблю прямых литературных соответствий и считаю, что в изображенном всегда должен присутствовать подтекст". Поразительно умение художника обычные вещи превращать во что-то фантазмагорическое, не важно — памятник ли это архитектуры, или старый пожелтевший лопух. Может, потому, что он всегда пишет только то, что ему интересно, что волнует и вдохновляет.

Леонид Зорин — архитектор. По его проектам воздвигнуты жилые дома, школы, коттеджи. И несмотря на то, что уже десять лет преподает в архитектурном институте, защитил кандидатскую, считает себя больше художником, чем архитектором. Его живописные работы разнообразны: портреты друзей и знакомых, сочные натюрморты, бунеты диких цветов, городские зарисовки.

Особенно мастерски

Людмила КАНДАЛОВА



Натюрморт с брамеей.

Некоммерческая организация
"Негосударственный пенсионный фонд"

"ЛУКОЙЛ-ГАРАНТ"

(Государственная лицензия № 11 от 27 октября 1995 года)

НПФ "ЛУКОЙЛ-ГАРАНТ" — один из ведущих в России негосударственных пенсионных фондов.

Учредители Фонда:

ОАО "ЛУКОЙЛ";

ОАО "Нефтяной фонд промышленной реконструкции и развития";

Международное объединение профсоюзных организаций ОАО "Нефтяная компания "ЛУКОЙЛ"



С 1997 года Фонд начал выплату негосударственных пенсий. В настоящее время пенсию получают пенсионеры, проживающие в 11 регионах России.

НПФ "ЛУКОЙЛ-ГАРАНТ" предлагает самые разнообразные пенсионные схемы для предприятий всех форм собственности и физических лиц.

Для защиты пенсионных накоплений от инфляции фондом производится индексация размера негосударственной пенсии на всем протяжении ее выплаты. С апреля 1999 года размер негосударственной пенсии Участников Фонда увеличен на 15%.

Наш адрес: 123022, Москва, ул. Красная Пресня,
дом 44, стр.2

Телефоны: (095) 929-95-21, (095) 929-95-22

Факс: (095) 929-95-20